
ЯМВЛИХ
SERIA
HELLENICA
СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ
Том III

ЯМВЛИХ

СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Санкт-Петербург
2020

ΤΟΜΟΣ Γʹ

Περὶ τοῦ πυθαγορικοῦ βίου

Προτρεπτικός εἰς φιλοσοφίαν

Ἐν Ἁγίᾳ Πετρουπόλει
2020

ЯМВЛИХ

СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ

Том III

Пифагорейское предание

О жизни Пифагора
и обычаях Школы

Увещевание к философии

* Приложение
Теологумены арифметики

Издательский проект «Квадривиум»

Санкт-Петербург
2020

УДК 091
ББК 87
Я54

Перевод с древнегреческого *Клаудио Наполи, Т. Г. Сидаша*

Редактор *С. Д. Сапожникова*
Составитель *Т. Г. Сидаш*

Я54 **Ямвлих. Собрание творений в 4 томах.** Т. 3. Пифагорейское предание. — СПб.: Издательский проект «Квадривиум», 2020. — 432 с.

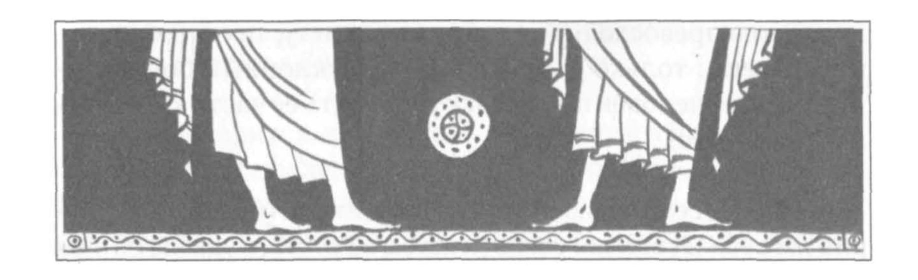
ISBN 978-5-7164-0999-6

Ямвлих Халкидский (ок. 250 — ок. 325) одними исследователями считается учеником Порфирия и третьим большим философом неоплатонической школы, другими — последователем александрийских неопифагорейцев и перипатетиков, имеющим лишь внешнее отношение к школе Плотина.

В начале четвертого века он обосновал при святилище Аполлона в Дафне близ Антиохии лучшую философскую школу своего времени. Его творчество решающим образом повлияло на мировоззрение императора Юлиана и легло в основание афинской школы неоплатонизма, завершившей традицию античного философствования.

Настоящее собрание представляет собой первую в отечественной практике попытку свести в одном издании все сохранившиеся творения мыслителя.

Третий том составили произведения, представляющие собой Священное Предание пифагорейской школы, как оно существовало в малоазийских провинциях Империи IV в. по Р. Х.

О ЖИЗНИ ПИФАГОРА И ОБЫЧАЯХ ШКОЛЫ[1]

I. БОЖЕСТВЕННЫЙ ИСТОК ФИЛОСОФИИ ПИФАГОРА

1.1. Призыв к Богу. Божественность Пифагора. 1.2. Пифагорейская философия от богов, и благодаря богам понимается. 2.1. Боги-водители. 2.2. Упадок школы. 2.3. Переход к жизни Пифагора.

1. (1.) В порыве (ὁρμῇ) ко всякой философии, полагаю, все рассудительные люди обычно призывают Бога[2], и тем более подобает творить это тем, кто устремляется к философии Пифагора, которого справедливо полагают и называют божественным.

2. Ибо если эта философия была передана [нам] от богов, то с самого начала не была в [нас] иначе как благодаря пониманию [приходящему от] богов[3]. Ибо и красота ее,

---

[1] Перевод выполнен по изданию: JAMBLICH ΠΕΡΙ ΤΟΥ ΠΥΘΑΓΟΡΕΙΟΥ ΒΙΟΥ /// Pythagoras: Legende – Lehre – Lebensgestaltung. Stuttgart, 2002.

[2] Ср.: Платон. *Тимей*, 27с.

[3] θεῶν ἀντιλαμβάνεσθαι.

и величие превосходят человеческую силу, так что вдруг ее не поймешь: только если некий благосклонный бог истолкует, может человек понемногу усваивать ее часть за частью, в покое (ἠρέμα).

2. (2.) Посему, призвав богов в водители (ἡγεμόνας)[4] и вверив им себя и свой логос, последуем за ними, куда бы они ни повели,

2. не принимая в расчет, что уже давно эта школа в пренебрежении, что прикрыта чуждыми учениями и запретными символами, что многими ложными и ублюдочными[5] писаниями затенена, что многие такие вот трудности по рукам и ногам вяжут (παραποδίζεσθαι). Ибо воли богов нам достаточно, <6> чтобы суметь выдержать и это, и еще более трудное.

3. После же богов поставим основателя и отца божественной философии, сказав сперва немного о его роде и отечестве.

II. ВОЗВЕЩЕННЫЙ ПИФИЙЦЕМ. ЭФЕБ КОМЕТА

1. Анкей ойкист самосский. Происхождение колонистов. 2.1. Оракул, данный Анкею. 2.2. Аргумент в пользу такого именно происхождения колонистов. 2.3. Происхождение родителей Пифагора из дома Анкея. 3.1. Поэтическое свидетельство о происхождении Пифагора от Аполлона. 3.2–4. Пророчество Аполлона о происхождении Пифагора. 5.1. «Возвещенный Пифийцем». 5.2–6. Богосыновство Пифагора: против богозачатия, за родственность душ. 7.1. Строительство отцом Пифагора храма. 7.2. Креофил и Ферекид — первые учителя Пифагора. 8. Божественный отрок. 9.1. Эфеб Комета. 9.2. Бег-

[4] Эти боги-водители должны пониматься не как «фюреры» граждан-солдат, но как «игумны» братьев-монахов.

[5] Возможно, в смысле: подписанными не именами их истинных авторов.

ство от тирании Поликрата в Милет. 10. Фалес посылает Пифагора учиться в Египет.

1. (3.) Говорится, что Анкей[6], обитавший в [городе] Саме[7] на [острове] Кефаления[8], происходил от Зевса; эта молва пошла о нем либо благодаря его добродетели, либо благодаря некоему величию души; рассудительностью и расчетливостью отличался он от других кефаленцев. Потому было дано ему прорицание Пифии собрать переселенцев из Кефалении, Аркадии и Фессалии, присоединить к ним колонистов из Афин, Эпидавра и Халкиды и, возглавив их всех, заселить остров, который благодаря плодородию почвы назывался Меламфилл[9], и назвать полис Самосом по Саме в Кефалении.

2. (4.) Вот каков был данный оракул:

Ἀγκαΐ', εἰναλίαν νῆσον Σάμον ἀντι Σάμης σε
οἰκίζειν κέλομαι· Φυλλὶς δ' ὀνομάζεται αὕτη[10].

2. Верным же признаком того, что поселение было сведено из жителей вышеназванных мест, являются не только воздаваемые богам почести и жертвы (поскольку они бывают [в новооснованных полисах] переняты из тех мест, откуда пришла бо́льшая часть собравшихся в них мужей), но и узы родства и браки, которые заключают самосцы [с жителями вышеупомянутых мест].

---

[6] Согласно Аполлонию Родосскому (*Аргонавтика*, I. 188), один из участников похода аргонавтов.

[7] Современный Сами; во времена Гомера столица острова.

[8] Самый большой из Ионических островов.

[9] Темнолистый, т. е. покрытый темной (или темнеющий) листвой.

[10] О Анкей, морской остров Самос вместо Самы тебя
Заселить призываю; Филлис (Лиственный) именуется он.

3. Итак, говорят, что родители Пифагора — Мнемарх и Пифаида <7> — были из дома и семьи, происходивших от Анкея, основателя поселения [Самос на Меламфилле].

3. (5.) Хотя граждане [Самоса] говорят о таком именно благородном происхождении [Пифагорова дома], некий поэт с Самоса производит [философа] от Аполлона, говоря так:

Πυθαγόραν θ', ὃν τίκτε Διὶ φίλῳ Ἀπόλλωνι
Πυθαΐς, ἣ κάλλος πλεῖστον ἔχεν Σαμίων.[11]

Следует рассказать, почему это мнение возобладало.

2. Когда самосец Мнемарх[12] вместе со своей женой, чья беременность еще не была видна, оказался по торговым делам в Дельфах, он вопросил Пифию о [предстоящем ему] плавании в Сирию, она же возвестила ему, что оно пройдет наилучшим образом и будет прибыльным, что жена его уже беременна и родит ему дитя, которое превзойдет красотой и мудростью когда-либо [живших] и будет величайшим помощником человеческому роду во всей его жизни.

4. (6.) Мнемарх же сообразил, что раз он не вопрошал о ребенке, то и бог не стал бы пророчествовать о нем, если только не будет он обладать исключительным истинно богоданным[13] превосходством. И тогда переменил Мнемарх имя жены своей из Парфенида в Пифаида по [имеющему родиться] сыну и пророчице.

---

[11] Пифагора же рождает Диеву сыну Аполлону
Пифаида, которая красива более всех самиянок.

[12] У Порфирия, Диогена Лаэртского и других авторов — Мнесарх. Если верить Порфирию, Неанф (*Мифика*, кн. 5) считает его уроженцем Тира Сирийского.

[13] То есть данным Аполлоном.

5. (7.) Когда же в Сидоне Финикийском разрешилась она от бремени, нарек он сыну имя Пифагор[14], поскольку Пифиец прорек ему о нем.

2. Ибо здесь до́лжно отвергнуть нам Эпименида, Евдокса и Ксенократа[15], предполагавших, что Аполлон соединился тогда с Парфенидой, и таким образом она стала беременной, а он предвозвестил [рождение своего сына] через пророчицу. Этого принимать никоим образом не до́лжно.

6. (8.) Однако в том, что душа Пифагора — из Аполлонова полка (ἀπὸ τῆς Ἀπόλλωνος ἡγεμονίας)[16]: или будучи его спутницей[17], или находясь <8> в еще более близком родстве с этим богом, была послана к людям, — в этом никто, наверное, не усомнится, зная о ее рождении и всевозможной мудрости. Столько вот о рождении [Пифагора].

7. (9.) После того, как Мнемарх возвратился на Самос из Сирии с огромной прибылью и прочным достатком, воздвиг он храм Аполлону, посвятив его Пифийцу.

2. Сыну же он дал разнообразное и наидостойнейшее воспитание, [учился он] и у Креофила[18], и у Ферекида с острова Сирос[19], и почти всем первенствующим иереям вверял его и отдавал [в наставление отец], чтобы и в вещах божественных тот, по возможности, был обучен изрядно. Пифагор же возрастал, и из тех, о чьей красоте в этих летах рассказывали, был самым изящным и боголепным.

---

[14] Буквально: Возвещенный Пифийцем (т. е. Аполлоном Пифийским).

[15] Об Эпимениде и Евдоксе см.: Диоген Лаэртский (I. 115 и VIII. 90). Ксенократ — ученик Платона, автор *Пифагорейских вопросов*.

[16] Вариант: Аполлонова водительства.

[17] Ср.: Платон. *Федр*, 246e–248c.

[18] Ср.: Порфирий. *Жизнь Пифагора*, гл. 1.

[19] Ферекид Сиросский — один из первых греческих философов, современник семи мудрецов — «первым написал о природе и происхождении богов» (Диоген Лаэртский, I. 116).

8. (10.) По смерти же отца стали превозносить его как самого достойного и в высшей степени целомудренного (σωφρονέστατος)[20], так что еще будучи юным он встречал уже всякое уважение и почтение со стороны старейших (πρεσβυτάτων)[21]; все, кто видел его или слышал, обращались к нему, и кто бы ни бросил на него взгляд, всем он являлся удивительным (θαυμαστὸς)[22], так что многие не без основания считали, что он есть сын бога. Он же — ободряясь и благодаря этой славе, и благодаря полученному в отрочестве воспитанию, и от природной боговидности, — еще более напрягал себя быть достойным этих очевидно присутствующих преимуществ: упорядочивал себя богослужением, науками и особым укладом жизни, постоянством души и сдержанностью тела, почему и говорил он, и поступал с безмятежностью и некой неподражаемой ясностью души, никогда не попадался в силки ни гнева, ни смеха, ни зависти, ни любви к спорам, ни иного какого волнения или непостоянства, словно некий благой даймон поселился на Самосе.

9. (11.) Потому-то, когда он еще <9> был эфебом[23], великая слава его достигла мудрецов: в Милете Фалеса и в Приене Бианта, распространилась по соседним полисам, так что, обожествляя и умножая его известность, множество людей славили юношу с Самоса, чье прозвище Комета[24] уже стало нарицательным.

2. Как только возросла тирания Поликрата[25], будучи в возрасте около восемнадцати лет, он, прозрев какой она

[20] Диапазон смыслов — от самообладания и благоразумия до воздержности и послушания.

[21] Возможно, старейшин.

[22] Не без оттенка: странным, непонятным.

[23] То есть юноша в возрасте 16–18 лет.

[24] Длинноволосый, Косматый, Кудрявый, Цветущий.

[25] В 538 г. до н. э. О Поликрате ср.: Геродот. *История*, III. 43.

примет оборот и что воспрепятствует она намерению [его жизни] и ревностной любви к знанию, которая была для него превыше всего, ночью скрытно [бежал из своего отечества] вместе с Гермодамантом, прозывавшимся Креофиловым, поскольку говорили, что он происходил от Креофила, гостеприимца поэта Гомера, ставшего другом и учителем всех [людей] — с этим вот Гермодамантом и переправился Пифагор [на азиатский берег] в Милет к физику Анаксимандру и Фалесу.

10. (12.) Бывая у каждого из них и пообщавшись с ними по очереди, он стяжал любовь всех; они удивлялись его природе и сделали общником своих слов. Фалес принял его приветливо, удивился его отличию от других юношей, которое было велико и превосходило летящую впереди него славу; он передал ему, сколько мог, знаний, виня свою старость и <10> немощь, побудил его переплыть в Египет, чтобы в Мемфисе и особенно в Диосполе соединился Пифагор со священниками, ибо и сам он получил от них то, благодаря чему считался у большинства мудрецом. Он сказал, что сам не обладает ни по природе, ни благодаря аскетике столькими преимуществами, сколько видит он в Пифагоре, и если тот вступит в общение с названными священниками, будет и сам в высшей степени божественен, и несравненно мудрей всех людей, чтобы всячески благовествовать.

III. ЯВЛЕНИЕ АПОЛЛОНА В ПИФАГОРЕ. ПЕРВЫЕ ОБРАЩЕННЫЕ

1.1. Наставления Фалеса. 1.2. Отплытие Пифагора в Сидон. 2.1. Общение с Мохом, посвящения в таинства в Библе, Тире и Сирии. 2.2. Финикийские иереи суть потомки египетских; отправление в Египет от Кармеля. 2.3. Пиратские замыслы

моряков. 3.1. Изменение их под влиянием вышечеловеческой красоты Пифагора. 3.2. Чудо Пифагора на горе Кармель. 4.1. Поведение Пифагора на судне. 4.2. Успех плавания. 4.3. Обращение матросов; прибытие в Египет. 5. Жертвоприношение Пифагору на берегу.

1. (13.) Наставил его Фалес и относительно других вещей: более всего беречь время и того ради с винопитием, мясоядением, а еще важнее — с многоядением расстаться и, получив вкус к легкой, хорошо усваиваемой пище, приобрести благодаря этому короткий сон, чуткость (ἐπεγρίαν)[26] и душевную чистоту, здоровье наипрочнейшее и непреклонность тела [к болезням];

2. [восприняв такой урок,] отплыл Пифагор в Сидон, ибо знал, что это его природное отечество[27], и справедливо считал, что оттуда ему легче будет переправиться в Египет.

2. (14.) Здесь [в Сидоне] он встретился с физиологом[28] и пророком Мохом[29], а также другими финикийскими иерофантами, принял посвящение во все <11> мистерии, в Библе и Тире и многих частях Сирии особым образом священнодействуемые[30]: не суеверия ради испытав это, как — скользя по верхам — может предположить кто-нибудь, но куда более благодаря любви (ἔρωτι) и стремлению к созерцанию, и из опасения, как бы не осталось сокрытым от него что-то, достойное знания, в тайных культах (ἀπορρήτοις) и мистериях богов.

---

[26] Варианты: зоркость, бдительность.

[27] Т. е. он там был рожден.

[28] Т. е. натурфилософом: человеком, изучающим природу.

[29] Мох (XII в. до н. э.) считался древними создателем финикийской космогонии и учения об атоме.

[30] Евсевий (*Приготовление к Евангелию*, I. 10, 8, 38–39), цитируя Филона Библского, утверждает, что греческие мистерии произошли от финикийских.

2. Узнал он к тому же, что живут [и служат] здесь переселенцы и потомки египетских иереев, потому-то — в надежде стать причастным еще более красивым, божественным и неповрежденным посвящениям в Египте, радуясь назиданию своего учителя Фалеса — он без промедления переправился туда благодаря каким-то египетским корабельщикам, в добрый час приставшим к берегу у горы Кармель в Финикии, где Пифагор много раз уединялся в храме;

3. довольны же они были, когда он взошел на борт, ибо видели цветущие годы [юноши] и надеялись извлечь немалую выгоду, продав его.

3. (15.) Потом же, во время плавания — поскольку держал он себя твердо, достойно и соответственно [обстоятельствам], обходился же с ними как с друзьями детства (συντρφῳ), — отношение к нему стало лучше: они увидели в благовоспитанности *ребенка* (παιδὸς εὐκοσμίᾳ)[31] нечто большее того, что согласно человеческой природе;

2. вспомнили же и то, что когда они отдали якорь, то тут же его и увидели спускающимся с вершины горы Кармель[32] — они знали, что это самая святая из гор и для многих [людей] неприступная[33], — он же шел не спеша и не оглядываясь: ни пропасть, ни отвесная скала не останавливали его, а приблизившись к кораблю, он сказал: «в Египет идет?»; когда они ему согласно кивнули, он взошел на корабль и молча сел там, где меньше всего мог помешать <12> мореплавателям.

4. (16.) В течение всего плавания он оставался в одной и той же позе; две ночи и три дня он не принимал ни пищи,

---

[31] Ямвлих определенно играет здесь с божественными образами и именами; буквально восемнадцатилетний Пифагор ребенком быть назван никак не может.

[32] Гора Кармель считалась посвященной Зевсу (там находился его храм).

[33] С оттенками: заповедная, запретная и непроходимая.

ни питья и не спал, разве что — сидя, незаметно для всех, на мгновение засыпал, сохраняя невозмутимость;

2. плавание, превыше всех надежд, шло постоянно[34], корабль двигался прямым курсом [при попутном ветре], как если бы на нем присутствовал некий бог[35];

3. сложив такие вот вещи вместе, матросы сообразили, что с ними из Сирии в Египет путь держит божественный даймон; оставшуюся часть плавания экипаж провел в благоговейном страхе, общаясь с ним и друг с другом куда более высокими словами и жестами, нежели у них принято, пока — завершив это в высшей степени счастливое и безбурное на всем протяжении плавание — корабль не достиг египетского берега.

5. (17.) Там, сходя с корабля, они благоговейно передавали его из рук в руки и усадили на чистейший песок, на скорую руку соорудили они перед ним некий алтарь, возложили на него, как начатки урожая, плоды[36], отобрав их из своего груза, после чего корабль пошел далее, куда и направлялся. Он же, имея тело ослабленное толиким голодом, не противился при высадке ни когда моряки его поддерживали, ни когда вели под руки; когда же они оставили его, он не стал долго воздерживаться от лежавших перед ним плодов, но, вкусив с пользой и подкрепив силу, безопасно добрался до ближайших поселков, сохраняя безмятежный и благожелательный настрой (ἦθος).

---

[34] Т. е. не приходилось пережидать шторма в бухтах.

[35] Ср.: *Гимн Аполлону*, ст. 20–332 (путешествие Аполлона на критском корабле).

[36] ἀκροδρύων, т. е. плоды в жесткой оболочке — орехи, каштаны.

IV. ЕГИПЕТ И ВАВИЛОН

1–2.1. Обучение в Египте. 2.2. Вавилонский плен Пифагора; возвращение на Самос.

1. (18.) С этих пор ходил Пифагор во все святые места [Египта]; с величайшей ревностью и тщанием предавался он исследованию (ἐξετάσεως), вызывая восхищение <13> и любовь у священников и пророков, с которыми общался; с величайшей заботливостью узнавая всякую деталь, не упускал он ни рассказов, самих по себе достойных похвалы, ни мужей, прославленных своим знанием, ни посвящений — где бы то и когда бы то ни было чтимых; равно и мест [священных] без внимания не оставлял, но, придя, искал услышать что-то сверх [уже ему об этих местах известного]. Потому-то и повстречался он со всеми иереями, беря у каждого что-то полезное из того, в чем каждый был мудр[37].

2. (19.) Двадцать два года провел он в святилищах Египта, занимаясь астрономией, геометрией, принимая — не наскоками и не как попало — посвящение во все божественные таинства,

2. пока не попал в плен к людям Камбиса[38] и не был уведен в Вавилон. Там он радостно общался с обрадованными [им] магами[39] и научился от них вещам высоким (σεμνὰ), в совершенстве выразумел службу божью, науку о музыке и числе, равно и в других знаниях дошел до последних высот — так и провел он у них, однако, двенадцать лет; вернулся же на Самос где-то пятидесяти шести лет уже.

---

[37] У Порфирия (*Жизнь Пифагора*, гл. 7–8) и Диогена Лаэртского (VIII. 3) этот сюжет изложен иначе.

[38] Камбис II, сын Кира II — персидский царь с 529 по 522 г. до н. э. Египет он завоевал в 525–524 гг.

[39] Здесь: персидскими жрецами.

V. САМОС И ЭЛЛАДА. ПЕРВЫЙ УЧЕНИК

1–2.1. Восхищение самосцев красотой Пифагора и неприятие его как учителя. 2.2–6.1. Приобретение хитростью первого ученика – Пифагора, сына Эратокла. 6.2. Служба у «бескровного» жертвенника Аполлону Родителю. 6.3. Путешествия по Элладе; возвращение на Самос. 7. «Полукруг Пифагора». 8. Пещера Пифагора; создание астрономии как науки.

1. (20.) [Дома же] узнали его те, кто постарше, и удивились не меньше, чем прежде, ибо явился он им еще красивее, мудрее и в большем божьем величии: от лица государства он был призван позаботиться обо всех согражданах и передать им то, что у него на душе[40]; он не противился и стремился устроить обучение символическим способом, во всем подобным тем, каким его учили <14> в Египте; не слишком понравился самосцам этот метод, они не восприняли Пифагорова воспитания гармонично и с надлежащей серьезностью.

2. (21.) Никто не приходил к нему, никто действительно (γνησίως)[41] не стремился к знаниям, которые он всеми способами пытался насадить у эллинов. Он же, не презирая и не унижая Самос, поскольку тот есть его отечество, желал всем сердцем, чтобы его соотечественники вкусили красоты знаний — пусть и не благодаря собственному побуждению, но благодаря его замыслу и методу.

2. Однажды, глядя на ловкость и быстроту, с какой в гимнасии играет в мяч некий увлекавшийся гимнастикой и телесными упражнениями [юноша], в остальном же бедняк и того хуже, он решил, что тот будет послушен, если окажется сполна снабжен средствами к существованию и не будет больше о них заботиться.

[40] μεταδιδόναι τῶν ἐνθυμίων.

[41] Варианты: добросовестно, естественно, благородно, чистосердечно.

После того, как молодой человек вымылся [после игры], Пифагор подозвал его и предложил ему достаточные средства для поддержания тела и обстоятельную заботу, если тот мало-помалу, бесхлопотно и непрерывно, чтобы не быть навьюченным всем сразу, усвоит некоторые знания, которые сам он получил от варваров, будучи еще юн, и которые сейчас утрачивает по причине старости и свойственной ей забывчивости.

3. (22.) Юноша согласился в надежде на выгоду; он же решил попытаться научить его посредством чисел и привести к геометрии, показывая каждый [из элементов] на абаке и [затем] объясняя всю изображенную фигуру; платил он юноше по окончании трудов [всякий раз] три обола[42]. Он делал так долгое время, ревностно и с честолюбивой щедростью; посредством наилучшего устройства [занятий] он приводил его к созерцанию и за каждую понятую им фигуру доплачивал ему [отдельно] по три обола.

4. (23.) Когда же юноша, ведóмый надлежащим путем, уже начал обретать превосходство, <15> удовольствие и способность к умозаключению в [изучаемой им] науке, мудрец — видя происходящее и понимая, что ученик его уже добровольно не отступится и не прекратит учиться, что бы ни случилось, — произвел себя в бедняка, затрудняющегося относительно трех оболов.

5. (24.) Ученик его говорит: «И без них, однако, могу учиться и наследовать твои знания», —

а Пифагор ему: «И сам уже не имею, чем пропитаться; дóлжно нам прерваться, чтобы доставить мне себе потребное на каждый день: не хорошо отвлекаться от хлеба

[42] Одна монета (что-то вроде советской «трёшки»): дневное жалованье солдата морской пехоты, члена суда или народного собрания.

насущного ради абака и [какого-то] напрасного, не приносящего пользы труда».

На что юноша, с трудом отрывавшийся от продолжения созерцания, сказал: «Доставлю тебе всё это и позабочусь о тебе, как аист заботится о своих родителях: за каждую фигуру воздам и я тебе по три обола».

6. (25.) С этого момента он был так поглощен науками, что один только из самосцев и покинул [отечество] вместе с Пифагором; был это тезка Пифагору, сын Эратокла. От него дошли книги по искусству умащения[43] и наставления атлетам есть мясо вместо сушеных смокв, которые неверно относят к Пифагору, сыну Мнемарха.

2. Говорится, что где-то в это время Пифагор изумил делосских людей (περὶ τὴν Δῆλον)[44], придя к жертвеннику Аполлона Родителя[45], называемому «бескровный», и совершив там богослужение.

3. Отсюда он отправился по всем прорицалищам. Живал он и на Крите, и в Спарте — законов их ради[46]. Услышав о всех них и познав их, он, вернувшись домой, устремился к отложенным [до поры] <16> исследованиям.

7. (26.) В первую очередь устроил он в городе школу (διατριβὴν), называемую еще и поныне «Полукруг Пифагоров»; и поныне совещаются там самосцы о делах общества, полагая, что до́лжно совершать исследования о вещах красивых,

---

[43] Атлеты древности перед началом борьбы умащали тело оливковым маслом.

[44] Буквально: тех, кто вокруг Делоса; имеются в виду, вероятно, священство, пророки, почитатели храма и оракула.

[45] Γενέτορος.

[46] Законодательство Крита считалось образцовым: его заповедал Минос, первый царь Крита, раз в девять лет беседовавший с Зевсом в пещере горы Ида (Платон. *Законы*, 624а). Что же касается законов Ликурга, то Платон опирался на них, создавая законы для своего идеального государства.

справедливых и полезных в месте, которое обустроил человек, деятельно заботившийся о всех них.

8. (27.) Вне же города создал он пещеру для домашнего своего философствования[47]. В ней он провел много дней и ночей, отыскивая полезное в науках; направление его мыслей было то же, что и у Миноса, сына Зевса. Далеко он превзошел тех, кто позднее пользовался его [Миноса] учением: они, едва видя, весьма превозносились; Пифагор же, полностью овладев наукой о небесных [движениях], укрепил и оградил ее совершенными арифметическими и геометрическими доказательствами.

VI. ОТЪЕЗД В ИТАЛИЮ. ПЕРВАЯ ПРОПОВЕДЬ. ПЕРВАЯ ШКОЛА

1. Всеэллинская слава Пифагора. Его отъезд в Италию; возможные причины отъезда. 2–3.1. Школа в Кротоне; философы и акусматики. 3.2. Первая проповедь. «Дом общего слушания». Пифагорейский полис. 3.3. Общность имущества. Почитание Пифагора в чине даймона. 3.4–4.1. Ранние пифагорологические учения: ипостаси Аполлона, лунный даймон, олимпийский бог, разумное существо, не сводимое ни к богу, ни к человеку. 4.2–5. Благодеяния Пифагора своим ученикам: теология, астрономия, знание о природе, политика, этика.

1. (28.) Совершённому же им потом следует удивляться еще более. Ибо тогда философия уже весьма преуспела; вся Эллада удивлялась им; избранные, лучшие и самые философичные [мужи] приезжали ради него на Самос, желая

---

[47] οἰκεον τῆς αὑτοῦ φιλοσοφίας; возможный перевод: чтобы философствовать в одиночку.

стать общниками его пайдейи[48], сограждане же влачили его во все посольства и принуждали участвовать во всех литургиях; видя, что тяжело повиноваться законам отечества и продолжать философствовать, и потому те, кто философствовал прежде, <17> провели жизнь свою в чужих краях, он поразмыслил над этим сам с собой — и убежал от государственнического недосуга (πολιτικὰς ἀσχολίας) (по причине — говорят некоторые — презрения жителей Самоса к пайдейе), уехал в Италию, считая что его отечество — земля, где есть много людей, желающих и способных учиться.

2. (29.) Сначала он жил в наиславнейшем граде Кротоне, где имел много ревностных последователей (ζηλωτάς) — рассказывают, что там он имел шестьсот человек, подвигнутых им не только к философии, которую он преподавал им, но и к так называемому общежительству (κοινοβίους), которое он предписывал,

3. (30.) эти вот [отважившиеся на изменение образа жизни люди как раз и назывались *философы*, многие же другие слушавшие, назывались *слушатели*, «акусматики»] —

2. так что по приезде в Италию только на первое и общедоступное его выступление, говорят, собралась толпа в две тысячи человек, и они принялись [за дело философии] столь ревностно, что уже не ушли домой, но все вместе с детьми и женщинами воздвигли некий грандиозный [дом] «общего слушания» (ὁμακοεῖον) и, образовав полис, заселили[49] всю так называемую Великую Грецию[50]. Приняв от него законы и предписания (προστάγμα), словно божествен-

[48] Оставляю это специфическое слово без перевода: оно обозначает разом интеллектуальное образование, нравственное воспитание и в широком смысле культуру, дух образованности.

[49] Передаю этим оборотом греческое πολίσαντες.

[50] В «светской» истории так назывались греческие колонии в Южной Италии и на Сицилии.

ные установления, они ни в чем их не преступали, пребывая в единодушии со всем собранием [его] учеников (ὁμιλητῶν), будучи прославляемы и ублажаемы (μακαριζόμενοι)[51] людьми внешними.

3. Имущество сделали они общим, как было сказано <18> [Пифагором], и причислили Пифагора к богам, как некого даймона — благого и в высшей степени человеколюбивого[52].

4. Одни называли его Пифийцем, другие Аполлоном Гиперборейским[53], третьи — Пэаном[54], иные — одним из обитающих на Луне даймонов[55]; были и те, кто считал его одним из Олимпийских богов, говоря, что ради помощи и исправления смертной жизни явился он в эти дни в человеческом образе, чтобы наделить и обрадовать смертную природу спасительной искрой счастья и философии, и что блага большего, чем то, что даровано богами через Пифагора, не приходило [к людям] и никогда не придет. Потому и сейчас еще в широком употреблении поговорка о «Комете с Самоса».

4. (31.) И Аристотель в своем труде о пифагорейской философии[56] рассказывает, что в полной тайне от людей они сохраняли такое разделение: логосные живые существа — бог, человек, то, что как Пифагор. И во всех отношениях справедливо считали они его таким.

---

[51] Т. е. превозносимы, считаемы счастливыми, блаженными.

[52] Ср.: Платон. *Пир*, 202e.

[53] В Гиперборее, далеко на севере, по представлению древних, Аполлон жил с осени до весны, а гиперборейцы считались жрецами Аполлона.

[54] Пэан — бог еще ахейской эпохи; в дорическое время у Гомера он врачеватель богов (ср.: Гомер. *Илиада*, V. 401), позднее отождествлялся с Аполлоном и Асклепием.

[55] Об этих даймонах ср.: Порфирий. *О воздержании*, II. 38; Евсевий. *Приготовление к Евангелию*, IV. 5. 2.

[56] Сочинение Аристотеля *О пифагорейцах* не сохранилось (как и три других сочинения пифагорейского цикла: *О философии Алкмеона*, *О философии Архита* и *Из сочинений Тимея и Архита*).

2. Благодаря ему знали они о богах, героях, даймонах, космосе, всевозможных движениях звезд и сфер, об отклонениях (ἀνωμαλιῶν), застиланиях <19> и затмениях[57], эксцентритах[58] и эпициклах[59], и обо всем, что в космосе, о небе и земле и посредующих природах, видимых и невидимых. Благодаря ему в них входила истинная и приличная сущности мысль (ἔννοια), никоим образом не противодействующая ничему, являющемуся или постигаемому посредством рассудка (δι'ἐπινοίας); знания же, созерцание и наука в целом были подобны очетворению (ὀμματοποιὰ) души, поистине очищали ослепший от других занятий ум[60]. Это вот прививал он эллинам, чтобы они могли понять начала и причины сущностно целого.

5. (32.) Наилучшее государственное устройство, единство народа, «у друзей все общее», служба богам и почитание усопших, составление законов, пайдейа, безмолвие, бережное отношение к другим живым существам, самообладание и целомудрие, проницательность, божественная красота и другие блага — одним словом, для любящих знание всё явилось благодаря Пифагору заслуживающим любви и ревностного к себе отношения [среди его последователей]. Разумеется, из-за всего этого они, как я сейчас говорил, восхищались им чрезвычайно.

---

[57] ἐπιπροσθήσεων τε καὶ ὑπολείψεων.

[58] Предшественник современного понятия эксцентриситет. Элемент, характеризующий форму орбиты как эллиптическую, параболическую или гиперболическую.

[59] Элемент, позволяющий объяснить траекторию движения планет при геоцентрической системе: вспомогательная окружность, по которой движется планета, в то время как центр этой окружности движется вокруг Земли.

[60] Ср.: Платон. *Государство*, 527e.

VII. ЭТИКА И ПОЛИТИКА ПИФАГОРА

1.1 и 3. Задача нарисовать типологический образ. 1.2. Дух свободы. Законотворчество. Перечень полисов, получивших благодаря Пифагору независимость. 2.1. Умиротворение внутриполисной вражды. 2.2. Формула жизни по Пифагору.

1. (33.) После этого следует сказать, как он поселился [в Италии], с кем первым и что говорил, о чем и к кому. Ибо таким образом мы бы легко поняли и то, что было в его беседах, и то, как он проводил их в ту пору жизни.

2. Итак, говорится, что, обосновавшись в Италии и на Сицилии, он понял, что полисы порабощены друг другу: одни — давно, другие — недавно. Благодаря своим ученикам, происходившим из них, он наполнил их до краев духом (φρονήματος) свободы и сделал независимыми: Кротон и Сибарис, Катану <20> и Регий, Акрагант, Тавромений и некоторые другие, дав им законы через Харонда из Катаны и Залевка из Локр, благодаря которым эти города обрели прекраснейшие законы и были достойны зависти своих соседей еще очень долгое время.

2. (34.) Он полностью искоренил и раздор, и мятеж, и просто разномыслие не только среди людей знатных и их потомков во многих, как рассказывают, поколениях, но и в целом среди всех полисов Италии и Сицилии, как во внутренних их делах, так и в отношениях друг к другу.

2. Ибо постоянно всем и повсюду, обращаясь к многочисленным [собраниям] и малым [кружкам], произносил он малое слово, подобное увещевающему оракулу бога[61], бывшее кратким изложением его взглядов: «Всеми способами дóлжно бежать, отсекать огнем, железом и всеми иными орудиями от тела болезнь, от души невежество, роскошь (πολυτέλειαν) от чрева, мятеж от полиса, раздор от дома, от

[61] Имеется в виду Аполлон Дельфийский.

всех в целом [всякую] неумеренность». Этими словами он с нежной любовью напоминал каждому о наилучших догматах.

3. (35.) Общий тип его жизни в словах и поступках таков был в то время.

VIII. ОБРАЩЕНИЕ К ЮНОШАМ

1. Время прибытия Пифагора в Италию — 62-я Олимпиада. 2. Чудо о рыбах. 3–6.1 Обращение к юношам: почтение к старшим; уважать родителей более, чем себя. 6.2 Правила общения. 7–8.1 Проповедь самообладания. 8.2–10.1 Слово о пайдейе. 10.2 Любомудр, а не мудрец. 11. Заключение.

1. (35.) Если же до́лжно вспомнить по отдельности, что сказал и что сделал он, то следует говорить о том, что появился он в Италии в шестьдесят вторую Олимпиаду, на которой Эриксий из Халкиды победил в беге, что сразу же он прославился <21> и был окружен вниманием, как и прежде, когда приходил кораблем на Делос. Ибо там, всего лишь помолившись у алтаря Аполлона Родителя, который один только не обагрен [и сегодня] кровью, вызвал восхищение у жителей острова.

2. (36.) В то же время[62], когда он шел из Сибариса в Кротон, встретив на взморье рыбаков, с трудом тянувших из глубины обремененный [добычей] невод, сказал им, сколь велик будет улов, назвав точное число рыб. Они вопросили его, что прикажет он им сделать, если так оно и будет, — и он велел им вновь отпустить рыб, прежде точно пересчитав их. И еще удивительнее [того, что он знал это,] было то, что за

[62] Т. е. сразу по прибытии.

всё то время, пока их считали, ни одна из рыб, бывших вне воды, не издохла, будучи рядом с ним. Дав рыбакам цену улова, он ушел в Кротон. Те рассказывали о случившемся и, узнав от детей его имя, возвестили об этом всем. Слушавшие их пожелали видеть чужеземца, который охотно предстал перед ними. Взглянув на него, они были поражены его видом — тем, что каким они его представляли, таков он по истине и есть.

3. (37.) Спустя несколько дней он вошел в гимнасий. Когда юноши обступили его, он обратился к ним со словами, в которых советовал им серьезно и благосклонно относиться к старшим, показывая, что и в космосе, и в жизни, и в полисе, и в природе первоначальное ценнее, нежели производное во времени[63]: восход, <22> например, чтится более, чем закат; утро — более, чем вечер; начало — более, чем конец; рождение — более, чем смерть; подобным же образом и автохтоны чтимы более пришлых, лица властвующие[64] и жители метрополий — более колонистов; и вообще: боги — более, чем даймоны, даймоны — более, чем полубоги, герои — более людей, а из людей [более других] чтятся те, кто суть виновники рождения младших.

4. (38.) Он говорил это, дабы привести их к тому, чтобы они уважали родителей более, чем себя: «Дóлжно воздавать родителям столькую благодарность, сколькую воздал бы умерший тому, кто смог бы вновь вывести его на свет», — говорил он. И далее: «Справедливо любить и никогда не огорчать тех, кто больше всех других делал нам добро, причем в делах величайших. Одни только родители — как давшие нам существование — суть наши первые благодетели; причина всех достижений потомков есть предки; провозглашая,

[63] Эта мысль вообще характерна для древних. Ср.: Гесиод. *Труды и дни* (миф о «золотом веке»); Гораций. *Оды*, III. 6.

[64] ἡγεμόνας.

что они более чем кто бы то ни было благотворят нам, мы ничуть не погрешаем относительно богов. Потому-то естественна снисходительность богов к тем, кто почитает отцов не менее их самих, что и почитанию божества научились мы от отцов.

5. (39.) Потому и Гомер возвеличивает таким обращением царя богов, называя его “отцом богов и смертных”[65]; потому и многие другие творцы мифов передали нам, что царствующие в среде богов честолюбиво стремились, чтобы нежная привязанность детей, разделяющаяся [обычно] между двумя родителями, стала принадлежать лишь одному, <23> и что по этой причине они воспринимали отцовское и материнское начала (ὑπόθεσιν) разом, так что Зевс породил Афину[66], а Гера — Гефеста[67] (обладающих противоположной природой, нежели их родители), чтобы они могли быть причастными большей любви (φιλίας), которую вызывает большая удаленность».

6. (40.) После того как все присутствующие согласились, что суждение бессмертных самое надежное, Пифагор показал кротонцам через Геракла, который был в близкой дружбе с основателями колонии[68], что приказанному родителем до́лжно добровольно повиноваться, ибо [кротонское] предание гласит, что Геракл — будучи и сам богом — был в послушании у иного старшего бога, подъял труды и учредил в память о свершенном состязания, назвав их в честь отца Олимпийскими.

---

[65] Гомер. *Илиада*, IV. 68.

[66] Ср.: Гесиод. *Теогония*, 886–900.

[67] Там же, 927 и сл.

[68] Ниже (IX.6.1) говорится, что Геракл сам основал колонию, назвав ее именем убитого по ошибке друга. Поэтому под «основателями колонии» здесь, видимо, следует понимать первопоселенцев.

2. Он показал и то, что общаться друг с другом нужно так, чтобы никогда не стать другом врагам, врагов же сделать друзьями, насколько возможно быстро; что нужно стараться быть учтивым (εὐκοσμίᾳ) относительно старших и доброжелательным (εὔνοιαν) относительно отцов, будучи человеколюбивым к остальным, пребывать в общении с братьями.

7. (41.) Затем он говорил о самообладании (σωφροσύνης): юношескими годами испытывается природа [человека], ибо именно в эту пору жизни влечения (ἐπιθυμίας) достигают расцвета.

Затем он обратил их к созерцанию того, что к одной только этой добродетели прилично стремиться и отроку, и девице, и женщине, и человеку пожившему, и, более всего, юношам. Кроме того, он показал, что только самообладание охватывает и телесные блага, и душевные, сохраняя здоровье и влечение к лучшим занятиям[69].

8. (42.) Это очевидно и из противоположного. Ибо и с варварами, и с эллинами, <24> противостоявшими друг другу под Троей, величайшие несчастья случились только благодаря невоздержности: с одними — во время войны, с другими — во время обратного плавания. За эту только несправедливость определил бог наказание на десять и на тысячу лет, предрек и взятие Трои, и отправление локрийских девушек в святилище Афины Илионской[70].

2. И относительно образования (παιδείαν) наставил он юношей, советуя им подумать над тем, что глупо считать

[69] Вариант: нравам.

[70] Наказание на десять лет — троянцам за невоздержность Париса; на тысячу лет — локрийцам за невоздержность Аякса, надругавшегося над Кассандрой в храме Афины Илионской (корабль Аякса погиб, в его родном городе разразился мор, для избавления от которого оракул обязал локрийцев в течение тысячи лет ежегодно отправлять двух девушек из лучших локрийских семей в Трою для служения в храме Афины Илионской).

рассудок (διάνοιαν) вещью в высшей степени достойной, отдавать ему предпочтение перед всеми остальными вещами, упражнению (ἄσκησιν) же его не уделять никакого времени, не вкладывать в это никакого труда. И это при том, что заботиться о теле — все равно, что о худшем из друзей, который нас скоро оставит; пайдейа же, подобно прекрасным и благим мужам, остается с нами до смерти, а некоторым и после смерти приносит бессмертную славу.

9. (43.) И другие такие же [преподал он им наставления], беря одни из истории, другие из догматов; показал, что пайдейа — [будучи, с одной стороны, чем-то] общим — есть красота (εὐφῖαν)[71] первенствовавших в каждом роде[72]: ибо то, что они нашли, для других стало пайдейей. Таким образом, образование по природе есть нечто серьезное, ибо некоторые из восхваляемых людьми вещей невозможно получить от другого: например, силу, красоту, здоровье, мужество; другие вещи можно передать, но тогда не будешь иметь их сам: например, богатство, власть и многое другое, о чем мы умалчиваем [сейчас ради краткости]; образование же и от другого получить можно, и — дав его другому — самому обладать им ничуть не меньше.

10. (44.) Подобным же образом некоторые вещи человек приобрести не может, образование <25> же воспринимает по своему личному выбору (ἰδίαν προαίρεσιν), чтобы затем, приступив к делам своего отечества, поступать вежественно (ἐκ παιδείας), а не невежественно (ἐξ ἀναιδείας)[73]. Ибо одним лишь воспитанием отличаются люди от диких зверей и эллины от варваров, свободные от рабов, философы — от людей случайных. Вообще, толика высота образованности,

[71] Варианты: высокое развитие, одаренность и т. д.

[72] Это слово допускает темпоральное чтение: поколение; и расширительное: племя, народ.

[73] Вариант: нагло, бесстыдно.

что в Олимпии победителей в беге обретаем семь из одного города[74], мудрецов же во всей ойкумене насчитываем только семь.

2. В последующее же время — время, когда жил он сам, превосходя всех в философии, — Пифагор называл себя именем «любомудра», а не «мудреца»[75].

11. (45.) Вот о чем он разговаривал в гимнасии с юношами.

IX. ПИФАГОР НА СОВЕТЕ ТЫСЯЧИ

1.1. Призвание на синедрион. 1.2. Храм Муз. 2. Социальная справедливость; каждому по заслугам. 3.1. Не клясться богами. 3.2. Быть примерным домохозяином. 3.3. Не отчуждать детей. 3.4 Отношение к жене как к равноправному сотруднику. 3.5. Стремиться к стяжанию личной любви детей (не довольствоваться природной привязанностью). 4.1. Верность женам. 4.2 Быть образцом калокагатии для сограждан. 5.1. Не лениться. 5.2 Не разрывать семьи. 5.3 Лучшие и худшие. 5.4. Правильное честолюбие (образ победы в беге). 5.5. Политик должен уметь выслушать противника. 5.6. Будь таким, каким хочешь казаться. 6.1. Чтить Геракла-ойкиста. 6.2. Итог: отказ кротонцев от наложниц, постройка храма Муз, просьба продолжить учить.

1. (45) Когда же те возвестили отцам о том, что он говорил им, Совет Тысячи[76] призвал его на собрание (εἰς συνέδριον); и, похвалив сначала сказанное их сыновьям, они просили

[74] Пифагор имеет в виду семерых кротонцев, четыре раза подряд побеждавших на Олимпийских играх.

[75] Ср.: Диодор Сицилийский, X. 10. 1.

[76] Высший государственный орган в Аргосе, Акраганте и, как утверждает Ямвлих, в Кротоне.

его, если он имеет сказать что-то полезное кротонцам, обратиться с речью к ним перед лицом властей полиса.

2. Он посоветовал им в первую очередь воздвигнуть святилище Муз, чтобы они сохраняли имеющееся единомыслие, ибо богини эти имеют одно и то же имя, которое передают друг другу, и более всего радуются общим почестям; да и весь хоровод Муз един и всегда тождествен, он охватывает собою согласие, гармонию, ритм — то, что доставляет единомыслие. Он показал, что сила Муз касается не только прекрасных созерцаний (θεωρήματα)[77], но согласия и гармонии сущих.

2. (46.) Затем, сказал он, до́лжно [, о хилиархи[78],] владеть отечеством как общей казной, <26> вверенной вашему попечению большинством сограждан, и управлять ею до́лжно так, как если бы вы собирались передать свое опекунство (πίστιν) потомкам. Это обязательно произойдет, если все граждане будут равны, и никому не достанется больше, чем полагается по справедливости[79].

Ибо люди, зная, что всякое место нуждается в справедливости, мифотворят, что при Дие — Фемида, при Плутоне — Дикэ, при полисе — закон находятся в одном и том же чине, чтобы тот, кто совершает несправедливость относительно установленного законами, являлся сразу также несправедливым относительно всего космоса.

3. (47.) Членам Собрания[80] (συνεδρίοις) не пристало клясться богами, но использовать такие слова, которые вызывают доверие и без клятв [богами].

---

[77] Строго говоря: созерцаемых вещей.

[78] Т. е. члены Совета Тысячи.

[79] Фраза в целом мне непонятна.

[80] Т. е. Совета Тысячи.

2. Частным домохозяйством им нужно управлять так, чтобы они могли возводить к нему свои политические инициативы (προαιρέσεως).

3. К тем, кто рожден из вас, отношение должно быть родственное — как к единственным из живых существ, которые чувствуют это отношение[81] [родства].

4. И с женой, участницей [твоей] жизни, дóлжно общаться — как с другими людьми, дела с которыми ведешь, опираясь на законы записанные [на чем-либо] или высеченные на стелах; законы же, касающиеся общения с женами, записаны в детях.

5. Нужно стремиться к тому, чтобы дети любили вас не благодаря природе, ибо причина такой любви не они сами, но благодаря свободному выбору (διὰ προαίρεσιν), ибо любовь есть добровольное доброделание.

4. (48.) Нужно порадеть и о том, чтобы жить лишь с законными женами, чтобы женщины из-за пренебрежения <27> к ним и порочности супругов не подменяли род[82]. Более того, следует считать, что взявший жену от родительского очага вводит ее в свой дом, совершив возлияния, как просительницу перед ликом богов.

2. Для домочадцев и земляков вы должны стать образцом порядка и самообладания, наперед думать о том, чтобы никто ни в чем не согрешал; если же такое все-таки случится, то — чтобы преступники не скрывались из страха законного наказания, но, стыдясь вашей калокагатии, порывались обратиться к справедливой жизни.

5. (49.) Он увещевал их отвергнуть лень в делах, ибо нет никакого иного блага, кроме надлежащего в каждом деле.

---

[81] τῆς ἐννοίας αἴσθησιν.

[82] *То есть, будучи вашими женами, не рожали от других носителей вашей фамилии.*

2. Величайшей несправедливостью считал он разлучение детей и родителей.

3. Наилучшим полагал он того, кто сам [без внешней помощи и дурного опыта] способен провидеть пользу, вторым — того, кто из случившегося с другим заключил к тому, что́ есть польза, наихудшим же — того, кто понимает лучшее благодаря тому, что сам претерпел зло[83].

4. Он сказал, что не погрешит против истины, уподобив стремящихся к почестям тем, кто увенчан на состязаниях в беге, ибо те стремятся добиться победы сами, не причиняя своим соперникам зла.

5. Политикам подобает не досадовать на возражающих им, но, выслушивая их, извлекать пользу [из их слов].

6. Он увещевал каждого, кто ищет истинной славы, быть таким, каким он хочет выглядеть в глазах других[84]; ибо совет не столь священен, как похвала: поскольку лишь люди имеют нужду в совете, относительно же богов гораздо нужнее похвала.

6. (50.) После этого он обратился ко всем: ваш полис довелось, как говорят, основать Гераклу, <28> когда он гнал быков через Италию[85] и претерпел несправедливость от Лакиния; Кротона же, который помогал ему, приняв ночью по ошибке за одного из врагов, он убил; после же того, как ему возвестили об этом, он основал полис окрест его могилы и назвал его по имени Кротона, став сам причастен бессмертию. Потому подобает вам хозяйствовать (οἰκονομεῖν) справедливо, воздавая Гераклу благодарность за благодеяние.

2. Они же, послушавшись Пифагора, воздвигли храм Музам, отказались от наложниц, содержать которых было

[83] Ср.: Гесиод. *Труды и дни*, 293 и сл.

[84] Ср. принцип римских стоиков: *esse, non videri* (*лат.*) — «быть, а не казаться».

[85] Речь идет о десятом подвиге Геракла: о быках Гериона.

у них в обычае, и попросили его побеседовать отдельно с детьми[86] в храме Пифийца и с женщинами в храме Геры.

X. ОБРАЩЕНИЕ К ДЕТЯМ

1.1. Самому не обижать, обижаемого защищать. 1.2. Калокагатия смолоду. 1.3–3.1. Дети ближе других к богам. 3.2. Научиться слушать, чтобы мочь говорить. 3.3. Подражать старшим, а не перечить. 3.4 «Божественный».

1. (51.) Говорят, что он выполнил их просьбу: он внушил детям (παισὶ) и самим дразниться не начинать, и тех, кого дразнят, защищать. Относиться всерьез к пайдейе, давшей название их возрасту.

2. И добавил, что мальчику, который вырос до того, что ведет себя правильно, легко всю жизнь сохранять калокагатию; тому же, кто в это не вырастает, тяжело потом (а лучше сказать — невозможно) перемениться к лучшему, плохо начав, хорошо идти до конца.

3. Он также открыто сказал, что дети — наиболее милые богам существа и что поэтому полисы в засуху посылают именно их просить богов о воде: как тех, кого более всех слушает божество (δαιμονίου) и кто, обладая совершенной ритуальной чистотой, может проводить [хоть всё своё] время в храмах.

2. (52.) По этой причине и человеколюбивейших богов — Аполлона и Эрота — все живописуют и делают [в камне] имеющими детский возраст. Да и некоторые состязания, на которых увенчивают победителей, были учреждены, как известно, благодаря детям: Пифийские игры — в честь победы над Пифоном <29> мальчика [Аполлона], игры же в

[86] Здесь и ниже речь идет, вероятно, о мальчиках только.

Немее и на Истме связаны с гибелью Архемора[87] и Меликерта[88]. Кроме того, когда основывался Кротон, предводителю поселенцев было возвещено Аполлоном, что он даст ему род (δώσειν γενεάν), если тот выведет колонию в Италию.

3. (53.) Из этого они должны были понять, что рождение их создано промыслом Аполлона, а об их возрастании промышляют все боги; что они достойны их дружбы

2. и должны навыкнуть слушать, чтобы мочь говорить.

3. И еще, если они уже сейчас встали на путь, по которому собираются идти до старости, то они должны подражать своим предшественникам и не перечить старейшим, ибо таким образом позднее [— когда они сами войдут в возраст —] они заслуженно избегнут противления младших.

4. Из-за этих его увещаний [кротонцы] единодушно решили не обращаться к нему по имени, но все называли его «божественный» (θεῖον).

XI. ОБРАЩЕНИЕ К ЖЕНЩИНАМ

1.1. Творить милость, чтобы молитвы были услышаны. 1.2. Жертвовать самой и сделанное самой. 1.3. Не жертвовать убоину. 1.4. Жертвуя, не роскошествовать. 1.5. Жить в согласии с мужьями. 2.1. Любовь с супругом никогда не есть религиозно нечистое. 2.2. Не злословить. 2.3. Хранить честь рода. 2.4. Не терять уступчивости в общении. 3.1. Освященность каждого возраста женщины божественным именем указывает на природную расположенность женщин к благочестию.

[87] Офельт (Архемор), сын царя Немеи Ликурга, был удушен змеей в младенчестве.

[88] Меликерт— сын Ино и Афаманта, воспитателей Диониса. Гера наслала на Афаманта безумие, Ино с сыном бросились в море, спасаясь от обезумевшего Афаманта. Меликерт стал морским богом, и в его честь Дионис учредил Истмийские игры.

3.2. Об этом же и пророчества через женщин. 3.3 Итог беседы: отказ кротонок от дорогих одежд, принесение их в храм Геры. 4.1. Верность – калокагатия женщины. 4.2. Всеитальянская слава Пифагора.

1. (54.) С женщинами же, говорят, он первым делом открыто говорил о жертвоприношениях: поскольку они желают, чтобы тот, кто будет молиться о них[89], был прекрасный и благой человек, поскольку боги внимают именно таким людям, то и сами они прежде всего должны творить милость (ἐπιείκειαν)[90], чтобы боги были готовы внять их молитвам.

2. Затем, то, что они собираются поднести богам, должно быть сделано их руками и возложено на алтарь без помощи прислуги: например, жертвенные лепешки и ячменные пироги, медовые соты и ладан.

3. Убийством и смертью божество (τὸ δαιμόνιον) не чтить;

4. не тратиться за раз так, как если бы никогда уже не пришли к алтарю.

5. Что до их отношения к мужьям, <30> то советовал им подумать над тем, что и отцы их, памятуя об их женской природе, позволяют им любить супругов более, чем родителей. Потому красиво [для женщин] либо вовсе не противиться мужьям, либо считать себя победительницами, когда они покоряются.

2. (55.) Кроме того, на этом именно собрании родилась фраза, ставшая потом знаменитой: после супруга дозволено (ὅσιόν ἐστιν)[91] приходить в храм в тот же день, после любовника – никогда.

---

[89] Т. е. священник.

[90] Варианты: кротость, нравственную чистоту, доброту, благожелательность.

[91] Т. е. является ритуально чистым, благочестивым.

2. Он предписывал им всю жизнь воздерживаться от неподобающих слов и присматривать за тем, чтобы не злословили их,

3. славы, доставшейся [от отцов и мужей], не расточать,

4. и не опровергать [своими поступками] мифографов, которые — видя праведность женщин, которые без свидетелей отдавали наряды и украшения, когда кто-то нуждался в этом (причем из их доверчивости не возникало ни тяжб, ни пререканий), — создали миф о трех женщинах, которые сообща пользовались одним глазом благодаря уступчивости в общении (εὐχερῆ κοινωνίαν)[92].

Ведь если бы такую историю стали рассказывать про мужчин: дескать, некто, что-то промыслив, мирно отдал полученное, да еще и своим охотно поделился, — никакой веры такому рассказу не было бы, ибо это отнюдь не свойственно природе мужчин.

3. (56.) Кроме того, Тот, Кого называют Наимудрейшим[93], будь Он божество, даймон или божественный человек[94], тот, кто упорядочил голос людей и вообще дал имена вещам, видя, что род женщин наиболее близок к благочестию, дал каждому времени <31> женщины имя богини: незамужнюю назвал Корой, выдаваемую замуж — Нимфой, родившую — Матерью, ту, у детей которой появились дети, назвал на дорическом диалекте Майей[95].

---

[92] Речь идет о сестрах Граях, у которых Персей украл их единственный глаз.

[93] По-видимому, речь идет о Гермесе.

[94] В Герметической теологии была возможность мыслить Гермеса всеми этими способами, т. е. как надкосмического Бога, как определенный даймонический чин, как просветленного человека (например, Тота) и даже в виде низших живых существ (например, ибиса, обезьяны и т. п.). — *Примечанием этим я обязан K. S. Guthrie.*

[95] Кора — «девушка» — одно из имен Персефоны; слово «нимфа» переводится как «невеста»; слово «мать» — однокоренное с именем богини

2. С этим согласуется и то, что в Додоне[96] и Дельфах пророчества даются через женщин.

3. Передают, что благодаря этим похвалам благочестию он произвел среди женщин толикую перемену в отношении к дешевизне гиматиев[97], что ни одна не дерзала [более] облачаться в роскошный, но все положили в храме Геры много тысяч [богатых] накидок.

4. (57.) Рассказывают, что беседовал он и о том, что окрест кротонских земель доблесть (ἀρετὴ) мужчины в отношении к женщине широко известна: Одиссей не принял от Калипсо бессмертия на том условии, что он оставит Пенелопу; дело теперь за тем, чтобы женщины явили мужьям калокагатию, дабы заслужить такую же похвалу.

2. Вспоминают, что благодаря изложенным выше беседам Пифагор стяжал безмерную честь и расположение как у кротонцев, так и, благодаря этому полису, в Италии.

XII. ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ФИЛОСОФОМ?

1.1. Пифагор первым называет себя философом. 1.2. Быть философом — значит жить ради созерцания красивого. (Образ людей, пришедших на праздник.) 2.1. Что красиво? Красота небесных движений; красота логосов и отношений; красота божественных существ.

Деметры; Майя — «бабушка» (в дорийском диалекте) — имя матери Гермеса.

[96] Ср.: Гомер. *Илиада*, XVI. 234 и сл.

[97] Гиматий — верхняя одежда, что-то вроде накидки, представлявшей собой длинный отрез ткани, перебрасывавшийся через левое плечо и закреплявшийся над или под правым. Аналог римской тоги.

1. (58.) Говорят, что Пифагор стал первым называть себя философом, не только употребив новое слово, но и обучая тому, что это слово обозначает, с пользой [для ученика].

2. Он говорил, что человек выходит (πάροδον) в жизнь, как толпа на праздник. Ибо и там мечутся всевозможные люди, пришедшие один — за одним, другой — за другим: этот пришел продать свою кладь ради прибыли и наживы; тот ради славы пришел показать <32> свою телесную мощь; есть и третий вид людей, наиболее свободный: они собираются ради зрелищ, ради созданных мастерами красот, ради доблести дел и слов, которые обычно показывают на праздниках — так же и в жизни: в одном и том же месте собираются всевозможные люди, ревнующие о разном. Одних удерживает жажда денег и наслаждений, других — влечение к власти, к преобладанию в борьбе честолюбий и сумасшедшее стремление к славе[98]. Наиболее чист образ действий (τρόπον) того человека, кто посвятил себя созерцанию самых красивых вещей: он-то и называется философ.

2. (59.) Красив вид всего неба и звезд, движущихся в нем, если смотрящий прозревает в [этой картине] порядок. А он есть благодаря причастности [небесного] к первому и умопостигаемому. Первое же здесь есть природа чисел и логосов, пронизывающая всё; благодаря и согласно им все [небесные вещи] надлежащим образом упорядочены и достойно украшены. Действительно, мудрость есть по сути некое знание (ἐπιστήμη)[99] о красивых сущих, первых сущих, о вещах божественных и несмешанных, всегда тождественных себе, ведущих свои дела так, что и иные, если становятся причастны, могут быть названы красивыми. Философия же есть ревностное стремление (ζήλωσις) к созерцанию та-

[98] δοξομανεῖς.

[99] Речь идет о точном знании (возможно, науке).

ких вот вещей. Красива была эта его забота о воспитании, устремленная к исправлению людей.

XIII. ВЛАСТЬ ОРФЕЯ

1. Чудо с давнийской медведицей. 2. Чудо с быком в Таренте. 3.1. Чудо с орлом в Олимпии. 3.2. Власть Орфея.

1. (60.) Если верить множеству древних и вместе с тем достойных доверия рассказов о нем, то в его слове было нечто наставительное и увещевающее, что доходило даже до существ бессловесных, благодаря чему он полагал, что обучаемы все существа, <33> которым довелось обладать умом, и даже те, что считаются дикими и непричастными слову. Говорят, что он, уняв давнийскую[100] медведицу, жесточайшим образом утеснявшую тамошних жителей, долго гладил ее, затем накормил ячменными лепешками и орехами, взял клятву никогда более не нападать на одушевленные существа, и отпустил. Она сейчас же ушла в горы и леса. С того дня уже никогда не видели, чтобы она обидела кого-либо, даже и бессловесную тварь.

2. (61.) Увидев в Таренте на лугу, заросшем разными травами, быка, принявшегося за зеленые бобы, он подошел к пастуху и советовал сказать быку, чтобы тот от бобов отказался. Пастух позабавился этим «сказать», ответив, что он бычьего языка не знает и что если его знает Пифагор, то он сам даст ему великолепный совет: следует ему увещевать быка [а не пастуха]; тогда Пифагор подошел к быку и долгое время шептал ему что-то на ухо, и бык отвратился

[100] Давния — древнее название Апулии, родины Горация (по имени первого царя — Давна).

от бобов — не только тогда, но и впредь, говорят, никогда не вкушал этот бык бобов; до глубочайшей старости он оставался в Таренте при святилище Геры, называемый всеми «священный бык Пифагора», питался же он человеческой пищей, которую подавали ему богомольцы.

3. (62.) Когда Пифагор беседовал с учениками о вещих птицах, символах и небесных знамениях, говоря, что все они суть <34> некие вестники богов, посылаемые истинно боголюбивым людям, он приземлил пролетавшего над Олимпией орла и, приласкав, опять отпустил.

2. Через эти и другие подобные действия Пифагор показал, что обладает той же властью, что и Орфей, над дикими животными, что очаровывает и укрощает их силой, исходящей от гласа его уст.

XIV. ПРОШЛАЯ ЖИЗНЬ ПИФАГОРА

1. Знание своих прошлых жизней есть начало познания других людей и заботы о них. Эвфорб сын Панфоя. Опознание Пифагором его щита в микенском храме Геры.

1. (63.) Однако наилучшим началом попечения о людях — тем, чем прежде всего должен овладеть тот, кто собирается познать истину также относительно других людей, — Пифагор сделал [знание своей прошлой жизни]. Сам он в высшей степени отчетливо и ясно припоминал многие события своей прежней жизни, которые жила его душа задолго до того, как была заключена в это вот тело; посредством неоспоримых свидетельств доказывал он, что прежде был Эвфорбом, сыном Панфоя (Πάνθου), противником Патрокла; из стихов Гомера более всего хвалил он, пел под

лиру в высшей степени мелодично и воспевал часто эпитафию самому себе:

Кровью власы оросилися, сродные девам Харитам,
Кудри, держимые пышно златой и серебряной связью.
<35> Словно как маслино древо, которое муж возлелеял
В уединении, где искипает ручей многоводный,
Пышно кругом разрастается; зыблют ее прохлаждая,
Все тиховейные ветры, покрытую цветом сребристым;
Но внезапная буря, нашедшая с вихрем могучим,
С корнем из ямины рвет и по черной земле простирает, —
Сына такого Панфоева, гордого сердцем Эвфорба
Царь Менелай низложил и его обнажал от оружий[101].

Рассказ же о том, что в Микенах в храме Геры Аргосской среди троянской добычи лежал щит фригийца Эвфорба [и что его опознал Пифагор], мы опускаем, как всем известный.

Посредством всего этого мы желаем показать только то, что сам он знал свои прошлые жизни, и это стало началом его заботы о других людях — напоминание им, какие жизни они жили прежде.

XV. ВОСПИТАНИЕ МУЗЫКОЙ

1.1. Музыка — первая ступень пайдейи. Врачевание музыкой душ. 1.2. Музыка как алхимия: «настройки» и «контакты»; превращение страстей в добродетели. 2.1. Музыка вечера. 2.2. Музыка утра. 2.3. Способность Пифагора слышать музыку вселенной. 3.1 и 3.3. Чувственные мелодии, созданные Пифагором, суть иконы высших голосов во вселенной. 3.2. Исключительность его дарования, единственность музыкальной

[101] *Илиада*, XVII. 51–60. Перевод Н. И. Гнедича.

педагогики Пифагора. 4.1. Обучение через образы. 4.2. Эмпедокл о вышечеловеческом сознании и чувственности Пифагора.

1. (64.) Поскольку он считал, что забота о людях должна сообщаться им в первую очередь через чувственные восприятия — как если кто-то видит красивые облики и образы (σχήματα καὶ εἴδη), слушает красивые мелосы[102] и ритмы, — то он поставил на первом месте образование, получаемое посредством музыки, посредством определенных мелосов и ритмов, которые исцеляют человеческие нравы (τρόπων) и страсти, приводя в гармонию душевные силы, так что они возвращаются в свое изначальное равновесие. Он придумал, как сдерживать и исцелять болезни равно телесные и душевные.

2. И вот что, клянусь Дием, более всего достойно слова: для своих учеников он подобрал и привел в порядок так называемые [музыкальные] настройки и контакты (ἐξαρτύσεις καὶ ἐπαφὰς)[103], с даймонической искусностью он получил смеси определенных диатонических[104], хроматических и энгармонических мелосов, благодаря которым обращал и приводил к противоположному <36> страсти души, если они недавно в его учениках составились и возросли: печаль, гнев и жалость, неуместную зависть и страх, всяческие [низкие] влечения и стремления сердечные, [неразумные] порывы и пустопорожнюю строптивость, [болезненные] расслабленность и напряженность, — он выпрямлял каждую из таких

[102] Варианты перевода: песня, напев, мелодия.

[103] В переводе Michael von Albrecht: Zurüstungs- und Zurechtweisungsmusiken; в переводе K. S. Guthrie: apparatus and massage; в переводе В. Б. Черниговского: «настраивающие» и «смягчающие» мелодии; в переводе И. Ю Мельниковой: настройки и аранжировки. — По-видимому, это технические термины школы, значение которых нам неясно и ясно не будет.

[104] Об открытии Пифагором диатонической системы см. ниже: гл. XXVI и *Приложение I*.

страстей в добродетель, благодаря подходящим мелосам, словно благодаря смешанным им спасительным снадобьям.

2. (65.) Вечером, когда его ученики отправлялись спать, он избавлял их от дневных волнений и суматохи, очищал бывшее игралищем волн мышление (τό νοητικόν), они тихо и хорошо спали, да и сны их он делал пророческими.

2. Когда они вновь поднимались со своего ложа, он освобождал их от ночного оцепенения и вялости посредством особых песен и мелодий, которые он либо просто наигрывал на лире, либо — восполняя инструмент голосом.

3. Себе же Пифагор предписывал и доставлял это не посредством той музыки, которая звучит благодаря инструменту и глотке; но благодаря некоему неизреченному и непостижимому деянию он простирал свой слух и устремлял свой ум в высокие созвучия космоса: он слышал (как выяснилось, один он только) и понимал всеобщую гармонию и согласие сфер и движущихся по ним звезд, мелос, звучащий полнее и насыщеннее, чем [музыка] смертных, возникающий из неподобных всевозможно разнообразных звуков, скоростей, величин и интервалов, упорядоченных друг в отношении друга в некоем музыкальнейшем <37> логосе, производящем движение и странствие и в высшей степени музыкальные, и вместе с тем многообразно прекрасные[105].

3. (66.) Он пил из этого [Источника музыки], почему и упорядочил логос ума, и — упражняя тело[106], так сказать, — стал создавать для учеников некие иконы [этих небесных песен], насколько возможно близко, посредством инструментов или чистого голоса, воспроизводить [первообразы].

---

[105] Ср.: Фрагменты ранних греческих философов, I.58b; Платон. *Тимей*, 38b–39e; *Государство*, 616d–617d.

[106] σωμασκούμενος.

2. Ибо он полагал, что из всех живущих на земле только он один слышит и понимает космические звуки[107], считал [лишь] себя достойным черпать познание из этого природного источника и корня, и учить других, и уподобиться небесным существам благодаря стремлению и точному воспроизведению [их песен], поскольку лишь ему посчастливилось быть наделенным создавшим его даймоном годной для этого природой.

3. Он полагал, что другим людям достаточно взирать на него и что от его даров через иконы и образцы[108] они получают пользу и исправляются, хоть и не могут истинно воспринять первые и чистые архетипы.

4. (67.) Как тем, кто не может прямо смотреть на солнце из-за чрезмерной яркости его лучей, мы придумали показывать затмения или через толщу воды, или через расплавленную [древесную] смолу или кусочек темного стекла, щадя бессилие их глаз[109], при том, что они рады этому замещающему познанию, даже если оно и более смутно, — так и Пифагор [придумал обучение через образы].

2. По-видимому, именно о нем и его исключительных, лучших, чем у других людей, органах восприятия (διοργανώσεως) прикровенно говорит Эмпедокл в стихах:

Жил среди них некий муж, умудренный безмерным познанием,
Подлинно мыслей высоких владевший сокровием ценным,
<38> В разных искусствах премудрых свой ум глубоко изощривший,
Ибо как скоро всю силу ума напрягал он к познанью,
То без труда созерцал любое, что есть и что было,
За десять или за двадцать провидя людских поколений[110].

[107] *κοσμικὰ φθέγματα.*

[108] Вариант: примеры.

[109] Ср.: Платон. *Государство*, 516b; *Федон*, 99d.

[110] Эмпедокл. *Фр.* B129 (Diels–Kranz). Перевод М. Л. Гаспарова.

Выражения: «безмерное познание», «созерцал любое, что есть и что было», «сокровище мыслей высоких» и им подобные — весьма выразительно сообщают об исключительных, точнейших, чем у других людей, органах зрения, слуха и мышления Пифагора.

XVI. ЭТИЧЕСКИЕ МАКСИМЫ. АСКЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА. ЦЕЛЬ ВОСПИТАНИЯ

1.1. Этика: поощрить труд, направленный на познание и нравы; прекратить деятельность ради насыщения неумеренности и своекорыстия. 1.2–2.1. Аскетические средства: воздержание от одушевленного, неразглашение, безмолвие, концентрация внимания, малоядение, краткий сон. 2.2. Этика: взрастить презрение к славе, богатству, «мірским благам». 2.3. Почтение к старшим, благожелательность к сверстникам, покровительство младшим. 2.4. Дружба всех со всеми: богов с людьми, догматов друг с другом, души с телом, логосной части души с безлогосной, людей друг с другом и некоторыми другими живыми существами. 2.5. Дружба на уровне тела есть согласованность противоборствующих сил, т. е. здоровье. 3.1. Дружба как философское понятие — открытие Пифагора. 3.2. К действительности понятия дружбы Пифагор и вел своих учеников: исцелял ради готовности к богообщению, что и есть цель воспитания.

1. (68.) Так вот посредством музыки занимался он воспитанием душ. Иной вид очищения мысли (διανοίας) и вместе с тем целой души посредством всевозможных средств практиковался им следующим образом. Он считал, что трудам, направленным на познание и нравы, должно быть присуще благородство; что же касается врожденной всем неумеренности и своекорыстия, то им у него были уготованы допросы под пытками, наказания и сдерживание огнем и железом —

на которые ни один дурной человек не способен отважиться и которые стойко не стерпит.

2. Более того, его ученики воздерживались от [принятия в пищу] всего одушевленного, а также и от некоторых яств, мешающих пробужденности и чистоте рассудка (λογισμοῦ), практиковали неразглашение и полное безмолвие[111], по многу лет упражняя их <39> и во владении языком, и в напряженном и неотрывном исследовании и усвоении самых трудноуловимых теорем.

2. (69.) Ради этого практиковался отказ от вина и малоядение и краткий сон;

2. к славе, богатству и подобным им вещам они взращивали естественное презрение и противились им;

3. оказывали нелицемерное почтение тем, кому пристало его оказывать, по отношению же к сверстникам — непритворное равенство и благожелательность, по отношению к младшим — совместные усилия и поощрение без зависти.

4. Дружба всех со всеми: богов с людьми посредством благочестия и ученого (ἐπιστημονικῆς) служения, дружба догматов друг с другом, и вообще дружба души с телом, логосного ее [начала] с нелогосными[112] посредством философии и тех созерцаний, что осуществляются благодаря ей, дружба людей друг с другом: [со]граждан посредством здравого законодательства, инородцев посредством правильного естествознания (φυσιολογίας), дружба мужа с женой или братьями и домашними благодаря неиспорченному общению — одним словом дружба всех со всеми, а к тому же еще и с некоторыми бессловесными живыми существами — благодаря справедливости, а также природной связи и общительности;

---

[111] ἐχεμυθίαν καὶ παντελῆ σιωπήν. Первый термин обозначает неразглашение тайн школы, с ним мы еще не раз встретимся.

[112] О делении души ср.: Платон. *Государство*. 439d–e; Диоген Лаэртский, VIII. 30.

5. в теле же, которое само по себе смертно, дружба осуществляется посредством примирения и приведения к согласию противоборствующих сил посредством здоровья, обеспечивающего его образа жизни (διαίτης) и самообладания, которое существует в нас благодаря памятованию благоденствия космических стихий[113].

3. (70.) Всё это, объединенное в единое тождественное [сущее], которое благодаря слиянию и сведению носит имя «дружба», открыл и положил в качестве закона, Пифагор — в этом согласны все.

2. Для тех, кто окружал его[114], он был главной причиной того, что они были полностью готовы общаться с богами <40> как наяву, так и во сне, чего никогда не бывает в душе, смущенной гневом, приведенной в смятение скорбью, удовольствием или каким-то постыдным желанием, или, клянусь Дием, искаженной величайшим нечестием и тяжелейшим грехом невежества (ἀμάθίας). От всего этого исцелял он по воле Божьей (δαιμονίως), и очищал душу, и воспламенял божественную часть в ней; он спасал [душу] и к умопостигаемому обращал божественное зрение [человека], которое, согласно Платону[115], лучше мириада плотских очей. Ибо только этому отчетливо видящему, правильно сформированному и ободренному соответственной помощью зрению дано прозреть истину всех сущих. Возносясь к этому, и предпринимал он очищение мысли (διανοίας): таков был тип практикуемого им воспитания, об этом была забота его.

[113] Ср.: Платон. *Тимей,* 52e–57b.

[114] Т. е. для учеников.

[115] *Государство,* 527d–e.

XVII. ПРИЁМ И НЕПРИНЯТИЕ В ОБЩИНУ

1. Проверка перед допуском к искусу: отношение с родителями, поведение, круг общения, интересы, внешний вид; Пифагор физиогномист. 2.1. Трехлетний искус, пятилетнее молчание. 2.2. Отказ от собственности; чины в общине, занимавшиеся общим имуществом. 2.3. Эсотерики, видящие Учителя. 3. Правила относительно оказавшихся непригодными: вдвое имущества и кенотаф. 4. Особенно тяжелые случаи. 5–8. Выдержка из письма Лиссия к Гиппарху для иллюстрации вышесказанного. 9. Большое значение до-философских наук и практик в школе Пифагора.

1. (71.) Поскольку воспитывал он учеников таким вот образом, то приходящих к нему новичков и желавших постоянного общения [с ним] не сразу принимал [в ученики] — не раньше, чем проверит и вынесет суждение о них: сперва он узнавал, каковы их отношения с родителями и другими домашними; затем сам смотрел на их неуместный смех и молчание [не вовремя], болтовню без нужды, есть ли влечения какие в них, какими знакомствами пользуются, с кем общаются, с кем ежедневно проводят досуг, кому радуются при встрече, а кто их огорчает. Кроме того, смотрел он на вид[116] их и походку и на движение тела в целом: посредством природных мет физиогномически познавал он людей, по видимым знакам постигал невидимый <41> характир в душе.

2. (72.) Прошедших это испытание он оставлял без внимания еще на три года — проверяя, обладают ли они твердостью и истинной любовью к знанию, достаточно ли они настроены против мнения (δόξαν), чтобы презирать почёт (τιμῆς). После этого предписывал он пришедшим пять лет сохранять безмолвие, испытывая их самообладание (ἐγκρατείας), ибо тяжелее всего возобладать над языком,

[116] εἶδος.

а молчание — тяжелейший вид воздержания, как и законоположники мистерий открыли нам.

2. В это время[117] то, что у каждого было в распоряжении (имею в виду имущество), становилось общим; оно давалось приставленным к этому ученикам, которые назывались «политиками»[118] и частью были «экономами» и «номотетами»[119].

3. Те из них, кто являл себе достойным стать причастным догматам [школы], будучи признан на основании образа жизни и иной нравственной чистоты [готовым к этому], по истечении пяти лет безмолвия становились «эсотериками» и, будучи внутри завесы, слушали Пифагора, вместе с тем видя его. Прежде же этого они, будучи вовне, никогда не видели его, становясь причастным его словам посредством слуха и только; так происходило все то долгое время, пока они предоставляли ему доказательство [достоинства] своих нравов.

3. (73.) Если же их отвергали за непригодностью, то имущества они получали вдвойне, соученики[120] же — так назывались все, кто окружал этого Человека — насыпали могильный холмик (μνῆμα), как мертвецу, и встречаясь с ними потом, вели себя так, как если бы встретили кого-то другого; те же, — говорили они, — умерли <42> — те, кого они сами выдумали, надеясь, что они достигнут калокагатии благодаря знаниям. Они полагали, что люди трудноообучаемые суть плохо организованные и, как говорят, незадавшиеся и бесплодные.

---

[117] Т. е. во время искуса.

[118] Т. е. искусными в делах государства (община Пифагора представляла собой как бы государство в государстве).

[119] Буквально: законоположниками, но здесь — в смысле блюстителей законов, благочинных.

[120] ὁμακόων.

4. (74.) Если же кто после вынесения о нем [положительного] физиогномического суждения на основании его внешности, походки, других движений и свойств, после появления о нем доброй надежды и пяти лет безмолвия, после совершений тайных обрядов[121], связанных со многими знаниями, и неизреченных посвящений души, после стольких и толиких очищений и продвижений души, возникавших из столь разнообразных созерцаний, благодаря которым души всех [других учеников] становились проницательными и во всех отношениях безгрешными, бывал найден все еще окамененным [нечувствием][122] и неспособным к пониманию, — такому уже и курган (μνημεῖον) воздвигали там, где он проводил время (говорят, такое случилось с Периллом из Фурий и с экзархом[123] Килоном из Сибариса, которые были признаны безнадежными); изгнав его из дома общего слушания, они наделяли его множеством золота и серебра (ибо и это хранилось ими как общая собственность, в распоряжении людей годных для этого, которые и назывались по должности: распорядители — «экономы»[124]); и если им когда-то потом доводилось встречать такого человека, то они считали его скорее всем, кем угодно, нежели тем, кто у них умер.

5. (75.) Потому именно и бранил Лисий[125] некоего Гиппарха (передавшего учения [школы] тем, кто не был введен [в общину], но цеплялся к нему, не изучив наук и не достигнув созерцаний), <43> говоря: «Рассказывают, что философствовал ты и публично перед случайными людьми, то

[121] ὀργιασμοὺς.

[122] δυσκίνητος.

[123] Начальник хора, или просто какой-то городской магистрат.

[124] Пытаюсь передать игру греческих слов: διοικονομούμενα — οἰκονομικοὺς.

[125] Лисий — ученик Пифагора, один из немногих спасшихся после разгрома пифагорейского союза. В старости жил в Фивах, был учителем Эпаминонда.

именно делал, что презирал Пифагор, и это [презрение] ты, Гиппарх, усвоил [в свое время] со рвением, но не сохранил! Отведал ты, почтеннейший, [разок] сицилийской роскоши, а во второй раз того делать не следует! Переменишься — возрадуюсь, нет — ты уже мертв!». «Свято и правильно, — говорит, — было бы твердо помнить [все] *его*[126] предписания относительно дел божеских и человеческих и не делать общими блага мудрости с теми, кому очищение души еще и не снилось. Не до́лжно предлагать всем вещи, добытые [пламенной] ревностью после стольких испытаний (ἀγώνων), и болтать о тайнах элевсинских богинь[127] с профанами. Делающие это — равно нечестивцы и преступники!

6. (76.) Хорошо бы тебе посчитать, коликую продолжительность времени мы отмеряли, тщательно очищая пятна [греха], проступавшие в наших сердцах, <44> пока однажды по прошествии лет не стали способны вместить *его* слова. Ибо как красильщики, прежде чем красить, сначала очищают и травят[128] ткани для гиматиев, чтобы они не вылиняли или вовсе не выцвели, так и этот даймонический муж сначала приготавливал души тех, кто возлюбил философию[129], чтобы не обмануться относительно кого-нибудь из тех, кого надеялся увидеть прекрасными и благими. Ведь он не расставлял им ловушек, не говорил им лживых речей, как это делают многие софисты, увлекающие в свои сети юношей и никогда ничему хорошему не посвящающие свои занятия, но был *он* мужем сведущим в божеских делах и в человеческих. Они же, под предлогом преподавания [*его*

---

[126] Т. е. Пифагора.

[127] Деметры и Персефоны. Разглашение тайны Элевсинских мистерий каралось смертью.

[128] Т. е. обрабатывают солями металлов или дубильными веществами.

[129] Ср.: Платон. *Государство*, 429d–e (о подготовке воинов).

философии], многие и страшные вещи творят, не согласно порядку[130], но как придется, увлекая в свои тенета юнцов.

7. (77.) Потому-то они делают своих слушателей неуживчивыми и развязными. Ибо они смешивают с бушующими и мутными нравами божественные теоремы и логосы, как если бы кто в глубокую цистерну, полную нечистот, вливал чистую прозрачную воду: и дерьмо бы взбудоражил, и воду испортил. Таким образом обстоит дело и у тех, кто так учит, и у тех, кого так учат. Ибо плотные и густые заросли окружают рассудок и сердце того, кто, не очистившись, тайнодействует знанием; эти [дикие] заросли затеняют всё, что возделывается [человеком], всё нежное и рассудительное[131] в душе, мешают открытому возрастанию и выглядыванию мыслящего[132] [за пределы плотского]. Я хотел бы назвать, <45> в первую очередь, матерей их: Невоздержность и Жадность; обе они — матери многочадные.

8. (78.) От Невоздержности появились беззаконные браки, растление, пьянство, противоестественные удовольствия и некоторые неистовые влечения, бросающие к обрывам и баратрам (βαράθρων)[133]; ибо эти влечения уже принудили некоторых сойтись с матерями или дочерьми и, подобно тиранам, попрать закон и полис; словно пленников, со связанными за спиной руками, они насильственно привели и поставили их на край гибели.

Жадность же произвела грабежи, разбои, отцеубийства, святотатства, отравления и то, что с ними связано.

Сначала до́лжно уничтожить материю, которой вскармливаются эти страсти, огнем, железом и всеми средствами

---

[130] οὐ κατὰ κόσμον.

[131] λογιστικὸν.

[132] τὸ νοατικόν.

[133] Баратр — пропасть в Афинах, куда сбрасывали осужденных на смерть.

наук очистить и избавить свободное мышление (λογισμὸν) от стольких зол — и лишь тогда насаждать в нем и передавать ему что-то полезное»[134].

9. (79.) Столь великую и необходимую, считал Пифагор, до́лжно явить заботу о науках, предшествующих философии; особую же честь он положил тщательнейшему исследованию преподавания и передачи своего собственного учения; испытывал же <46> и определял он настроения (ἐννοίας)[135] беседующих [с ним] посредством мириада видов разнообразных наставлений и научных теорий.

XVIII. МАТЕМАТИКИ И АКУСМАТИКИ. АКУСМЫ. ОБЪЯСНЕНИЯ АКУСМ

1. Разделение на пифагорейцев и пифагористов. 2.1. Как понимать это разделение? Киновийная и идиоритмическая части школы. 2.2. То же, что разделение на акусматиков и математиков. Акусматики не Пифагоровы, а Гиппасовы. 3. Описание акусматиков. Типы акусм. Примеры акусм «Что есть это?» и «Что есть самое?». 4–5–6. Примеры акусм «Что до́лжно делать?» и «Что не до́лжно делать?». Упоминание о более пространных акусмах религиозного и ритуального содержания. 7. Вопрос об объяснениях акусм. Часть из них изначальная, часть — позднейшая, не Пифагорова, но все практические максимы — ради следования Богу. 8.1. Заблуждаясь, люди служат и просят благ не у того (образ служащего не царю, но наместнику). 8.2. Бог есть Господь. Следует служить и просить благ у Него. Он дает их тем, кого любит и кому радуется. 8.3. Гиппомедон: все акусмы объяснялись Пифагором,

[134] Это письмо Лисия считается подложным. Оно написано на дорийском диалекте не ранее I в. н. э.

[135] Буквально: понятия; в том смысле, в каком мы говорим: «жить по понятиям» и т. п.

но объяснения некоторых забылись. 8.4–9.1 Пифагорейцы-математики: акусматики – Пифагоровы; разделение на акусмы с объяснениями и без произошло от того, что Пифагор преподавал свое учение и недосужим власть имущим лицам (без объяснений), и имеющей время учиться молодежи – с объяснениями. (Ямвлих считает истинным такое понимание.) 9.2. Нечестивец Гиппас. 10.1. История разглашения пифагорейской геометрии. 10.2. Заключение: эсотерики = видящие = математики = пифагорейцы // экзотерики = слышащие = акусматики = пифагористы; обе ветви школы восходят к Пифагору.

1. (80.) После этого скажем о том, как распределял он тех, кто прошел испытания, по отдельным группам согласно достоинству каждого. Ибо участие всех [его учеников] равно во всем [, чему он учил их,] не было правильно в силу неподобия их природ; но неправильно было и чтобы одни участвовали во всех наиважнейших беседах, другие же не участвовали ни в одной, ибо это было бы отчуждением и неравенством. Благодаря же тому, что он передавал каждой группе подобающую ей часть надлежащих учений, он заботился по возможности обо всех и сохранял логос справедливости; потому каждой группе он предоставлял чтения, которых она более всего была достойна.

Именно поэтому одних своих учеников он звал пифагорейцами, а других пифагористами, как и мы называем одних [писателей] аттическими авторами, а других аттикистами; наделив таким образом тех и других приличными им именами, он сделал одних своими близкими учениками, другим же положил являть ревностную приверженность к ним.

2. (81.) Пифагорейцам установил он иметь общее имущество, проводить всё время друг с другом, живя всем вместе, другим же приказал иметь личную собственность и сходиться для совместного обучения; таким образом, от Пифагора установилась традиция обоих этих способов [жизни учеников].

Согласно другому [пониманию], существовало два вида этой философии, ибо было два рода изучающих ее — акусматики и математики[136]. На этом основании люди внешние математиков <47> пифагорейцами признавали, а акусматиков нет, считая, что делание (πραγματείαν)[137] их не Пифагорово, но Гиппасово. О Гиппасе же одни говорят, что он из Кротона, а другие — что из Метапонта[138].

3. (82.) Философия акусматиков есть недоказуемые акусмы[139]: акусмы без объяснения, почему так именно до́лжно делать, а не иначе; всё сказанное *им* они стараются сохранить, как божественные догматы; они делают вид, что сами не говорят и не должны говорить, а наиболее разумными они считают тех, кто знает больше акусм. Все эти акусмы делятся на три вида. Одни отвечают на вопрос: «Что есть это?», другие — «Что есть самое?», третьи — «Что до́лжно делать?» или «Что не до́лжно делать?». Примеры акусм «Что есть это?»:

— Что есть острова блаженных?
— Солнце и Луна.

— Что есть оракул в Дельфах?
— Тетрактида, т. е. гармония, в которой Сирены[140].

---

[136] Гатри, на мой взгляд, весьма удачно переводит на английский: акусматики — hearers (слушатели, с оттенком: вольнослушатели), математики — students (учащиеся, с оттенком: кадеты).

[137] Вариант: учение.

[138] В каталоге пифагорейцев (XXXVI) Ямвлих причисляет его к гражданам Сибариса.

[139] В данном случае: императивы, заповеди.

[140] Тетрактида (Четверица) «охватывает всё существующее: число элементов, времен года, возрастов, сословий, и невозможно сказать, существует ли что-либо, не зависящее от четверицы как от корня и начала...» (Гиерокл. *Пифагорейские золотые стихи*, 466b). Тетрактидой пифагорейцы называли также соотношение первых четырех чисел, дающих

Примеры акусм «Что есть самое?»:

— Что есть самое справедливое (δικαιότατον)?
— Жертвовать.

— Что есть самое мудрое?
— Число.
— А второе [после числа]?
— Имена, данные вещам[141].

— Что есть самое мудрое у наших?
— Медицина.

— Что самое красивое?
— Гармония.

— Что самое сильное?
— Знание.

— Что самое лучшее?
— Счастье.

— Что говорится истиннее всего?
— Что люди порочны.

в сумме 10 (1 + 2 + 3 + 4) и как бы исчерпывающих природу числа, так как после 10 числовой ряд не имеет принципиально новых соотношений. Три главных музыкальных интервала представляют собой отношения первых четырех чисел: 2 : 1 (октава), 3 : 2 (квинта), 4 : 3 (кварта), причем октава (которую пифагорейцы называли «гармонией») делится на квинту и кварту: 2 : 1 = 3/2 : 4/3. По их представлениям, интервалы между восемью сферами космоса составляли октаву (или гармонию), причем на каждой сфере сидит сирена и поет определенную ноту (ср.: Платон. *Государство*, 617b–c). Богом же небесной гармонии был Аполлон.

[141] Ср. выше: XI. 3. 1; Элиан. *Пестрые рассказы*, 4, 17

Потому, говорят, хвалил Пифагор <48> Гипподаманта Саламинского, создавшего такие строки:

Боги, откуда вы суть, как вы стали такими [благими]?
Люди, откуда вы суть, как порочными стали [, скажите]![142]

4. (83.) Вот каковы акусмы этого рода: каждая отвечает на вопрос: «Что есть самое?» Мудрость в них та, которую называют также мудростью семи мудрецов. Ибо и они исследовали не что есть благо, но что есть лучшее, не что есть трудное, но что наитруднейшее (а это — познать себя); не что есть легкое, но что наилегчайшее (а это — следовать [своим] привычкам). Такие акусмы следовали за мудростью семи мудрецов, ибо они были раньше Пифагора[143].

Акусмы же, отвечающие на вопрос: «Что дóлжно делать?» или «Что не должно делать?» — таковы, например:

Дóлжно творить детей (ибо дóлжно оставить вместо себя тех, кто будет служить Богу).

Сначала дóлжно надевать правую сандалию.

Не дóлжно ни гулять по большим дорогам, ни погружать [руку] в сосуд с водой для очищений, ни мыться в [общественных] банях, ибо во всех этих случаях неясно, чисты ли те, с кем ты сообщаешься.

5. (84.) А вот еще другие:

Груза не снимать (ибо не следует быть причиной безделья), но взваливать вместе [с тем, кто его понесет].

---

[142] В оригинале в качестве вопросительного слова четырежды повторяется πόθεν, имеющее значение: «откуда?» и «Как, каким образом?»

[143] Ср.: Диоген Лаэртский, I. 36.

С женщиной, имеющей [на себе] золото, для детотворения не сближаться[144].

Без света не говорить[145].

Совершать возлияние <49> богам со стороны ручки килика[146], чтобы никто [потом] оттуда не пил.

Образ бога на перстне не носить, чтобы не осквернять его; ибо это изображение должно храниться в доме.

Не дóлжно гнать свою жену; ибо она просительница, поскольку от [родительского] очага мы ведем ее, и подаем ей правую руку[147].

Не приносить в жертву белого петуха; ибо он проситель, посвященный Месяца (Μηνός), почему петухи и указывают время.

6. (85.) Спрашивающему совета — никакого, кроме лучшего, не давать; ибо совет священен.

Труды — благо, наслаждения — во всех отношениях зло; ибо пришедшие [в этот мир] за наказанием должны быть наказаны.

Жертвовать и приходить к алтарю дóлжно необутым.

В храм не дóлжно заходить по пути; ибо божье дело не должно делаться заодно.

Если стойко сражаешься и получаешь рану спереди, умереть — благо, если противоположное — противоположно.

Только в тех животных не входит душа человека, которых законно приносить в жертву; потому тем, кому это подобает,

[144] Место в XXXI, 1 дает основание понять, что «женщины в золоте» это гетеры. Однако буквальный и общеобязательный характер всех акусматических предписаний распространяет эту акусму на любую «женщину в золоте».

[145] Ср.: *Протрептик*, 21.

[146] Широкий плоский сосуд на короткой ножке, его ручки иногда возвышаются над краем сосуда, иногда находятся почти вровень, что делает питие с их стороны почти невозможным.

[147] Варианты: берем ее, принимаем ее. В любом случае это жест покровителя.

следует вкушать только жертвенных животных, и никаких других[148].

Таковы эти [этические] акусмы; другие же, более пространные, <50> говорят о жертвоприношениях: какое из них когда и как следует совершать, — и о других [службах богам], о переселении отсюда[149], о могилах и о том, как дóлжно совершать погребение.

7. (86.) В некоторых акусмах проговаривается, «почему» дóлжно что-то делать: например, дóлжно творить детей, **чтобы оставить вместо себя того, кто будет служить богам**; в других же нет никаких пояснений.

Вероятно, некоторые пояснения возникли изначально [вместе с акусмами], другие же — позднее: например, хлеб не ломать, **потому что на суде в аду**[150] **(ᾄδου) это не принесет пользы**. Приложенные к акусмам разумные их объяснения (εἰκοτολογίαι) не пифагорейские, но принадлежащие внешним людям, старающимся примудрить (ἐπισοφιζομένων) и приладить [к заповедям Пифагора] правдоподобные логосы, как, например, только что упомянутый: о том, почему не дóлжно ломать хлеб. Ведь одни говорят: это потому, что не дóлжно разделять собирающее (в древности все друзья по-варварски ели от одного хлеба), другие говорят: это потому, что не дóлжно в начале дела создавать предзнаменование слома и поражения.

Однако всё, что они делят на то, что дóлжно делать или что не дóлжно делать, устремлено к божеству — такое у них начало: вся их жизнь строится так, чтобы следовать Богу, это сам логос их философии.

---

148 Ср.: Порфирий. *О воздержании*, II. 28.

149 Ср.: Платон. *Федон*, 117с.

150 Дорическая форма более привычного для нас ионического «аид», называющего и бога подземного мира, и сам подземный мир.

8. (87.) Смешно делают люди, ищущие блага где-то, а не у богов: это как если в стране, где властвует царь, служить какому-нибудь наместнику из граждан, пренебрегая тем, <51> кто начальствует над всеми. А именно так, по мысли пифагорейцев, и поступают люди.

2. Ведь поскольку есть Бог и Он — Господь всех, то дóлжно согласиться, что благо следует просить у Господа. Ибо и все люди дают блага тем, кого любят и кому радуются, а с кем у них наоборот, дают противоположное.

3. Такова мудрость акусматиков. Был же некий Гиппомедон — акусматик родом из Асины, что в Арголиде, он говорил, что сам Пифагор давал объяснения всех этих акусм, но поскольку передавали их многие и многие, понимая всё менее и менее, то [однажды] логос исчез, а проблемы (προβλήματα)[151] остались.

4. Пифагорейцы же из математиков [,во-первых,] и акусматиков признают пифагорейцами, [а во-вторых —] сами говорят больше [, чем акусматики]; и то, что они говорят, есть истина. Причина же несходства [акусм] состоит, по их словам, в следующем.

9. (88.) Пифагор прибыл из Ионии и с Самоса во время тирании Поликрата, когда Италия достигла акмэ, и стал близким знакомым первых людей в полисах. Поскольку же люди это были в летах и не имели досуга, будучи заняты политическими делами, то тяжело ему было говорить с ними посредством наук и доказательств, и он беседовал с ними просто, полагая, что ничуть не менее полезно — и не зная причины — знать, что дóлжно делать; так же и исцеляемые, хоть они и не знают, почему им нужно делать то [, что предписано], выздоравливают ничуть не хуже [, чем если бы знали]. Когда же он общался с людьми помоложе, имеющими возможность трудиться и обучаться, он говорил с ними по-

[151] Вопросы, сложные места; в нашем случае: непонятные наставления.

средством доказательств и наук. Так что одни [акусмы — те, что без объяснений, —] передаются от одних <52> [старших собеседников Пифагора], другие же [, те, что сопровождаются объяснениями,] — от иных [младших].

2. Что же до Гиппаса именно: поскольку он был пифагорейцем, то благодаря тому, что он разгласил [профанам] и первым нарисовал [для всеобщего обозрения] сферу из двенадцати пятиугольников, то погиб в море как нечестивец. Он стяжал славу открывшего [это построение человека], хотя все [эти открытия] — *того мужа* (так они называют Пифагора, не называя имени).

10. (89.) Пифагорейцы говорят, что геометрия была разглашена так. Один из пифагорейцев лишился имущества, и поскольку с ним случилось такое несчастье, ему позволили зарабатывать геометрией[152]. Сам же Пифагор называл геометрию историей[153].

2. Вот что мы слышали о различии между тем и другим деланием и между мужами, учившимися у Пифагора: о слушавших изнутри и вне завесы, видя и не видя *его* — этих внешних и внутренних нужно считать не кем иным, как упоминавшимися нами [акусматиками и математиками, пифагористами и пифагорейцами], также и политиков, экономов, номотетов следует полагать среди них[154].

---

[152] Поскольку геометрия обозначает буквально «землемерие», то, возможно, ему позволили зарабатывать землемерием.

[153] Основные значения слова: расспрашивание, наука, исследование.

[154] По-видимому, равно среди акусматиков и математиков. Хотя фраза не вполне ясна.

XIX. СВОЙ ПОДХОД К КАЖДОМУ. СКИФ АБАРИС

1.1. Индивидуальный подход Пифагора к каждому. 1.2–2.1. Скиф Абарис. Принятие его в школу без искуса. 2.2. Обращение Абариса. 2.3. Исповедание веры Абарисом. 2.4–3.1. Аполлонова стрела. Абарис чудотворец. 3.2. Пифагор принимает исповедание Абариса и утверждает его в вере. 3.3. Откровение Абарису. 3.4–4.1. Служение Абариса и его дальнейшее обучение Пифагором. 4.2–5. Свой подход к каждому.

1. (90.) Вообще, достойно знать, как много путей воспитания нашел Пифагор и что, сообразуясь с присущей каждому природой и силой, он передавал причитающуюся ему часть мудрости. Вот тому ярчайший пример.

2. Когда пришел Абарис — скиф из страны Гиперборейцев[155] — не получивший эллинского воспитания, не посвященный в мистерии <53> и при этом достигший преклонных лет, Пифагор ввел его [в школу] не посредством разнообразных созерцательных [дисциплин], но, вместо пятилетнего молчания, сопряженного все это время со слушанием, а также и других испытаний, он сделал его готовым к слушанию догматов сразу, обучив его в кратчайшие сроки посредством двух книг: *О природе*[156] и *О богах*.

2. (91.) Ибо Абарис пришел из страны Гиперборейцев, где был священником Аполлона, самым старшим по годам и мудрейшим в деле священнослужения; он возвращался из Эллады восвояси (εἰς τὰ ἴδια), чтобы положить собранное

[155] Об Абарисе ср.: Пиндар. *10-я пифийская ода*, ст. 29–47; Гераклид Понтийский. *Абарис, или о душе*. Легендарная фигура в античную эпоху: о нем писали Геродот, Гекатей Абдерский, Платон и даже Нонн Панопалитанский (уже в IV в. н. э.). Гимерий (*Эклоги*, XXV. 5) описывает торжественно прибытие Абариса в Афины, Диодор Сицилийский (II. 47) — на остров Делос.

[156] Ср.: Диоген Лаэртский, VIII. 6.

золото в храм бога в Гиперборее. Когда же, проходя через Италию, он увидел Пифагора, и тщательно сравнил его с богом[157], поскольку был священником, —

2. то уверовал Абарис, что не иной это кто, не человек, подобный богу, но сам Аполлон[158] — он видел это по величественной его внешности и, как священник, понимал по тем отличительным признакам, которые узнал, совершая богослужения.

3. Тогда он отдал Пифагору стрелу, которую взял из его храма, когда отправлялся в путь, чтобы она помогала ему преодолевать трудности в столь долгом странствии.

4. Ибо на ней преодолевал он места непроходимые — реки, озера, болота, горы и тому подобное; обратившись к ней со словами, как говорят, он совершал очищения, изгонял чуму и отвращал бури от полисов, которые просили его о помощи[159].

3. (92.) Действительно, мы знаем, что Лакедемон — после того, как был им очищен — не чумовал уже, хотя прежде ему часто <54> случалось претерпевать это из-за суровости места обитания: он расположен у подножья горы Тайгет, от которой, по чести сказать, исходит тяжелый зной; им был очищен и Кносс на Крите. Рассказывают и о других подтверждениях этой силы Абариса.

2. Пифагор принял стрелу и не удивился этому, не спросил о причине, по которой он отдает ее ему, как если бы поистине был богом. Отведя Абариса в сторону, он показал ему свое золотое бедро, дав знак, что тот не обманывается.

---

[157] То есть с изваянием бога в своем храме.

[158] Ср. выше VI. 3. 4; Элиан. *Пестрые рассказы*, II. 26.

[159] Стрела — атрибут Аполлона, как бога солнечного света. Солнечный свет очищает и животворит, почему Аполлона часто отождествляли с Асклепием или Пэаном. О стреле Абариса ср.: Геродот, IV. 36; Пиндар. *Фр.* 271. Платон (*Хармид*, 158b) называет Абариса, как и Замолксиса, «заклинателем от болезней».

И все предметы, находящиеся в [гиперборейском] храме, он ему перечислил, сообщив Абарису твердую веру в то, что он [действительно видит бога, а] не ошибается в опознании.

3. И еще сказал ему, что пришел *он* к людям ради служения и доброделания, что потому принял человеческий образ, чтобы — отчудившись от *высшего* (τὸ ὑπερέχον)[160] — не смутились люди и не бежали от обучения у него.

4. Он приказал Абарису оставаться у него и исправлять вместе с ним людей, которых они встречают; золото же, которое тот собрал, приобщить к имуществу учеников — тех, кто, следуя учению, поступил [со своим имуществом] так же; тех, кто делом подтвердил догмат, гласящий: «у друзей всё общее».

4. (93.) Так Абарис и остался с Пифагором, как мы теперь сказали; и он преподал ему физиологию и теологию вкратце, и вместо иероскопии[161] жертв передал ему [искусство] предсказания посредством чисел, считая, что оно чище, божественнее и роднее числам небесных богов. Передал он Абарису и другие подходящие ему обычаи.

2. Но вернемся к цели настоящей речи: Пифагор стремился исправить и изменить людей по-разному, исходя из того, кто и какой природой и силой обладал. <55> Все такого рода [случаи] передавались среди людей, а те, что запомнились, нелегко рассказать.

5. (94.) Мы приведем лишь немногие свидетельства о Пифагоровом [душе]водительстве и имеющиеся в нашем распоряжении воспоминания о нравах тех мужей.

---

[160] Вариант: отчудившись от его превосходства.

[161] Буквально: священносмотрение. Имеется в виду рассмотрение внутренностей животных, принесенных в жертву, с целью понять, как боги относятся к тому или иному человеческому замыслу и предприятию.

XX. ИСКУС

1. Испытания Пифагором желающих вступить в общину — сначала нравственные, и лишь потом интеллектуальные. 2. Культурное и дикое. Культурность есть необходимое условие знания.

1. (94) Первое, на что смотрел Пифагор, испытывая новичков, это могут ли они держать язык за зубами (ἐχεμυθεῖν)[162] — ибо таким именно он пользовался словом, — и замечал, могут ли учащиеся молчать и сохранять [при себе] то, что слышат, а затем, скромны ли они; он воспитывал в них скорее ревность по молчанию, нежели стремление говорить.

Досматривал он и за всем остальным: не увлекаются ли они безоглядно страстями и влечениями — никогда не считал он это делом второстепенным, всегда за этим присматривал, — как они ведут себя в гневе, как в увлечении, любят ли побеждать, честолюбивы ли и как ведут себя в соперничестве и в дружбе.

Если же, внимательно ко всему этому присмотревшись, он находил их годными благодаря добрым нравам, то смотрел уже на их понятливость и память. В первую очередь, способны ли они быстро и точно следовать сказанному, и затем — сопутствуют ли любовь (ἀγάπησις) и целомудрие (σωφροσύνη) полученным знаниям.

2. (95.) Он смотрел за тем, как их природы относятся к «приручению» (ἡμέρωσιν)[163], называл он это «воспитание» (κατάρτυσιν)[164]. Дикость же считал враждебной такому

[162] Речь идет об упоминавшемся ранее неразглашении.

[163] Варианты: одомашниванию, культивации, окультуриванию, воспитанию.

[164] С оттенком: дрессировка (слово обычно употреблялось в связи с укрощением диких лошадей). Думаю, можно было бы перевести словом «муштра».

[«возделанному»] образу жизни (διαγωγήν). Ибо за дикостью следуют наглость, бесстыдство, разнузданность, бестактность, невежество, анархия[165], пренебрежение и сопутствующие им [пороки], противоположные кротости и воспитанности (ἡμερότητι).

Во время испытания он смотрел на наличие этого именно [качества культурности], ради него упражнял своих учеников, отбирал [для жизни в школе] тех, кто соединялся с благами исходившей от него мудрости, и таким образом старался <56> возвести их к знаниям.

Если же он видел, что кто-то негоден для этого, он изгонял его как инородца и чужака.

XXI. ЕЖЕДНЕВНОЕ ПРАВИЛО

1–2. Режим дня у пифагорейцев-математиков: утренняя прогулка в одиночестве по безлюдным местам, встреча в храме ради обучения, 3. умащение и гимнастика, завтрак, занятие политическими делами, послеполуденная прогулка вдвоем или втроем, 4. купание, общая молитва, жертвоприношение, общая трапеза, 5–6.1. возлияние, чтение вслух, наставление при возлиянии. 6.2. Ношение белых льняных одежд, презрение к охоте.

1. (95.) После этого я расскажу об обычаях на каждый день, которые он передал своим друзьям, а они, будучи путеводимы им, поступали таким образом согласно его наставлениям.

2. (96.) Утренние прогулки совершали эти мужи в одиночестве, и в таких местах, где сходились соразмерные пустынность и безмолвие: там, где храмы и священные рощи и

[165] Здесь: неповиновение властям.

иная какая-нибудь радость. Ибо они полагали, что до́лжно не прежде встречаться с кем-нибудь, чем успокоишь свою душу и отладишь мысль; для успокоения же мысли показана такая тишина. Они полагали, что те, кто, поднявшись, сразу же окунается в толчею толпы, оказывается оглушен и смятен. Потому все пифагорейцы избирали всегда для прогулок священнейшие места. После [одиноких] утренних прогулок они встречались друг с другом — преимущественно в храмах, а если нет, то в подобных местах. Они пользовались этим временем, чтобы преподавать, обучать и исправлять нравы.

3. (97.) После так проведенного [утреннего] времени они обращались к заботе о теле. Они умащались, и большинство отправлялось на пробежку, меньшая часть занималась борьбой в садах и священных рощах, некоторые же занимались с гирями (ἁλτηροβολίᾳ)[166] или делали упражнения для рук (χειρονομία)[167], выбирая подходящие им упражнения для развития телесной силы[168]. Завтракали хлебом и медом или медовыми сотами, вина днем не вкушали. После завтрака занимались делами государственного управления (πολιτικὰς οἰκονομίας), решая вопросы о чужеземцах и гостеприимцах в соответствии с законами — все это <57> они стремились устроить после завтрака. После полудня они вновь отправлялись на прогулку, но уже не в одиночестве, как утром, а вдвоем или втроем, вспоминая изученное и навыкая в красивых манерах.

[166] Не вполне понятно, идет речь о прыжках с гирями или о метании гирь.

[167] Гатри переводит: in oratorical gesticulation; фон Альбрехт: im Faustkampf (в кулачном бое). Неопределенное слово не дает основания для сколько-то обоснованных уточнений.

[168] Ср.: *Золотые стихи пифагорейцев*, 32–34.

4. (98.) После прогулки купались[169] и омытыми встречались за общей трапезой, причем [за одним столом] возлежало не более десяти человек[170]. Когда все сотрапезники собирались, совершали возлияния, приносили жертву плодами и кадили ладаном. Затем шли на обед, чтобы отобедать до захода солнца. Были вино, ячменный хлеб и пшеничный (μάζῃ καὶ ἄρτῳ)[171], [основное] изысканное блюдо и овощи — как сырые, так и вареные. [В качестве основного блюда] подавалось мясо жертвенных животных[172], блюда же из морской рыбы вкушали редко, так как употребление некоторых из них по определенным причинам считалось не полезным.

5. (99.) После такого обеда совершали возлияния, потом читали [вслух]. Обычно читал самый младший, самый старший же смотрел за тем, чтобы читалось что́ до́лжно и как до́лжно. Когда уже собирались уходить, виночерпий наливал вина для возлияний, старший же, совершив возлияние возглашал: «Растения возделанного (ἥμερον) и плодоносящего не губить и вреда ему не причинять. Так же относиться и ко всякому живому существу, которое не наносит вреда человеческому роду — не губить и вреда не причинять.

6. (100.) Относительно же родов богов, <58> даймонов и героев образ мыслей иметь доброжелательный и благой[173]. Точно так же относиться к родителям и благодетелям. При-

---

[169] Варианты: ходили в баню, омывались.

[170] Ср.: Гомер. *Илиада*, II. 126.

[171] Вариант: лепешки и хлебы. Всякий ячменный хлеб печется в форме лепешки, поскольку из-за отсутствия клейковины (глютена) в зернах ячменя тесто, сделанное из ячменной муки, не поднимается.

[172] Ср. акусму выше (XVIII. 6): «Только в тех животных не входит душа человека, которых законно приносить в жертву; потому тем, кому это подобает, следует вкушать только жертвенных животных, и никаких других».

[173] Ср. выше VI. 4. 2; *Золотые стихи пифагорейцев*, 1–4.

ходить на помощь закону, с беззаконием сражаться». После этих слов все уходили в дом[174].

2. Одежду они носили белую и чистую, как и постели были у них белыми и чистыми. Простыни и гиматии были у них из льна, ибо шерстяными тканями они не пользовались[175]. Охоту они делом важным не считали и этого упражнения не использовали.

Таково было воспитание, которое Пифагор давал большинству этих мужей относительно ежедневного питания и образа жизни.

XXII. ПРИМЕР ОБУЧЕНИЯ ПОСРЕДСТВОМ АКУСМ. НАСТАВЛЕНИЕ О ДРУЖБЕ

1.1. Изгнать из дружбы агон и любопрительность, особенно младшим в отношении к старшим. 1.2. Старшие должны воспитывать младших бережно и благожелательно. 2.1. Следует всегда сохранять веру в друга. Не разрывать дружбу ни из-за каких внешних несчастий.

1. (101.) Дошел до нас и иной способ воспитания — посредством пифагорейских изречений, направленных на образ жизни людей и человеческие мнения; приведем из многого малое.

[174] Речь идет о доме в единственном числе, из чего можно понять, что Ямвлих представляет себе общину также и ночевавшей не по своим домам, но в одном доме.

[175] Ср.: «Одежда его была белая и чистая, постельная ткань — белая шерстяная, ибо лен в тех местах еще не стал известен» (Диоген Лаэртский, VIII. 19).

[Пифагор] требовал изгнать из истинной дружбы агон[176] и любопрительность[177], лучше всего — из всякой дружбы, если это возможно; если же нет, то — из дружбы с родителями и вообще старшими, а равно и благодетелями. Ибо сва́риться или препираться[178] с ними под влиянием гнева или иной какой страсти — это не беречь существующей дружбы. Они говорили, что в дружбе должно быть как можно меньше ран и гноящихся рубцов. Так и случается, если умеют уступать и смирять гнев оба, но лучше всего, если это делает младший, в каком бы из упомянутых выше чинов он ни был. <59>

2. Исправления и вразумления старшими младших (,которые они называли *педартасейс*[179],) должны, считали они, совершаться с большой благожелательностью и осмотрительностью; много во вразумлении до́лжно явить заботы и родственности [вразумляющему]: ведь таким именно образом становится вразумление изящным и полезным.

2. (102.) Из дружбы никогда не следует изгонять веру — ни во время забав, ни во время серьезных занятий. Ибо нелегко быть вполне здравой существующей дружбе, если

[176] Столь же плохо переводимое на русский язык слово, как и пайдейа: строго говоря, агон это состязание, но не просто состязание, а состязание на людях, и не просто на людях, а так, что даже если их и нет, они домысливаются и представляются. Агон пронизывал совершенно всё в греческой жизни, и честолюбивые европейцы последних веков обычно его превозносили как своего рода логос сперматикос античной культуры. Увы этому тяжелому заблуждению! С моей точки зрения, агон был врожденным пороком эллинства и, в конечном счете, одной из решающих причин его гибели.

[177] φιλονεικίαν.

[178] διαγωνίζεσθαι ἢ διαφιλονεκεῖν.

[179] πεδαρτάσεις — слово, являющееся синонимом только что употреблявшемуся слову «вразумления», νουθετήσεις. Возможно, следует производить его от πέδη — «путы» и ἀρτάω — «прикреплять, привязывать»; в этом случае оно переводилось бы «стреноживать»; этим путем пошел В. Б. Черниговский.

однажды в нравы тех, кто называется друзьями, вкрадется ложь.

2. Не следует разрывать дружбы из-за несчастья или иной какой-нибудь вторгающейся в жизнь немощи, но лишь испытывая отчаяние относительно друга и дружбы с ним из-за его великой испорченности и неисправимости.

Вот каков был тип исправления, который они осуществляли посредством [пифагорейских] изречений, направленных на все добродетели и образ жизни в целом.

XXIII. ОБУЧЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ СИМВОЛОВ

1.1. Египетское происхождение такого вида обучения, серьезное отношение к нему эллинов и Пифагора. 2. Символический язык писаний первых пифагорейцев есть исполнение заповеди о неразглашении. 3. За поверхностной вздорностью символического изложения таятся богооткровенные истины. Примеры пифагорейских символов.

1. (103.) Необходимейшим был у *него* и способ обучения через символы. К этому характиру[180] [обучения] всерьез относились почти все эллины, поскольку способ это был древний, но особенно в Египте первенствовал он в наиразличнейших формах.

Поэтому же и Пифагор весьма заботился том, чтобы человек мог толково разъяснить нравственные значения и неизреченные мысли (ἐννοίας) пифагорейских симво́лов: коликой правде[181] и истинам они причастны, если обнажить и освободить их от загадочного вида, сблизить их с простым и единообразным учением великой одаренности этих

[180] Здесь: тип, вид.

[181] ὀρθότητος.

философов, достигших превышающего человеческое <60> понимание богоподобия.

2. (104.) Те, кто вышел из этой школы, не только старейшие пифагорейцы, но и учившаяся у старца Пифагора молодежь — Филолай[182], Эврит[183], Харонд, Залевк, Брисон, Архит Старший, Аристей[184], Лисий, Эмпедокл, Замолксис[185], Эпименид, Милон, Левкипп, Алкмеон[186], Гиппас, Тимарид[187] и все те, кто [тогда] были с ними, — множество выдающихся удивительных мужей — свои рассуждения и беседы друг с другом, воспоминания и заметки, и сами свои письменные труды и все те работы, что были изданы ими (а большая их часть сохранилась до наших дней), написали языком не общим, разговорным и привычным всем иным [внешним школе авторам], которые стремятся, чтобы сказанное ими было просто и понятно, не так, чтобы неподготовленный слушатель мог взять это с наскока; нет, по заповеди Пифагора о неразглашении божественных тайн (μυστηρίων), они старались изъясняться способом, непонятным для непосвященных [в таинства школы], и посредством символов покрывали тьмой свои разговоры друг с другом и письменные труды.

---

[182] Филолай из Кротона — один из самых известных пифагорейцев старшего поколения, автор трактата *О природе* (где излагается учение о космосе, в центре которого *очаг вселенной*), музыковед; искал отображение свойств богов в геометрических фигурах.

[183] Эврит из Тарента — ученик Филолая; занимался вопросом, какое число свойственно той или иной вещи.

[184] Второй схоларх, преемник Пифагора

[185] Раб Пифагора, скиф, позднее проповедник учения о бессмертии души среди гетов; после смерти причислен ими к богам.

[186] Алкмеон из Кротона — автор сочинения *О природе*; в основном занимался медициной и астрономией.

[187] Тимарид с Пароса — занимался исследованиями числа; открыл метод эпантемы (ср.: *О Никомаховом «Введении в арифметику»*, III. В нашем издании: Т. 1. С. 237).

3. (105.) Если кто-нибудь выберет [из пифагорейского учения в целом] эти символы и не раскроет их, не истолкует без насмешек, то они будут смешны и случайным людям покажутся словами старух, полными вздора и болтовни. Если же символы будут раскрыты с учетом пифагорейского способа[188] [передачи знаний] и станут для многих не темными, но ясными <61> и прозрачными, они будут соответствовать повелениям и прорицаниям Пифийца, явят удивительный замысел и доставят даймоническое вдохновение тем из изучающих древних авторов[189], кто понял [их смысл]. Чтобы этот способ обучения стал яснее, не дурно будет вспомнить некоторые из этих символов.

Идя по своим делам, ни заходить в храм не до́лжно, ни молиться[190] обыкновенно, даже если доведется тебе проходить возле самых его дверей.

Жертвуй и совершай земные поклоны разутым.

Уклоняясь от больших дорог, гуляй тропами.

О вещах пифагорейских без света не говори.

Таков был в общем виде способ обучения через символы.

XXIV. ЗАКОНЫ О ПИЩЕ

1.1. Предписания для всех. Пища не должна вызывать телесного возмущения. 1.2. Пища не должна быть чуждой богам. 1.3. Воздерживаться от употребления считающегося священным. 1.4. Отказаться от употребления пищи, препятствующей пророчеству и марающей душу. 2.1. От той,

[188] κατὰ τούτων τρόπον.

[189] φιλολόγων.

[190] Речь здесь и ниже идет либо о земном поклоне, либо о поклонении в неопределенном смысле: употребляются производные от προσκυνέω.

что склоняет к порочной жизни и препятствует чистоте снов.

2.2. Предписания для философов. Воздержание от вкушения одушевленных существ и от принесения их в жертву, отказ от винопития. 3.1. Сам Пифагор так именно и поступал. 3.2. Труд законодателей тщетен, если они несправедливы относительно животных. 4.1. Менее совершенным ученикам он предписывал не вкушать сердца и мозгов. 4.2. Божественный Логос — причина запрета вкушать одушевленных. 4.3. Предписывалось воздерживаться также от мальвы, рыбы чернохвостки, барабульки, бобов.

1. (106.) Поскольку и питание, когда оно хорошо и регулярно, весьма сильно содействует наилучшему обучению, рассмотрим, что об этом законоположил Пифагор. Из всей пищи он отвергал, как непригодную, ту, которая производит ветры и возмущение, принимал же и предписывал пользовать ту, что производит противоположное — спокойное и собранное состояние тела. Потому он считал, что и просо пригодно в пищу.

2. Всецело отвергал он чуждую богам пищу, поскольку она уводит нас от родства с богами.

3. Он предписывал строго воздерживаться от употребления в пищу считающегося священным, так как такие [животные и растения] достойны почестей, а не общего употребления людьми;

4. то же и о пище, препятствующей пророчеству, марающей чистоту и непорочность души, не способствующей сохранению самообладания <62> и состояния доблести.

2. (107.) И от тех яств, которые противятся ведению непорочной жизни и помутняют чистоту души, между прочим, и в том, что касается сновидческих образов, он отказывался[191]. Это вот относительно пищи он предписал всем,

[191] Ср.: Платон. *Государство*, 571е–572b. О богообщении во сне см. выше: XVI. 3. 2.

2. философам же наиболее созерцательным, достигшим в силу этого высших степеней [посвящения], заповедал особо: раз и навсегда освободиться от излишних и вредных снедей: одушевленного никогда не есть, вина вовсе не пить, живых существ богам в жертву не приносить, ни в чем не вредить им, но с величайшей заботой блюсти в отношении к ним справедливость.

3. (108.) И сам он таким образом жил: воздерживался от животной пищи, приносил бескровные жертвы, желал, чтобы и другие не убивали соприродных нам живых существ; диких же животных он скорее вразумлял и воспитывал их [убеждающим] словом и делом, а не причиняющим вред наказанием[192].

2. Уже законодательствующим политикам он предписывал воздерживаться от одушевленных: ибо те, кто желает поступать в высшей степени справедливо, должны не причинять никакой несправедливости родственным нам живым существам. Ведь как бы они убедили других людей поступать по справедливости, если сами они пленены жадностью [к избыточному]. Родственная же общность с живыми существами, наличная благодаря [общей] жизни и общению стихий и из них составляющихся смесей, сопрягает нас с ними как с братьями.

4. (109.) Впрочем, другим [своим ученикам], чей образ жизни не был всецело очищен, свят и философичен, он позволил вкушать некоторых живых существ[193]; но и им <63> назначил определенное время для воздержания. Им он предписал не есть ни сердца, ни мозгов — от этого он отвратил всех пифагорейцев; ибо сердце и мозг суть

---

[192] Об этом см. выше: гл. XIII.

[193] Ср.: Порфирий. *О воздержании*, II. 3.

вожди[194], они подобны мосткам и седалищам[195] мышления и жизни.

2. Причиной же этого религиозного отвержения Пифагором животных снедей была природа божественного Логоса.

3. Таким образом и от мальвы велел удерживаться, потому что она первый ангел и печать (σημάντρια) симпатии небесного к земному. И от рыбы чернохвостки предписал воздержаться, ибо она — богов хтонических. Так вот и барабульку [велел] не вкушать по другой [какой-то] причине. И «воздержание от бобов» [заповедал он] по многим священным и природным и имеющим отношение к душе причинам. Таким вот образом узаконил он и иные подобные этим вещи и начал вести людей к добродетели через пищу.

XXV. ЕЩЕ О МУЗЫКАЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ

1.1. Исцеление музыкой. 1.2. Весенние песни. 2. Целящие песни. Танец. Лира, но не авлос. 3. Пифагор и безумствующий любовник. 4–5.1. Эмпедокл и мститель за отца. 5.2. Настройки, слаживания, контакты. 5.3. Исцеление телесных болезней посредством мелодических наговоров; эпод.

1. (110.) Он полагал, что и музыка оказывает великую помощь здоровью, если пользоваться ею согласно подобающим ладам (τρόπους). В обычае у него было использовать такое очищение не между делом: ведь и называл он его «исцеление музыкой».

2. В пору весны он устраивал <64> исполнение песен вот как: в центре усаживался играющий на лире, а вокруг — способные петь: он бряцает по струнам, они поют некие пеаны; и благодаря этому они веселились, становились размеренны

[194] Т. е. ведущие начала.

[195] ἐπιβάθραι καὶ ἕδραι, т. е. средствам осуществления и основаниям.

и изящны в серьезности (ἐμμελεῖς)[196]. Ученики же и в другое время использовали музыку в целительном чине.

2. (111.) Существуют [пифагорейские] песни против наведенных состояний души: одни были изобретены как действеннейшее средство против уныния (ἀθυμίας)[197] и грызущего горя (δηγμούς), другие, опять же, против порывов гнева и неразумных сердечных влечений (θυμοὺς) и всех отклонений такой [вышедшей из себя] души; открыт и другой род музыкального творчества[198], направленный против низких желаний (ἐπιθυμίας)[199]. Пользуются и танцем. В качестве инструмента используют лиру, ибо Пифагор считал, что звук авлоса нагл и праздничен — и никоим образом не достоин свободного человека. Для исправления души использовались также избранные стихи из Гомера и Гесиода.

3. (112.) Рассказывают, что Пифагор некогда с помощью флейтиста унял спондеической мелодией[200] беснование пьяного юноши из Тавромения: тот ломился ночью к своей возлюбленной через ворота соперника, собираясь зажечь [усадьбу], ибо был взбудоражен и воспламенен музыкой фригийской флейты. Был, однако, быстро успокоен Пифагором. Сам он наблюдал глухой ночью за звездами и убедил [сопровождавшего юношу] флейтиста <65> перейти на спондеическую мелодию, благодаря чему молодой человек тут же успокоился и благопристойно отправился домой, хотя за минуту до этого он не держал себя в руках, не

[196] Варианты: упорядоченными, умеренными, хорошо устроенными.

[197] Варианты: подавленности, тревоги, упадка духа.

[198] γένος μελοποιίας.

[199] Подробнее о воздействии музыки см.: Плутарх. *О музыке*.

[200] Т. е. мелодией, исполнявшейся при произнесении слов (стихов?), сопровождающих возлияния богам. Слово происходит от σπονδή — возлияние.

выдерживал прямо попыток философа уговорить его, безрассудно и с гневом отвергал участие Пифагора.

4. (113.) Когда некий юноша уже обнажил меч, чтобы поразить его гостеприимца Анхита, поскольку тот, будучи судьей, от лица государства приговорил отца этого молодого человека к смерти, и теперь он бросился, будучи в гневе и смятении, усечь мечом осудившего его отца человека, словно бы Анхит был убийцей — Эмпедокл настраивал лиру; [оценив положение,] он облегчил страдание юноши смягчающей и умиротворяющей песней, тотчас, по слову поэта, влив

> ...соку
> Гореусладного, миротворящего, сердцу забвение
> Бедствий дарящего[201], —

чем и спас своего гостеприимца Анхита от смерти, а юношу от человекоубийства.

5. (114.) Рассказывают, что после того случая этот юноша стал вернейшим учеником Эмпедокла.

2. Поэтому-то и вся школа пифагорейская совершала так называемые настройки (ἐξαρτύσεις), слаживания (συναρμογὰν) и контакты (ἐπαφὰς): посредством подобающих мелодий они с пользой для души сообщали ей состояния, противоположные наличным в ней. [Например,] отходя ко сну, они очищали мысль от дневных волнений и шумов определенными песнями и особыми мелодиями и благодаря этому доставляли себе спокойный сон с немногими и приятными снами, а поднявшись с постели — вновь освобождались от ночного оцепенения и вялости посредством песен в ином ладе, <66> а иногда и напевов без слов.

[201] Гомер. *Одиссея*, IV. 221. Перевод В. А. Жуковского.

3. Говорят, бывало, изгоняли они и страсти и болезни, поистине приговаривая (ἐπᾴδοντες)[202]; отсюда, похоже, и пошло в народ (εἰς μέσον) слово «эпод» — приговор, наговор.

Таким образом учредил Пифагор в высшей степени полезное исправление нравов человеческих и жизней посредством музыки.

XXVI. ГАРМОНИКА[203]

1.1. Открытие гармоники. 1.2–2.1. История с кузницей. 2.2–3.1. Эксперимент со струнами и грузом, открытие соответствия между числовыми отношениями и музыкальными интервалами. 3.2. Октава (12 : 6). 3.3. Квинта (12 : 8). 3.4. Кварта (12 : 9). 3.5. Квинта (9 : 6). 4.1. Кварта (8 : 6). 4.2. Тон (9 : 8). 4.3. Два способа составить октаву: квинта + кварта (12 : 8 : 6) и кварта + квинта (12 : 9 : 6). 4.4. Изобретение хордотона, использование колков. 5.1. Испытание открытых соответствий на авлосах и других инструментах. 5.2. Наименование звуков: гипата (6), меса (8), парамеса (9), нэта (12). 5.3. Интервалы: двойной (2 : 1), полуторный (3 : 2), эпитрит (4 : 3), эпогдоада (9 : 8). 6.1. Диатонические ступени. 6.2. Кварта (2 тона и полутон). 6.3. Квинта (3 тона и полутон). 6.4. Иная кварта (полутон и 2 тона). 6.5. Древний семиструнник. 7. Пифагорейский восьмиструнник.

1. (115.) Поскольку мы стали здесь говорить о мудрости Пифагора в деле воспитания, то не худо бы по порядку рассказать, как он открыл науку гармоники и гармонические логосы. Начнем — немного отступив назад.

---

[202] Здесь: зачаровывая, заклиная; слово обозначает также «петь», «сопровождать пением».

[203] Настоящая глава является почти прямой цитатой из *Руководства по гармонике*, гл. 6–7, Никомаха из Герасы. Мы приводим этот текст в *Приложении I*.

2. Однажды, будучи озабочен и напряжено рассуждая, возможно ли придумать слуху какое-нибудь инструментальное подспорье — незыблемое и не обманывающее, каковым зрение обладает благодаря циркулю и линейке или, клянусь Дием, благодаря диоптре[204], а осязание — благодаря весам и изобретению мер, — он прогуливался неподалеку от кузницы; благодаря даймоническому стечению обстоятельств он прислушался к ударам молотов по железу на наковальне, и вот чередующиеся удары создают в высшей степени согласные друг с другом звуки, кроме одной пары. Он распознал в них созвучия: октаву, квинту и кварту; увидел, что интервал между квинтой и квартой[205] сам по себе не созвучен, но иным способом восполняет расстояние между ними.

2. (116.) Радуясь тому, что понимание пришло к нему благодаря Богу, он вошел в кузницу, где посредством многообразных опытов <67> нашел, что разница в звуках возникает исключительно из-за массы молотов, а не благодаря силе удара или форме бойка и не от изменения положения ударяемого железа. Узнав точный вес молотов и то, что их наклон при ударе одинаков, он ушел к себе.

2. К вбитому под углом к стенам колышку — одному, чтобы не явилось в этом никакого различия, дабы не учитывать разницу особенностей колышков — он привязал четыре струны из одного материала и равного числа составляющих [нитей][206], равной толщины и одинакового плетения, привязал одну за другой; при равной их длине прикрепил снизу к каждой разный груз.

---

[204] Диоптра — угломерный прибор для измерения высоты отдаленных предметов.

[205] Большая секунда.

[206] Речь идет о струнах, свитых из льна или конопли: они были широко распространены, наряду со струнами из кишек и сухожилий.

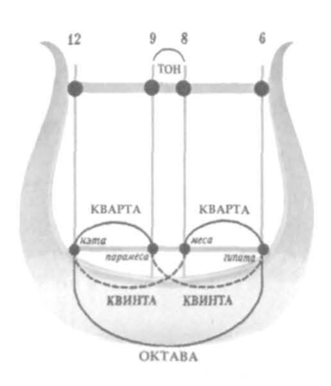
3. (117.) Затем — ударяя разом по паре струн — он нашел созвучия, о которых мы говорили: разные в разных парах. Он установил, что струна, к которой прикреплен больший вес, вместе со струной, к которой прикреплен меньший, образуют звучание в октаву.

2. Больший груз был составлен из двенадцати гирек, меньший — из шести. В двойном отношении явилось [звучание] в октаву, что обнаруживал и вес гирек.

3. Та струна, что была по соседству со струной с наименьшим весом [в 6 гирек], — та, к которой было привешено 8 гирек, — и струна с самым большим весом [в 12 гирек] звучали в квинту и являлись в полуторном отношении (3:2); в таком же отношении находились и подвешенные к ним тяжести.

4. К той струне, что шла за струной с самым большим весом [в 12 гирек], был прикреплен вес больший, чем к двум остальным, — 9 гирек; между ней и струной с наибольшим грузом было звучание в кварту, и аналогично соотносились грузы. Он установил, что струна с наибольшим весом относится к ней как эпитрит[207], как 4 к 3;

5. а между ней и струной с наименьшим весом существует полуторное отношение, ибо 9 к 6 относятся именно так.

[207] Эпитрит — это целое и одна треть.

4. (118.) Струна, следующая за струной с наименьшим весом, — та, к которой было привешено <68> 8 гирек, — образовывала с той, к которой было привешено 6 гирек, точно такое же отношение эпитрит: 4 к 3; а с той, к которой было привешено 12 гирек, струна с восьмью гирьками находилась в полуторном отношении.

2. Промежуток между квинтой и квартой, на который квинта больше кварты, был найден в отношении 9 к 8, в котором находилисќ струна с девятью гирьками к струне с восьмью.

3. Устройство октавы выглядело двояко: с одной стороны, октава представляла собой сочетание квинты и кварты, как и двойное отношение представляет собой сочетания полуторного и эпитрита, [что явствует из отношений чисел] 12, 8 и 6, например.

С другой стороны, если начать с кварты, то октава будет соединением кварты и квинты [а не наоборот], и двойное отношение составится из эпитрита (4 : 3) и полуторного отношения (3 : 2) [, поменявшихся теперь местами], что ясно из отношений чисел 12, 9 и 6 друг к другу[208].

4. Набив руку и истончив слух в опытах с подвешенными тяжестями, поняв логос их отношений, он искусно перенес общую привязь струн с вбитого под углом колышка на нижнюю часть инструмента, которую назвал струнотяг (χορδότον)[209]; степень же натяжения струн, аналогичную

[208] Неоднократно указывалось, что весь этот рассказ представляет собой чистейший вымысел, поскольку грузы на одинаковых струнах должны относиться как квадраты характеристических отношений интервалов: для октавы 4 : 1, а не 2 : 1, для квинты 9 : 4, а не 3 : 2, для кварты 16 : 9, а не 4: 3.

[209] Сейчас мы называем эту часть инструмента «струнодержатель» — небольшая дощечка в нижней части «звукового ящика». Насколько мы сейчас представляем древнюю лиру, струны снизу могли крепиться на «звуковом ящике» и лишь проходить через хордотон, а могли крепиться и к нему самому.

той, что создавали тяжести, производили теперь равномерно вращающиеся колки вверху.

5. (119.) Пользуясь этим средством, как верной приметой, он распространил вслед за этим свой опыт на различные инструменты: кимвалы[210], авлосы[211], сиринги (свирели), монохорды (однострунники)[212], тригоны[213], и другие близкие к ним — во всех них он нашел созвучие и ничуть не отличающееся [в разных случаях] понятие[214] [, данное] через число.

2. Он назвал *гипатой* звук, причастный 6; звук, связанный с 8, относящийся к *гипате* как как 4 к 3 (эпитрит), он назвал *месой*; звук, участвующий в 9, — тот, что идет вслед за *месой* и на тон выше *месы* (а такова эпогдоада[215] — отношение 9 к 8), — *парамесой*; <69> звук же, связанный с 12, — он назвал *нэтой*.

3. Заполнив интервалы согласно диатоническому роду аналогичными звуками, он таким образом подчинил октахорд созвучным числам, двойному (2 к 1) [отношению], полуторному (3 к 2), эпитриту (4 к 3) и отличной от них эпогдоаде (отношению 9 к 8).

---

[210] Неизвестно, можно ли отождествить λεκίδων τε κροῦσιν, о которых говорит здесь Ямвлих с κύμβαλα; ничего лучшего, однако, не придумывается. Гатри переводит: the striking of pans; фон Альбрехт — Beckenschlag.

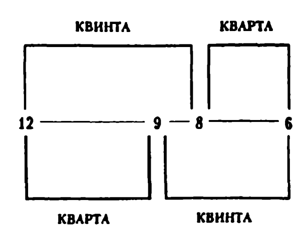
[211] Поскольку античный авлос, судя по всему, был инструментом язычковым, то следует оставлять это слово без перевода, чтобы не вызывать у читателя ложных ассоциаций.

[212] Ямвлих здесь отождествляет арабский народный инструмент — монохорд — и пифагорейское приспособление, называвшееся по-другому, *канон*, лишенное резонатора, зато наделенное цифровой шкалой, имевшее школьное, а не музыкальное употребление, а именно — служащее для демонстрации пропорциональных выражений музыкальных интервалов. Единственное, что объединяет монохорд и канон, — наличие одной струны.

[213] Разновидность арфы, имевшей, вероятно, треугольный «звуковой ящик».

[214] κατάληψιν.

[215] Т. е. величина, содержащая целое и восьмую часть.

6. (120.) Таким образом, он открыл в диатоническом роде некое необходимое природное продвижение от самого низкого звука к самому высокому. Хроматический и энгармонический роды он сделал ясными, опять же, из диатонического, что мы покажем, когда будем говорить о музыке.

2. Диатонический же род вот какие являет ступени, вот какие природные движения вперед: полутон, тон, затем еще тон — это и есть *кварта*: сочетание двух тонов и так называемого полутона.

3. Если прибавляется другой тон, вставляющийся в середину, возникает *квинта*: сочетание трех тонов и полутона.

4. Следующей идет другая кварта: полутон, тон и тон, т. е. еще один эпитрит (отношение 4 к 3).

5. Так что у более древнего «семиструнника»[216] каждый четвертый звук, начиная от самого низкого, и на протяжении всего звукоряда образовывали созвучие в кварту, причем полутон переходил и занимал последовательно первое, срединное и третье место в «четырехструннике»[217].

7. (121.) В пифагорейском же «восьмиструннике» — состоял ли он в соединении систем «четырехструнника» и «пятиструнника» или в сопряжении двух «четырехструнников», отделенных друг от друга тоном, — имелось продви-

[216] Имеется виду разновидность лиры.

[217] Устройство гептахорда: «полутон — тон — тон — полутон — тон — тон». Такое же соотношение ступеней звукоряда видим в древнерусской «горке», лежащей в основе знаменного пения.

жение от низкого звука, так что каждый пятый звук образовывал созвучие квинты, полутон же, продвигаясь, <70> [последовательно] занимал четыре места: первое, второе, третье и четвертое[218].

Таким образом, рассказывают, открыл он музыку, и — приведя в систему — передал ученикам в качестве помощника во всех прекрасных делах.

XXVII. ПИФАГОРЕЙЦЫ В ПОЛИТИКЕ

1–2. Пифагореец убеждает кротонцев отказаться от роскошных похорон. 3.1. Пифагореец выносит суд о человеке по его отношению к усопшему. 3.2. История о разделенной поровну пене. 3.3. Пифагореец в деле об обманутой ломбардщице. 4. Пифагореец вразумляет поверившего клевете. 5.1. Дело о поясе с золотом, упавшем в храме. 5.2. Дело о журавлях-свидетелях. 5.3. Пифагорейцы ссорятся. 6. Пифагореец отнимает товарища у пиратов. 7. Один пифагореец устраивает другому побег из плена накануне казни. 8. Переход к рассказу о пифагорейцах во власти. 9.1. Пифагорейцы-законодатели. 9.2. Пифагор — создатель политического воспитания. 9.3–10.1. Геометрический образ лучшей политии. 10.2. Стремление Пифагора найти «средний путь». 11. Пифагор убеждает кротонцев отказаться от наложниц. 12.1. Пифагор и послы из Сибариса. 12.2. Заключение.

1. (122.) Хвалят и многие политические дела людей, ему близких. Говорят, что когда кротонцев охватило желание устраивать роскошные траурные процессии и могилы, то один из пифагорейцев сказал народу, что слышал, как в своем рассуждении о богах Пифагор указал на то, что

[218] Устройство октахорда: «полутон — тон — тон — тон — полутон — тон — тон». Это соотношение представляет собой хорошо нам известную по новоевропейской музыке октаву.

Олимпийцы обращают внимание не на множество жертв, но на внутреннее расположение жертвователя[219]; хтонические же боги — напротив, поскольку им выпала худшая доля, внимают коммосам и френам[220], радуются постоянным возлияниям, [погребальным] десертам[221] и сопряженным с большими тратами заупокойным жертвам.

2. (123.) Из-за склонности Аида к таким угощениям его называют Плутоном (Богатство); и тем, кто почитает его незатейливо, он позволяет немного побыть в верхнем космосе, но из расположенных расточительно тратиться на погребальные торжества он всегда кого-нибудь сводит вниз, чтобы быть почтённым при поминовении усопшего.

Этим своим наставлением он вызвал в слушателях понимание того, что — будучи умерены в несчастьях — они поспособствуют своему спасению, а переходя через край в [погребальных] расходах, погибнут раньше времени.

3. (124.) Другой пифагореец, став третейским судьей в деле без свидетелей, прогуливался по отдельности с каждым из тяжущихся и, останавливаясь с каждым из них у некоего надгробия, говорил, что лежащий здесь был человеком в высшей степени справедливым. Один из судящихся сказал о покойном много добрых слов, другой только спросил: <71> «Что же это ему принесло?»; пифагореец стал подозрителен к последнему и склонился к тому, чтобы поверить хвалившему калокагатию покойного.

---

[219] Ср.: Порфирий. *О воздержании*, II. 15.

[220] Речь идет о театрализованных моментах погребального обряда — *биение себя в грудь и плач* — которые, как правило, исполнялись профессионалами и не имели ничего общего с наивным выражением чувств.

[221] ἐπιφορήμασι — не вполне ясно, идет ли речь о еде на поминках или о той еде, которую оставляют на могилах. Слово обозначает блюдо, подаваемое в конце трапезы.

2. Другой, став третейским судьей в большом деле, постановил, что один из судящихся должен заплатить четыре таланта, другой же принять два. Затем от того, кто принял два, он отсудил три и дал их первому, и, видимо, дал каждому по таланту[222].

3. Два человека, замыслив злодеяние, оставили у рыночной женщины[223] гиматий и договорились с ней, что она отдаст его им, когда они явятся за ним оба; после этого они так обманули ее: один [, внеся деньги,] забрал у нее плащ, сказав, что договорился с первым, другой же — тот, что не пришел, — донес властям о бывшем изначально договоре [, требуя от женщины возмещения за пропавший гиматий]. Взявшийся рассудить это дело пифагореец вынес вердикт: женщина будет права, если они явятся вместе[224].

4. (125.) Двое людей казались крепкими друзьями, но один скрытно стал подозревать другого благодаря наветам одного из клиентов, который сказал, что тот растлил его жену. Одному из пифагорейцев случилось зайти в кузницу в тот момент, когда считавший себя претерпевшим несправедливость выговаривал кузнецу по поводу кинжала, казавшегося ему недостаточно острым. Догадавшись, что кинжал готовится им для мести, он [пифагореец] сказал: «Чего угодно острее твой кинжал, но не острее клеветы». Этими словами он изменил его образ мыслей, и тот не совершил

[222] Таким образом, первый заплатил четыре, получил обратно три и еще один (из двух, удержанных на время судьей); второй получил два, отдал 3 и получил один. В результате этих сложных операций каждый остался при своем, но с ощущением того, что их сложная тяжба разрешилась справедливо.

[223] Вероятно, мы должны привести этот персонаж к современным реалиям как *ломбардщицу*.

[224] Как судья, он имел право вызвать в суд всех троих и, вероятно, сделал это (в то время как злоумышленники делали ставку как раз на то, что отсутствие одного из них лишит слова женщины доверия).

опрометчиво преступления против друга, которого уже позвал в дом.

5. (126.) Другой же пифагореец — когда у одного из чужеземцев упал в храме Асклепия пояс с золотом, закон же запрещал <72> поднимать упавшее на землю, и чужеземец изливался в жалобах, — велел золото из пояса извлечь, поскольку оно упало, но не на землю, пояс же оставить, ибо на землю упал именно он.

2. А вот что случилось, говорят, в Кротоне, хотя люди незнающие переносят это в другое место: когда во время представления над театром пролетали журавли, один из зрителей, прибывших в город морем, сказал сидевшему поблизости: «Видишь свидетелей?». Один из пифагорейцев, услышав это, отвел их на суд хилиархов, предположив (и, как выяснилось в результате допроса их рабов, предположив верно), что они утопили в море каких-то людей, которые призвали летевших над кораблем журавлей в свидетели[225].

3. Когда два пифагорейца, по-видимому, поссорились и уже отправлялись к Пифагору, младший вдруг подошел к старшему и испросил прощения, сказав, что не до́лжно им обращаться к третьему, но — пренебречь гневом в себе; другой же, выслушав, ответил, что со всем согласен, разве что стыдится того, что — будучи старшим — не подошел [примириться] первым.

6. (127.) <...> [К этому можно прибавить то, что говорят:] о Финтии и Дамоне[226], о Платоне и Архите[227], о Клинии и Проре.

---

[225] Ср. историю о журавлях Ивика (Ивик, современник Пифагора, родом с Сицилии, был поэтом при дворе Поликрата).

[226] Об их дружбе см. ниже: XXXIII. 6.2–8.

[227] Ср.: Платон. *Письма*, VII.

А кроме этого, рассказывают об Евбуле Мессинском, что, плывя домой, он был захвачен тирренами и увезен в Тиррению[228]. Тиррен Навзит[229], будучи пифагорейцем, узнал, что Евбул — ученик Пифагора, отнял его у пиратов и в полной безопасности <73> привез в Мессину.

7. (128.) Когда карфагеняне собирались более пяти тысяч плененных ими мужей отправить [умирать] на пустынный остров, то карфагенец Мильтиад увидел среди них аргивянина Поссида (оба были пифагорейцами), подошел к нему и, не открывая готовящегося, убедил его бежать на родину как можно скорее. Посадив его на проходящее судно и снабдив средствами на дорогу, он спас его от [смертельной] опасности.

Вообще, если бы кто-нибудь взялся рассказать обо всех случаях взаимовыручки пифагорейцев, то рассказ этот вышел бы больше, чем полезно для книги.

8. (129.) Лучше перейду я к тому, как были некоторые из пифагорейцев политиками и начальниками. Ибо и законы они блюли, и некоторыми полисами италийскими управляли, причем так, что — провозглашая и советуя наилучшее — общественными доходами не пользовались. Когда же воздвиглись на них многие клеветы, то до определенного момента побеждала все равно калокагатия пифагорейцев и воля самих полисов, желавших, чтобы домостроительством в них занимались именно пифагорейцы. Считается, что именно в это время Италии и на Сицилии были лучшие политии.

9. (130.) Ибо Харонд из Катаны, имеющий славу одного из лучших законодателей, был пифагореец; Залевк и Тимар,

---

[228] Имеются в виду этруски и Этрурия.

[229] Другое чтение имени: Навсифой.

локрийцы, приобретшие имя делом законотворчества, были пифагорейцы; и те люди — Фитий, Феокл, <74> Геликаон, Аристократ, — что создали законодательства Регины[230]: одно, именуемое «гимнасиарховым», и другое — «Феокловым», — были, говорят пифагорейцы; они отличались [от других в лучшую сторону] образом жизни и нравами, равно как и находившиеся в тех местах полисы, пользовавшиеся тогда их законами.

2. Вообще же говорят, что Пифагор был тем, кто открыл и политическое воспитание в целом. Он говорил, что ни одна из сущих вещей не существует без примеси, но земля причастна огню, огонь причастен воде, воздух — земле, воде и огню, они же — воздуху, так что красивое причастно безобразному, и справедливое — несправедливому, и все остальное [существует] благодаря и согласно тому же логосу. (На этом основании [тот] логос [, что в человеке,] получает порыв (ὁρμήν) к каждой части: существуют два движения и тела, и души — безлогосное и свободно выбранное[231].)

3. Что же до политии, то он собирал ее из трех линий, чьи концы соприкасаются так, что образуют прямой угол; одна из них имеет природу эпитрита [отношения 4 к 3], другая силу пяти, третья же — средняя между ними[232].

10. (131.) Если мы рассчитаем встречи (συμπτώσεις) этих линий друг с другом и площади (χωρίον), происходящие от них, то напечатлеем икону лучшей политии. Платон же присвоил славу [этого иконописания] себе, открыто сказав

[230] На латинский лад этот город назывался Регий.

[231] προαιρετικήν.

[232] Речь идет о знаменитом «египетском треугольнике»: прямоугольном треугольнике с соотношением сторон 3 : 4 : 5. Знание об этих отношениях позволяло египтянам находить прямой угол на местности: брали веревку, делили на 12 равных частей (завязывая узелки), соединяли концы, чтобы получить замкнутый контур; растягивали на колышках. чтобы получить соотношение сторон 3 : 4 : 5. Угол между сторонами 3 и 4 оказывался прямым.

в «Политии»[233], что эпитрит есть основание, сопряженное с пятеркой и дающее две гармонические пропорции.

2. Пифагор, говорят, упражнялся и в мернострастии (μετριοπαθείας), и в достижении [золотой] середины[234], и в том, чтобы сделать жизнь каждого, избравшего какое-либо благо, счастливой, одним словом — в том, чтобы открыть [формулу] выбора наших благ и подходящих занятий.

11. (132.) Рассказывают, что кротонцы отказались от наложниц и вообще от внебрачных связей. <75> Существует красивое и замечательное изречение жены пифагорейца Бронтина Дейно, которая была мудра и душой превосходна: «Женщина должна совершать жертвоприношение, как только встанет с ложа своего мужа». Некоторые возводят эти слова к Теано, сказавшей их, когда кротонские женщины пришли к ней с просьбой склонить Пифагора поговорить с их мужьями о благоразумии в отношении к ним. Она передала мужу требование женщин, и Пифагор говорил с кротонцами и убедил их совершенно оставить преобладавшую тогда распущенность.

12. (133.) Еще говорят[235], что когда в город кротонцев прибыли из Сибариса послы с требованием о выдаче беглых рабов, Пифагор — увидев в одном из послов человека, который собственноручно убил его друга, — ничего не сказал ему в ответ на требование. Тот стал задавать другие вопросы и пожелал стать причастным общению с ним, тогда Пифагор сказал, что не произведет божьего суда (θεμιστεύειν)[236] над таким человеком. Потому некоторые сочли его Аполлоном.

[233] Т. е. в диалоге *Государство* (546b–c).

[234] Ср.: Платон. *Филеб*, 52c–e; Аристотель. *Никомахова этика*, 1106a–1109a (в частности, 1106b: «Избыток и недостаток присущи порочности, а обладание серединой — добродетели»).

[235] Ср. ниже: XXX. 11.

[236] Глагол имеет два основных значения: вершить суд и прорицать.

2. Всё это, а также то, о чем мы сказали чуть выше: о низвержении тиранов и освобождении от них полисов в Италии и на Сицилии, и многое другое [, о чем мы еще расскажем,] — пусть будет для нас свидетельствами пользы, которую он принес людям, в смысле политических благ.

XXVIII. АПОЛЛОН ГИПЕРБОРЕЙСКИЙ И ЕГО ДОГМАТЫ

1.1. Святость Пифагора. 1.2. Знание им прошлых жизней. 1.3. Чудо с рекой Несс. 1.4. Пребывание в один день в разных полисах. 2.1. Золотое бедро. 2.2. Сбывшиеся предсказания землетрясений, отвращение чумы, успокоение ветров, града, ливней, умиротворение волн. 2.3–3.1. Эмпедокл, Эпименид, Абарис — его ученики в этом. 3.2. Хождение Пифагора по воздуху. 3.3. Предсказание землетрясения по воде; пророчество о гибели корабля. 4.1. Благочестие Пифагора и его прямых учеников: всякое деяние ради согласия с Богом. 4.2. Заблуждаясь, люди служат и просят блага не у того (образ служащего не царю, но наместнику). 4.3. Бог есть Господь. Следует служить и просить благ у Него. Он даст их тем, кого любит и кому радуется. 5.1. Это трудно понять тому, кто не слышал богов, отсюда ревностное отношение к пророчеству. 5.2. Многие запреты школы происходят из мистерий, к которым пифагорейцы относятся всерьез. 5.3. Как и к рассказам о чудесах и к мифам. 6.1. Чудо у могилы Филолая и вера Эврита. 6.2. Пифагор о беседе во сне с умершим отцом. 6.3. Глупо не верить в чудеса, а — не верить в них. 7. Вера школы в то, что Пифагор есть Аполлон Гиперборейский. 8. Скиф Абарис. 9.1. Предсказание о мертвеце. 9.2. Общение сô змеями и орлом. 9.3. Появление кавлонийской медведицы. 9.4. Знание о смерти сына своего собеседника. 10.1. Провúденье прошлой жизни Миллия Кротонского. 10.2. Жестокая смерть осквернившего дом Пифагора. 10.3. Всё это доказывает, что Пифагор — высшее существо. 11.1. Загадка об этом же. 11.2. Осторожное отношение пифагорейцев к клятвам. 12.1. Вера в Промысл;

слова Тимарида из Тарента. 12.2–14.1. Происхождение числового богословия пифагорейцев от орфического. От орфиков же зависит и книга «Священное Слово». 14.2. Посредством чисел Пифагор предсказывал и служил богам. «Всеистина» для Абариса. 15.1. Вера в богов и чудеса у Пифагора. 15.2. Догматы суть сказанное Пифагором. 15.3. Вера пифагорейцев в то, чему они учат. Чудо у могилы Филолая и вера Эврита (еще раз). Пифагор о беседе во сне с умершим отцом (еще раз). 16.1. Ношение льняных одежд. 16.2. Непрерывное славословие богам. 16.3. Внимание к самопроизвольному. 17.1. Бескровные жертвы. 17.2. Не клясться именем богов. 17.3. Клятва четверицей. 18.1. Пифагор – продолжатель Орфея. Иконопочитание Пифагора. Единство философствования и служения богам у Пифагора; Пифагорово учение как мистериальная сумма. 19.1. У латинян «Священное Слово» читают не всем. 19.2. Священность числа 3. 19.3. Жертвы Афродите в 6-й день месяца. 19.4. Жертвы Гераклу в 8-й день месяца. 20–23. Различные малые предписания числом 16.

1. (134.) Вслед за этим, уже не в общем, но взяв по отдельности, украсим словом деяния его добродетелей[237]. Начнем, как и полагается, с богов и, в первую очередь, постараемся показать <76> его святость (ὁσιότητα), явим себе и украсим словом проистекшие из нее чудесные деяния.

2. Одним же из признаков его святости пусть будет то, что познал он свою душу: кем была и откуда вошла в тело[238], и свои прежние жизни, чему предоставил ясные доказательства – об этом мы уже упоминали прежде[239].

[237] В гл. XXVIII–XXXIII представлены шесть видов пифагорейской добродетели: благочестие (гл. XXVIII), мудрость (гл. XXIX), справедливость (гл. XXX), самообладание (гл. XXXI), мужество (гл. XXXII) и дружба (гл. XXXIII).

[238] Перфектные формы глаголов, употребляющиеся здесь, позволяют читать это место не исторически, а принципиально: кто она есть, откуда входит в тело.

[239] В гл. XIV. 1.

3. После того еще и это [вот чудо]: переходя как-то реку Несс со многими своими учениками, он приветствовал ее вслух, и все слышали, как река громко и ясно ответила: «Радуйся, Пифагор!»

4. Кроме того, в один и тот же день он был в Метапонте Италийском и Тавромении Сицилийском и прилюдно разговаривал со своими друзьями из того и другого [полиса], что решительно утверждают почти все [древние авторы], в то время как между ними лежит множество стадий и по суше, и по морю, которые не преодолеть за многие и многие дни.

2. (135.) То, что Пифагор показал золотое бедро Абарису из Гипербореи, который опознал в нем Аполлона Гиперборейского[240], иереем которого и был Абарис, что он сделал это ради утверждения его в том, что он не заблуждается, и его предположения истинны, — это повторяется всеми.

2. Рассказывают все и согласно друг с другом мириад и иного еще более удивительного и чудесного о деяниях этого мужа. Это и сбывшиеся предсказания землетрясений, и быстрые отвращения чумы, и немедленные успокоения налетевших ветров, града и ливней, умиротворения речных и морских волн, чтобы друзья могли легко переправиться.

3. Эмпедокл из Акраганта, Эпименид с Крита и Абарис из Гипербореи приняли это от него и часто <77> сами совершали такие вещи.

3. (136.) Об этом ясно сказано в их творениях; иным способом об этом же свидетельствует то, что Эмпедокла звали Алексанемас (Защитник от ветра), Эпименида — Катартес (Очиститель), Абариса же — Айтхробат (Воздухоход), так как он, паря на стреле, дарованной ему в храме Аполлона

[240] Ср. выше: VI.3.4; XIX.3.2.

Гиперборейского, реки и море и непроходимые места проходил неким воздухоходным способом,

2. что было и с Пифагором, когда в Метапонте и Тавромении он в один и тот же день беседовал со своими друзьями из того и другого города.

3. Говорят и что землетрясение он предсказал от колодца, попробовав [воду] его; и о корабле, шедшем при попутном ветре, сказал, что он утонет [и тот, действительно, утонул].

4. (137.) Пусть и эти деяния будут доказательствами его благочестия (εὐσεβείας). Но теперь я хочу показать высшие начала богопочитания, которые Пифагор и те мужи, что были от него, ставили во главе. Всё, что они определяют делать или не делать, направлено к согласию с божеством; это есть начало, и каждая жизнь упорядочивается для того, чтобы следовать Богу;

2. есть у этих философов такая присказка: смешно поступают люди, ищущие блага не у богов, а на стороне где-то, как если бы кто-нибудь в стране, где правит царь, пренебрег бы службой[241] у начальствующего и царствующего над всеми, а пошел бы служить кому-нибудь из граждан[242]. Именно так, согласно их мысли, и поступают люди.

3. Поскольку же есть Бог, и Он — Господь всех, то дóлжно просить блага у Господа — в этом <78> все они согласны. Ведь всех, кого любят и кому радуются, одаряют благами; к кому же относятся противоположно, делают противоположное. Потому, очевидно, дóлжно делать то, что доставляет Богу радость.

---

[241] Для понимания этой фразы нужно знать, что слова «служба», «слуги», «служение» — всё, что производится от глагола θεραπεύω, в эпическом греческом языке имело значение близкое к: «дружба», «друзья», «дружить» — с оттенком, конечно, социальной дистанции, но не более того. Идеальный пример «терапевта» — это Патрокл в его отношении к Ахиллу.

[242] Подглавки 4.2 и 4.3 настоящей главы практически слово в слово повторяют уже известный нам текст XVIII. 8.1 и 8.2.

5. (138.) А это нелегко понять тому, кто не слушает или Бога, или слышавшего Бога, или не достигает этого посредством божественного искусства. Потому они столь серьезны и ревностны в отношении к мантике[243]; ибо она единственная толковательница мыслей (διανοίας) богов [о нас]. Те, кто признаёт бытие богов, считают их занятия достойными, другим же кажется недомыслием и то и другое[244].

2. Многие их [школьные] запреты взяты из посвящений, ибо они знают, что они есть, что они такие, какие они и есть, не полагают их похвальбой, но считают, что от некоего бога[245] они имеют начало.

3. Совершенно все пифагорейцы верят чудесным рассказам (μυθολογούμενα) об Аристее из Проконнеса[246] и Абарисе из Гипербореи, и другим таким же сказаниям. Ибо всему такому [чудесному] они верят, на многое таковое же и сами дерзают, кажущееся сказочным (μυθικῶν) запоминают, как если бы никто не был лишен веры в то, что ведет в божество.

6. (139.) В самом деле, Эврит рассказал: овчар, пасший у могилы Филолая, говорит, мол, что слышал кого-то поющим; сам же он не только нисколько не усомнился, но и спросил: в каком ладу пел? Оба были пифагорейцы, а Эврит — к тому же ученик Филолая.

2. Говорят, и Пифагору кто-то рассказал однажды, что ему приснилось некогда, будто он разговаривает с умершим отцом, и спросил: «Что это предвещает?». <79> «Ничего не предвещает, — отвечал Пифагор, — но ты поистине говорил с ним. То, что ты сейчас со мной говоришь, ничего ведь не предвещает; так же и в том случае».

[243] Это греческое слово имеет два довольно далеко разнесенных в христианском богословии значения: искусство прорицания и пророческий дар.

[244] Т. е. и вера в богов, и мантика.

[245] Т. е. воплощенного Аполлона — Пифагора.

[246] Ср.: Геродот, IV. 13–15.

3. Потому-то, считают пифагорейцы, в отношении всех чудесных вещей не они суть недоумки и простецы, но люди неверующие. Дело ведь не обстоит так, что для Бога одни вещи возможны, а другие невозможны, как думают омудревшие (σοφιζομένους), но всё для Бога возможно. Есть начало песни, которая по их словам принадлежит Лину, но, возможно, им самим:

Дóлжно всего ожидать, ничего безнадежного нет ведь,
Всё совершает легко Бог, и не тщетно ничто.

7. (140.) Залогом верности своих взглядов они считают то, что первым высказал их не случайный человек, но бог[247]. Вот какая есть у них акусма: «— Кто есть Пифагор? — Аполлон Гиперборейский[248]. А знамения этого таковы: на играх, поднимаясь, показал он золотое бедро, а у Абариса Гиперборейца приношения [, собранные для его храма,] и стрелу взял, которой он руководствовался[249]».

8. (141.) Говорится же, что Абарис пришел из Гипербореи, собирая золото для храма и пророчествуя о чуме. Он останавливался для отдыха в храмах, и никто никогда не видел, чтобы он ел или пил[250]. В Лакедемоне, говорят, он принес отворотные жертвы, и потому никогда более в Лакедемоне не случалась чума. И вот, забрав у Абариса золотую стрелу, без которой тот не мог находить дорогу, <80> *он* сделал его своим единомышленником.

[247] Т. е. воплощенный Аполлон — Пифагор.

[248] Ср.: XXVIII. 2.1

[249] Ср.: XIX. 3.2 и XXVIII. 2.1.

[250] Ср.: Геродот, IV. 36.

9. (142.) В Метапонте же какие-то люди молились, чтобы им досталось то, что на подходящем корабле[251], а он говорит им: «Будет вам мертвец»; и выяснилось, что судно действительно везло мертвеца.

2. В Сибарисе он брал на руки толстую смертоносную змею, подобным образом и в Тиррении малую, укус которой смертелен. В Кротоне, говорят, он гладил белого орла, тот же сидел спокойно.

3. Когда кто-то захотел послушать его, он сказал, что не скажет ни слова, пока не явится знамения, и сразу же после этого в Кавлонии появилась белая медведица.

4. Человеку, который собирался сказать ему о смерти сына, он первым сказал это.

10. (143.) О Миллии из Кротона он вспомнил, что тот был Мидасом, сыном Гордия, и отправился Миллий на материк, чтобы, как велел ему Пифагор, совершить то, что полагается совершать на могиле.

2. Говорят также, что человек, купивший дом Пифагора и разрывший[252] его, никому не дерзнул сказать то, что он увидел; вследствие этого греха он был схвачен и казнен в Кротоне как святотатец[253], ибо видели, как он прибрал к рукам отвалившуюся от статуи [бога] золотую бороду[254].

3. Эти и другие такие же рассказы заслуживают доверия. Поскольку все они согласны друг с другом, а невозможно, чтобы об одном и том же человеке все говорили одно и то

---

[251] Речь, по-видимому, идет об оптовых торговцах, старавшихся скупить разом весь груз пришедшего корабля, по оптовой же цене, разумеется.

[252] Не вполне ясно, о чем идет речь: о том, что он перевернул всё вверх дном в самом доме (перепланировал дом (?)) или что он прокопал доступ в какие-то закрытые подземные помещения.

[253] Т. е. храмовый вор.

[254] Речь идет о поступке, который он не совершал, т. е. о возмездии, постигшем его либо за проникновение в подземное святилище Пифагора, либо за ущерб, причиненный святому жилищу.

же, то, думается, уже ясно, что следует воспринимать сказанное им как слова высшего существа, а не человека. Это же подразумевает и одна загадка.

11. (144.) Есть такая у пифагорейцев, она гласит:

Человек о двух ногах, птица и третье иное.

Третье как раз и есть Пифагор. Таков он был благодаря благочестию, и правильно было так думать о нем.

2. К клятвам <81> все пифагорейцы относились осторожно, помня его заповедь:

Первым воздайте честь бессмертным богам, как повелевает закон,
Затем почтите клятву, после — славных героев[255].

Так что один из них, принуждаемый законом поклясться, хоть и собирался дать клятву, но все же ради сохранения догмата [о святости клятвы] настоял, чтобы ему позволили заплатить штраф в три таланта[256] — столь высок был штраф в таких случаях для тяжущегося.

12. (145.) У них считается, что ничего не происходит самопроизвольно и по случайности, но по божественному Промыслу, особенно в случае людей добрых и благочестивых — это подтверждает история о пифагорейце Тимариде из Тарента, которую рассказывает Андрокид в книге *О пифагорейских символах*.

Тимарид отплывал, уезжая из-за каких-то своих обстоятельств, друзья окружили его, обнимая и напутствуя на прощание. Один из них, когда он уже поднимался на борт,

[255] *Золотые стихи пифагорейцев*, 1–2.

[256] Об отношении пифагорейцев к клятвам см. выше (IX. 3. 1) и ниже (XXVIII. 17. 2).

сказал: «Сколькое желаешь, да будет тебе от богов, о Тимарид!» Он же ему отвечает: «Молчи! Лучше да возжелаю я, сколькое от богов ни возникнет!» Ибо он считал более осмысленным и благородным не противиться и не возмущаться против божественного Промысла.

Если бы кто-нибудь пожелал узнать, откуда эти мужи переняли такое благочестие, то дóлжно сказать, что [уже] Орфеем был дан ясный образец числового богословия.

13. (146.) Уже не вызывает сомнения, что — взяв основание (ἀφορμὰς) <82> у Орфея — Пифагор создал [свое] слово *О богах*, которое потому надписал как «Священное [слово]», что собрал мёд из наимистичнейшей области у Орфея.

Является ли это сочинение его собственным, как говорит большинство, или писанием Телавга, как утверждают некоторые прославленные и достойные доверия члены школы на основании записок Дамо, приходившейся ему дочерью и сестрой Телавгу: записок, которые были оставлены ей самим Пифагором и которые после ее смерти, рассказывают, были даны Битале, дочери Дамо, и вошедшему в [мужеский] возраст Телавгу, сыну Пифагора, мужу Биталы (будучи на момент смерти Пифагора еще ребенком, он первое время был у своей матери Теано).

Благодаря этому *Священному слову* (или слову *О богах* — встречаются оба названия) и выясняется как раз, кто был тот, кто передал Пифагору [живое] слово о богах. Ибо *он* говорит: «Это [слово] о богах, я, Пифагор сын Мнесарха, постиг, будучи введен в число посвященных в Либетре Фракийском[257] телестом[258] Аглаофомом; он передал мне, что Орфей, сын Каллиопы, наставленный матерью на горе Пангей, изрек: "|Вечная сущность числа есть начало наизаботливейшее [προμαθεστάταν] <83> обо всем, что на небе, на

[257] По сообщению Павсания (*Описание Эллады*, IX. 30), там находилась могила Орфея.

[258] Сан священника, производящего посвящение в таинство.

земле, и о той природе, что между; она есть корень богов, даймонов и божественных людей”»[259].

14. (147.) Из этих слов становится очевидно, что определение сущности богов числом он перенял у орфиков.

2. Посредством же самих чисел он делал удивительные предсказания и совершал служение богам благодаря и согласно числам, что им наиболее родственно. А понять это можно вот откуда — ведь дóлжно представить какое-нибудь дело ради уверенности в сказанном.

Поскольку Абарис продолжал священнодействовать привычным ему способом и стремился, как и весь род варваров, достичь предсказания посредством жертвоприношения, и особенно птиц (ибо внутренности птиц считаются лучше всего подходящими для тщательного рассмотрения [в прогностических целях]); так вот, Пифагор, желая не ослабить ревностного стремления Абариса к истине [и, вместе с тем], дать более точные предсказания иным способом, без закланий и крови, также и потому, что считал петуха посвященным Солнцу, создал для него выстроенную посредством арифметической науки [систему прорицания], называемую «всеистина» (παναληθὲς).

15. (148.) От благочестия была в нем и вера в то, что о богах. Ибо он всегда призывал ничего удивительного — как из того, что касается богов, так и из того, что касается божественных догматов, — не отвергать неверием, ибо всё для богов возможно.

2. Божественные же догматы, те, которым следует верить, говорится о тех [определениях и заповедях], которые передал Пифагор.

3. В самом деле, они настолько уверовали и усвоили то, о чем учили (δογματίζουσιν), что не заблуждались, так что

[259] Этот текст, написанный на дорийском диалекте, считается подложным.

Эврит Кротонский, ученик Филолая, когда пастух возвестил ему, <84> что в полдень слышал голос Филолая из могилы, который словно бы пел (а Филолай умер много лет назад), [Эврит только и ответил:] «В каком, скажи ради богов, ладу?!»

Сам же Пифагор на вопрос: что обозначает видеть во сне умершего отца, который беседует с тобой, «ничто, — сказал, — как ничего не обозначает и то, что ты беседуешь со мной»[260].

16. (149.) Одежду он носил белую и чистую, также и постель — белой и чистой. Все такие вещи были льняными; ибо овечьей шерстью он не пользовался[261]. Обычай этот он передал своим ученикам.

2. Молчание и благие слова относительно *высших*: во все надлежащие моменты он вспоминал о богах и воздавал им почести, так что и за обедом совершал возлияния богам, и призывал каждый день славить гимнами *высших*. Он обращал внимание и на [значащие] слова (φήμαις)[262], и на пророчества, и на [вещие] звуки (κληδόσιν)[263], в общем, на всё самопроизвольное (αὐτομάτοις)[264].

17. (150.) В жертву богам он приносил ладан, просяные зерна, жертвенные лепешки, медовые соты, смирну и другие благовония; живые существа сам в жертву не приносил, и никто из философов теоретиков [так не жертвовал], другим же [своим ученикам] — акусматикам и политикам — он предписывал изредка жертвовать одушевленных: петуха[265],

[260] Оба примера упоминались выше: XXVIII. 6.1.

[261] Повтор: ср. XXI. 2.

[262] Варианты: знамения, вести, etc.

[263] Фон Альбрехт: Götterstimmen; Гатри: lots.

[264] Вариант: случайное.

[265] Противоречие с XXVIII. 14.2.

или ягненка, или иного кого из новорожденных; быка же велел не жертвовать.

2. Признаком его почтения к богам является и то, что он призывал никогда не клясться, употребляя имена богов. Потому-то и Силл — пифагореец из Кротона — заплатил пеню за то, чтобы не клясться, хотя и собирался поклясться искренно.

3. К пифагорейцам возводят и вот какую клятву (почтительно избегая клясться именем Пифагора, <85> как и именами богов, клянутся они весьма скупо; они называют его мужем, открывшем четверицу):

Клянусь открывшим четверицу, [которая есть] нашей мудрости
Вечный источник и корень природы[266].

18. (151.) Вообще, говорят, Пифагор был ревнителем (ζηλωτὴν) толкования и образа мыслей Орфея, и в почитании богов он был близок к Орфею: он почитал их изображенными в образах и меди, однако же сопряженными не с нашими формами, но с обителью (ἱδρύμασι) богов [— великим и вечным Небом]; он почитал их всеобъемлющими и промышляющими обо всех вещах, имеющими природу и форму, подобные вселенной. Он возвещал их очищения и то, что называется посвящениями, имея о них самое точное знание.

2. Еще говорят, что он сочетал божественную философию и служение [богам], узнав кое-что от орфиков, другое — от

[266] Перевод даю слово в слово, ибо попытки уложить в размер приводят к неприятным смысловым девиациям. Впрочем, не лишаю читателя и знакомства с предшествующими переводами. Перевод В. Б. Черниговского:

Нет, клянусь изобретшим тетрактиду мудрости нашей,
Ту, из которой течет источник вечной природы.

Перевод И. Ю. Мельниковой:

Именем клятву даю открывшего нам четверицу
Неиссякаемой жизни источник...

египетских иереев, третье — от халдеев и магов, кое-что — из посвящений Элевсинских, Имбрских, Самофракийских, Лемнийских и, возможно, что-то от общин [посвященных], которые существуют у кельтов и иберов.

19. (152.) У латинян[267] читается *Священное слово* Пифагора, но читают его не всем, и читается оно не всеми, а лишь теми, кто готов охотно поучиться благим вещам и не совершает ничего постыдного. <86>

2. Сам же он говорит, что люди совершают возлияние трижды, и Аполлон прорицает с треножника, потому что тройка — это первое возникшее число.

3. Афродите нужно приносить жертвы в шестой [день], потому что это число первое входит в общение со всей природой числа, будучи разделено всеми способами, берет подобную силу отнятых и остающихся.

4. Гераклу нужно приносить жертву по наступлении восьмого дня месяца, потому что он рожден семимесячным.

20. (153.) Говорит: в храм дóлжно ходить в чистом белом гиматии, в котором не спал никто, ибо сон, черный и коричнево-рыжий свидетельствуют о праздности, чистота же — о бесстрастии расчетов и справедливости.

2. Предписывает: если в храме случится пролиться крови, нужно очистить ее золотом[268] или морской водой, поскольку она возникла первой, золото же — красивее всего существующего, ведь по нему устанавливается цена всех вещей.

3. Говорит: не рожать в храме: ибо скверно в храме заключать божественную душу в тело.

---

[267] Не вполне понятно, об италийских латинянах идет речь или о латиноязычных гражданах империи. Так или иначе, замечание интересно в связи с позднейшими традициями латинского христианства.

[268] Вероятно, имеется в виду золотая ткань или еще какое-то золотосодержащее изделие.

21. (154.) Предписывает: на праздниках [в честь богов] ни ногтей, ни волос не стричь, ибо считает, что не дóлжно оставлять начало богов ради увеличения наших благ.

2. Говорит: и вши в храме не убивать, ибо считает — не должно божество становиться причастным ничему излишнему и убийственному. <87>

3. Говорит: кедром, и лавром, и кипарисом, и дубом, и миртом следует чтить богов, не очищай ими тело, не жуй их ради ухода за зубами. Он думал, что они были первыми порождениями влажной природы и пищей первой и общей материи.

4. Предписывает: вареное не жарить, говоря, что кроткое не нуждается еще и в гневе.

5. Следуя магам, он не позволяет сжигать тела умерших, желая, чтобы ничто смертное не становилось причастным божественному.

22. (155.) Он полагал благочестивым облачать покойников в белые одежды, провожая их в последний путь, таинственно указывая на простую и первую природу, в смысле числа и начала всех вещей.

2. Предписывает: важнее всего искренняя клятва, ведь для нас будущее далеко, для богов же ничего далекого нет.

3. Говорит: лучше претерпеть несправедливость, нежели убить человека (ибо суд совершается в Аду), принимая в расчет природу души и ее сущность — первую среди сущих.

4. Не дóлжно делать из кипариса гроб, внушает он, потому что из кипариса скипетр Дия, или по иной какой-то таинственной причине.

5. Рекомендует: совершать возлияния перед обедом Зевсу Спасителю, Гераклу и Диоскурам, гимнословя Дия — первоначало и властителя[269] пищи, и Геракла — мощь природы, и Диоскуров — согласие всех.

[269] ἀρχηγὸν... ἡγεμόνα.

23. (156.) Говорит: дóлжно совершать возлияние, не закрывая глаз, ибо ничего красивого <88> не следует ни стесняться, ни стыдиться.

2. Предписывает: когда гремит гром, касайся земли, вспоминая рождение сущих.

3. Предписывает: входить в храм справа, выходить слева, ибо правое есть начало называемого нечетностью чисел и полагается божественным, левое же – начало четности и полагается символом распадающегося.

Таким вот способом, говорят, осуществлял он деяния благочестия; другие же вещи, которые мы пропустили, могут быть поняты из тех, что сказаны, так что я заканчиваю об этом.

XXIX. ПИФАГОР — ИСТОЧНИК ВСЯКОГО ЗНАНИЯ. ВЕЛИКАЯ ЭЛЛАДА

1.1. Похвала запискам древних пифагорейцев. 1.2–2.1. Они содержат: теологию, физику, этику, логику, математику. 2.2. К Пифагору восходит всякое знание. 2.3. Геометрия – египетская. 2.4. Арифметика – финикийская. 2.5. Астрономия – египетская и халдейская. 3.1. Он перенял и возвысил эти науки. 3.2. Философия. 3.3. Мудрость есть знание об истинно сущем, а не о сущем по омонимии. 4.1. О не сущем нет знания, нечего к нему и стремиться. 4.2. Постигая истинно сущее, мы постигаем заодно и сущее по омонимии. 5.1. К Пифагору восходят аподиктика,ористика, диайретика. 5.2–6.1. Сравнение символической краткости Пифагорова языка с оракулом и природой. Примеры логий. 6.2. Клятва четверицей. 7.1. Музыка, медицина, мантика. 7.2–8.1. Диетическая медицина. 8.2. Музыка и поэзия для здоровья. 8.3 и 10.1. Важность упражнений памяти. 9. Ежедневное мнемоническое упражнение. 10.2. Великая Эллада.

1. (157.) Важнейшим свидетельством о его мудрости, попросту говоря, да будут памятные записи пифагорейцев,

содержащие истину обо всех вещах, сжатые и округлые во всех отношениях, они имеют особый аромат, покрыты патиной древности и старожитности, словно [щеки юноши] нежным нетронутым пушком. Они написаны с даймоническим знанием, в высшей степени насыщены и полны мыслями, пестротканые и подвижные в образе и материале, и вместе с тем свободные от излишеств, лишенные всякой фразы[270], изобилующие ясными и бесспорными фактами (πραγμάτων), изложенными научно и доказательно, вполне, так сказать, силлогистично [— вот что это за книги! Конечно, они открываются так только] тому, кто пользуется подобающим методом, чтобы подойти к ним, тому, кто слушает не вполуха и не между делом, но освящается ими.

2. Одним словом, [записки древних пифагорейцев] передают свыше точное знание о богах и [существах] умопостигаемых.

2. (158.) Затем он подробно объясняет все природные вещи, этическую философию и заканчивает логикой, передает всякое математическое знание и лучшие науки.

2. Вообще, нет ничего из того, что есть в знании <89> у человека, что было опущено [Пифагором] и не было тщательно изложено в [древних пифагорейских] писаниях. Ведь если все согласны, что из ходящих сейчас под именем Пифагора писаний одни действительно его, а другие суть записи его речей, и потому не сами являются причиной своей славы, но обязаны ею Пифагору, как если бы были его, — то из всего этого очевидно, что Пифагор был сполна сведущ во всякой мудрости.

3. Говорят, что более всего он заботился[271] о геометрии; ибо у египтян есть много геометрических трудов (προβλήματα), ведь с древнейших времен, побуждаемые богами, благодаря

[270] Вариант: безупречные в стилистическом отношении.

[271] Варианты: упражнялся, уделял внимание.

разливам и обмелению Нила египтяне вынуждены были всё измерять, так что египетские ученые (λόγιοι) размеряли землю Египта, отчего и получила имя «геометрия» [землемерие]. Не пренебрегли они и ничем из небесных зрелищ, но всякое исследовали, в чем был сведущ также и Пифагор. Кажется, все его теоремы, касающиеся линий, зависимы от египетских.

4. А то, что о расчетах и числах, говорят, было обнаружено у финикийцев.

5. Астрономические же знания возводят одновременно к египтянам и к халдеям.

3. (159.) Говорят, переняв и приумножив все эти науки, он возвысил их и вместе с тем ясно и стройно преподал их своим ученикам.

2. Он первым дал имя философии, сказал, что она есть стремление (ὄρεξιν), словно бы любовь (φιλίαν) мудрости[272], мудрость же есть знание (ἐπιστήμην) истины в сущем.

3. Он знал сущих и говорил, что они нематериальны, вечны и только действенны, а таковы только бестелесные, остальные же вещи суть сущие по омонимии и по причастности к бестелесным; так обстоит дело с теми, которые называются телесные и материальные эйдосы: они рождённы и тленны <90> и никогда сущностно не существуют. Мудрость же есть знание о подлинно сущих, а не о сущих по омонимии, ибо ни в себе не содержат телесные [вещи] знания, ни [извне] надежного знания не приемлют, так как беспредельны они и знанием неуловимы, словно бы не сущие — это из-за того, что телесные вещи отличны от всеобщего и не могут подпасть красиво очерченному пределу.

4. (160.) Знания же о том, что по природе непознаваемо, даже и не придумать. Значит, [философскому] стремлению

---

[272] Ямвлих пользуется именно такой конструкцией — без предлога.

прилично быть не стремлением к знанию не сущего, но куда более стремлением к знанию о подлинно сущих, всегда тех же и пребывающих тем же способом и всегда сущих в себе вместе с понятием[273] «сущие».

2. Случилось так, что постижение истинно сущих сопровождается постижением сущих по омонимии, без того чтобы познание последних было отдельным делом: как и в случае, когда мы знаем всеобщее, мы [заодно как-то] знаем и частное. «Ибо те, кто о всеобщем, — сказал Архит, — будет иметь знание, сможет хорошо видеть, каковы суть частные вещи». А дело обстоит так потому, что не едины, не однородны, не просты в себе сущие, пестрыми и многовидными созерцаются: есть умопостигаемые и бестелесные — имя им сущие, а есть телесные, подлежащие чувствам, они по причастности становятся объединены с сущим.

5. (161.) Знания обо всех этих вещах он передал своим близким, и ничего не оставил тщательно не рассмотренным. И общие знания — такие как аподиктика,ористика, диайретика[274] — он передал людям, как мы знаем из воспоминаний пифагорейцев.

2. Было у него в обычае <91> прорицать ученикам символически и посредством в высшей степени кратких слов мысли сложные и многопалые[275], как и Пифиец через сподручные слова, а природа через малые по размеру семена — обнаруживают[276] множество бесконечное и труднопостижимое мыслей и свершений.

---

[273] προσηγορίᾳ.

[274] Аподиктика — умозрение, постигающее необходимость существования того или иного из умозрительных же оснований.Ористика — знание или умение давать определения. Диайретика — умение производить логическое деление.

[275] Здесь в смысле: разветвленные, имеющие многие нюансы.

[276] Буквально: показывают снизу.

6. (162.) Таково и изречение самого Пифагора: «Начало — половина всего»[277]. И не только в этом полустихе, но и во множестве иных, близких к этой [фразе], скрыл он искры истины для способных разжечь [из них пламя ведения], утаив благодаря немногословию необозримую и всевеликую протяженность умозрения, как, например, в словах «всё пристало числу», которые он чаще других возвещал всем; или, опять в «дружба есть равенство, а равенство — дружба»[278], и в имени «космос»[279], или, клянусь Дием, в имени «философия», или в «сущее»[280] или в <...> в «тетрактиде». Все эти и иные многие такие же придумал Пифагор образы и стихи на пользу и во исправление проводившим вместе с ним жизнь.

2. И был он для понимавших его слова столь чтим и боговдохновенен, что жившие в доме общего слушания [ближние ученики] стали клясться им: <92>

Клянусь открывшим четверицу, [которая есть] нашей мудрости
Вечный источник и корень природы[281].

Вот сколь удивителен был эйдос его мудрости.

---

[277] Фраза, ставшая поговоркой. Ср.: Платон. *Законы*, 573e–574a; Аристотель. *Топика*, 183b23 etc. Ниже (XXX. 16.2–17.1) Ямвлих поясняет важность начала.

[278] Ср.: «Дружба — равенство ладов» (Диоген Лаэртский, VIII. 33).

[279] Ср.: «Пифагор первым назвал Вселенную “космосом” по порядку, который ей присущ» (Псевдо-Плутарх. *Мнения философов*, II. 1. 1). Ср. также: Платон. *Горгий*, 508b.

[280] ἐστώ — плохо понятный, специфически пифагорейский, по-видимому, термин. Фон Альбрехт переводит: Seinsheit (бытие).

[281] Она уже упоминалась выше: XXVIII. 17.3.

7. (163.) Говорят, что пифагорейцы ничуть не меньше музыки чтили медицину и мантику[282]. Будучи молчаливыми и внимающими, они и сами хвалили способных слушать.

2. В медицине более всего одобряли они диетический[283] ее вид и были в высшей степени добросовестны и точны в нем; и, в первую очередь, они старались познать знаки соразмерности (συμμετρίας) труда, питания и отдыха; и потом, они едва ли не первыми взялись за порядок в деле принятия яств и разграничили годное и негодное. Больше предшественников пользовались пифагорейцы и мазями, лекарства же[284] уважали меньше и использовали по преимуществу для исцеления нагноений, разрезы же и прижигания приветствовали менее всего.

8. (164.) При некоторых заболеваниях[285] пользовались и заклинаниями.

2. Они считали, что музыка также немало содействует здоровью, если употреблять её надлежащим образом[286]. Пользовались для исправления души также избранными местами из Гомера и Гесиода[287].

3. Они думали, что следует удерживать и сохранять в памяти всё изучаемое и сказанное [на занятиях] и до тех пор <93> собирать знания и слушания, пока знающая и запоминающая часть души способна воспринимать, потому что именно она и есть то, чéм дóлжно знать и в чем сохранять познанное. В самом деле, они очень ценили память, много упражняли ее и заботились о ней; учась же, оставляли

[282] И неудивительно, ведь покровителем всех этих искусств был Аполлон, воплощением которого они считали своего учителя.

[283] Т. е. касающийся образа жизни.

[284] φαρμακείας.

[285] Вероятно, речь идет о нравственных и душевных болезнях — ἀρρωστημάτων.

[286] Об этом см. выше: XV. 1; XXV. 1.1 и 2.

[287] Повтор сказанного выше: XXV. 2.

изучаемое не раньше, чем хорошо запомнят знания предшествовавшего [занятия], каждый день они запоминали сказанное [в школе], действуя таким способом.

9. (165.) Муж пифагореец не прежде поднимался с постели, нежели вспоминал, что было вчера. Вспоминал же таким способом. Он старался мысленно пересказать, что первое он сказал или услышал или что приказал домашним, встав, и что второе, и что третье, и также относительно последующего [случившегося в доме].

Потом, опять же, [восстанавливал в памяти] с кем, выйдя из дома, первым встретился, с кем вторым, и что сказали первые, вторые и третьи, и также относительно иного [, что было на улице]. Ибо старался мысленно пересказать всё случившиеся за весь день, стремясь вспоминать в том порядке, в каком каждое из этих событий и происходило. Если же имел больший досуг по пробуждении, то таким же образом пытался пересказать и третьего дня случившееся.

10. (166.) Более всего старались они упражнять память, ибо ничто лучше способности помнить не служит знанию, опыту и рассудку.

2. Из-за этих занятий всю Италию наполнили мужи философы, и прежде безвестная, стала она позднее благодаря Пифагору называться Великая Эллада; много благодаря ему стало в ней мужей философов <94> и поэтов и законодателей. Ибо доставили они, прибыв в Элладу, и риторические умения, и эпидейктические речи[288]; и законы они написали, так что если люди вспоминают физиков[289], то в первую очередь приходят на ум Эмпедокл и Парменид Элейский; если же желают высказать некое суждение о жизни, приво-

---

[288] Торжественные речи о прекрасном или постыдном, формирующие отношение слушателя к тому или иному.

[289] Мы бы сказали: натурфилософов.

дят мысли Эпихарма[290]: почти все философы удерживают их [в памяти].

О мудрости его, и что ревностно вел он к ней всех людей, насколько каждый мог стать ей причастен, что совершенно передавал ее [ученикам], сказано нами сейчас достаточно.

XXX. СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПИФАГОРА

1.1. Справедливость Пифагора. 1.2. Общность, равенство, родство. 2.1. Единство собственности. 2.2. Родство с людьми. 2.3–3.1. Родство с другими живыми существами. 3.2. Правильное ведение домохозяйства — основа полисности и социальной справедливости. 4.1. Пифагор — образцовый домохозяин. 4.2. Его дочь превосходна и будучи девой, и будучи женой. 4.3. Дом Пифагора в Метапонте освятили по его смерти в храм Деметры. 5. План борьбы с беззаконием. 6.1. Законодательный вид справедливости. 6.2. Пифагорейцы законодатели. 7.1. Политическое здравомыслие пифагорейцев. 7.2. Фракиец Замолксис. 8–9.1. Власть богов как основа человеческой справедливости. 9.2. Послушание родителям и законам. 9.3. Наибольшее зло — анархия. 10. Пребывание в отеческих нравах. Единство учения и жизни у Пифагора. 11–12. Случай с послами из Сибариса. 13.1. Проповедь посмертного суда. 13.2. Не убий. 13.3. Фигура справедливости. 14–15. Справедливость в беседе: благовременное и неблаговременное. 16.1. Благоприятное время. 16.2–17.1. Начало. 17.2. Начальники и повиновение им. 18. Поездка Пифагора к умирающему Ферекиду как пример покорности власти. 19. Соблюдение договоров. Лисид и Эврифам. 20.1. Связь вегетарианства и миротворчества. 20.2. «Весов не перешагивай».

[290] Комедиографа, жившего в Сиракузах (550–460). Из-за обилия в его комедиях околофилософских максим в более поздние времена ему стали приписывать авторство некоторых философских произведений. Ниже (XXXVI. 2.2) Ямвлих обвинит его в «выбалтывании догматов Пифагора».

1. (167.) О справедливости его — как осуществлял и передавал он ее людям — мы лучше всего поймем, если помыслим первое начало, от которого она происходит, и первую причину, от которой она возникает, поняв вместе с тем и первую причину несправедливости, если после этого найдем, как уберегся он от несправедливости и как устроил так, что красиво осуществлялась справедливость.

2. Итак, начало справедливости есть общность и равенство и родство[291], когда все ра́вно чувствуют[292] себя одним телом и одной душой, когда нет разницы между своим и чужим, как об этом свидетельствует и Платон[293], научившись этому у пифагорейцев.

2. (168.) Пифагор воспитывал лучшее в людях, изгоняя из их нравов всё частное; он расширял общее вплоть до последних имений (ἐσχάτων κτημάτων)[294], являющихся причинами как покоя, так и волнения. Ибо всё у всех них было общим и тождественным, ничем частным никто не владел. И если кто-то общине (κοινωνίᾳ) был по душе, он пользовался общим в высшей степени справедливо, если же нет, то брал <95> свое имущество, которое внес [при вступлении] в общее, брал сверх того, и выдворялся. Таким образом, с самого начала Пифагор установил справедливость на надежном в высшей степени основании.

2. Далее, родство с людьми вводит [в общество] справедливость, отчуждение же и презрение к общему роду встраивает [в нрав человека] несправедливость.

3. Потому, желая чтобы родство распространилось возможно широко, он ставил людей вместе с единородными

[291] τὸ κοινὸν καὶ ἴσον καὶ τό ἐγγυτάτω.

[292] ὁμοπαθεῖν.

[293] *Государство*, 462.

[294] Интерпретацию этого странного выражения оставляю читателю. Мне кажется, что смысл выражения: не оставлял ничего в частной собственности.

живыми существами, предписывал считать (νομίζειν)[295] их родней и друзьями: не причинять им никакой несправедливости, не убивать их и не есть.

3. (169.) Итак, поскольку животные существуют благодаря тем же стихиям, что и мы, участвуют вместе с нами в общей жизни, он породнил людей с ними; насколько же ближе друг к другу сделал он тех, кто обладает одним и тем же эйдосом души, родством логоса! Из этого ясно, что он ввел справедливость, исходя из важнейшего ее начала.

2. Поскольку же многих иногда и нехватка имущества принуждает совершать ту или иную несправедливость, то и это он прекрасно промыслил: справедливо обеспечить себе свободное расходование средств, достаточных для свободного человека, благодаря [правильному] хозяйствованию. И еще: надлежащее ведение домашних дел есть начало правильного порядка в целом полисе, ибо из домохозяйств (οἴκιων) составляются полисы.

4. (170.) Потому, говорят, и сам Пифагор, наследовав Алкею, умершему после посольства в Лакедемон, ничуть не меньше удивлял домоуправлением, нежели философией.

2. Родившаяся же у него в браке дочь, выданная позднее замуж за кротонца Мемнона, вела себя таким образом, что до брака была первой в хороводе девиц, а став женой, <96> [имела почетное право] первой подходить к алтарям.

3. Метапонтцы, хранившие память о Пифагоре и после его времен, освятили дом его как храм Деметры, а переулок [, где он стоял,] стал местом, посвященным Музам.

5. (171.) Поскольку же и гордость, и роскошь часто, и презрение к законам побуждают к несправедливости, то Пифагор предписывал ежедневно помогать закону и воевать

[295] С оттенком: полагать в юридическом статусе.

против беззакония. Потому такое совершил он разделение: первым из пороков проникает в дома и полисы так называемая роскошь[296], вторым — гордость, третьим — гибель; потому первее другого призывал он отвергать и воздерживаться от роскоши, и с рождения навыкать в самообладании и мужественной жизни, очищать всякое дурное слово негодования, вражды, поношения, пошлости и смехотворства.

6. (172.) Вдобавок он утвердил иной прекраснейший вид справедливости — законодательный — предписывающий, что до́лжно делать, и запрещающий то, чего делать не следует: вид справедливости, лучший судебного; ибо последний подобен медицине и врачует уже заболевших, первый же с самого начала не позволяет заболеть, но загодя печется о здоровье в душе.

2. Этим и объясняется то, что все лучшие законодатели происходили от Пифагора: сначала Харонд из Катаны, затем Залевк и Тимарат[297], написавшие законы локрийцам, и еще Теэтэт, и Геликаон, и Аристократ, <97> и Фитий, ставшие законодателями в Регине[298]. Все они удостоились от сограждан почестей, равных божественным.

7. (173.) И не так, как Гераклит: сказал эфесцам, что напишет законы, и предписал, чтобы достигшие совершеннолетия граждане были повешены, — нет, [пифагорейцы] стремились законодательствовать с большим здравым смыслом и политическим знанием. Да и чему тут следует удивляться, ведь они были обучены и воспитаны как свободные люди!

2. Да и фракиец Замолксис, бывший рабом Пифагора, слушавший речи пифагорейцев, будучи отпущен на свободу и придя к гетам, установил им законы (как мы рассказа-

---

[296] Варианты: своеволие, распущенность, наслаждение.

[297] Выше (XXVII.9) Ямвлих называл его Тимаром.

[298] Об этом см. выше: XXVII. 9.

ли в начале[299]), призвал их к мужественной политии и убедил в бессмертии души. Еще и сейчас все галаты, и тралы, и многие из варваров убеждают своих сыновей, что не истлевает душа умерших, а пребывает, что смерти не следует бояться, но дóлжно решительно противостоять опасностям. За то, что он воспитал гетов и написал им законы, он чтится ими как величайший из богов.

8. (174.) И еще: наиболее полезным для установления справедливости Пифагор считал власть (ἀρχήν) богов свыше; от нее учредил он политию, законы, справедливость и права. Не худо будет сказать и о том, как он определял каждое из этих понятий.

Думать о божестве — что оно есть и так относится к человеческому роду, <98> что взирает на него и не пренебрегает им — пифагорейцы считали полезным, от *него*[300] научившись. Должно, ибо, быть такое руководство нами, против которого мы не решимся восстать; таково именно и есть руководство божества, если и в самом деле божество таково, что достойно власти над всем. Ибо живое существо гордо по природе — говорили, и правильно говорили, пифагорейцы — пестро же в порывах своих, влечениях и остальных страстях. И, значит, нуждается в таком преобладании над собой и такой угрозе, от которых будут назидание и порядок.

9. (175.) Они думали, что дóлжно каждому, зная пестроту своей природы, никогда не забывать о благочестии и служении божеству, но всегда полагать его перед умственным

---

[299] Замолксис упоминался выше (XXIII. 2) среди других учеников Пифагора. Возможно, оборот «как мы рассказали в начале» принадлежит автору источника, которым пользовался Ямвлих, поскольку наш автор в начале ничего о Замолоксисе не рассказывал. О почитании Замолксиса фракийцами ср.: Геродот, IV. 94–95.

[300] Т. е. Пифагора.

взором как взирающее и следящее за человеческим поведением.

2. После божества и даймониона[301] наиболее важны родители и законы: следует готовить себя к послушанию им, причем не наигранному, но искреннему.

3. Вообще, они думали, что не до́лжно предполагать зло большее, чем анархия; ибо не спасается человек благодаря природе, без руководителя.

10. (176.) Эти мужи [пифагорейцы] убеждали людей пребывать в отеческих нравах и обычаях, даже если они много хуже других; ибо ради собственных нововведений с легкостью отступить от изначальных законов —не полезно это и не спасительно никогда.

Многие и иные деяния, имеющие [в основе] благочестие относительно богов, были совершены Пифагором: деяния, показывающие симфонию его образа жизни и учения; не дурно вспомнить одно, способное сделать ясными и другие. <99>

11. (177.) Я расскажу о речах и деяниях Пифагора относительно посольства из Сибариса в Кротон[302], требовавшего выдачи бежавших рабов. Дело обстояло так, что некоторые из учеников Пифагора были убиты по приказу членов посольства: один был прямой убийца, а другой — сын одного из участников мятежа, умершего от болезни. Сограждане Пифагора еще сомневались, как себя повести; он сказал друзьям, что ему не по душе сильное разногласие кротонцев относительно этого предмета, поскольку посланники не достойны даже вести жертвенное животное к алтарю, а тем более отрывать от него молящих о защите. Когда же сибариты, подойдя, стали бранить его, он сказал прямому убийце,

[301] τὸ θειόν... τὸ δαιμόνιον.

[302] Об этом см. выше: XXVII. 12.1.

оправдывавшему себя от обвинений: «Я не произведу божий суд (θεμιστεύειν)[303] над тобой». Потому стали обвинять его в том, что называет себя Аполлоном, ибо и прежде при каком-то разбирательстве, на вопрос: «Почему это так?» — он спросил в ответ: находит ли [собеседник] разумным, получив от Аполлона оракул, спросить его о причине [, почему он сказал так именно]?

12. (178.) Другому [послу, сыну убийцы], который — как ему это представлялось — высмеивал те рассуждения, в которых Пифагор разъяснял нисхождение душ, и сказал, что передаст письмо отцу, когда Пифагор соберется сойти в Ад, и просит взять ответное, когда тот будет возвращаться от отца, [Учитель ответил,] что не собирается отправляться в место нечестивых, где, он точно знает, наказывают убийц.

Послы бранили его; он же, в сопровождении многих следовавших за ним, сошел к морю и совершил омовение; тогда один из членов городского совета Кротона, обрушившись на послов и в иных отношениях, сказал также, что они потеряли рассудок, оскорбляя Пифагора, которого, не дерзнуло бы бранить ни одно живое существо, если бы все они обладали человеческой речью (а мифы передали нам, <100> что так изначально и было).

13. (179.) Нашел он и иной метод отвращать людей от несправедливости: посредством [проповеди] суда над душами, — зная, что сказанное об этом истинно и что знание [о посмертном суде] полезно для страха совершения несправедливости.

2. Он наставлял, что много лучше претерпеть несправедливость самому, нежели убить человека (ибо в аду совершается суд), принимая во внимание душу и ее сущность и природу первых сущих [к которым принадлежит и душа].

---

[303] Глагол имеет два основных значения: вершить суд и прорицать.

3. Желая показать, что в неравных, несимметричных и беспредельных вещах справедливость определена, равна и симметрична, и чтобы указать, как дóлжно упражняться в ней, он уподобил справедливость той единственной геометрической фигуре, которая обладает беспредельностью линий, составляющих ее облики, которые, будучи положены неподобными друг другу, обладают равенством совершительных сил[304].

14. (180.) Поскольку справедливость есть и в общении с другим человеком, то, говорят, пифагорейцы передавали [учение о справедливости-в-беседе] таким способом.

В беседе есть благовременное и неблаговременное: различие это обусловлено разницей в возрасте и в достоинстве, степенью родства, благодеяниями и тем иным, чем люди отличаются друг от друга[305]. Ведь есть вид беседы, который видится отнюдь не неблаговременным, если один молодой человек общается с другим молодым человеком, но который неблаговременен при общении молодого человека со

[304] ὅπερ μόνον τῶν ἐν γεωμετρίᾳ διαγραμμάτων ἀπείρους μὲν ἔχει τὰς τῶν σχημάτων συστάσεις, ἀνομοίως δὲ ἀλλήλοις διακειμένων ἴσας ἔχει τὰς τῆς δυνάμεως ἀποδείξεις. С нашей точки зрения, данная фраза говорит о целочисленных прямоугольных треугольниках, классическим (хотя и далеко не единственным) примером которых является египетский треугольник (о нем см. выше: XXVII. 9.3): т. е. о таких прямоугольных треугольниках, стороны которых относятся друг к другу как взаимно простые числа (не имеющие никакого общего делителя). Например, 5 : 12 : 13, или 7 : 24 : 25, или 9 : 40 : 41 и т. д. (подобные тройки чисел, отражающие отношения в целочисленных треугольниках — а древние, как мы помним, весьма ценили отношения, выраженные целыми числами, — получили в современной математике название «Пифагоровых троек»). Таких треугольников беспредельное множество («обладает беспредельностью линий, составляющих ее облики»), они несимметричны, их стороны не равны и не подобны друг другу («будучи положены неподобными друг другу»); при этом стороны их образуют весьма ценимые древними целочисленные прямоугольные треугольники («обладают равенством совершительных сил»).

[305] Ср.: Аристотель. *Никомахова этика*, 1126b36.

старшим; ибо ни гнев, ни какой-либо вид угроз [в этом случае неприличны], ни дерзость — со всем этим должен быть <101> весьма осторожен младший в общении со старшим. Почти то же говорится и о достоинстве.

15. (181.) С человеком, достигшим истинного достоинства на основании калокагатии, некрасивы и неблаговременны как панибратство (παρρησίαν), так и всё то, о чем мы только что сказали. Близкое к этому говорилось ими и относительно общения с родителями и точно то же — относительно общения с благодетелями. Использование же благоприятного времени разнообразно и многовидно. Ибо гневающиеся и раздражающиеся — одни делают это благовременно, другие же неблаговременно[306]; и, опять же, стремящиеся, влекущиеся и порывающиеся: одних сопровождает благовременье, а других неблаговременье. То же самое слово и об иных страстях, и деяниях, и душевных задатках, и беседах, и встречах.

16. (182.) Само же благоприятное время (καιρὸν) до определенного момента познаваемо и не непредвиденно и обсуждаемо, говоря же просто и в целом — ничего этого в себе не содержит. Природе благоприятного времени сопутствуют и почти совпадают с ней то, что называется пора (ὥραν), и подобающее, и подходящее, и, возможно, еще какие-нибудь подобного же рода вещи.

2. Наичестнейшим во всем — в науке ли, в практике ли, в рождении или, опять же, в доме ли, в полисе, военном лагере и во всех таких же образованиях — пифагорейцы считали начало. Природа же начала во всех названных вещах с трудом поддается уяснению и рассмотрению. Ибо и в науках лишь неслучайная мысль способна обнаружить и ясно различить, взирая на части вещей, <102> творящее их начало.

---

[306] Там же, 1126а30.

17. (183.) Ибо большая есть разница [, понимается начало так или иначе,] и есть опасность для целого и всего, если неправильно понято начало; попросту говоря, ничего после этого [промаха] здорового не возникает, если истинное начало остается непознанным. То же самое слово и о другом начале.

2. Ни дом, ни полис никогда не будут упорядочены, если не будут иметь истинного архонта, господствующей власти и руководства, осуществляющегося добровольно. Чтобы осуществлялось руководство (ἐπιστατεἰαν), должна быть на то воля двух сторон — властвующей и подвластной; точно так же, говорили пифагорейцы, чтобы обучение осуществлялось правильно, должна быть добрая воля, причем обе стороны должны желать этого — и учитель, и ученик; ибо если они будут тянуть в разные стороны, заявленное дело не осуществится надлежащим способом. Таким образом, Пифагор считал делом прекрасным повиновение начальникам и послушание учителям. И вот какое великое свидетельство он дал этому на деле.

18. (184.) Он приехал к своему учителю Ферекиду Сиросскому[307] из Италии на Делос, когда тот заболел упомянутой вшивой болезнью, он ухаживал за ним и похоронил его; он пребывал при нем вплоть до его кончины и сам совершил погребальный обряд, весьма поусердствовав о своем учителе.

19. (185.) Что касается договоров и непоколебимого соблюдения их, то Пифагор столь хорошо готовил к этому своих учеников, что, рассказывают:

однажды Лисид, поклонившись (προσκυνήσαντα) в храме Геры, встретил, уже выходя, своего друга <103> — Эврифа-

[307] Об ученичестве Пифагора см. выше: II.7.2.

ма из Сиракуз, который входил в пропилеи[308] богини. Эврифам попросил подождать, пока он поклонится и не выйдет; Лисид сел на какую-то каменную скамью там. Эврифам же, помолившись, впал в задумчивость и, мысля, глубоко погрузился в себя, почему и вышел незамеченным через другие врата; оставшуюся часть дня, наступившую ночь и бо́льшую часть следующего дня Лисид провел [на этой скамье] без волнений. Возможно, он оставался бы там и дольше, если бы Эврифам, явившись на следующий день в «дом общего слушания», не вспомнил о нем, услышав, как кто-то из их друзей ищет его. Вернувшись [к храму], он застал там Лисида, ждущего, как и было условлено; он увел его с собой, сказав, что причиной была его [Эврифама] забывчивость и прибавил: «Кто-то из богов наслал ее на меня — как средство испытать твою верность договорам».

20. (186.) Пифагор законоположил воздерживаться от [употребления в пищу] одушевленных по многим разным причинам, в том числе и как дело миротворчества. Ибо пифагорейцы привыкли испытывать отвращение к убийству животных как к действию беззаконному и противному природе; и гораздо более противоречащим божественному закону считали убийство человека, и сами уже не воевали[309]. Ведь война есть зачинщик и законодатель убийств; ими ибо она и телотворится (σωματοποιεῖται)[310].

2. И [акусма] «весов не перешагивай» есть призыв к справедливости, предписывающий упражняться в исполнении всего, связанного с законом, как мы это покажем в работе о символах. Через все это явственно проступает величайшая ревность об упражнении в справедливости и о передаче

[308] Место перед воротами храма или храмового двора.

[309] Это утверждение находится в прямом противоречии с тем, что рассказывается об Архите из Тарента в XXXI, 11.2.

[310] По-видимому, нужно понимать этот старинный глагол в смысле: существует, делается сильной, ощутимой.

<104> людям [плодов этой аскезы], что Пифагор засвидетельствовал и в делах, и в словах.

XXXI. САМООБЛАДАНИЕ ПИФАГОРА И ПИФАГОРЕЙЦЕВ

1–2. Практики самообладания, восходящие к Пифагору: воздержание от одушевленного, неразглашение, безмолвие, концентрация внимания, малоядение, краткий сон, взращивание презрения к славе, богатству, «мiрским благам», почтение к старшим, благожелательность к сверстникам, покровительство младшим. И еще: выставление на трапезе дорогих блюд с тем, чтобы отдать их рабам; свободные женщины золота не носят. 3. Самообладание Миллия и Тимихи. Засада, посланная Дионисием под предводительством Евмена. 4. Нападение в Фанах. 5. Бой у бобового поля. 6. Пленение Миллия и Тимихи. 7. Миллий перед Дионисием. 8. Ответ Тимихи. 9. Другие школьные обыкновения и случаи из жизни, свидетельствующие о самообладании Пифагора. 10.1. Пифагорейцы следили, чтобы тело было одного и того же веса, а настроение имело один и тот же градус. 10.2. Отстранение от страстей, перемогание их в одиночестве. 11.1. Гневаясь, пифагорейцы ни свободных не вразумляли, ни рабов не наказывали. 11.2. Случай с Архитом Тарентским. 12.1. То же о Клинии. 12.2. Отстранение от страстей. 12.3. Пифагорейцы всё приписывали и возводили к Пифагору, не ища своей славы. 13. Хранение учения: до поколения Филолая пифагорейские книги не известны внешним. 14–15.1. Золотая середина в вопросе о «мнении толпы». 15.2. Возрасты. 15.3. Транзитивная педагогика. 16.1. Детство. 16.2. Юность как наиболее грязный возраст. 17.1. Благо послушания властям. 17.2. Порядок и регулярность в транзитивной педагогике. 18.1. Пример воспитания домашних животных. 18.2. Остерегаться удовольствия, не делать его целью. 19.1. Телесные влечения. Влечения к присутствию и к отсутствию. 19.2. Влечения естественные и приобретенные. 20. Страсти. 21. Их разнообразие. 22. Всё употребляемое

в пищу есть причина особого состояния. Происхождение диетологии от Аполлона. 23.1. Половую жизнь следует начинать после окончания формирования тела. 23.2. О воспитании отроков. 22. Следует начинать заниматься любовью с двадцати лет и заниматься ею редко. 23. Против кровосмешения. 24. Уничтожение уродов и плодов насилия. 25–26. Памятка будущим родителям. 27. Неподготовленное зачатие есть главная причина порочности большинства, зачатого как скот.

1. (187.) Теперь мы расскажем о самообладании (σωφροσύνης)[311] Пифагора: как он практиковал его и передал пользующимся (χρωμένοις)[312]. Мы уже приводили общие предписания о нем, среди которых выделяется [требование] огнем и железом отсекать всякую асимметрию[313]. Того же вида [законы и обычаи:] воздержание от всех одушевленных и, кроме того, от неумеренности в определенных яствах; выставление на трапезах сладких и дорогостоящих блюд, с тем чтобы отдать их рабам, только ради обуздания влечения к выставленным [деликатесам]; и то, что свободные женщины не носили золота, но только гетеры; бодрствование рассудка и очищение от препятствующего быть ему в этом эйдосе.

2. (188.) Еще: неразглашение [школьных курсов] и полное молчание, упражняющие власть над языком, или же напряженное и непрерывное усвоение и исследование тяжелейших для понимания созерцательных истин, и отказ от вина ради этого, и скудость в пище, и краткий сон; со славой, богатством и тому подобными вещами непритворное противоборство; почтительность нелицемерная к старшим, искреннее дружелюбие и общение с ровесниками,

[311] Варианты: благоразумие, воздержность, целомудрие.

[312] По-видимому, имеется в виду круг учеников в широком смысле этого слова.

[313] См. выше: VII. 2.2..

к младшим — участие в их трудах (συνεπίτασις)[314] и поощрение, чуждое недоброжелательства, и все то, что относится к этой добродетели[315].

3. (189.) О самообладании этих мужей и что оно передано было им от самого Пифагора можно узнать из истории о Миллии и Тимихе, которую рассказывают Гиппобот[316] и Неанф[317].

А говорят они, что тиран Дионисий, <105> не добившись дружбы ни одного из пифагорейцев, хоть и сделавший всё для этого — ибо мужи эти были осторожны и отвращались от его единовластия и беззакония — послал засаду в тридцать человек под командованием Евримена из Сиракуз с тем, чтобы внезапно напасть на них во время их перехода из Тарента в Метапонт, который они имели обыкновение совершать в благоприятное время, ибо приспосабливались к переменам времен года и выбирали удобные [для жизни] места в каждый из сезонов.

4. (190.) В Фанах — ущелье близ Тарента, через которое им необходимо было пройти, Евримен и устроил засаду, спрятав там бóльшую часть отряда. Когда не принявшие никаких мер [предосторожности][318] пифагорейцы около полудня втянулись в ущелье, солдаты разбойнически с

[314] Буквально: совместное напряжение, усилие.

[315] Почти слово в слово то, что говорилось в XVI. 1.2–2.3.

[316] Гиппобот (III–II в. до н. э.) — автор трудов по истории философии: *О философских школах*, *Перечень философов*, — на которые нередко ссылается Диоген Лаэртский (ср., например: I. 19; II. 88 и др.)

[317] Неанф (III в. до н. э.) — ритор и историк из Кизика, автор *Эллинских событий*, *Истории Аттала* и др. книг. Наиболее известен его труд *О знаменитых мужах* (где, вероятно, и приводится история о Миллии и Тимихе).

[318] Вариант: не провидевшие ничего [дурного в будущем].

воинственными криками (ἐπαλαλάξαντες)[319] набросились на них. Те, придя в смятенье и вместе с тем уворачиваясь от неожиданного — и множества [нападавших], ибо их самих было около десятка, и потому что погибли бы, сразись они безоружными против разнообразно вооруженных, — решили спасать себя движением и бегством, не видя в этом ничего чуждого добродетели; ибо понимали, что мужество есть знание того, чего до́лжно избегать и что до́лжно выдерживать, как то предписывает правый логос[320].

5. (191.) Они почти уже достигли спасения (отягченные доспехами — отстали воины погони, бывшие с Еврименом), но оказались перед полем, засеянным бобами, беглецы — и бобами вполне расцветшими. Не желая преступить догматов [школы], указания «бобов не касаться», они остановились и по необходимости приняли бой: дрались камнями, дубинами, тем, что каждому попадало под руку, до тех пор пока не отбили [атаку] нападавших, некоторых убив и многих ранив. Однако все они пали под ударами [подошедших позднее] копейщиков[321], ни один <106> не остался в живых, но прежде того[322] [, как упали они в кровавую грязь,] приветствовали смерть согласно заповедям школы.

6. (192.) Весьма смутились Евримен и бывшие вместе с ним: не случилось бы чего, если не приведут они к

---

[319] Звукоподражательный глагол, который можно было бы перевести «уракая», поскольку греческий эквивалент русскому «ура» как раз и звучит «а-ла-ла».

[320] Ср.: Платон. *Лахет*, 194e11 и 196d1.

[321] Вероятно, успех первой сшибки определялся тем, что пифагорейцы схватились сначала с легковооруженными, которые двигались быстрее и были гораздо более слабым врагом для хотя и безоружной, но куда более боеспособной аристократической молодежи.

[322] Есть возможность прочитать этот предложный оборот: из-за того; в этом случае будем иметь: из-за этих [бобов] радостно приняли они смерть...

Дионисию ни одного живого пифагорейца, ведь для одного этого и были они посланы. И вот, насыпав над падшими землю[323] и воздвигнув надгробное святилище героям (ἡρῷον πολυάνδριον)[324], они двинулись в обратный путь.

Спустя некоторое время им повстречались кротонец Миллий и его жена Тимиха из Лакедемона, они отстали от большинства пифагорейцев, поскольку Тимиха была уже на десятом месяце беременности и шла медленно. Обрадовавшись, что их можно взять живыми, солдаты отвели к тирану, конвоируя их со всякой заботой и попечением.

7. (193.) Дионисий расспросил о случившимся и казался сильно опечаленным. «Но вы, — сказал, — за всех примете от меня невиданные почести, если воля ваша будет царствовать вместе со мной». Ответили Миллий и Тимиха отказом на все его предложения. «Но одно только, — говорит — объясните мне, и отпущу вас с надежной охраной». Миллий же спрашивает: «Что ты хочешь узнать?». «То, — говорит Дионисий, — по какой причине твои друзья предпочли лучше умереть, нежели потоптать бобы». А Миллий прямо ему: «Они, — говорит, — отважились, чтобы не потоптать бобов, умереть, я же — лучше уж бобы потопчу, чем скажу тебе эту причину!»

8. (194.) Пораженный[325] [ответом] Дионисий велел силой его вывести, Тимиху же приказал <107> предать пыткам — ибо полагал, что женщина, к тому же беременная и лишенная мужа, легко выболтает ему это в страхе перед пытками; благородная жена закусила язык зубами и отгрызла его и плюнула им в тирана, показав, что если ее женское естество, побежденное пытками, откроет нечто из того, о чем до́лжно

---

[323] Нужно полагать, это была братская могила.

[324] Возможно, имеется в виду курган, возможно — оградка с алтарем.

[325] Вариант: испуганный.

молчать, то вот — исполнителя [этой гнусности] отсекла она прочь от себя.

Настолько не одобряли пифагорейцы дружбы с экзотериками, даже если это были цари.

9. (195.) Близкие к этим [заповедям о неразглашении] были и предписания о [полном] молчании, предпринимавшиеся ради упражнения в самообладании. Ибо труднейшая из властей — власть над языком. К той же добродетели [самообладания] относится и то, что он убедил кротонцев воздерживаться от [употребления в пищу] не освященного в жертву[326], равно и от внебрачных отношений с наложницами[327], а кроме того, исправление посредством музыки, благодаря которому он привел к самообладанию приведенного в исступление эротом юношу[328]. И увещевание отстраняться от гордости к той же восходит добродетели.

10. (196.) Вот еще что передал Пифагор ученикам, причиной чего был он сам. Они ведь обращали внимание на то, в каком состоянии всегда находится их тело: следили за тем, чтобы оно не тощало сейчас и не толстело потом, ибо это есть знак, думали они, неправильного образа жизни. Но точно так же заботились они и о [состоянии] мысли (διάνοιαν): следили, чтобы не была сейчас веселая, а потом подавленная, но была всегда ровной, спокойной и радостной.

2. Они отстранялись от гнева, уныния, волнений; у них было предписание, что ни одна из человеческих бед не должна быть неожиданной для тех, кто обладает умом, но все они <108> ожидаемы, что бы ни случилось из того, над

[326] Скорее всего, речь идет о мясе, которое первоначально употреблялось в пищу только в ходе жертвоприношений, а потом, по мере возрастания роскоши, стало употребляться с тем же безразличием, что злаки и овощи.

[327] См. выше: IX. 6.2. А также: Платон. *Законы*, 841d.

[328] См. выше: XXV. 3.

чем мы не властны. Если же случалось им разгневаться, затосковать или иное такое что-нибудь, то они уходили от людей и каждый наедине с собой старался пережить и исцелиться от своей страсти.

11. (197.) Говорят о пифагорейцах и то, что ни рабов никто из них, будучи в гневе, не наказывал, ни свободных не вразумлял, но ждал восстановления мысли[329] [в ее спокойном достоинстве и лишь потом принимался за дело] — вразумление, кстати, они называли *педартан*[330]; совершали же они эту передержку[331] [гнева], пользуя спокойствие и безмолвие [как средства восстановления мысли].

2. Действительно, Спинфар часто рассказывал об Архите из Тарента, что однажды, возвратившись из армии — полис воевал тогда в Мессапии[332] — он явился на свое поле и увидел, что о земледелии отнюдь не хорошую заботу имеют и управляющий, и другие рабы, увидел, что относятся они к делу с величайшим, запредельным пренебрежением: и разгневался он и возмутился до того, что только то, кажется, и сказал своим рабам, что в гневе он, и им повезло, что он в гневе: не случись этого, ни за что не избегли бы они наказания за толикий-то грех.

12. (198.) Спинфар говорил, что и о Клинии рассказывали что-то такое; ибо и он откладывал все вразумления и наказания до восстановления мысли[333].

2. Сетованиям, слезам и всему такому не давали к себе приблизиться мужи эти; ни страсть к наживе, ни влечение, ни гнев, <109> ни честолюбие, ни иное что такое же не ста-

---

[329] διανοίας ἀποκατάστασιν.

[330] Ямвлих употребляет два полных синонима: νουθετεῖν и πεδαρτᾶν.

[331] ἀναμονὴν.

[332] Т. е. в Калабрии.

[333] О Клини ср. также: Афиней, XIV. 624a; Диоген Лаэртский, IX. 40.

новились у них причиной раздора, но все пифагорейцы так относились друг к другу, как серьезный отец относится к детям.

3. Красиво и то, что всё приписывали и возводили они к Пифагору и никакой собственной славы не добывали от [сделанных ими] открытий, редко было иначе: в высшей ведь степени мало известно пифагорейцев, оставивших собственные памятные записи[334].

13. (199.) Удивляет и их строгость в сохранении [учения школы в тайне]: в толиком времени лет (ἐν τοσαύταις γενεαῖς ἐτῶν)[335] вплоть до поколения Филолая никто и никому не показал пифагорейских памятных записей, но и он первый издал три своих заболтанные книги (которые, говорят, Дион из Сиракуз купил за сто мин по воле Платона), потому что впал в великую и крепкую бедность, а поскольку и сам он был из пифагорейской семьи, то благодаря этому имел в этих книгах долю (μετέλαβε).

14. (200.) О славе, рассказывают, они говорили вот что. Неразумно обращать внимание на мнение всех и вся, и особенно если это мнение большинства; ибо хорошо понимают и представляют немногие; ясно ведь, что таковы люди знающие, а их немного. Так что, очевидно, сама эта сила на многих простираться не может.

Но неразумно также презирать предположения и мнения всех. Расположенный таким образом может оказаться невежественным и неисправимым.

Незнающему необходимо научиться тому, в чем он ошибается и чего не знает, учащемуся следует обращать

[334] Эти ὑπομνήματα могут поняты и как собственно воспоминания, и как писания вообще.

[335] Можно, конечно, сказать: цепи или веренице лет, но тогда исчезнет чисто семитический колор этого выражения, весьма похожего на «во веки вечные» и т. п.

внимание на предположения <110> и мнения знающего и способного научить.

15. (201.) Вообще говоря, юноши, желающие быть спасенными, должны быть внимательны к предположениям и мнениям старейших (πρεσβυτέρον) и прекрасно проживших жизнь.

2. В целом человеческой жизни есть определенные возрастные данности[336] (как, говорят, они называют их), и случайный человек не связывает их друг с другом: если кто-нибудь с самого рождения не воспитывает человека правильно и красиво, то возраста эти изгоняют друг друга.

3. То, что происходит с большинством, нелепо и смешно, в самом деле, ибо красивое, разумное, мужественное воспитание ребенка должно быть во многом передано юношескому возрасту, точно так же и забота о юноше, воспитание красивое, мужественное и разумное должно быть во многом передано мужескому возрасту.

16. (202.) Люди же думают, что ребенок должен быть организован, разумен, воздерживаться от всего, что кажется грубым и непристойным,

2. когда же дети становятся юношами, большинство позволяет им делать, что бы они ни захотели. В один и тот же возраст, пожалуй, стекают грехи обоих родов: ибо многое детское и мужеское юноши согрешают. Ибо бегут они от всякого рода серьезности и порядка, стремятся, попросту говоря, к забавам, бесчинствам и детским дерзостям, что в высшей степени детскому возрасту как раз и свойственно; из этого возраста в юношеский приходит такое расположение. Сильные же влечения, как и честолюбивый их род, а равно и остальные порывы и расположения, бывающие жестоки-ми <111> и беспорядочными, из мужеского возраста в юно-

[336] τινας ἡλικίας ἐνδεδασμένας.

шеский приходят. Потому-то из всех возрастов юношеский более других нуждается в заботе.

17. (203.) Вообще говоря, никогда не до́лжно позволять человеку делать то, что он пожелает, но всегда должно быть некое управление и законная достойная власть, которой будет послушен каждый из граждан. Быстро ибо оставленное и пренебрегаемое живое существо впадает во зло и порчу.

2. Говорят, часто спрашивали они и перечисляли [отвечая], чего ради привыкаем мы кормить детей регулярно и симметрично[337], почему порядок и симметрия являются для нас прекрасными, а противоположные им беспорядок и асимметрия — безобразными, почему и пьяница, и ненасытный [обжора] подвергаются великому бесчестию. Ибо если ничего из этого уже не полезно для нас, когда мы достигаем мужеского возраста, то привыкать к такому порядку, будучи ребенком, — бессмысленно; то же слово и относительно других обыкновений.

18. (204.) У остальных живых существ, воспитывающихся человеком, такого не увидишь, но и щенка, и жеребенка с самого начала приучают и учат тому, что они должны будут делать [не только в детстве, но и] когда вырастут.

2. Вообще, говорили, что пифагорейцы предписывали [и только лишь] беседовавшим с ними и вступавшим с ними в близкую связь остерегаться удовольствия, если и в самом деле до́лжно чего-то остерегаться; ибо ничто так не опрокидывает нас и не ввергает в грех, как это претерпевание. В целом они, кажется, никогда и ничего не предпринимали, направленного к наслаждению (ибо цель эта позорна и вредна во многом), но что бы ни приходилось делать, они делали это, взирая главным образом <112> на красоту и изящество

[337] Т. е. соразмерно принимающему пищу ребенку, умеренно.

[поступка], а во вторую очередь — на пользу и выгоду, а такие вещи должны решаться не как придется[338].

19. (205.) О называемом телесным влечением (ἐπιθυμίας), рассказывают, мужи эти говорили вот что. Само это влечение есть бурный порыв души, натиск и стремление к наполнению чем-нибудь или к присутствию определенного чувства или состояния чувства. Бывает и влечение к противоположным вещам, например, к опустошению и отсутствию и нечувствованию чего-то. Пестра эта страсть, почти самое многовидное в том, что о человеке.

2. Существует много человеческих влечений, приобретенных и выпестованных самими людьми, почему эта страсть и требует наибольшей заботы, и стражи, и телесных упражнений не случайных. Ибо после опорожнения тела влечение к пище естественно, как естественно и влечение к опорожнению после наполнения. Влечение же к дорогостоящей[339] пище, или дорогостоящим роскошным одеждам и коврам, или дорогостоящим и роскошным и изукрашенным домам — приобретенное [влечение, а не естественное]. То же самое слово и об обстановке, и о чашах, и о слугах, и о животных, употребляемых в пищу.

20. (206.) Вообще, что касается человеческих страстей (παθῶν)[340], то они по большей части таковы, что нигде не могут остановиться, но движутся вперед в беспредельное.

---

[338] δεῖσθαι τε ταῦτα κρίσεως οὐ τῆς τυχούσης.

[339] Здесь и далее в предложении перевожу так περιέργου; другие значения: чрезмерно изысканный, излишне хлопотный.

[340] Отметим, что страсти здесь Ямвлих понимает отнюдь не как античный автор, т. е. не как страдательные состояния души. Страсти у него здесь — это как раз начало действующее, т. е. влечения, однако не принадлежащие высшему лицу в человеке, но — лицу низшему (Плотин бы назвал эти лица: душа и составленное, христианская аскетика — душой и телом (плотью)). Такой способ представлять себе душевную жизнь, конечно, не может быть старше I в. н. э.

Потому прямо из младости следует заботится о возрастающих, чтобы они влеклись к чему до́лжно, остерегались пустых и излишне хлопотных влечений, были невозмущаемы и чисты от такого рода порывов <113> и презирали тех, кто достоин презрения, и тех, кто связан влечениями. Важнее всего понять, что пустые, вредные, суетные и дерзкие влечения исходят от тех, кто обладает могуществом[341]; ибо нет такой нелепости, к какой не устремлялась бы душа и детей таких, и мужей, и женщин.

21. (207.) Вообще, по множеству влечений человеческий род разнообразен в высшей степени. И ясный признак этого — разнообразие употребляемого в пищу: беспредельное множество плодов, беспредельное множество корней употребляет в пищу человеческий род. Еще же и всевозможное плотояденье пользует: целое дело — найти, какое бы из обитающих на земле, пернатых и водных живых существ не поедал человек. Им изобретены всевозможные способы приготовления пищи и смешения всевозможных вкусов. Вследствие этого, по справедливости, безумен и многовиден человеческий род по движениям душевным.

22. (208.) Ибо каждое из употребляемых яств есть причина особого состояния. Но люди тотчас же видят только то, что выступает причиной больших изменений — как, например, вино, которое до известного момента делает людей более радостными, а потом более безумными и безобразными; те же вещи, что не являют такой же, как вино, силы, люди не знают. Однако всё, что употребляется в пищу, есть причина особого состояния. Потому лишь большой мудрости люди понимают и видят, каковое и сколькое до́лжно употреблять в пищу. Это знание было изначально у Аполлона и Пэана, позднее же — у учеников Асклепия.

---

[341] *Слово позволяет понять себя и как власть, и как богатство.*

23. (209.) Рассказывают, что о рождении <114> говорили они вот что. Вообще, они думали, что дóлжно беречься называемого преждевременным плодом (ведь ни у растений, ни у животных преждевременные плоды не становятся хорошими); нужно, чтобы плодоношению предшествовало определенное время, чтобы из сильных и вполне завершенных тел возникали семя и плод. Потому следует мальчиков и девочек воспитывать в труде, гимнасии и подобающей стойкости[342], воспитывать употребляющими пищу, соответствующую их трудолюбивой, разумной и стойкой жизни. Многое из того, что относится к человеческой жизни, таково, что лучше обучаться этому в позднем возрасте; именно так и обстоит дело с любовными делами.

24. (210.) Дóлжно воспитывать ребенка таким образом, чтобы он не искал такой близости, пока не достигнет двадцати лет. Когда же достигнет этого возраста, дóлжно ему заниматься любовью редко. Это может быть достигнуто, если хорошее состояние (εὐεξία)[343] считается вещью достойной и прекрасной; невоздержность же и хорошее состояние соседствуют в одном и том же человеке не охотно[344].

2. Говорят, что они хвалили уже существовавшие в эллинских полисах законы, не позволяющие сходиться ни с матерью, ни с дочерью, ни с сестрой, ни в храме, ни в открытую; ибо хорошо и полезно, если возникает как можно больше препятствий для этой энергии.

3. По-видимому, мужи эти полагали, что подлежат уничтожению родившиеся противно природе[345] и благодаря насилию, что оставаться должны рожденные согласно при-

---

[342] В оригинале именно так: копать отсюда и до обеда.

[343] Контекстуально: сила, здоровье, боеспособность и т. д.

[344] В оригинале: οὐ πάνυ (не вполне).

[345] Речь идет, вероятно, о гермафродитах, двуглавцах и прочих уродах, которые весьма пугали древних.

роде и благодаря самообладанию (σωφροσύνης) в результате разумного <115> и законного детотворения.

25. (211.) Они считали, что многое должны заранее продумать[346] детотворцы о будущих чадах. И, прежде всего, явить наибольшую предусмотрительность в деле подготовки себя к детотворению: жить и до того, и в настоящий момент разумно и здорóво; не принимать пищу не благовременно и не обжираться; не принимать в пищу то, от чего становятся хуже телесные свойства; не только не пьянствовать, но не употреблять и самую малость: ибо они думали, что из плохого, несозвучного и беспорядочного смешения возникает негодное семя[347].

26. (212.) В целом, они думали, что совершенно легкомыслен и непредусмотрителен собирающийся животворить и привести [свое будущее чадо] в рождение и сущность[348], если не промышляет со всей серьезностью, чтобы его появление в бытии и жизни было событием в высшей степени радостным. И это при том, что любители собак со всей серьезностью заботятся о рождении щенков: чтобы от кого дóлжно, когда дóлжно и при соответствующих обстоятельствах появлялись; точно так же и любители птиц.

27. (213.) Ясно, что и остальные относящиеся серьезно к рождению живых существ люди всячески заботятся о том, чтобы рождение не случалось у них наобум. Люди же не имеют никакого суждения[349] о собственных потомках, но и рождают случайно, действуя как придется и будучи во всех отношениях беспечными, а потом вскармливают и

[346] Буквально это звучит: большой должны сотворить промысл.

[347] Ср.: Порфирий. *О воздержании*, 775c–d.

[348] Здесь в смысле существования.

[349] μηδένα λόγον ποεῖσθαι.

воспитывают детей с полным пренебрежением. Это и есть очевиднейшая и решительнейшая причина того, что большинство людей порочны и дурны. Ибо большинство <116> совершает детотворение безрассудно и подобно скоту[350].

Таковы были наставления и обычаи у этих мужей, упражнявшихся посредством слов и дел в самообладании, мужей, которые восприняли свои предписания свыше от Пифагора, как если бы это были оракулы, изреченные Аполлоном Пифийским.

XXXII. О ХРАБРОСТИ И МУЖЕСТВЕ ПИФАГОРА И ПИФАГОРЕЙЦЕВ

1. Гражданский подвиг Пифагора. 2. История о Пифагоре, Фаларисе и Абарисе. Абарис расспрашивает Пифагора. 3. Учение Пифагора о богах и два типа его восприятия — Абарис и Фаларис. 4.1. Абарис и Фаларис в вопросе о Промысле и его действиях. 4.2. Пифагор перед Фаларисом: нисхождение души, 5.1. связь вещей с небом, свобода, логос и ум. 5.2. О тирании. 5.3. О наилучшей жизни. 5.4. Боги — не причины зла; поэты — лжецы. 5.5–6. Обличающее вразумление Фалариса (основная речь). 7.1. Поведение Пифагора — образец бесстрашия философа. 7.2–8. Пифагор в деле падения тирании Фалариса. 9. Аналогичный случай с Эпименидом. Природная связь Пифагора с Аполлоном. 10.1. Совершенная свобода Пифагора как явление мужества. 10.2. Мужество пифагорейцев в исполнении заповедей. 11. Музыка и убеждение против страстей. 12–13.1. Перемогание страстей в одиночестве, трудолюбие в науках и нравах, искоренение невоздержности и своекорыстия, бодрствование рассудка, неразглашение и молчание, воздержание от вина, малояденье, краткий сон — средства для воспитания мужества. 13.2–14. Еще о неразглашении и символическом

[350] Отрывок об этике брачных отношений (XXXI. 23–27) заимствован Ямвлихом у Аристоксена (у Стобея есть аналогичная цитата со ссылкой на Аристоксена).

языке. Учения школы как таинства богов. 15. Спасение — дело совершенного мужества.

1. (214.) Что касается храбрости, то многое из сказанного имеет к ней отношение: это и удивительные деяния Тимихи, и поступки, совершённые теми, что решились умереть, но не преступить установления Пифагора о бобах, и некоторые другие [деяния,] относящиеся сюда. Да и сам Пифагор совершил много мужественных поступков, путешествуя повсюду один, поднимая труды и преодолевая страшные опасности, решив оставить отчизну и провести жизнь на чужбине, ниспровергая тирании и приводя в порядок объятые смутой полисы, предоставляя им свободу вместо рабства[351], прекращая беззаконие, гордость низвергая, наглецов и людей тиранических подавляя[352]. Людям справедливым и воспитанным доставлял он свое кроткое руководство, наглецов же и деревенщину изгонял из собрания [граждан], запрещал вершить суд; ревностно содействуя одним, он всеми силами противился другим.

2. (215.) Многие можно было бы привести примеры его храбрых деяний, и часто он совершал их с успехом; величайший же из всех — то, что он сказал и сделал благодаря неодолимой паррэсии[353], встретившись с Фаларисом[354]. Ибо когда он был схвачен жесточайшим из тиранов — Фаларисом, с ним общался мудрый муж, гипербореец родом, Абарис именем, который и пришел <117> ради того, чтобы

[351] Выше: VII. 2.1; XXXII. 1.

[352] Варианты: уничтожая, унижая.

[353] Термин кинической философии: полная откровенность — аскетическое и педагогическое средство внутри школы; средство эпатажа — при взгляде извне; в бранном смысле переводится как панибратство, хамство и т. п. Строго говоря, паррэсия — это и сама откровенность, и сила, позволяющая быть откровенным.

[354] Фаларис — тиран Акраганта с 570 по 554 г. до н. э.

побеседовать с ним; он задавал вопросы, главным образом, о священном: об изваяниях, о благочестивом служении, о провидении богов и о тех [богах], что на небе, и тех, что обращаются вокруг земли, да и многое такое же спрашивал.

3. (216.) Пифагор же — таков он был — воодушевленный богом[355], твердо, со всякой истинностью и убедительностью отвечал ему, так что привлек к себе слушателей.

Тогда Фаларис воспылал гневом к хвалившему Пифагора Абарису и рассвирепел на Пифагора; он дерзнул извергать страшные хулы на самих богов и так, как это мог сделать такой, как он, человек.

Абарис же, поблагодарив Пифагора за науку, стал узнавать у него, как зависит всё от небес и домостроительствуется иными большими [силами] и энергией священнодействий[356]. Учившего этому Пифагора Абарис не счел колдуном, но был восхищен им сверхприродно (ὑπερφυῶς)[357], как богом.

В ответ на это Фаларис ниспроверг дар пророчества[358] и сокрушил те действия, которые открыто совершаются в храмах.

4. (217.) Тогда Абарис увел разговор от этих [священных предметов] к очевидным для всех явлениям, и от благодеяний демонов неких и богов в безвыходных ситуациях — в невыносимых войнах, или в неисцелимых болезнях, или при недородах[359], или при находах мора, или в иных таких же крайне трудных и губительных обстоятельствах — он

[355] ἐνθέως.

[356] Вариант: жертвоприношений.

[357] У этого слова есть разговорное значение: чрезвычайно, совершенно; но нам кажется, что здесь оно употребляется в своем изначальном сакральном смысле.

[358] Варианты: искусство прорицания, пророческое истолкование.

[359] καρπῶν φθοραῖς.

старался убедить Фалариса в том, что существует божественное Провидение, превосходящее любые надежды и силы человека.

В ответ на это Фаларис нагличал и дерзил.

В этот момент слово взял по собственной воле Пифагор (он подозревал, что Фаларис умышляет предать его смерти, и, однако, знал, что ему это не предначертано). Обратившись к Абарису, он сказал, что переход душ с неба <118> в воздушные [сферы] и земные [места] совершается согласно природе.

5. (218.) Кроме того, он рассказал в доступной для всех форме о связи всех вещей с небом и неоспоримо доказал, что в душе есть свободная сила, и дальше говорил довольно о совершенной энергии логоса и ума.

2. После этого он сказал — благодаря паррэсии — и о тирании, и обо всех преимуществах (πλεονεκτημάτων)[360], даруемых случаем, и о несправедливости человеческого преобладания (πλεονεξίας) в целом, твердо и подробно объясняя, что не имеют никакого достоинства эти вещи.

3. Затем он произнес боговдохновенное наставление о наилучшей жизни и с жаром противопоставил его наихудшему, и о душе, и силах ее, и страстях, что они суть, открыл в высшей степени ясно,

4. и — прекраснейшее из всего — показал, что боги — не причины зол, что болезни и страдания телесные суть отпрыски невоздержности. Рассуждал и о том, что много дурного сказано [о богах] в мифах мифотворцами и поэтами.

5. Обличением вразумлял Пифагор Фалариса:

показал он ему силу небес — какова и сколькая она есть — посредством ее дел;

---

[360] Слово обозначает также: насилие, обман, обида.

привел многие доказательства того, что воздается согласно закону [грешникам] и что наказание это осуществляется естественно;

и отличие человека от других живых существ изобразил ясно;

также о логосе внутреннем и продвигающемся вовне логосе[361] говорил научно и обстоятельно;

ум и нисходящее от него познание объяснил совершенно;

6. (219.) Он наставил полезнейшему: этическим и многим другим, связанным с ними, догматам о добром (περὶ τῶν χρηστῶν) в образе жизни,

приладив к этому в высшей степени дельные советы, созвучные этим [догматам],

и поставил рядом запрещения относительно того, чего делать не следует.

И самое главное: он различил <119> совершающееся благодаря и согласно судьбе и благодаря и согласно уму,

рассуждал много и мудро о демонах и о бессмертии души.

Но [, возьмись мы рассказывать об этом,] наша речь пошла бы уже в ином направлении; сказанное же несомненно свидетельствует о том, что он навык в мужестве.

7. (220.) Ибо если, оказавшись в гуще ужасных обстоятельств, явил он философствование непоколебимой мыслью[362], если во всех отношениях стойко и мужественно отражал он судьбу, если было ясно, что к тому, кто подвергал его [смертельной] опасности, он относится со властью и паррэсией, — то, значит, он вполне презирал и вменял в ничто полагаемое [толпой] ужасным. И если он ожидал смерть, насколько это свойственно человеческой природе, то совершенно пренебрегал ею и не обращал тогда внимания на на-

[361] Это две известнейшие стоические категории: логос внутренний и логос изреченный.

[362] γνώμη.

личное предчувствие, так что уж, конечно, ясно, что он был искренне бесстрашен относительно смерти.

2. И еще более доблестный, нежели эти, поступок совершил Пифагор, вызвав падение тирании [Фалариса] и обуздав тирана, собиравшегося навлечь на людей непоправимые беды, освободив Сицилию от жесточайшей тирании.

8. (221.) То, что именно он успешно совершил это дело, явствует, между прочим, и из оракулов Аполлона, указывающих, что власть Фалариса будет низвергнута, когда лучше и единодушнее станут подначальные [граждане Акраганта] и станут вместе плечом к плечу, что и произошло в бытность там Пифагора — благодаря его руководству и воспитанию.

Но еще более сильное свидетельство — от времени: ведь в тот же день, когда Фаларис угрожал Пифагору и Абарису смертью, он сам был убит заговорщиками.

Пусть же будет доказательством этого и то, что случилось с Эпименидом.

9. (222.) Ибо также и Эпименид, <120> ученик Пифагора, когда некие люди собирались убить его, призвал Эриний и богов защитников[363], и сделал так, что совершенно все заговорщики перебили друг друга; так же и Пифагор: защищая людей со справедливостью и мужеством Геракла, наказал исполненного гордыни и причиняющего людям обиды и предал его смерти по слову оракула Аполлона, с которым он был связан по самой природе (αὐτοφυῶς) от рождения изначально[364]. Вплоть досюда вот вспоминали мы достойный удивления успех его мужества.

[363] Вариант: карающих богов, богов мстителей.

[364] ἀπὸ τῆς ἐξ ἀρχῆς γενέσεως. Фраза, достойная богословской схолии.

10. (223.) Приведем и другой признак его мужества: хранение заслуженной славы (σωτηρίαν τῆς ἐννόμου[365] δόξης[366]), благодаря чему он делал только то, что сам решил[367] и что внушил ему правый логос: ни удовольствие, ни страдание, ни иная какая-нибудь страсть или опасность не отвращали его от этого.

2. И друзья его предпочитали умереть, нежели нарушить в чем-то его предписания; будучи испытаны во всевозможных несчастьях, они сохранили нерастленный этос, в мириаде ситуаций (συμφοραῖς)[368] они не отворачивались от них никогда. Беспрестанно звучал у них призыв: «всегда помогать закону и воевать с беззаконием»[369], гнать от себя и отлагать роскошь, навыкать с рождения в целомудренном[370] и мужественном образе жизни.

11. (224.) Были у них и некие «мелы»[371], созданные ради противоборства страстям души, против уныния и печалей; в высшей степени действенными были они созданы; и, опять же, были иные — против гнева и раздражений[372]. Посредством них они подтягивали и отпускали [страсти, как струны,] до меры, соразмерной мужеству.

---

365 С оттенком: справедливой, законной.

366 Из многих значений этого слова мы акцентировали бы здесь не те, что связаны с заблуждением и кажимостью, и не те, что отсылают нас к визуальной образности — блеск, сияние, но положительные и социально значимые: расчет, намерение, репутация.

367 τὰ δοκοῦντα ἑαυτῷ; можно было бы перевести: то, что ему показалось, глянулось.

368 Слово контекстуально переводится и как счастливые, и как несчастные стечения обстоятельств.

369 Выше: XXI. 6; XXX. 5.

370 σώφρονι.

371 Не вполне ясно, имеются в виду мелодии, песни или заклинания.

372 О воспитании музыкой см. выше: XV. 1; XXV. 1.1 и 2; XXIX. 8.2; XXXI. 9.

Величайшей же опорой их благородства было убеждение в том, что для людей, имеющих ум, <121> ни одно из несчастий человеческой жизни не является неожиданным, но ожидаемы все, что бы ни случилось из того, над чем мы сами не властны.

12. (225.) Когда же прилучались им самим гнев, или печаль, или иное что из этого, они отходили в сторону: каждый сам старался мужественно пережить и исцелить страсть[373].

Родовой чертой[374] их было и трудолюбие в науках и нравах, истязания врожденных всем невоздержности и своекорыстия[375], в высшей степени разнообразные обрезания[376] и отсечения посредством огня и железа[377], исполнявшиеся неумолимо, ради чего не жалели они трудов и не щадили выдержки. Это и благородное упражнение в воздержании от [употребления в пищу] всех одушевленных[378], а к тому же и некоторых яств; это и бодрствование рассудка, и очищение препятствующего ему в деятельности; это неразглашение[379] и полное молчание ради власти над языком, в котором упражнялись они многие годы и которое закаляло их мужество; или напряженность и непрерывность в исследовании и усвоении труднейших умозрительных положений.

13. (226.) А благодаря этому и воздержание от вина и малоядение и краткий сон, к славе и богатству не приобретаемое

[373] Повтор XXXI. 10.2.

[374] γενικὸν.

[375] πλεονεξίας.

[376] В переносном смысле: наказания.

[377] Выше: XVI. 1.

[378] Выше: XXX. 2.3. и 20.1; XXXI. 1.

[379] Выше: XVII. 5; XX. 1; XXIII. 2.

искусственно презрение[380] — всё это взращивало в них мужество.

2. От жалоб, слез и всех такого рода вещей эти мужи, говорят, удерживались[381]. Не допускали они ни просьб, ни прошений, ни всей такого рода рабской лести — как дéла низкого и недостойного мужа.

3. Той же отличительной особенностью их нравов дóлжно полагать то, что наиболее важные и основополагающие из своих догматов сохраняли они в себе неизреченными все и всегда: они хранили их не записанными в памяти, строго блюдя себя от разглашения внешним [учений школы], <122> которые они передавали преемникам как таинства богов.

14. (227.) Потому-то никакого достойного логоса вовне не разглашалось: то, чему учили, и то, чему научались, узнавалось только в стенах школы. Если же пифагорейцам доводилось говорить при внешних, как говорят, непосвященных, эти мужи говорили друг с другом туманно посредством символов, след чего и сейчас сохраняется в избитых фразах, вроде «огня ножом не вороши», и таких же символах, которые вне контекста[382] подобны наставлениям старух, когда же оказываются раскрыты, то доставляют удивительную и высокую пользу тому, кто их понял.

15. (228.) И главное, считали пифагорейцы, ради чего следует быть мужественным, — это спасти и освободить из толиких темниц и оков удерживаемый в них с рождения ум, без которого никто никоим образом не может познать ничего здравого и истинного, как не может и увидеть этого посредством действия какого-либо чувства. Ибо «ум», со-

[380] Аналогичные списки аскетических упражнений см. выше: XVI. 1.2–2.3; XXXI. 1–2 и 9.

[381] Выше: XXXI. 12.2.

[382] ψιλῇ.

гласно им, «всё видит и всё слышит, остальные же глухи и слепы»[383].

Во-вторых же, следует быть мужественным в приложении величайших усилий к тому, чтобы ум, наконец, был очищен и обучен посредством математических оргий[384] (μαθηματικῶν ὀργιασμῶν), дабы тогда нечто полезное и божественное вложить в него и передать ему, чтобы не боялся, будучи удален от тел, и, ведомый к бестелесным, не отвращал от них очей из-за блистательности их сияния и не обращался бы назад к тем страстям, <123> которые скрепили и пригвоздили душу к телу, чтобы был он вообще непреклонен ко всем генесиургическим[385] и возвращающим вниз страстям. Упражнение и восхождение через все эти [ступени] как раз и было делом совершенного мужества.

Пусть же столькое [сказанное] будет для нас свидетельством мужества Пифагора и мужей пифагорейцев.

XXXIII. О ДРУЖБЕ У ПИФАГОРА И ПИФАГОРЕЙЦЕВ

1. Дружба всех со всеми: богов с людьми, догматов друг с другом, души с телом, логосной части души с безлогосной, людей — друг с другом и некоторыми другими живыми существами. Дружба на уровне тела и благоденствие в подражание космосу. 2.1. Открытие Пифагором философского понятия дружбы. 2.2. Изгнать из дружбы агон и любопрительность. 3.1. Унять гнев всем, особенно младшим. 3.2. Старшие должны воспитывать младших бережно и благожелательно. 4.1–4.2. Следует всегда сохранять веру в друга. Не разрывать дружбу ни из-за каких внешних несчастий. 4.3. Правило относительно вражды

[383] Афоризм Эпихарма (о нем см. выше: XXIX. 10.2; XXXVI. 2.2).

[384] Т. е. тайных обрядов.

[385] Создающим становление, рождение.

и врагов. 5.1. Памятка будущим друзьям. 5.2. Серьезное отношение пифагорейцев к дружбе. 6.1. Отстранение от страстей. 6.2–8. История о поручительстве Финтия за Дамона. 9.1. Пифагорейцы помогали своим, даже не зная их. 9.2–10. История о пифагорейце, умершем на постоялом дворе. 11. Другие примеры: Клиний и Прор, Тестор и Тимарид. 12. Дружба ради единения с Богом.

1. (229.) Пифагор в высшей степени ясно учил о дружбе всех со всеми: богов с людьми — благодаря благочестию и научному (ἐπιστημονικῆς)[386] служению последних; догматов — друг с другом; и вообще, души с телом, логосного — с безлогосными эйдосами через философию и созерцание, которое в ней; о дружбе людей друг с другом: граждан — благодаря здравому законодательству; инородцев — благодаря правильной физиологии[387]; мужчины — с женой, или детьми, или братьями и домашними[388] благодаря не искривленному общению; одним словом, о дружбе всех со всеми, а кроме того еще и с некоторыми безлогосными существами благодаря справедливости, природной взаимосвязи и общности; о примирении и сочетании скрытых и противоборствующих сил тела, которое само по себе смертно, — благодаря здоровью, а также ведущему к здоровью образу жизни (διαίτην) и самообладанию, осуществляющемуся в подражание благоденствию (εὐετηρίας)[389] космических стихий[390].

2. (230.) Все согласны в том, что именно Пифагор стал открывателем и законоположником того, что — благодаря сведению всего в тождественное и одно — называется

[386] Вариант: умелому.

[387] Имеется в виду, вероятно, расология — не внушающая расизм.

[388] Не в последнюю очередь: рабами, прислугой.

[389] Буквально: доброй дружбе.

[390] Парафраз XVI. 2.4. и 5.

«дружба»[391]. И таким образом научил он этой удивительной дружбе тех, кто ею пользуется, что еще и ныне о тех, кто крепче других благоволит друг к другу, говорят, что они пифагорейцы.

2. До́лжно сказать в связи с этим о Пифагоровом воспитании и предписаниях, которые он давал <124> своим ученикам. Мужи эти призывались изгнать из истинной дружбы состязания (ἀγῶνά) и любопрительность: по возможности из всякой дружбы, если же нет, то из дружбы с родителями и из отношений к старшим вообще; точно так же и из отношений к благодетелям[392]. Ибо борьба или споры с этими людьми под влиянием гнева или иных страстей — это не средство сохранения существующей дружбы.

3. (231.) Они говорили, что в дружбе до́лжно наносить как можно меньше ран и язв, что бывает, когда умеют уступать и властвовать над гневом оба, особенно же младший — и в каком бы из названных чинов[393] он ни был[394].

2. Исправления и вразумления, которые называли они *педартасейс*[395], должны, считали они, совершаться с большой благожелательностью и осмотрительностью в отношениях старших к младшим: ибо таким образом становится вразумление изящным и полезным[396].

4. (232.) Из дружбы никогда не следует изгонять веру — ни во время забав, ни во время серьезных занятий. Ибо нелегко быть вполне здравой существующей дружбе, если

[391] Парафраз XVI. 3.1.

[392] Парафраз XXII. 1.1.

[393] То есть статусов — сына, облагодетельствованного и т.д..

[394] Парафраз XXII. 1.1.

[395] Выше (XXXI. 11.1) Ямвлих употребляет слово *педартан*. Оба слова — производные от глагола πεδαρτάω: наставлять, вразумлять, или исправлять.

[396] Парафраз XXII. 1.2.

однажды в нравы тех, кто называется друзьями, вкрадется ложь.

2. Не следует разрывать дружбу из-за несчастья или иной какой-нибудь вторгающейся в жизнь немощи, но лишь испытывая отчаяние относительно друга и дружбы с ним из-за его великой испорченности и неисправимости[397].

3. Не следует никогда вступать во вражду с людьми, не окончательно испорченными; если же она все-таки возникнет, то во время схватки следует быть мужественным до конца, если не переменится нрав враждующего <125> и не присоединится к нему дружелюбие. Воевать же следует не словом, а делом; законен и свят враг, если воюет как человек с человеком. Никогда, по возможности, не следует становиться виновником раздора, и более всего опасаться его начала.

5. (233.) Если собираешься быть в истинной дружбе, прежде всего, должно многое, говорили они: быть [в ней] определенно и упорядоченно на основе правильного суждения, а не случайно; должно быть поставлено в связь с нравом каждого, чтобы ни одна беседа не велась пренебрежительно и не происходила случайно, но — с уважением, и размышлением, и правильным порядком, чтобы не пробудилась страсть, и никакого влечения, скажем, или гнева не вспыхнуло случайно, дурно, грешно. То же слово и относительно остальных страстей и расположений.

2. Можно предоставить свидетельства в пользу того, что не между прочим отклоняли они дружбу людей чуждых, но и со всей серьезностью избегали и остерегались их; дружбу же между собой верно хранили многие поколения — из того, что в книге Аристоксена[398] *О пифагорейской жизни*, он говорит, что слышал от Дионисия, сицилийского тирана, когда

[397] Парафраз XXII. 2.1.

[398] Аристоксен из Тарента (354–300 гг. до н. э.) — философ, историк, теоретик музыки, автор 453 сочинений.

тот, лишившись единовластия, преподавал грамматику в Коринфе.

6. (234.) Ибо вот что говорит Аристоксен: «От жалоб, слез и всех такого рода вещей эти мужи, говорят, удерживались, насколько возможно полно. То же слово и о лести, просьбах, моленьях и всем таком же[399].

2. Итак, <126> лишенный тиранической власти и добравшийся до Коринфа Дионисий часто нам рассказывал о пифагорейцах Финтии и Дамоне. Речь шла о залоге за смерть. Дело было так[400]. Некоторые люди, говорил Дионисий, из его окружения часто — вышучивая и насмехаясь — вспоминали пифагорейцев и называли их показушниками (ἀλαζόνας)[401], говорили, что они стряхнули бы с себя всю свою важность, деланную веру и бесстрастие, если бы кто-нибудь основательно испугал их.

7. (235.) Некоторые же возражали им, возник спор, и наладили сыграть с Финтием и его кружком такую вот штуку. За Финтием, говорит, было послано, и Дионисий от лица обвинения (здесь же был и один из обвинителей) сказал, будто стало известно о том, что умышляет он вместе с другими против него; присутствующие засвидетельствовали это, и негодование Дионисия было вполне убедительно. Удивился этому слову Финтий. Поскольку же сам тиран в ясных выражениях сказал, что дело исследовано тщательно и до́лжно Финтию умереть, — тот отвечал, что, мол, если ему кажется, что дело обстоит именно так, то он настаивает, чтобы ему дали остаток дня уладить домашние дела его и Дамона. Эти мужи жили вместе и имели всё общее, и Финтий, будучи старшим, взял на себя бо́льшую часть

[399] Ср.: XXXI. 12.2.; XXXII. 13.2.

[400] Буквально: тропос этого залога был таким.

[401] От глагола, обозначающего: «кичливо (хвастливо) выставлять напоказ».

хозяйственных дел. Итак, он настаивал, чтобы его отпустили, он же поставит в заложники Дамона.

8. (236.) Дионисий, говорит, был удивлен и спросил, есть ли такой человек, который станет заложником ждать смерти? Финтий отвечал утвердительно; послали за Дамоном, тот, выслушав дело, сказал, что ручается за Финтия и ждет его, пока он не возвратится. <127> Сам он, говорит Дионисий, был прямо ошеломлен этим; те же, кто изначально разыгрывали испытание, смеялись над Дамоном — как над оставленным [на верную смерть] — и, балагуря, говорили, что взамен оставлен олень. Солнце уже садилось, когда пришел умереть Финтий, и тут уже все были поражены и покорены. Сам же он, говорит, обняв и расцеловав этих мужей, стал настаивать, чтобы его приняли третьим в их дружеский союз, но они никоим образом к этому не склонялись, несмотря на настойчивость его требований.

9. (237.) Это, — говорит Аристоксен, — было услышано им от самого Дионисия[402].

Говорят, что пифагорейцы — и не зная друг друга — стремились совершать дружественные дела относительно тех, кого никогда в глаза не видели, когда получали от них какой-либо знак, что они причастны тому же учению; а потому, судя по этим их делам, не кажется невероятным слово, что все ревностные и серьезные люди — даже если они обитают в высшей степени далеко друг от друга — суть друзья прежде, чем познакомятся и назовут друг друга по имени.

2. Говорят, что один пифагореец, идя длинной и пустынной дорогой, остановился на каком-то постоялом дворе; из-за утомления и иных разнообразных причин впал он в

[402] Ср.: Цицерон. *О высшем благе и крайнем зле*, II. 79.

большую и тяжелую болезнь, так что истощил жизненно необходимое[403].

10. (238.) Хозяин постоялого двора — то ли из сострадания к человеку, то ли из благосклонности к нему — обеспечил его всем, не отказывал ему в помощи и не щадил никаких средств. Когда болезнь возобладала, умирающий убедил его написать на дощечке некий символ и велел, если с ним что случится, прикрепив эту писчую дощечку у дороги, наблюдать, не узнает ли кто из проходящих символ. Он, — сказал ему умирающий, — <128> возместит тебе все те расходы, что ты поиздержал на меня, и отблагодарит за мое погребение. Воздав последние почести, схоронил его гостиничник, позаботился о его теле; не имел он никаких надежд ни на возмещение трат, ни на то, что воздаст ему добром кто-нибудь из узнавших табличку. Однако, будучи удивлен поручением, испытывал [, что будет,] и каждый день выставлял табличку на обозрение. Спустя долгое время проходивший мимо пифагореец остановился, узнал вставленный символ, расспросил о происшедшем и заплатил гостиничнику гораздо более серебра, чем тот издержал.

11. (239.) Говорят, что Клиний из Тарента узнал, что Прор из Кирены, бывший ревностным учеником (ζηλωτὴς) Пифагора, подвергается опасности потерять всё имущество. Собрав средства, Клиний отплыл на Кирену и поправил дела Прора, не только пренебрегая тем, что уменьшает свое имущество, но и не избегая опасности плавания.

Таким же образом и Тестор из Посидонии, как только услышал разговоры о том, что пифагорейцу Тимариду с Пароса случилось быть ввергнутым из большого достатка в нужду, отплыл, говорят, на Парос, собрав много серебра, и выкупил для Тимарида то, чем тот владел.

---

[403] Вариант: провизию.

12. (240.) Это суть прекрасные и блистательные свидетельства дружбы. Однако гораздо более удивительно то, что они определяли об общности божественных благ и о единомыслии ума и о божественности души. Ибо часто призывали они друг друга <129> не растерзать в себе бога. Стало быть, вся ревность о дружбе, осуществляемая ими посредством дел и слов, была ради полного слияния с божеством (εἰς θεοκρασίαν), имела целью единение с Богом и общение с Умом и божественной Душой. Невозможно найти ничего лучше этого ни в словах сказанных, ни в делах сделанных. Ибо, думаю я, все блага дружбы содержатся в этом [единстве с Богом]. Почему и мы, охватив в главном все преимущества пифагорейской дружбы, прекращаем сейчас говорить о ней.

XXXIV. СТРОМАТЫ

1.1. Не вошедшие в основной текст истории. 1.2. Говорить на отеческом языке. 1.3–2.1. Лучший из диалектов – дорийский. 2.2–3. Миф о старшинстве дорического диалекта. 4.1. Диетическая медицина. 4.2. Мази, заклинания. 5.1. Пифагорейцы не имели общения с преподающими за деньги. 5.2. Символический язык Пифагора на открытых чтениях. 5.3. Пифагорейцы и сами не брали платы за обучение. 6.1. Следует почитать: родителей и земледельцев, философов и воспитателей. 6.2. Символический язык Пифагора, хранение учения. 6.3. Надгробие разгласившему тайну симметрии. 7.1. Смерть в море разглашателя. 7.2. Темный язык пифагорейской педагогики.

1. (241.) Поскольку мы рассказали о Пифагоре и пифагорейцах, правильно упорядочив сказанное по родам, приведем наряду с этим и разбросанные в разных местах рассказы, которые приводятся как свидетельства [о жизни Учителя и общины] и которые не уложились в вышеназванный порядок.

2. Итак, говорят, что они предписывали каждому эллину, входившему в общение с ними[404], пользоваться отеческим языком, ибо иностранничанье (τὸ ξενίζειν) у них не одобрялось. Приходили в пифагорейскую школу и иностранцы: мессапы[405], луканы, пиценцы, римляне.

3. Метродор, брат Фирса, сын Эпихарма[406], который применил к медицине бóльшую часть того, чему научился от отца, объясняя брату слово отца, говорит, что Эпихарм, а прежде него и Пифагор лучшим диалектом считали дорийский, в точности так же, как и лад в музыке. Ионический ведь и эолийский диалекты причастны хроматическому звучанию[407], аттический — причастен сверх меры. <130>

2. (242.) Дорический же диалект, состоящий из звучащих букв[408], энгармоничен[409]. В пользу дорического диалекта свидетельствуют его древность и этот миф:

Нерей был женат на океаниде Дориде и имел в этом браке, говорит миф, пятьдесят дочерей, среди которых и [будущую] мать Ахилла.

Некоторые же рассказывают, говорит Метродор, что Девкалион, сын Прометея, и Пирра, дочь Эпиметея, родили Дора, он — Эллина, а Эллин — Эола.

В вавилонских храмах можно услышать, что Эллин произошел от Зевса, от Эллина же родились Ксуф и Эол, этим

---

[404] По-видимому, имеются в виду вступавшие в школу.

[405] Т. е. этруски.

[406] Вероятно, речь идет об Эпихарме с Коса, слушателе Пифагора, авторе *Записок* о природе и врачевании (ср.: Диоген Лаэртский, VIII. 78).

[407] χρώματος προσῳδίας. Т. е. переходят с диатонического звукоряда — полутон — тон — тон (например: си, до, ре, ми) на хроматический: полутон — полутон — полтора тона (например: си, до, до диез, ми). Воспринималось это, видимо, как «дать петуха».

[408] φωναέντων γραμμάτων.

[409] Древний энгармонический тетрахорд характеризуется пропуском второго тона: полтора тона — тон (например: си, ре, ми).

наставлениям следует и сам Гесиод. Не легко младшим получить точные сведение или исследовать, обстоит ли в случае древних дело так или иначе.

3. (243.) Тем не менее те и другие историки[410] единодушно сходятся в том, что старейшим является дорийский диалект, после него возник эолийский, получивший имя от Эола, третьим же — аттический, названный по Аттиде, дочери Краная[411], четвертый — ионийский, названный по Иону, сыну Ксуфа и Креусы, дочери Эрехтея, рожденной тремя поколениями позже первых фракийцев и похищения Орифии[412], как показывает большинство историков. Дорийским диалектом пользовался <131> и старейший из поэтов — Орфей.

4. (244.) Говорят, что из врачебного искусства более всего они практиковали его диетический[413] вид и были в высшей степени добросовестны в нем; и, в первую очередь, они старались познать знаки соразмерности (συμμετρίας) труда, питания и отдыха; и потом, они едва ли не первыми взялись за порядок в деле принятия яств и разграничили годное и негодное.

2. Больше предшественников пользовались пифагорейцы и мазями, лекарства же уважали меньше и использовали по преимуществу для исцеления нагноений, разрезы же и прижигания приветствовали менее всего. При некоторых заболеваниях пользовались и заклинаниями[414].

---

[410] Здесь в старом значении: рассказчики.

[411] Царь Афин во времена потопа, когда спаслись лишь Девкалион и Пирра, давшие начало новому роду людей.

[412] Орифия — дочь Эрехтея, похищенная Бореем.

[413] Под диетой древние понимали как определенную дисциплину питания, так и образа жизни в целом. Мы бы сейчас назвали такую медицину профилактической.

[414] Парафраз XXIX. 7.2.

5. (245.) Говорят, они отказывались от людей, выставляющих напоказ свои знания, словно торговцы; отвращались от тех, кто открывает свои души, как распахивают двери харчевни перед всяким приближающимся к ним; от тех, кто — если покупатели таким образом не обретаются — растекается по полисам и, коротко говоря, работает в гимнасиях и с юношами ради денег, берет мзду за то, что не имеет цены.

2. Сам же [Пифагор] скрыл многое из сказанного, чтобы воспитанные чисто воспринимали ясно, остальные же — как Гомер сказал о Тантале[415] — томились, присутствуя среди его слушателей, но ничего не вкушали.

3. Я думаю, пифагорейцы говорили и о том, чтобы не брать плату с приходивших учиться к ним, ибо берущие плату являют себя худшими гермоглифов[416] или ремесленников, выполняющих свою работу сидя. Ибо последние, когда кто-то закажет им герму, ищут дерево, годное для размещения формы; берущие же плату <132> легкомысленно упражняются в изготовлении добродетели из всякой природы.

6. (246.) Пифагорейцы говорят, что более всего до́лжно промышлять о философии, родителях и земледелии, ибо родители и земледельцы суть причины нашей жизни, философы же и воспитатели — благой жизни и того, что мы становимся разумными, находя правильное [внутреннее] устроение (οἰκονομίαν)[417].

2. Сам [Пифагор] не находил нужным ни говорить, ни писать так, чтобы его мысли были ясны всякому случайному человеку; говорят, первое, чему он учил своих учеников,

[415] *Одиссея*, XI. 582–584:

> В озере светлом стоял он по горло в воде и томимый
> Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался.

[416] Буквально: ваятелей герм; слово называет также и скульпторов вообще; аналогично южнорусскому: богомаз, иконописец.

[417] Вариант: найдя [благодаря им] правильное руководство.

это — очистившись от всякой невоздержности — хранить в молчании слова, которые они услышали от него.

3. Говорят, что первый, кто показал природу симметрии и асимметрии недостойным быть причастными *учению*, был так ненавидим, что его не только изгнали из общего собрания и жилища, но и соорудили ему надгробие, как если бы некогда бывший их товарищем и в самом деле ушел из жизни среди людей.

7. (247.) Другие говорят, что даймонион гневался на разгласивших учения Пифагора. Ибо сгинул в море, как нечестивцы, объяснивший [профанам] построение двадцатиугольника[418], т. е. двенадцатигранника — одной из пяти называемых объемными фигур, которая вписывается в сферу.

Некоторые же говорят, что это претерпел разгласивший учение о безлогосности и несоразмерности[419].

2. Своеобразным (ἰδιότροπός)[420] и символическим было всё пифагорейское обучение: благодаря подражанию древним в стиле[421], оно напоминало загадки и головоломки, будучи составлено из апофтегм[422]. Точно так же и тем, кто вопрошает оракулы, между прочим божественные и изреченные Аполлоном <133> логии кажутся малопонятными и труднообъяснимыми.

Вот сколькие свидетельства о Пифагоре и пифагорейцах извлекаются из разбросанных тут и там высказываний.

---

418 Т. е. Гиппас. Об этом см. выше: XVIII. 9.2.

419 Вариант: об иррациональности и асимметричности.

420 Т. е. имеющим особенный метод.

421 διὰ τὸ ἀρχαΐζειν τῷ χαρακτῆρι.

422 Афоризмов, максим.

XXXV. ГИБЕЛЬ ОБЩИНЫ В КРОТОНЕ

1. Заговор возник, когда Пифагор был в отъезде. 2.1. Версия Аристоксена: Килон и килоновцы. 2.2. Гибель всех пифагорейцев, кроме Архиппа и Лисия, в доме Милона. 3.1. Равнодушие италийских полисов. Удаление пифагорейцев от политических дел. 3.2. Лисий — учитель Эпаминонда. Оставление пифагорейцами Италии. 4. Школа в Регии. 5–6. Версия Никомаха: воспользовавшись отъездом Пифагора, отверженные кандидаты напали на пифагорейцев повсюду и повсюду сожгли; были и сами побиты камнями италийскими гражданами. Оскудение учения. Рассеяние. Анахоретство. Памятные записи, хранимые в семьях. 7. Версия Аполлония: пифагорейская школа была аристократической гетерией. Недовольство кротонского плебса. 8.1. Взятие Сибариса, отсутствие Пифагора, спор о добыче, нападение плебса. 8.2. Во главе — родственники пифагорейцев, недовольные их почитанием Пифагора, 9–10.2. а также пифагорейскими обычаями в целом. Родственники особенно возмущались общностью имущества. 9. 3. Начало мятежа: несмотря на сопротивление пифагорейцев, Совет Тысячи изменяет кротонскую политию из умеренной аристократии в демократию. 11. Публичное обвинение пифагорейцев Килоном и Никоном. 12–13. Клевета Никона на «Священное Слово». Возбуждение толпы. 14. Нападение на пифагорейцев. Отход Демокеда с эфебами в Платеи. Поражение его в битве Феагом. 15. Третейский суд над пифагорейцами в Кротоне; изгнание их и их семей, конфискации. 16. Гибель вождей демократии, призыв к пифагорейцам возвратиться. 17.1. Возвращение 60 человек. 17.2. Добрая слава пифагорейцев, их гибель в войне с фурийцами. 17.3. Почести, оказанные им городом.

1. (248.) Были и те, кто сразился против этих мужей и восстал на них. В том, что заговор возник в отсутствие Пифагора, согласны все; расходятся только относительно самого отъезда: одни говорят — поехал к Ферекиду Сиросскому, другие — в Метапонт убыл.

Причин же заговора называют множество. Одна — состоящая в том, что всё произошло из-за так называемых людей Килона, — такова вот.

Килон, муж кротонский, родом, славою и богатством первенствующий среди граждан, нрав, однако, имел тяжелый, жестокий, беспорядочный и тиранический; приложив всё усердие к тому, чтобы приобщиться к пифагорейскому образу жизни, он пришел к самому Пифагору, который был тогда уже в возрасте, и был отвергнут им за непригодностью, по преждереченной причине[423].

2. (249.) После того, как это случилось, страстно возжелал[424] Килон жаркой[425] войны — и сам он, и друзья его — против Пифагора и его приверженцев. Столь сильным было и неукротимым честолюбие самого Килона и ставших вместе с ним в строй, что устремилось к убийству всех до последнего пифагорейцев. По этой причине Пифагор удалился в Метапонт и там, говорят, закончил жизнь. Называемые же килоновцами продолжали бороться с пифагорейцами и выказывать им всякую неприязнь. <134> Однако до определенного момента верх одерживала калокагатия пифагорейцев и воля их полисов, решивших, что делами государственными должны руководить в них именно пифагорейцы. Наконец в своем злом умысле они зашли так далеко, что когда пифагорейцы, собравшись в доме Милона в Кротоне, обсуждали государственные дела, подожгли дом и всех этих мужей сожгли, кроме двоих — Архиппа и Лисия; последние, будучи самыми молодыми и крепкими, вырвались как-то вовне[426].

[423] Ср.: Порфирий. *Жизнь Пифагора*, 54.

[424] ἤρατο.

[425] ἰσχυρὸν.

[426] Полибий (*Всеобщая история*, II. 39. 1) тоже сообщает о сожжении домов, где собирались пифагорейцы, и о гражданских распрях в Южной Италии.

3. (250.) Когда это случилось, и полис ничего в связи со случившимся несчастием не предпринял, пифагорейцы перестали заботиться о делах публичных. Произошло это по двум причинам: во-первых, из-за пренебрежения полисов (ибо на такое и толикое несчастье не обратили никакого внимания), и, во-вторых, из-за гибели мужей, наиболее способных к руководству.

2. Оба спасшихся были из Тарента; Архипп возвратился в Тарент, Лисий же, возненавидев пренебрежение [италийских государств к их беде], уехал в Элладу и проводил жизнь в Ахайе Пелопонесской, потом чьим-то усердием переселился в Фивы и там стал учителем Эпаминонда[427], который называл Лисия отцом. Здесь и закончил он жизнь. Остальные пифагорейцы, кроме Архита из Тарента, оставили Италию. <135>

4. (251.) Собравшись в Регии[428], они проводили друг с другом жизнь[429]. По прошествии времени и при ухудшении государственных устройств <...> наиболее ревностными среди них были флиунтцы Фантон, Эхекрат, Полимнаст и Диокл[430], а также Ксенофил из Халкедона Фракийского[431].

[427] Эпаминонд — фиванский полководец и государственный деятель, положивший конец гегемонии Спарты в битве при Левктрах (371 г. до н. э.). В 362 г. до н. э. разбил при Мантинее антифиванскую коалицию и погиб.

[428] Очевидная передержка. Эллинский город Регий (сов. Реджо-ди-Калабрия) находится в Италии, на берегу Мессинского пролива, напротив г. Мессина (до 493 г. до н. э. город носил имя Занкла).

[429] Вполне возможно, следует понимать это выражение в том смысле, что они восстановили школу.

[430] Ученики и слушатели Филолая и Эврита (ср.: Диоген Лаэртский, VIII. 46). Кроме того, Эхекрат — участник диалога *Федон*. Цицерон (О высшем благе и крайнем зле, V. 29. 87) сообщает, что Платон ездил к Эхекрату, как и к Тимею, дабы познакомиться с пифагорейской философией.

[431] Еще один слушатель Филолая и Эврита, учитель Аристоксена в музыке (Суда). Плиний Старший (Естественная история, VIII. 168)

Несмотря на гибель школы, они сохраняли изначальные нравы и знания, до тех пор пока благородно не окончили свои дни. Это рассказал Аристоксен.

Никомах[432] же говорит, что причиной возникновения заговора было отсутствие Пифагора, в остальном же согласен с Аристоксеном.

5. (252.) Ибо когда Пифагор отправился на Делос к своему учителю Ферекиду Сиросскому[433], чтобы ухаживать за ним, поскольку довелось ему заболеть вшивой болезнью, о которой мы уже рассказывали[434], и похоронить, тогда те, кого пифагорейцы отвергли и записали на стелах[435], обрушились на них и всех повсюду сожгли; сами же они были побиты камнями и брошены без погребения италийцами. Тогда и случилось оскудение знания у знающих — ибо до того момента хранили они его в груди невысказанным, в присутствии же внешних упоминались только непонятные и необъяснимые [максимы] — кроме совсем немногих, которые, оказавшись тогда на чужбине, сохранили последние искры [великого учения], в высшей степени смутные и труднопостижимые[436].

6. (253.) Ибо они жили поодиночке и, унывая сверх меры из-за случившегося, рассеялись один туда, другой сюда, и больше не желали делиться учением ни с каким человеком; <136> уединяясь в пустынях, где случится, живя вза-

приводит Ксенофила как пример долгожителя, прожившего 105 лет и ни разу в жизни не болевшего.

[432] Имеется в виду Никомах из Герасы — неопифагореец II в., чей труд *Введение в арифметику* комментировал Ямвлих (в нашем издании: Т. 1. С. 145).

[433] Т. е. с острова Сирос.

[434] Выше: XXX. 18.

[435] Об этом см. выше: XVII. 3–4.

[436] Ср. выше: XXXI. 13

перти, каждый из них предпочитал общение с собой всему. Но, опасаясь, как бы из среды людей не исчезло самое имя философии и не стали они благодаря этому ненавистны богам, совершенно погубив толикий свой дар, они написали некие памятные заметки, в которых содержались основные учения и символы, собрали записи старейших [членов общины] и то, что они сами из них помнили; они оставляли их — где кому пришлось умереть, наказав сыновьям, или дочерям, или женам не давать никому из чужих дому людей. Те же сохраняли их огромное время, последовательно передавая этот наказ потомкам.

7. (254.) Поскольку Аполлоний[437] рассказывает об этих событиях иначе, прибавляя многое, что не было сказано Аристоксеном и Никомахом, приведем и эту повесть о заговоре против пифагорейцев. Итак, он говорит, что с самого детства сопутствовала Пифагору зависть[438] других людей. [И в Кротоне,] пока он говорил со всеми приходящими, людям это нравилось, когда же ему случалось говорить только ученикам, они чувствовали себя униженными и ущемленными. Кротонцы допускали, что уступают иноземцу, но были возмущены предпочтением одних сограждан другим, и стали подозревать, что община имеет враждебные относительно них намерения. Потом же, поскольку юноши были из достойных и возвышающихся в имущественном отношении домов, то — войдя в возраст — они стали первенствовать не только в частной жизни, но и совместно управлять <137> полисом: они объединились в большую гетерию (а было их более трехсот), в то же время будучи малой частью полиса, управляемого не в тех нравах и обычаях, что были у них.

[437] Аполлоний Тианский — неопифагореец I в. н. э., чудотворец, считавший себя воплощением Аполлона, как и Пифагор.

[438] Вариант: неприязнь.

8. (255.) Однако пока кротонцы удерживали себя в границах своей земли, а Пифагор жил у них, сохранялось государственное устройство, существовавшее у них с момента основания колонии,[439] хотя, конечно, были и ропщущие, ищущие подходящего времени для переворота. Но когда завоевали Сибарис, Пифагор ушел [в Метапонт], а руководившие делами [пифагорейцы] не распределили военную добычу (δορίκτητον)[440] по жребию согласно желанию большинства, тогда внезапно вспыхнула затаенная ненависть и поднялось против них большинство[441].

2. Вождями раздора стали самые близкие пифагорейцам по родству и свойству́[442] люди. Причиной было то, что многое из предпринятого (насколько оно было особенным и необычным) удручало их[443], так же как и людей случайных; в делах же важнейших они считали, что бесчестие наносится исключительно им. Не нравилось им и то, что никто из пифагорейцев не называет Пифагора по имени, но пока он был жив, они, желая упомянуть его, говорили «божественный», когда же закончил свои дни, — говорили «тот человек», как и Гомер изображает воспоминание Евмея об Одиссее:

Гость мой, его и далекого здесь не могу называть я
Просто по имени (так он со мною был милостив)[444].

[439] То есть аристократия.

[440] Вероятно, речь идет о дележе земельных наделов, причем самым демократическим способом — жеребьевкой. Таким образом, врагами пифагорейцев выступает у Апполония (в отличие от Аристоксена и Никомаха) не другой аристократический кружок или кружки, но демос кротонский.

[441] τὸ πλῆθος; вполне можно переводить, как народ, плебеи.

[442] Речь идет, по-видимому, о кровном и некровном родстве: например, мать и теща; а возможно, это два синонима, обозначающие близких вообще.

[443] Т. е. аристократическую родню пифагорейцев.

[444] *Одиссея*. XIV. 145–146.

9. (256.) Также [не нравилось им, что] пифагорейцы поднимаются с постели не позднее восхода солнца, не носят перстня со знаком бога[445], соблюдая первое правило — чтобы помолиться, <138> дождавшись восхода, а второе — остерегаясь, как бы не принести им [образ бога] к похоронной процессии или какому-то нечистому месту; [раздражало] также и то, что они не делали ничего ни заранее не обдуманного, ни безответственного, но ранним утром заранее рассматривали, что дóлжно сделать, под ночь же учитывали, с чем управились — дела наблюдая и вместе с тем упражняя память; близко к этому [выбешивало] и то, что если кто-либо из членов общины назначал встречу в каком-либо месте, то его дожидались там, пока не придет, день и ночь[446], в чем, опять же, сказывался пифагорейский обычай помнить сказанное и ничего попусту не говорить;

10. (257.) и вообще, то, что у них всё вплоть до смерти обусловлено предписаниями; ибо в последний час Пифагор предписал не воссылать неразумных молитв[447], но — как при выходе в море — в благоговейном молчании смотреть за полетом птиц[448], как они делали переходя Адриатику[449]. Такого рода вещи, как я уже говорил, удручали всех без исключения, насколько они понимали, что пифагорейцы живут особенно, получая воспитание в своем кругу.

2. Для родни же еще более раздражающим и тяжелым было то, что они подавали правую руку лишь пифагорейцам же, и никому из своих близких, кроме родителей, а также, что имуществом друг друга владели они сообща, и от их

---

[445] См. выше: XVIII. 5.

[446] Ср. выше: XXX. 19.

[447] Варианты: не кощунствовать, не хулить что бы то ни было.

[448] Т. е. гадать по птицам, в широком смысле: читать знамения.

[449] Адриатическое море, разделяющее Италию и Элладу.

собственности его отчуждали. Так что, когда родственники начали раздор, остальные с готовностью вошли во вражду.

3. [Началось же противостояние вот как.] Гиппас, Диодор и Феаг, члены Совета Тысячи[450], <139> говорили в пользу того, чтобы все могли участвовать во власти (ἀρχῶν)[451] и народном собрании (ἐκκλησίας)[452] и чтобы архонты[453] предоставляли отчет (εὐθύνας)[454] лицам, выбранным по жребию из всех; им противостояли пифагорейцы Алкимах, Динарх, Метон и Демокед, которые препятствовали разрушению отеческой политии; возобладали те, кто говорил в пользу большинства.

11. (258.) Когда же после собрались многие, Килон и Нинон из риторов, договорившись о том, кто что говорит, обвинили пифагорейцев [перед лицом народа]. Один был из имущих, другой из бедноты. После того, как обвинительные речи были произнесены, причем длиннее была речь Килона, Нинон продолжил говорить: он приписал себе проникновение в тайные учения пифагорейцев, в действительности же он придумал и написал книгу, посредством которой собирался сильно оклеветать их; он дал ее чтецу и велел огласить.

12. (259.) Называлась она «Священное слово», смысл же написанного вот какой. Друзей следует чтить, как богов, остальных же одолевать[455], как дикое зверье.

---

[450] Т. е. Думы, законодательной ветви власти в полисе.

[451] Имеется в виду исполнительная ветвь власти.

[452] Т. е. в собрании граждан (т. е. требовали отмены ограничения в политических правах для бедняков и метэков).

[453] Т. е. чины исполнительной власти.

[454] В Афинах это был финансовый отчет, предоставлявшийся чиновниками по истечении срока их пребывания в должности.

[455] Варианты: захватывать, убивать.

(Ту же мысль высказывают в стихах, вспоминая о Пифагоре, его ученики:

τοὺς μὲν ἑταίρους ἦγεν ἴσον μακάρεσσι θεοῖσι,
τοὺς δ' ἄλλους ἡγεῖτ' οὔτ' ἐν λόγῳ οὔτ' ἐν ἀριθμῷ[456]).

13. (260.) А Гомера, дескать, хвалит он более всего за то, что тот сказал [об Агамемноне] «пастырь народов»[457], ибо — будучи сторонником олигархии — изобразил он иных скотами. С бобами он воюет, потому что они главные в жеребьевке[458] <140> и в утверждении избранных по жребию в должностях. Стремясь к тирании, Пифагор призывает лучше побыть один день быком, чем весь век быть коровой. Он восхваляет законы других [государств], но предписывает повиноваться школьным постановлениям. Вообще, Нинон изобразил пифагорейскую философию как политический союз (συνωμοσίαν), направленный против большинства[459]; он призывал не давать голоса советующим, но осознать, что народ вообще не пришел бы на народное собрание, если бы пифагорейцы убедили хилиархов[460] принять их совет. Так что если они силой препятствовали слушать других, то следует не позволять им самим говорить, но правой рукой (той самой, которую они отказываются пожимать) следует воевать против них, когда они голосуют поднятием руки за какое-либо постановление или берут для этого камушек, — считая позором для тех, кто одержал победу при реке

[456] Друзей он считал равными блаженным богам,
Другие же для него не стоили упоминания и вообще не считались.

[457] *Илиада*, I. 263 (выражение встречается в *Илиаде* более 40 раз).

[458] Возможно это понять и как: в голосовании по вопросу о земельном наделе.

[459] Вариант: заговор против народа.

[460] Т. е. членов Совета Тысячи.

Траент[461] над тремястами мириадами[462], понести поражение в своем городе от заговорщиков, которые составляют тысячную часть разбитой ими армии.

14. (261.) В целом же, он так вызверил (ἐξηγρίωσεν) слушателей своей клеветой, что через малое время, когда пифагорейцы совершали жертвоприношение Музам неподалеку от храма Аполлона Пифийского, они собрались толпой и совершили нападение на них. Одни, предчувствуя это, бежали в харчевню, Демокед же с эфебами[463] направился в Платеи[464]. Они же, уничтожив решением народного собрания законы, обвинили Демокеда в том, что он собрал тех, кто помладше, для установления тирании, возвестили через глашатая о том, что дадут три таланта тому, кто убьет его. И случилась битва, и превозмог <141> в битве Феаг, и выделил ему полис три таланта.

15. (262.) Многие злодеяния происходили [после установления демократии] в полисе и окрестных землях; по делу беглецов было произведено следствие, гражданам трех полисов было передано право вынести по этому делу вердикт — тарентцам, метапонтцам и кавлонийцам. Получив серебро, как об этом написано в памятных записях кротонцев[465], представители городов постановили: повинны изгнанию.

[461] Речь идет о разгроме кротонцами сибаритов. Ср.: Диодор Сицилийский, X. 23 и XII. 9.5.

[462] 300 000.

[463] Возраст между παῖς и νέος, ребенком и молодым человеком, в разных полисах разный; не младше 16, не старше 20. В это время юноша уже имел права гражданина, но обычно привлекался к несению пограничной службы или другим каким-то работам вне города.

[464] Т.е. вернулся с Сицилии в метрополию: Платеи находились в Беотии.

[465] Очевидно, это не было взяткой частного уровня, иначе бы записей об этом не появилось. Но едва ли это была и плата за работу: такое могли бы

Выиграв суд, они изгнали еще и всех недовольных установившимся режимом, а вместе с ними и их потомков, говоря, что не до́лжно кощунствовать, отрывая детей от родителей[466]. Имущество их было конфисковано, а земля их разделена между победителями.

16. (263.) По прошествии многих лет, когда в иной битве нашли смерть сторонники Динарха и погиб Литат, возглавлявший мятежников, впали кротонцы в жалость некую и раскаяние и постановили оставшихся пифагорейцев вернуть. Они отправили в Ахайю послов и посредством их примирились с изгнанниками, и в Дельфах возложили свои клятвы[467].

17. (264.) Было же возвратившихся пифагорейцев около шестидесяти человек, не считая совсем старых; те из них, кто занимался медициной и служил болящим, исцеляя посредством образа жизни, возглавили это возвращение.

2. Получилось так, что спасшиеся имели теперь в глазах большинства в высшей степени добрую славу; в это время и возникла поговорка о беззаконниках: «это вам не при Ниноне». Когда на кротонские земли напали <142> фурийцы[468], пифагорейцы пришли на помощь [своему полису] и вместе с другими отважившимися [принять бой] погибли.

3. Таким образом, отношение полиса к ним переменилось на противоположное, так что, помимо похвал этим мужам,

---

стерпеть разве что афинские бедняки. Скорее всего, это был подкуп на государственном уровне, которого никто при демократии не стеснялся.

[466] В насмешку; ср. IX. 5.2: «Величайшей несправедливостью считал *он* разлучение детей и родителей».

[467] Не вполне понятно: имеется в виду то, что они выставили на публичное обозрение в Дельфах записи своих клятв (на каком-нибудь столбе, например, или плите), либо то, что они при свидетелях принесли свои клятвы в Дельфах.

[468] Фурии — город в Лукании, основанный выходцами из Афин.

они решили, что Музам будет гораздо радостнее, если праздник в их честь и жертвы от лица народа будут совершаться в Мусейоне[469], который они сами прежде построили, почитая богинь. Столько вот о нападении на пифагорейцев.

XXXVI. ПИФАГОРЕЙЦЫ

1–2.1. Преемники Пифагора. Разглашатель Диодор Аспендский. 2.2. Пифагорейские писатели. Эпихарм. 3. Имена.

1. (265.) Все согласны в том, что преемником Пифагора стал Аристей, сын Дамофонта кротонца, сверстник Пифагора, родившийся приблизительно за семь поколений до Платона. Аристей удостоился не только руководства, но и воспитания детей [Пифагора] и брака с Теано, благодаря исключительному овладению догматами.

Сам Пифагор, говорят, руководил школой тридцать девять лет, а всего прожил около ста, передав школу Аристею — как самому старшему[470].

После Аристея школой руководил сын Пифагора Мнемарх, его сменил Булагор, при котором случилось разграбление Кротона.

Его преемником стал кротонец Гартид, вернувшийся из путешествия, в которое отправился до начала войны; из-за несчастия своего отечества он оставил жизнь. Он стал единственным пифагорейцем, окончившим жизнь от скорби;

[469] Т. е. в храме Муз.

[470] Логика изложения здесь не вполне ясна: зачем столетнему старцу передавать управление школой своему ровеснику — столетнему же старцу; когда и зачем последний воспитывал (очевидно, не молодых уже) детей первого... — всё это остается на совести доксографов.

2. (266.) другие же <143> обыкновенно доживали до глубокой старости, почему и освобождались от тела, как от оков.

Позднее школой руководил Аресан из Лукании, который был спасен какими-то чужеземцами; к нему приехал Диодор Аспендский, которого приняли из-за нехватки людей в общине (συστήματι). Он же, вернувшись в Элладу, распространил там пифагорейские речи.

2. Ревнителями письменного изложения учения стали в Гераклее Клиний[471] и Филолай[472], в Метапонте Феорид и Эврит[473], в Таренте Архит[474].

Слушателем из внешних, не из мужей, что в общине, был Эпихарм; приехав в Сиракузы, он воздерживался от открытых занятий философией из-за тирании Гиерона, однако излагал в стихах идеи этих мужей и в шутку тайно выбалтывал догматы Пифагора.

3. (267.) Из всех пифагорейцев многие, естественно, остались неизвестными, имена их не сохранились, имена же получивших известность таковы:

Кротонцы: Гиппострат, Димант, Эгон, Гемон, Силл[475], Клеосфен, Агел, Эписил, Фукиад, Экфант[476], Тимей, Бут, Эрат, Итаней, Родипп, Бриант, Энандр, Миллий[477],

---

[471] О нем см. выше: XXVII. 6.7; XXXI. 12.1; XXXIII. 11.

[472] О нем см. выше: XXIII. 2 (примеч.); XXVIII. 6.1; XXXI. 13.

[473] О нем см. выше: XXIII. 2 (примеч.); XXVIII. 6.1. и 15.3.

[474] Архит был автором сочинений: *О математических науках*, *О музыке*, *О флейтах*, *Диатрибы*, *Декада* и др.

[475] О нем см. выше: XXVIII. 17.2.

[476] Ученик Филолая (конец V – первая половина IV в. до н. э.), учивший о вращении Земли вокруг своей оси.

[477] О нем см. выше: XXVIII. 10.1; XXXI. 3 и 6–8.

Антимедонт, Агей, Леофрон, Агил, Онат, Гиппосфен, Клеофрон, Алкмеон[478], Дамокл, Милон[479], Менон.

<144> Метапонтцы: Бронтин[480], Пармиск, Орестад, Леонт, Дамармен, Эней, Хилант, Мелисий, Аристей, Лафаон, Эвандр, Агесидам, Ксенокад, Эврифем, Аристомен, Агесарх, Алкий, Ксенофант, Фрасей, Эврит, Эпифрон, Ириск, Мегистий, Леокид, Фрасимед, Эвфем, Прокл, Антимен, Лакрит, Дамотаг, Пиррон, Рексибий, Алопек, Астил, Лакид, Аниох, Лакрат, Гликин.

Акрагантец Эмпидокл.

Элеец Парменид.

Тарентцы: Филолай[481], Эврит, Архит[482], Феодор, Аристипп, Ликон[483], Гестией, Полемарх, Астей, Кений, Клеон, Эвримедонт, Аркей, Клинагор, Архипп[484], Зопир[485], Эвфин, Дикеарх, Филонид, Фронтид, Лисий, Лисибий, Динократ, Эхекрат[486], Пактион, Акусилад, Икк[487], Писикрат, Клеарат, Леонтей, Фриних, Симихий, Аристоклид, Клиний, Габро-

---

[478] О нем см. выше: XXIII. 2 (прим.); а также: Диоген Лаэртский, VIII. 5; Фрагменты ранних греческих философов, I. 24.

[479] О нем см. выше: XXIII. 2; XXXV. 2.

[480] Бронтину приписывалось авторство некоторых орфических поэм. Одни источники сообщают, что он был женат на дочери Пифагора Теано, другие — что сам Пифагор был женат на дочери Бронтина Теано. См.: Фрагменты ранних греческих философов, I. 17

[481] О нем см.: Диоген Лаэртский, VIII. 7.

[482] О нем см.: Диоген Лаэртский, VIII. 4.

[483] Врач из круга Архита. См.: Фрагменты ранних греческих философов, I. 57.

[484] О нем см. выше: XXXV. 2.

[485] Известен как инженер, создававший оружие для армии и флота Дионисия Старшего. Принадлежал к кругу Архита.

[486] Ученик Филолая. Известен своим учением о душе-гармонии. О нем см. выше: XXXV. 4; а также: Фрагменты ранних греческих философов, I. 53.

[487] Врач, занимавшийся диетической медициной (V в. до н. э.). См.: Фрагменты ранних греческих философов, I. 25.

тел, Писиррод, Бриант, Геландр, Архемах, Мимномах, Акмонид, Дикант, Карофантид.

Сибариты[488]: Метоп, Гиппас[489], Проксен, Эванор, <145> Леанакт, Менестор[490], Диокл, Эмпед, Тимасий, Полемей, Эндий, Тирсен.

Карфагеняне: Мильтиад[491], Анфен, Годий, Леокрит.

Паросцы: Ээтий, Фенекл, Дексифей, Алкимах, Динарх, Метон, Тимей, Тимесианакт, Эвмер, Тимарид[492].

Локрийцы: Гиттий, Ксенон[493], Филодам, Эвет, Эвдик, Сфенонид, Сосистрат, Эвфин, Залевк, Тимар.

Посидонийцы: Афамант, Сим[494], Проксен, Кранай, Мий, Бафилай, Федон.

Луканцы: братья Оккел[495] и Оккил, Аресандр, Керамб.

Дарданец Малион.

Аргосцы: Гиппомедонт, Тимосфен, Евелфон, Фрасидам, Критон, Поликтор.

Лаконцы: Автохарид, Клеанор, Эврикрат.

Гипербореец Абарис.

---

[488] Т. е. граждане города Сибарис.

[489] О нем см. выше: XVIII. 2; XVIII. 9.2; XXIII. 2; XXXV. 10.3; а также: Диоген Лаэртский, VIII. 6.

[490] Ученик Эмпедокла, физиолог (V в. до н. э.). См.: Фрагменты ранних греческих философов, I. 32.

[491] О нем см. выше: XXVII. 7.

[492] О нем см. выше: XXIII. 2; XXVIII. 12; XXXIII. 11; а также: Фрагменты ранних греческих философов, I. 57а.

[493] Вероятно, известный врач, упоминающийся Диогеном Лаэртским.

[494] Гармоник. О нем см.: Порфирий. *Жизнь Пифагора*, гл. 3; Фрагменты ранних греческих философов, I. 56.

[495] Автор трактата *О природе вселенной*; признавал ее неуничтожимость; принимал гипотезу «пятого тела». См: Фрагменты ранних греческих философов, I. 48.

Регийцы: Аристид, Демосфен, Аристократ, Фитий, Геликаон[496], Мнесибул, Гиппархид, Эвфосион, Эвфикл, Опсим[497], Калаид, Селиунтий.

<146> Сиракузцы: Лептин, Финтий, Дамон[498].

Самосцы: Мелисс[499], Лакон, Архип, Гелорипп, Гелорид, Гиппон[500].

Уроженцы Кавлонии: Каллимброт, Дикон, Наст, Дримон, Ксеней.

Флиунтцы: Диокл, Эхекрат, Полимнаст, Фантон[501].

Сикионцы: Полиад, Демон, Стратий, Сосфен.

Киренцы: Прор[502], Меланипп, Аристангел, Феодор[503].

Уроженцы Кизика: Пифодор, Гиппосфен, Бутхер, Ксенофил[504].

Катанцы: Харонд, Лисиад.

Коринфянин Хрисипп.

Тиренец Навсифой (этруск)[505].

Афинянин Неокрит.

Понтиец Лирамн.

Всего 218.

---

[496] Аристократ, Фитий, Геликаон — законодатели. О них см. выше: XXVII. 9; XXX. 6.2.

[497] См.: Фрагменты ранних греческих философов, I. 46.

[498] Теоретик музыки, создатель учения о музыкальном этосе. О нем см. выше: XXVII. 6.7; XXXIII. 6.2–8; а также: Фрагменты ранних греческих философов, I. 37.

[499] Ученик Эмпедокла, автор трактата *О природе, или о сущем*. См.: Диоген Лаэртский, IX. 4; Фрагменты ранних греческих философов, I. 30.

[500] Физиолог, считавший основой всего сущего воду; врач, исследовавший свойства мозга (V в. до н. э.). См.: Фрагменты ранних греческих философов, I. 38.

[501] О них см. выше: XXXV. 4.

[502] О нем см. выше: XXVII. 6.7; XXXIII. 11.

[503] Математик, развил учение Гиппаса об иррациональных числах; по утверждению Диогена Лаэртского, обучал Платона математике. См.: Фрагменты ранних греческих философов, I. 43.

[504] О нем см. выше: XXXV. 4.

[505] О нем см. выше: XXVII. 6.

Самые известные ученицы Пифагора (πυθαγορίδες): Тимиха, жена Миллия из Кротона; Фильтида, дочь Теофрия из Кротона; сестра Биндака; Оккело и Эккело[506] из луканцев; Хилонида, дочь Хилона лакедемонского; лаконянка Кратисиклея, жена лаконца Клеонора; Теано <147>, жена метапонтца Бронтина; Мия, жена кротонца Милона; Ласфения из Аркадии; Габротелия, дочь Габротела из Тарента; Эхекратия из Флиунта; сибаритка Тирсенида; Писиррода из Тарента; лаконянка Феадуса; аргивянка Бэо; аргивянка Бабелика; Клеэхма, сестра лаконца Автохарида. Всего 17.

[506] В некоторых рукописях: сестры Оккело и Оккило.

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРАКТАТА

V. Самос и Эллада. Первый ученик

1–2.1. Восхищение самосцев красотой Пифагора и неприятие его как учителя. 2.2–6.1. Приобретение хитростью первого ученика – Пифагора, сына Эратокла. 6.2. Служба у «бескровного» жертвенника Аполлону Родителю. 6.3. Путешествия по Элладе; возвращение на Самос. 7. «Полукруг Пифагора». 8. Пещера Пифагора; создание астрономии как науки.

VI. Отъезд в Италию. Первая проповедь. Первая школа

1. Всеэллинская слава Пифагора. Его отъезд в Италию; возможные причины отъезда. 2–3.1. Школа в Кротоне; философы и акусматики. 3.2. Первая проповедь. «Дом общего слушания». Пифагорейский полис. 3.3. Общность имущества. Почитание Пифагора в чине даймона. 3.4–4.1. Ранние пифагорологические учения: ипостаси Аполлона, лунный даймон, олимпийский бог, разумное существо, не сводимое ни к богу, ни к человеку. 4.2–5 Благодеяния Пифагора своим ученикам: теология, астрономия, знание о природе, политика, этика.

VII. Этика и политика Пифагора

1.1 и 3. Задача нарисовать типологический образ. 1.2. Дух свободы. Законотворчество. Перечень полисов, получивших благодаря Пифагору независимость. 2.1. Умиротворение внутриполисной вражды. 2.2. Формула жизни по Пифагору.

VIII. Обращение к юношам

1. Время прибытия Пифагора в Италию – 62-я Олимпиада. 2. Чудо о рыбах. 3–6.1. Обращение к юношам: почтение к старшим; уважать родителей более, чем себя. 6.2. Правила общения. 7–8.1. Проповедь самообладания. 8.2–10.1. Слово о пайдейе. 10.2. Любомудр, а не мудрец. 11. Заключение.

IX. Пифагор на Совете Тысячи

1.1. Призвание на синедрион. 1.2. Храм Муз. 2. Социальная справедливость; каждому по заслугам. 3.1. Не клясться

богами. 3.2. Быть примерным домохозяином. 3.3. Не отчуждать детей. 3.4. Отношение к жене как к равноправному сотруднику. 3.5. Стремиться к стяжанию личной любви детей (не довольствоваться природной привязанностью). 4.1. Верность женам. 4.2. Быть образцом калокагатии для сограждан. 5.1. Не лениться. 5.2. Не разрывать семьи. 5.3. Лучшие и худшие. 5.4. Правильное честолюбие (образ победы в беге). 5.5. Политик должен уметь выслушать противника. 5.6. Будь таким, каким хочешь казаться. 6.1. Чтить Геракла-ойкиста. 6.2. Итог: отказ кротонцев от наложниц, постройка храма Муз, просьба продолжить учить.

X. Обращение к детям

1.1. Самому не обижать, обижаемого защищать. 1.2. Калокагатия смолоду. 1.3–3.1. Дети ближе других к богам. 3.2. Научиться слушать, чтобы мочь говорить. 3.3. Подражать старшим, а не перечить. 3.4. «Божественный».

XI. Обращение к женщинам

1.1. Творить милость, чтобы молитвы были услышаны. 1.2. Жертвовать самой и сделанное самой. 1.3. Не жертвовать убоину. 1.4. Жертвуя, не роскошествовать. 1.5. Жить в согласии с мужьями. 2.1. Любовь с супругом никогда не есть религиозно нечистое. 2.2. Не злословить. 2.3. Хранить честь рода. 2.4. Не терять уступчивости в общении. 3.1. Освященность каждого возраста женщины божественным именем указывает на природную расположенность женщин к благочестию. 3.2. Об этом же и пророчества через женщин. 3.3. Итог беседы: отказ кротонок от дорогих одежд, принесение их в храм Геры. 4.1. Верность – калокагатия женщины. 4.2. Всеитальянская слава Пифагора.

XII. Что значит быть философом?

1.1. Пифагор первым называет себя философом. 1.2. Быть философом – значит жить ради созерцания красивого. (Образ людей, пришедших на праздник.) 2.1. Что красиво? Красота

небесных движений; красота логосов и отношений; красота божественных существ.

XIII. Власть Орфея

1. Чудо с давнийской медведицей. 2. Чудо с быком в Таренте. 3.1. Чудо с орлом в Олимпии. 3.2. Власть Орфея.

XIV. Прошлая жизнь Пифагора

1. Знание своих прошлых жизней есть начало познания других людей и заботы о них. Эвфорб сын Панфоя. Опознание Пифагором его щита в микенском храме Геры.

XV. Воспитание музыкой

1.1. Музыка — первая ступень пайдейи. Врачевание музыкой душ. 1.2. Музыка как алхимия: «настройки» и «контакты»; превращение страстей в добродетели. 2.1. Музыка вечера. 2.2. Музыка утра. 2.3. Способность Пифагора слышать музыку вселенной. 3.1 и 3.3. Чувственные мелодии, созданные Пифагором, суть иконы высших голосов во вселенной. 3.2. Исключительность его дарования, единственность музыкальной педагогики Пифагора. 4.1. Обучение через образы. 4.2. Эмпедокл о вышечеловеческом сознании и чувственности Пифагора.

XVI. Этические максимы. Аскетические средства. Цель воспитания

1.1. Этика: поощрить труд, направленный на познание и нравы; прекратить деятельность ради насыщения неумеренности и своекорыстия. 1.2–2.1. Аскетические средства: воздержание от одушевленного, неразглашение, безмолвие, концентрация внимания, малоядение, краткий сон. 2.2. Этика: взрастить презрение к славе, богатству, «мірским благам». 2.3. Почтение к старшим, благожелательность к сверстникам, покровительство младшим. 2.4. Дружба всех со всеми: богов с людьми, догматов друг с другом, души с телом, логосной части души с безлогосной, людей друг с другом и некоторыми

другими живыми существами. 2.5. Дружба на уровне тела есть согласованность противоборствующих сил, т. е. здоровье. 3.1. Дружба как философское понятие — открытие Пифагора. 3.2. К действительности понятия дружбы Пифагор и вел своих учеников: исцелял ради готовности к богообщению, что и есть цель воспитания.

XVII. Приём и непринятие в общину

1. Проверка перед допуском к искусу: отношение с родителями, поведение, круг общения, интересы, внешний вид; Пифагор физиогномист. 2.1. Трехлетний искус, пятилетнее молчание. 2.2. Отказ от собственности; чины в общине, занимавшиеся общим имуществом. 2.3. Эсотерики, видящие Учителя. 3. Правила относительно оказавшихся непригодными: вдвое имущества и кенотаф. 4. Особенно тяжелые случаи. 5–8. Выдержка из письма Лиссия к Гиппарху для иллюстрации вышесказанного. 9. Большое значение до-философских наук и практик в школе Пифагора.

XVIII. Математики и акусматики. Акусмы. Объяснения акусм

1. Разделение на пифагорейцев и пифагористов. 2.1. Как понимать это разделение? Киновийная и идиоритмическая части школы. 2.2. То же, что разделение на акусматиков и математиков. Акусматики не Пифагоровы, а Гиппасовы. 3. Описание акусматиков. Типы акусм. Примеры акусм «Что есть это?» и «Что есть самое?». 4–5–6. Примеры акусм «Что до́лжно делать?» и «Что не до́лжно делать?». Упоминание о более пространных акусмах религиозного и ритуального содержания. 7. Вопрос об объяснениях акусм. Часть из них изначальная, часть — позднейшая, не Пифагорова, но все практические максимы — ради следования Богу. 8.1. Заблуждаясь, люди служат и просят благ не у того (образ служащего не царю, но наместнику). 8.2. Бог есть Господь. Следует служить и просить благ у Него. Он дает их тем, кого любит и кому радуется. 8.3. Гиппомедон: все акусмы объяснялись Пифагором, но объяснения некоторых забылись. 8.4–9.1. Пифагорейцы-математики: акус-

матики — Пифагоровы; разделение на акусмы с объяснениями и без произошло от того, что Пифагор преподавал свое учение и недосужим власть имущим лицам (без объяснений), и имеющей время учиться молодежи — с объяснениями. (Ямвлих считает истинным такое понимание.) 9.2. Нечестивец Гиппас. 10.1. История разглашения пифагорейской геометрии. 10.2. Заключение: эсотерики = видящие = математики = пифагорейцы // экзотерики = слышащие = акусматики = пифагористы; обе ветви школы восходят к Пифагору.

XIX. Свой подход к каждому. Скиф Абарис

1.1. Индивидуальный подход Пифагора к каждому. 1.2–2.1. Скиф Абарис. Принятие его в школу без искуса. 2.2. Обращение Абариса. 2.3. Исповедание веры Абарисом. 2.4–3.1. Аполлонова стрела. Абарис чудотворец. 3.2 Пифагор принимает исповедание Абариса и утверждает его в вере. 3.3. Откровение Абарису. 3.4–4.1. Служение Абариса и его дальнейшее обучение Пифагором. 4.2–5. Свой подход к каждому.

XX. Искус

1. Испытания Пифагором желающих вступить в общину — сначала нравственные, и лишь потом интеллектуальные. 2. Культурное и дикое. Культурность есть необходимое условие знания.

XXI. Ежедневное правило

1–2. Режим дня у пифагорейцев-математиков: утренняя прогулка в одиночестве по безлюдным местам, встреча в храме ради обучения, 3. умащение и гимнастика, завтрак, занятие политическими делами, послеполуденная прогулка вдвоем или втроем, 4. купание, общая молитва, жертвоприношение, общая трапеза, 5–6.1. возлияние, чтение вслух, наставление при возлиянии. 6.2. Ношение белых льняных одежд, презрение к охоте.

XXII. Пример обучения посредством акусм. Наставление о дружбе

1.1. Изгнать из дружбы агон и любопрительность, особенно младшим в отношении к старшим. 1.2. Старшие должны воспитывать младших бережно и благожелательно. 2.1. Следует всегда сохранять веру в друга. Не разрывать дружбу ни из-за каких внешних несчастий.

XXIII. Обучение посредством символов

1.1. Египетское происхождение такого вида обучения, серьезное отношение к нему эллинов и Пифагора. 2. Символический язык писаний первых пифагорейцев есть исполнение заповеди о неразглашении. 3. За поверхностной вздорностью символического изложения таятся богооткровенные истины. Примеры пифагорейских символов.

XXIV. Законы о пище

1.1. Предписания для всех. Пища не должна вызывать телесного возмущения. 1.2. Пища не должна быть чуждой богам. 1.3. Воздерживаться от употребления считающегося священным. 1.4. Отказаться от употребления пищи, препятствующей пророчеству и марающей душу. 2.1. От той, что склоняет к порочной жизни и препятствует чистоте снов. 2.2. Предписания для философов. Воздержание от вкушения одушевленных существ и от принесения их в жертву, отказ от винопития. 3.1. Сам Пифагор так именно и поступал. 3.2. Труд законодателей тщетен, если они несправедливы относительно животных. 4.1. Менее совершенным ученикам он предписывал не вкушать сердца и мозгов. 4.2. Божественный Логос — причина запрета вкушать одушевленных. 4.3. Предписывалось воздерживаться также от мальвы, рыбы чернохвостки, барабульки, бобов.

XXV. Еще о музыкальном воспитании

1.1. Исцеление музыкой. 1.2. Весенние песни. 2. Целящие песни. Танец. Лира, но не авлос. 3. Пифагор и безумствующий

любовник. 4–5.1. Эмпедокл и мститель за отца. 5.2. Настройки, слаживания, контакты. 5.3. Исцеление телесных болезней посредством мелодических наговоров; эпод.

XXVI. Гармоника

1.1. Открытие гармоники. 1.2–2.1. История с кузницей. 2.2–3.1. Эксперимент со струнами и грузом, открытие соответствия между числовыми отношениями и музыкальными интервалами. 3.2. Октава (12 : 6). 3.3. Квинта (12 : 8). 3.4. Кварта (12 : 9). 3.5. Квинта (9 : 6). 4.1. Кварта (8 : 6). 4.2. Тон (9 : 8). 4.3. Два способа составить октаву: квинта + кварта (12 : 8 : 6) и кварта + квинта (12 : 9 : 6). 4.4. Изобретение хордотона, использование колков. 5.1. Испытание открытых соответствий на авлосах и других инструментах. 5.2. Наименование звуков: гипата (6), меса (8), парамеса (9), нэта (12). 5.3. Интервалы: двойной (2 : 1), полуторный (3 : 2), эпитрит (4 : 3), эпогдоада (9 : 8). 6.1. Диатонические ступени. 6.2. Кварта (2 тона и полутон). 6.3. Квинта (3 тона и полутон). 6.4. Иная кварта (полутон и 2 тона). 6.5 Древний семиструнник. 7. Пифагорейский восьмиструнник.

XXVII. Пифагорейцы в политике

1–2. Пифагореец убеждает кротонцев отказаться от роскошных похорон. 3.1. Пифагореец выносит суд о человеке по его отношению к усопшему. 3.2. История о разделенной поровну пене. 3.3. Пифагореец в деле об обманутой ломбардщице. 4. Пифагореец вразумляет поверившего клевете. 5.1. Дело о поясе с золотом, упавшем в храме. 5.2. Дело о журавлях-свидетелях. 5.3. Пифагорейцы ссорятся. 6. Пифагореец отнимает товарища у пиратов. 7. Один пифагореец устраивает другому побег из плена накануне казни. 8. Переход к рассказу о пифагорейцах во власти. 9.1. Пифагорейцы законодатели. 9.2. Пифагор — создатель политического воспитания. 9.3–10.1. Геометрический образ лучшей политии. 10.2. Стремление Пифагора найти «средний путь». 11. Пифагор убеждает кротонцев отказаться от наложниц. 12.1. Пифагор и послы из Сибариса. 12.2. Заключение.

XXVIII. Аполлон Гиперборейский и его догматы

1.1. Святость Пифагора. 1.2. Знание им прошлых жизней. 1.3. Чудо с рекой Несс. 1.4. Пребывание в один день в разных полисах. 2.1. Золотое бедро. 2.2. Сбывшиеся предсказания землетрясений, отвращение чумы, успокоение ветров, града, ливней, умиротворение волн. 2.3–3.1. Эмпедокл, Эпименид, Абарис – его ученики в этом. 3.2. Хождение Пифагора по воздуху. 3.3. Предсказание землетрясения по воде; пророчество о гибели корабля. 4.1. Благочестие Пифагора и его прямых учеников: всякое деяние ради согласия с Богом. 4.2. Заблуждаясь, люди служат и просят блага не у того (образ служащего не царю, но наместнику). 4.3. Бог есть Господь. Следует служить и просить благ у Него. Он даст их тем, кого любит и кому радуется. 5.1. Это трудно понять тому, кто не слышал богов, отсюда ревностное отношение к пророчеству. 5.2. многие запреты школы происходят из мистерий, которым пифагорейцы относятся всерьез. 5.3. Как и к рассказам о чудесах и к мифам. 6.1. Чудо у могилы Филолая и вера Эврита. 6.2. Пифагор о беседе во сне с умершим отцом. 6.3. Глупо не верить в чудеса, а не верить в них. 7. Вера школы в то, что Пифагор есть Аполлон Гиперборейский. 8. Скиф Абарис. 9.1. Предсказание о мертвеце. 9.2. Общение со змеями и орлом. 9. 3 Появление кавлонийской медведицы. 9.4. Знание о смерти сына своего собеседника. 10.1. Провúденье прошлой жизни Миллия Кротонского. 10.2. Жестокая смерть осквернившего дом Пифагора. 10.3. Всё это доказывает, что Пифагор – высшее существо. 11.1. Загадка об этом же. 11.2. Осторожное отношение пифагорейцев к клятвам. 12.1. Вера в Промысл; слова Тимарида из Тарента. 12.2–14.1. Происхождение числового богословия пифагорейцев от орфического. От орфиков же зависит и книга «Священное Слово». 14.2. Посредством чисел Пифагор предсказывал и служил богам. «Всеистина» для Абариса. 15.1. Вера в богов и чудеса у Пифагора. 15.2. Догматы суть сказанное Пифагором. 15.3. Вера пифагорейцев в то, чему они учат. Чудо у могилы Филолая и вера Эврита (еще раз). Пифагор о беседе во сне с умершим отцом (еще раз). 16.1. Ношение льняных одежд. 16.2. Непрерывное славословие богам. 16.3. Внимание к самопроизвольному. 17.1. Бескровные жертвы. 17.2. Не клясться

именем богов. 17.3. Клятва четверицей. 18.1. Пифагор – продолжатель Орфея. Иконопочитание Пифагора. Единство философствования и служения богам у Пифагора; Пифагорово учение как мистериальная сумма. 19.1. У латинян «Священное Слово» читают не всем. 19.2. Священность числа 3. 19.3. Жертвы Афродите в 6-й день месяца. 19.4. Жертвы Гераклу в 8-й день месяца. 20–23. Различные малые предписания числом 16.

XXIX. Пифагор — источник всякого знания. Великая Эллада

1.1. Похвала запискам древних пифагорейцев. 1.2–2.1. Они содержат: теологию, физику, этику, логику, математику. 2.2. К Пифагору восходит всякое знание. 2.3. Геометрия – египетская. 2.4. Арифметика – финикийская. 2.5. Астрономия – египетская и халдейская. 3.1. Он перенял и возвысил эти науки. 3.2. Философия. 3.3. Мудрость есть знание об истинно сущем, а не о сущем по омонимии. 4.1. О не сущем нет знания, нечего к нему и стремиться. 4.2. Постигая истинно сущее, мы постигаем заодно и сущее по омонимии. 5.1. К Пифагору восходят аподиктика,ористика, диайретика. 5.2–6.1. Сравнение символической краткости Пифагорова языка с оракулом и природой. Примеры логий. 6.2. Клятва четверицей. 7.1. Музыка, медицина, мантика. 7.2–8.1. Диетическая медицина. 8.2. Музыка и поэзия для здоровья. 8.3 и 10.1. Важность упражнений памяти. 9. Ежедневное мнемоническое упражнение. 10.2. Великая Эллада.

XXX. Справедливость Пифагора

1.1. Справедливость Пифагора. 1.2. Общность, равенство, родство. 2.1. Единство собственности. 2.2. Родство с людьми. 2.3–3.1. Родство с другими живыми существами. 3.2. Правильное ведение домохозяйства – основа полисности и социальной справедливости. 4.1. Пифагор – образцовый домохозяин. 4.2. Его дочь превосходна и будучи девой, и будучи женой. 4.3. Дом Пифагора в Метапонте освятили по его смерти в храм Деметры. 5. План борьбы с беззаконием. 6.1. Законодательный вид справедливости. 6.2. Пифагорейцы законодатели.

7.1. Политическое здравомыслие пифагорейцев. 7.2. Фракиец Замолксис. 8–9.1. Власть богов как основа человеческой справедливости. 9.2. Послушание родителям и законам. 9.3. Наибольшее зло — анархия. 10. Пребывание в отеческих нравах. Единство учения и жизни у Пифагора. 11–12. Случай с послами из Сибариса. 13.1. Проповедь посмертного суда. 13.2. Не убий. 13.3. Фигура справедливости. 14–15. Справедливость в беседе: благовременное и неблаговременное. 16.1. Благоприятное время. 16.2–17.1. Начало. 17.2. Начальники и повиновение им. 18. Поездка Пифагора к умирающему Ферекиду как пример покорности власти. 19. Соблюдение договоров. Лисид и Эврифам. 20.1. Связь вегетарианства и миротворчества. 20.2. «Весов не перешагивай».

XXXI. Самообладание Пифагора и пифагорейцев

1–2. Практики самообладания, восходящие к Пифагору: воздержание от одушевленного, неразглашение, безмолвие, концентрация внимания, малоядение, краткий сон, взращивание презрения к славе, богатству, «мірским благам», почтение к старшим, благожелательность к сверстникам, покровительство младшим. И еще: выставление на трапезе дорогих блюд с тем, чтобы отдать их рабам; свободные женщины золота не носят. 3. Самообладание Миллия и Тимихи. Засада, посланная Дионисием под предводительством Евмена. 4. Нападение в Фанах. 5. Бой у бобового поля. 6. Пленение Миллия и Тимихи. 7. Миллий перед Дионисием. 8. Ответ Тимихи. 9. Другие школьные обыкновения и случаи из жизни, свидетельствующие о самообладании Пифагора. 10.1. Пифагорейцы следили, чтобы тело было одного и того же веса, а настроение имело один и тот же градус. 10.2. Отстранение от страстей, перемогание их в одиночестве. 11.1. Гневаясь, пифагорейцы ни свободных не вразумляли, ни рабов не наказывали. 11.2. Случай с Архитом Тарентским. 12.1. То же о Клинии. 12.2. . Отстранение от страстей. 12.3. Пифагорейцы всё приписывали и возводили к Пифагору, не ища своей славы. 13. Хранение учения: до поколения Филолая пифагорейские книги не известны внешним. 14–15.1. Золотая середина в вопросе о «мнении толпы».

15.2. Возрасты. 15.3. Транзитивная педагогика. 16.1. Детство. 16.2. Юность как наиболее грязный возраст. 17.1. Благо послушания властям. 17.2. Порядок и регулярность в транзитивной педагогике. 18.1. Пример воспитания домашних животных. 18.2. Остерегаться удовольствия, не делать его целью. 19.1. Телесные влечения. Влечения к присутствию и к отсутствию. 19.2. Влечения естественные и приобретенные. 20. Страсти. 21. Их разнообразие. 22. Всё употребляемое в пищу есть причина особого состояния. Происхождение диетологии от Аполлона. 23.1. Половую жизнь следует начинать после окончания формирования тела. 23.2. О воспитании отроков. 22. Следует начинать заниматься любовью с двадцати лет и заниматься ею редко. 23. Против кровосмешения. 24. Уничтожение уродов и плодов насилия. 25–26. Памятка будущим родителям. 27. Неподготовленное зачатие есть главная причина порочности большинства, зачатого как скот.

XXXII. О храбрости и мужестве Пифагора и пифагорейцев

1. Гражданский подвиг Пифагора. 2. История о Пифагоре, Фаларисе и Абарисе. Абарис расспрашивает Пифагора. 3. Учение Пифагора о богах и два типа его восприятия — Абарис и Фаларис. 4.1. Абарис и Фаларис в вопросе о Промысле и его действиях. 4.2. Пифагор перед Фаларисом: нисхождение души, 5.1. связь вещей с небом, свобода, логос и ум. 5.2. О тирании. 5.3. О наилучшей жизни. 5.4. Боги — не причины зла; поэты — лжецы. 5.5–6. Обличающее вразумление Фалариса (основная речь). 7.1. Поведение Пифагора — образец бесстрашия философа. 7.2–8. Пифагор в деле падения тирании Фалариса. 9. Аналогичный случай с Эпименидом. Природная связь Пифагора с Аполлоном. 10.1. Совершенная свобода Пифагора как явление мужества. 10.2. Мужество пифагорейцев в исполнении заповедей. 11. Музыка и убеждение против страстей. 12–13.1. Перемогание страстей в одиночестве, трудолюбие в науках и нравах, искоренение невоздержности и своекорыстия, бодрствование рассудка, неразглашение и молчание, воздержание от вина, малояденье, краткий сон — средства для

воспитания мужества. 13.2–14. Еще о неразглашении и символическом языке. Учения школы как таинства богов. 15. Спасение — дело совершенного мужества.

XXXIII. О дружбе у Пифагора и пифагорейцев

1. Дружба всех со всеми: богов с людьми, догматов друг с другом, души с телом, логосной части души с безлогосной, людей — друг с другом и некоторыми другими живыми существами. Дружба на уровне тела и благоденствие в подражание космосу. 2.1. Открытие Пифагором философского понятия дружбы. 2.2. Изгнать из дружбы агон и любопрительность. 3.1. Унять гнев всем, особенно младшим. 3.2. Старшие должны воспитывать младших бережно и благожелательно. 4.1–4.2. Следует всегда сохранять веру в друга. Не разрывать дружбу ни из-за каких внешних несчастий. 4.3. Правило относительно вражды и врагов. 5.1. Памятка будущим друзьям. 5.2. Серьезное отношение пифагорейцев к дружбе. 6.1. Отстранение от страстей. 6.2–8. История о поручительстве Финтия за Дамона. 9.1. Пифагорейцы помогали своим, даже не зная их. 9.2–10. История о пифагорейце, умершем на постоялом дворе. 11. Другие примеры: Клиний и Прор, Тестор и Тимарид. 12. Дружба ради единения с Богом.

XXXIV. Строматы

1.1. Не вошедшие в основной текст истории. 1.2. Говорить на отеческом языке. 1.3–2.1. Лучший из диалектов — дорийский. 2.2–3. Миф о старшинстве дорического диалекта. 4.1. Диетическая медицина. 4.2. Мази, заклинания. 5.1. Пифагорейцы не имели общения с преподающими за деньги. 5.2. Символический язык Пифагора на открытых чтениях. 5.3. Пифагорейцы и сами не брали платы за обучение. 6.1. Следует почитать: родителей и земледельцев, философов и воспитателей. 6.2. Символический язык Пифагора, хранение учения. 6.3. Надгробие разгласившему тайну симметрии. 7.1. Смерть в море разглашателя. 7.2. Темный язык пифагорейской педагогики.

XXXV. Гибель общины в Кротоне

1. Заговор возник, когда Пифагор был в отъезде. 2.1. Версия Аристоксена: Килон и килоновцы. 2.2. Гибель всех пифагорейцев, кроме Архиппа и Лисия, в доме Милона. 3.1. Равнодушие италийских полисов. Удаление пифагорейцев от политических дел. 3.2. Лисий – учитель Эпаминонда. Оставление пифагорейцами Италии. 4. Школа в Регии. 5–6. Версия Никомаха: воспользовавшись отъездом Пифагора, отверженные кандидаты напали на пифагорейцев повсюду и повсюду сожгли; были и сами побиты камнями италийскими гражданами. Оскудение учения. Рассеяние. Анахоретство. Памятные записи, хранимые в семьях. 7. Версия Аполлония: пифагорейская школа была аристократической гетерией. Недовольство кротонского плебса. 8.1. Взятие Сибариса, отсутствие Пифагора, спор о добыче, нападение плебса. 8.2. Во главе – родственники пифагорейцев, недовольные их почитанием Пифагора, 9–10.2. а также пифагорейскими обычаями в целом. Родственники особенно возмущались общностью имущества. 9.3. Начало мятежа: несмотря на сопротивление пифагорейцев, Совет Тысячи изменяет кротонскую политию из умеренной аристократии в демократию. 11. Публичное обвинение пифагорейцев Килоном и Никоном. 12–13. Клевета Никона на «Священное Слово». Возбуждение толпы. 14. Нападение на пифагорейцев. Отход Демокеда с эфебами в Платеи. Поражение его в битве Феагом. 15. Третейский суд над пифагорейцами в Кротоне; изгнание их и их семей, конфискации. 16. Гибель вождей демократии, призыв к пифагорейцам возвратиться. 17.1. Возвращение 60 человек. 17.2. Добрая слава пифагорейцев, их гибель в войне с фурийцами. 17.3. Почести, оказанные им городом.

XXXVI. Пифагорейцы

1–2.1. Преемники Пифагора. Разглашатель Диодор Аспендский. 2.2. Пифагорейские писатели. Эпихарм. 3. Имена.

Приложение I

НИКОМАХ ИЗ ГЕРАСЫ ВЫДЕРЖКИ ИЗ ТРАКТАТА «РУКОВОДСТВО ПО ГАРМОНИКЕ»[1]

6. О ТОМ, КАК БЫЛИ НАЙДЕНЫ ЧИСЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ГОЛОСОВ

...Как-то раз он усердно размышлял над тем, возможно ли придумать некий вспомогательный инструмент для слуха, такой же незыблемый и безошибочный, какой зрение, к примеру, обретает в циркуле, линейке и диоптре, а осязание — в рычажных весах и уяснении размеров. И вот, прогуливаясь около кузницы, он по какому-то божественному совпадению услышал, как молотки стучат по железу на наковальне, и все они вперемежку, кроме одной пары, дают замечательно согласующиеся друг с другом звуки. Он распознал среди них созвучия октавы, квинты и кварты. Кроме того, он заметил, что промежуток между квартой и квинтой сам по себе не созвучен, хотя он тоже играет свою роль среди больших [интервалов]. Обрадовавшись, что по воле богов исполняется его замысел, он вбежал в кузницу. Проделав множество опытов, он нашел, что различие отзвука

[1] Цит. по изд.: Очерки истории античной музыки. СПб., 2015. С. 193–195. Перевод А. И. Щетникова.

связано с массой молотков и не зависит ни от силы удара, ни от формы пятки, ни от изменений обрабатываемого железа. Определив точный груз и отметив равенство прочих обстоятельств, он отправился домой.

Там он вбил один колышек под углом в стену, чтобы полностью исключить любое различие, поскольку можно подозревать, что разные колышки отличаются друг от друга, и прикрепил к этому колышку четыре струны, сделанные из одного материала и одинаковых нитей, равные по толщине и одинаково скрученные, одну за другой, а к этим струнам подвесил разные гирьки. Выровняв эти струны по длине, насколько это возможно, и ударяя по струнам в разных парах, он стал отыскивать предугаданные созвучия, сочетая каждую струну с каждой.

Так он установил, что сочетание самой натянутой струны с менее всего натянутой звучит с интервалом октавы. На первой струне было 12 гирек, а на второй 6; и грузы обнаружили здесь двойное отношение, соответствующее октаве. Между самой натянутой струной и той, что была рядом с менее всего натянутой и имела 8 гирек, получалось квинтовое созвучие, и ему соответствовало полуторное отношение. Между самой натянутой струной и оставшейся струной с 9 гирьками получалась кварта, и грузы здесь тоже давали определенную пропорцию, называемую сверхтретьей. А превышение этой последней струны над наименьшей естественно было назвать полуторным, ведь так относятся 9 к 6. Таким же образом струна с 8 гирьками, прилежащая к наименьшей, с 6 гирьками состояла в полуторном оотношении, а с 12 — в сверхтретьем. Промежуток между квинтой и квартой, на который квинта превосходит кварту, укладывался в сверхвосьмерное отношение, ведь так относится 9 к 8. Система октавы составляется из квинты и кварты, так что двойное отношение составлено из полуторного и сверхтретьего, 12 8 6, или же перестановкой карты и квинты, когда двойное отношение

составлено из сверхтретьего и полуторного 12 9 6 в другом порядке.

Примерившись рукой и слухом к этим подвесам, к связям и закрепленным за ними отношениям, он искусно перенес всю эту связку струн со стенного колышка на гриф инструмента, так называемый струнодержец. Затем он растянул струны в пропорции грузов, соразмерным образом подтянув колки. Используя эту шкалу как некий безошибочный гномон, он перенес ее на самые разные инструменты — ксилофоны, авлосы, сиринги, монохорды, тригоны и им подобные. И во всех созвучиях он находил одно и то же неизменное числовое отношение.

Гипатой был назван голос, которому соответствует число 6, *месой* — число 8, *парамесой* — 9, и этот голос тоном выше месы и является для нее сверхвосьмерным, *нетой* — 12. И промежутки в диатоническом роде он заполнил пропорциональными голосами, так что октахорд был подчинен числовому созвучию: двукратному, полуторному, сверхтретьему, а также сверхвосьмерному — разности двух последних.

7. О РАЗДЕЛЕНИИ ОКТАВЫ В ДИАТОНИЧЕСКОМ РОДЕ

Теперь я скажу о том, как отыскивается необходимая по природе последовательность [голосов] в *диатоническом роде* от самого низкого к самому высокому. (А хроматический и энгармонический роды он получил отсюда же, как я позднее покажу.) Диатонический род по своей глубине имеет следующую природную последовательность: полутон, затем тон, затем еще тон. И квартовая система состоит из двух тонов и так называемого полутона. А если присоединить еще тон, получится квинта, система из трех тонов и по-

лутона. А за ней — полутон, тон и еще тон, другая кварта, то есть другое сверхтретье [отношение]. В древнем гептахорде все четыре голоса, начиная от самого низкого, были созвучны между собой в кварту. Переходящий полутон стоит во взятых тетрахордах на первом, среднем и третьем местах. А в октахорде Пифагора, который есть либо *система соединенных*, состоящая из тетрахорда и пентахорда, либо система разделенных, состоящая из двух тетрахордов и вставленного между ними тона, тоже имеется последовательность, начиная с самого низкого [голоса], и здесь все пятые голоса будут созвучны между собой в квинту, а переходящий полутон будет стоять на четырех местах: первом, втором, третьем и четвертом.

Приложение 2

ОСОБЕННОСТИ ИЗДАНИЯ ПАМЯТНИКА

1. О рубрикации. В наличных изданиях оригинал имеет пагинацию и разделен на подглавки со сквозной нумерацией; переводы же опубликованы без пагинации, но разделены не только на подглавки со сквозной нумерацией, но и на главы. Обсудим сначала последние.

Главы либо не носят никаких названий (так свои работы оформили В. Б. Черниговский и И. Ю. Мельникова)[1], либо имеют оригинальные названия, являющиеся, так сказать, зерцалом переводческого понимания памятника. В именовании глав прослеживаются две стратегии, которые ниже мы проиллюстрируем на примере оглавлений в изданиях Дойбнера и Гатри. Первая из них разворачивает название главы до размеров почти что *Синопсиса*, стремясь отразить основные вехи ее содержания. Вторая, напротив, выносит в заголовок краткие фразы и только. Мы считаем, что вводить деление на номерные только главы — значит ничем не помочь читателю. Кроме того, ничто не мешает взять в каждой из вербальных стратегий лучшее: от стратегии Дойбнера — стремление к обстоятельности, которое вовсе не необходимо оформлять в виде названия главы, но именно как краткое ее содержание, предшествующее главе. А от стратегии

[1] Здесь и везде ниже ссылаюсь на издания: *Ямвлих*. Жизнь Пифагора. М., 1998 / Перевод В. Б. Черниговского; *Ямвлих*. О пифагоровой жизни. М., 2002 /Перевод И. Ю. Мельниковой.

Гатри — стремление к афористичности заголовков, которые вполне могут дополняться исчерпывающими *Синопсисами*.

Теперь что касается подглавков. Ничто не мешает сохранить это деление; однако сквозная нумерация подглавков показывает их индифферентными к разделению на главы, что делает текст неестественным. Мы считаем, что подглавки должны иметь счет в главах; впрочем, для читателей, привыкших к старому счету или желающих соотнести наш текст с другими изданиями, везде при номере подглавка мы даем его порядковый номер малым шрифтом.

Поскольку некоторые подглавки содержат по нескольку не сводимых друг к другу мыслей и сюжетов, мы считаем недостаточным выделять их посредством красных строк только. Там, где такое деление существует, мы разделяем подглавки на стихи.

Таким образом, общая структура текста складывается из разделения на главы, подглавки и стихи: эта рубрикация позволяет быстро и точно назвать или найти то или иное место в тексте. Она дается нами впервые. В последующих изданиях мы думаем отказаться от старой рубрикации, нисколько не проясняющей и без того запутанный текст, и оставляем ее в данном издании исключительно из желания помочь людям соотнести настоящую публикацию с прежними изданиями. Из уважения к археографическому аспекту издательской традиции мы сохраняем также и пагинацию.

Приведем примеры оглавлений. Издание Дойбнера[2]:

Глава I. Вступление по поводу изучения философии Пифагора, которое начинается с призывания в помощь Бога и в котором подчеркивается полезность и трудность предприятия.

---

[2] *Jamblichus.* De vita pythagorica liber. Edidit Ludovicus Deubner. Stuttgardiae, 1975. Цитируется в переводе В. Б. Черниговского (указ. изд. С. 19–22).

Глава XI. О том, на какие темы говорил он с женами кротонцев в храме Геры в первые дни своего приезда.

Глава XII. О том, каким было у него обучение философии, и о том, что он был первым, назвавшим себя философом, и по какой причине он был таковым.

Глава XIII. О способности Пифагора вразумлять словом даже диких животных и существ, лишенных разума.

Глава XIV. О том, как он начинал обучение с припоминания предшествующих жизней, которые прожила душа, прежде чем вошла в данное тело.

Глава XV. О том, в чем заключалось у него первое приготовление к обучепнию, то есть об обучении через ощущения, и о том, как он исправлял души тех, которые приходили к нему в обучение, и как сам он в совершенстве освоил этот способ исправления.

Глава XVI. В чем состояло у него очищение души, которое он применял тоже; в чем состояло его более совершеное применение дружбы и как она усиливала расположение к философии.

Глава XVII. О том, как Пифагор подвергал испытанию учеников, когда они приходили к нему в первый раз, и каким образом он определял их нрав, прежде чем начать обучение философии.

Глава XVIII. На какие группы и по каким различающим признакам разделял слушателей Пифагор, и по каким причинам он их так различал.

Глава XIX. О том, как открыл Пифагор множество способов успешного обучения людей; о том, при каких обстоятель-

ствах состоялась, говорят, его встреча с Абаридом и как он привел его к высшей мудрости другими, чем обычно, путями обучения.

Глава XX. О том, какие были особые приемы в философии Пифагора и как он их применял на каждом новом поколении тех, кто обучался философии.

Глава XXI. Об образе жизни, который установил Пифагор и который он предписал тщательно соблюдать своим последователям в течение всего дня, и о некоторых предписаниях соответственно установленному распорядку.

Глава XXII. В чем состояло обучение посредством изречений Пифагора, которые касались жизни и человеческих мнений.

Глава XXIII. В чем состояло побуждении к философии посредством символов и тайных намеков, которые передавались Пифагором по обычаю египтян и более древних эллинских богословов тем, которые воспринимали учение.

Глава XXIV. От каких видов пищи полностью воздерживался Пифагор, от каких советовал своим ученикам воздерживаться, и как установил он относительно этого различные предписания соответственно различным типам жизни каждого и по каким причинам.

Глава XXV. О том, как он воспитывал людей, применяя музыку и пение в нужное время, особенно когда людей омрачали страсти, и о том, как он очищал душу и тело от болезней с помощью музыки и как он проводил это очищение.

Глава XXVI. Как и с помощью каких опытов открыл Пифагор гармонию и гармонические отношения в музыке, и как он передавал своим слушателям это знание.

Глава XXVII. Какие блага, полезные для государства и людского сообщества, передал людям Пифагор и его ученики посредством своих слов и действий, учреждая законодательства, вводя законы и своершая много других прекрасных дел.

Глава XXVIII. О том, сколько божественных и удивительных деяний он совершил, и о делах благочестия, которыми он по милости богов принес великую пользу людям, и об установлениях, введенных в человеческом роде благодаря Пифагору.

Глава XXIX. О мудрости Пифагора: в чем она заключалась и каковы были ее роды и виды, и как он от первых познавательных способностей вплоть до самых последних осуществлял правильность и точность, и как прививал эти качества людям.

Глава XXX. О справедливости: сколь сильно помогал людям Пифагор проводить ее в жизнь и как он, исходя из первоначал, практиковал справедливость от высших ее родов вплоть до самых последних видов и обучал этому других.

Глава XXXI. О благоразумии: как развивал его Пифагор и передал людям посредством своих слов, дел и всяческим другим устроениям, сколько видов его и какие он установил среди людей.

Глава XXXII. О мужестве: сколько и каких наставлений по его поводу дал он людям, сколь сильно развил его и сколько благородных дел, связанных с ним, совершил он сам и побудил совершить своих учеников.

Глава XXXIII. О дружеском согласии: каково оно было и сколько его было в натуре самого Пифагора, и как он распространил его на всех и сколько видов его установил, и какие дела в согласии со своим образом жизни совершили пифагорейцы.

Глава XXXIV. Некоторые разрозненные сведения о том, что говорил и делал сам Пифагор или те, кто переняли от него его философию, сообщаемые постольку, поскольку они не умещаются в рассказ о нем, построенный соответственно добродетелям.

Глава XXV. О том, как произошло восстание против пифагорейцев и где был в это время сам Пифагор, и по каким причинам люди тиранического и преступного склада напали на пифагорейцев.

Глава XXXVI. О преемниках Пифагора и его смерти; имена мужей и женщин, воспринявших от него философию.

Издание Гатри[3]:

Глава I. О важности Темы[4].

Глава II. Юность. Образование. Путешествия.

Глава III. Путешествие в Египет.

Глава IV. Учеба в Египте и Вавилонии.

Глава V. Поездки по Греции. Поселение в Кротоне.

Глава VI. Пифагорейское общество.

Глава VII. Италийские политические достижения.

Глава VIII. Интуиция. Почитание. Сдержанность. Прилежание.

[3] A Complete Collection of the Works of Surviving Works of Pythagoras. Translated by Kenneth Sylvan Guthrie. 1920. Alpine, NJ: Platonist Press.

[4] Возможно: Лица (т. е. Пифагора) — of the Subject.

Глава IX. Общество и целомудрие.

Глава X. Совет юношам.

Глава XI. Совет женщинам.

Глава XII. Почему он назвал себя пифагорейцем.

Глава XIII. Он был причастен власти Орфея над животными.

Глава XIV. Предсуществование Пифагора.

Глава XV. Он исцелял посредством медицины и музыки.

Глава XVI. Пифагорейский эстетизм.

Глава XVII. Испытания при посвящении.

Глава XVIII. Устроение пифагорейской школы.

Глава XIX. Скиф Абарис.

Глава XX. Психологические требования.

Глава XXI. Ежедневная программа.

Глава XXII. Дружба.

Глава XXIII. Использование иносказаний в обучении.

Глава XXIV. Диетические предписания.

Глава XXV. Музыка и поэзия.

Глава XXVI. Теоретическая музыка.

Глава XXVII. Политическая взаимопомощь.

Глава XXVIII. Божественность Пифагора.

Глава XXIX. Науки и максимы.

Глава XXX. Справедливость и политическая жизнь.

Глава XXXI. Сдержанность и самообладание.

Глава XXXII. Мужество.

Глава XXXIII. Вселенская Дружба.

Глава XXXIV. Nonmercenary Secrecy[5].

Глава XXXV. Нападение на пифагорейство.

Глава XXXVI. Пифагорейская преемственность.

2. **О названии трактата**. На языке оригинала он называется Περὶ τοῦ πυθαγορικοῦ βίου, что буквально означает «О **пифагорейской** жизни». Как и название корпуса, в который входит этот трактат, звучит по гречески: Οἱ ἐννέα λόγοι Ἰαμβλίχου περὶ τῆς πυθαγορικῆς αἱρέσεως, что переводится как «Девять Слов Ямвлиха о **пифагорейской** школе».

Название это не вполне адекватно содержанию трактата, который по существу представляет собой аргументированное доказательство божественности Пифагора и — лишь насколько это важно для основной мысли — занимается

[5] Затрудняюсь в переводе; буквально это должно бы значить: Бескорыстная (или некоммерческая) тайна (или умение хранить тайну). Как такое название может быть связано с содержанием главы, — неясно.

обычаями школы, историей науки и проч. Однако в отличие от Порфирия, назвавшего свою работу Πυθαγόρου βίος («Жизнь Пифагора»), Ямвлих ставит акцент в названии именно на школьности, пифагорействе. Образуется зазор между названием трактата и его содержанием — и потребность избавиться от него.

Наивным выражением этого стремления является изменение самого греческого названия текста, которое мы наблюдаем в немецком издании[6]: Михаил Лурье, имея под рукой перевод фон Альбрехта, изданный в 1963 г. в Штутгарте под латинским названием *Vita Pythagorica*, знающий и упоминающий старое флорентийское название трактата, где «жизнь» определяется прилагательным πυθαγορικοῦ (пифагорейская), — выносит в название прилагательное πυθαγορἆέϊὂ: получается нечто среднее между «пифагорейская» и «Пифагора», что-то вроде «Жизни пифагорейца».

Гораздо радикальнее решила этот вопрос И. Ю. Мельникова — «Пифагорова жизнь» (по-видимому, по аналогии с «Иваново детство», «шемякина правда» и проч.) — истолковав πυθαγορικοῦ (пифагорейская) как Πυθαγόρου (принадлежащая Пифагору). Нужно сказать, что наш текст дает основание для такого толкования: в XIX. 5 (94) мы встречаемся с выражением πυθαγορικῆς ἀγωγῆς, которое контекстуально должны переводить именно как «Пифагорово», а не «пифагорейское» воспитание. В других случаях, однако, это слово обозначает именно «пифагорейское», а не «Пифагорово», что, вообще говоря, неплохо понимали оба русских переводчика нашего памятника. Ибо трактат Ямвлиха озаглавлен в точности так же, как сочинение Аристоксена, о котором Ямвлих говорит в XXXIII. 5.2 (233); название этого трактата Аристоксена и В. Б. Черниговский, и И. Ю. Мельникова

[6] JAMBLICH ΠΕΡΙ ΤΟΥ ΠΥΘΑΓΟΡΕΙΟΥ ΒΙΟΥ /// Pythagoras: Legende – Lehre – Lebensgestaltung. Stuttgart, 2002. С. 28.

переводят именно «О **пифагорейской** жизни»[7], но как только это название вступает у них в амальгаму с именем Ямвлих, происходит реакция, ведущая к изменению перевода.

Учитывая все имеющиеся здесь сложности и, главное, необходимость представить в названии оба смысловых ряда, я решил отступить от буквы в пользу смысла, благодаря чему эта работа и получила название: «О жизни Пифагора и обычаях Школы».

В заключение нам хотелось бы сказать несколько слов об авторстве трактатов, составляющих *пифагорейское предание*. Но поскольку разговор об авторстве откровенно компилятивного текста, повествующего о событиях священной истории и принадлежащего автору, стремящемуся избежать авторства, представляет собой большую проблему, мы откладываем его до обстоятельной статьи к изданию, которую планируем поместить в четвертом томе.

[7] *Ямвлих*. Жизнь Пифагора. М., 1998 / Перевод В. Б. Черниговского. С. 139; *Ямвлих*. О пифагоровой жизни / Перевод И. Ю. Мельниковой. М., 2002. С. 132.

Приложение 3

ОБЩИЕ МЕСТА

I. БОЖЕСТВЕННОСТЬ ПИФАГОРА

Пророчество о рождении II. 4; II. 5.2.
Сын бога – II. 3.1; II. 8.
Воплощенный бог – XIX. 3.3; XXVIII. 5.2.
Один из богов – VI. 3.3; VI. 3.4.
Аполлон (Пифиец) – VI. 3.4; XXVII. 12.1.
Аполлон Гиперборейский – VI. 3.4; XXVIII. 2.1; XXVIII. 7.
Пэан – VI. 3.4.

Божественный – X. 3.4; XV. 2–3; XV. 3.1–2; XVI. 3.2; XIX. 2.2–4; XXIX. 2.2;XXXV. 8.
Воодушевленный богом – XXXII. 3.
Даймон – VI. 3.4.
Даймоничность Пифагора – II. 8; III. 4.2; III. 4.3; VI. 4.1.
Святость Пифагора – XXVIII. 1–2.
Родство с богом – II. 6; XXXII. 9.
Аргумент в пользу его божественности – XXVIII. 10.3–11.1.
Жертвоприношение Пифагору – III. 5.
Божественность наставлений – VI. 3.2.

II. УЧЕНИЕ ПИФАГОРА

Тело (аскетика):
Безмолвие – VI. 5; XVI. 1.2; XVII. 2.1; XVII. 2.3; XVII. 4; XXVIII. 16.2; XXIX. 7.1; XXXI. 2; XXXII. 12 и 13.3

Отношение к божественному и священному:

Бог есть Господь – XVIII. 8.2; XXVIII. 4.3.

Не клясться богами – IX. 3.1; XXVIII. 17.2.

Всегда благодарить – XXVIII. 16.2.

Жертвы – V. 6.2; VIII. 1; XXVIII. 17.1.

Мистерии – XXVIII. 18.2.

Ритуальная чистота – X. 1.3; XI. 2.1.

Правило о крови в храме – XXVIII. 20.2.

В храме не рожать – XXVIII. 20.3.

На празднике ногтей не стричь – XVIII. 21.1.

Молитвы в последний час – XXXV. 10.1.

Покойникам белые одежды – XXVIII. 22.1.

Против кремации – XXVIII. 21.5.

Посмертный суд, ад – XXX. 13.

Почитание усопших – VI. 5.

Отношение к ближним:

Бережное отношение к другим живым существам – VI. 5; XXI. 5; XXIV. 2.2 и 3.1; XXVIII. 21.2–3; XXX. 2.3 и 3.1.

Верность слову – XXX. 19.

Дружба всех со всеми – XVI. 2.4–5; XVI. 3.1; XXVII. 9.2; XXX. 1 и 2.1; XXXIII. 1.

Изгнать из дружбы агон – XXII. 1; XXXIII. 2.2.

Наставления о дружбе – VIII. 6.2; XXII. 2.1–2; XXXIII. 3.1; 4.1.2 и 5.1.

Незлословие – XI. 2.2.

Законы о браке – XXXI. 23–27.

Отношение к детям – IX. 3.5; IX. 5.2; X. 1.3; X. 3.1–3.

Отношение к жене – IX. 3.4; IX. 4; XI. 3.1.

Отношение к родственникам – IX. 3.3.

Отношение к согражданам – IX. 4.2; IX. 5.5.

Послушание мужьям – XI. 1.5.

Послушание старшим (архонту и учителю) – XXX. 17.2–18.

Почитание родителей – XXX. 9.2.

III. ЧУДЕСА ПИФАГОРА

Предсказания – XVIII. 9; XXVII. 12.1; XXVIII. 2.2 и 3.3; XXVIII. 9.1 и 9.4; XXX. 11–12.1.

Чудо на горе Кармель – III. 3.2.

Чудо о рыбаках – VIII. 2.

Чудо с давнийской медведицей – XIII. 1.

Чудо с быком в Таренте – XIII. 2.

Чудо с орлом в Олимпии – XIII. 3.1; XVIII. 9.2.

Чудо о смертоносных змеях – XXVIII. 9.2.

Чудо с рекой Несс – XXVIII. 1.3.

Умирение стихий – XXVIII. 2.2–3.1.

Усмирение юноши спондеической мелодией – XXV. 3; XXXI. 9.

Одновременное присутствие в двух местах – XXVIII. 1.4 и 3.2.

Провúдение прошлых жизней – XIV. 1; XXVIII. 1 и 10.1.

Золотое бедро – XIX. 3.2; XXVIII. 2.1 и 7.

Способность слышать музыку сфер – XV. 2.3.

Воздаяние святотатствующему – XXVIII. 10.2.

Речь перед Фаларисом – XXXII. 5.7.

IV. ДЕЯНИЯ ПИФАГОРЕЙЦЕВ

Безвозмездное преподавание – XXXIV. 5.1 и 5.3.

Взаимовыручка пифагорейцев (пираты и пр.) – XXVII. 6–7; XXXIII. 6.2–8; XXXIII. 11.

Верность договорам – XXX. 19; XXXIII. 9–10; XXXV. 9.

Защита от стихий – XXVIII. 3.1.

Клятва открывшим четверицу – XVIII. 3; XXVIII. 17.3; XXIX. 6.2.

Отношение к клятвам – IX. 3.1; XXVIII. 11.2; 17.2 и 22.2.

Умеренность в погребальных обрядах – XXVII. 1–2.

Приложение 4

УКАЗАТЕЛИ

I. ОБРАЗЫ В НАСТАВЛЕНИЯХ ПИФАГОРА

Взаимная причастность стихий (XXVII. 9.2).

Египетский треугольник — основа политии (XXVII. 9.3–10.1).

Служить наместнику, а не царю (XVIII. 8.1; XXVIII. 4.2).

Отсекать огнем и железом (VII. 2.2; XVI. 1.1; XVII. 8; XXXII. 12).

Владеть отечеством, как общей казной (IX. 2).

Победитель в беге (IX. 5.4).

Человек выходит в жизнь, как толпа на праздник (XII. 1.2).

Начало — половина всего (XXIX. 6.1; XXX. 16.2–17).

Мудро давать имена вещам (XI. 3.1; XVIII. 3).

Космос (XXIX. 6.1) .

Дружба (XXIX. 6.1).

Анархия — наибольшее зло (XXX. 9.3).

II. АКУСМЫ

А. Что есть это:

– острова блаженных (XVIII. 3);

– оракул в Дельфах (XVIII. 3).

Б. Что есть самое:
- справедливое (XVIII. 3);
- мудрое (XVIII. 3);
- мудрое у наших (XVIII. 3);
- красивое (XVIII. 3);
- сильное (XVIII. 3);
- лучшее (XVIII. 3);
- истинное (XVIII. 3).

В. Что до́лжно делать:
- творить детей (XVIII. 4);
- надевать правую сандалию (XVIII. 4);
- давать наилучший совет (XVIII. 6);
- труды благо, наслаждение зло (XVIII. 6);
- необутым у алтаря (XVIII. 6; XXIII. 3);
- не по пути в храм (XVIII. 6);
- рана спереди (XVIII. 6);
- душа человека и жертвенные животные (XVIII. 6);
- возлияние через ручку килика (XVIII. 5);
- входить в храм справа, выходить слева (XXVIII. 23.3);
- когда гремит гром, касаться земли (XXVIII. 23.2).

Г. Чего не до́лжно делать:
- не гулять по большим дорогам (XVIII. 4; XXIII. 3);
- не погружать руку в сосуд для омовений (XVIII. 4);
- не снимать груза (XVIII. 5);
- не говорить без света (XVIII. 5; XXIII. 3);
- не сближаться с женщиной, имеющей на себе золото (XVIII. 5);
- не носить образ бога на перстне (XVIII. 5);
- не гнать жену (XVIII. 5);
- белый петух (XVIII. 5);
- весов не перешагивай (XXX. 20.2);
- огня ножом не вороши (XXXII. 14).

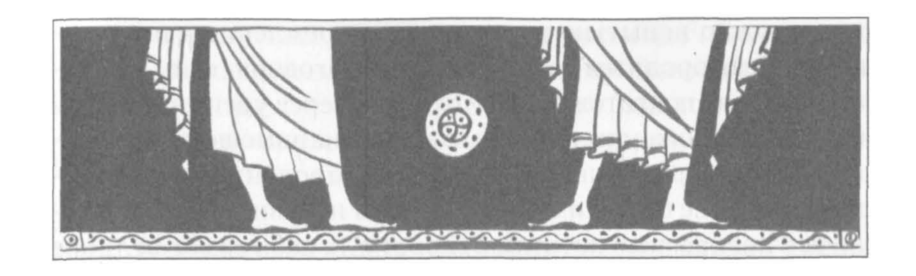
Д. Акусмы с объяснением причины:
- детотворить (XVIII. 7);
- хлеб не ломать (XVIII. 7).

III. ТЕРМИНЫ

IV. БОГИ И ГЕРОИ

V. ИМЕНА

VI. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

УВЕЩЕВАНИЕ К ФИЛОСОФИИ ЯМВЛИХА ХАЛКИДСКОГО ИЗ КЕЛЕСИРИИ[1]

1. О Пифагоре и его жизни, так же как и о последователях самого Пифагора, мы говорили исчерпывающе в предыдущей книге. Теперь же рассмотрим остальные аспекты его учения, начиная с общего подготовительного подхода к пифагорейскому воспитанию, изучению философских основ этой школы и развитию добродетелей. Под воспитанием имеем в виду не образование, которое воспринимает человека как бы только частично и готовит его всего лишь к определенному виду деятельности. Пифагорейское воспитание, напротив, увещевает человека к тому, чтобы он направлял внутренние усилия на освоение не только математических дисциплин <7>, но и всех наук, и совершенствовал себя во всем прекрасном и благородном, что, можно сказать, одухотворяет жизнь красотой. Ведь без увещевания

[1] Для данного перевода было использовано следующее издание древнегреческого текста: *Protrepticus*, ed. H. Pistelli (Teubner, Leipzig 1888; Stuttgart 1967).

невозможно испытывать искреннее стремление к прекрасным и благородным занятиям. Иначе говоря, если мы изначально не подготовим чью-то душу через увещевание, мы никого не сможем предрасположить к наивысшему и совершенному добру. Душа, по мере своего продвижения, возвышается ко все бóльшим достижениям и, познавая постепенно все прекрасные истины, откроет для себя самое великое благо: необходимо также, чтобы увещевание брало свое начало из общих, всем известных понятий. Благодаря такому подходу практика увещевания побудит молодую душу к философии и к самостоятельному поиску философских истин через общую научную методику, без предпочтения каких-либо философских течений: напротив, все эти течения будут использованы с одинаковым почтением, учитывая их несомненно общую положительную увещевательную функцию для непосвященной души. После этой начальной фазы следует использовать смешанную методику, которая предназначена для тех, кто уже освоил основы философского мышления, но еще не разбирается в свойствах пифагорейского учения. При этом важно, чтобы эта методика не сильно отличалась как от общего подхода, так и от специфических черт пифагорейской школы. Таким образом, мы сможем разработать общее увещевание к самой философии как дисциплине, временно отделив его от увещевательных концепций самого Пифагора. В то же время мы аккуратно будем дополнять общее начальное увещевание главнейшими высказываниями пифагорейских философов: в силу этого особенного подхода ученику станут ближе и речь, и мышление <8> пифагорейцев. Потом, следуя правильному порядку, мы плавно и незаметно будем отказываться от всех экзотерических понятий и начнем использовать все более компетентно и четко специфические термины, свойственные одной пифагорейской школе, для того чтобы они стали привычнее для ученика. Одним словом, мы начнем с самого простого и закончим самым сложным, как будто продвига-

емся по мосту или поднимаемся по лестнице[2]. В конце нашего изложения мы приведем увещевательные концепции, разработанные сугубо пифагорейской школой: подобные концепции не свойственны остальным философским течениям и скрыты от них.

2. Итак, начнем с самого простого, т. е. с самого явного и видимого для всех. Явное и видимое не требует больших теоретических знаний в совершенствовании добродетели и пробуждает наше рвение через всеобщие понятия о ней, основывающиеся на изречениях, знакомых большинству людей. Эти изречения как бы перекликаются с недвусмысленными подсказками повседневной действительности, и можно передать их суть примерно так: поскольку мы живем благодаря душе, то отсюда следует, что живем хорошо — только если наша душа чиста и не осквернена[3]. Точно так же, поскольку мы видим только благодаря глазам, из этого следует, что мы можем хорошо видеть, только если глаза совершенно здоровы. Не обольщайтесь: ржавчина совершенно беспомощна в отношении золота, так же как и порок — в отношении добродетели. Нужно вступить решительно на стезю добродетели, как будто мы вошли в неоскверняемый храм, <9> при этом мы не должны поддаться ни одному позорному для души виду неумеренности. Нужно полагаться на добродетель — как на верную жену, а судьбу — наоборот, воспринимать как легкомысленную подругу. Лучше нищая добродетель, чем порочное богатство, да и здоровая умеренность лучше, чем омраченная недугами неумеренность. Обилие пищи пагубно для тех, кто болеет телом, а обилие роскоши пагубно для тех, кто болеет душой[4]. Так же опасно отдать меч безумцу и власть — коварному человеку. Если

[2] См. *Никомахова Арифметика*, I. 3, 6.

[3] См. *Фрагменты Греческих Философов*, I. 492 (Mullach).

[4] См. *Греческие Комедиографы*, IV. 252 (Mein).

рана гноится, лучше ее прижечь, чем оставить в прежнем состоянии; точно так же и для коварного человека лучше умереть, чем жить. Нужно насладиться, насколько это возможно, созерцательной жизнью, одухотворенной мудростью, как если бы она была амброзией и сладким нектаром, потому что от нее мы получаем чистое удовольствие и ее божественная природа способна сделать нас великодушными и, возможно, даже вечными, поскольку она нам действительно передает познание о вечных истинах. Если телесные чувства, исправно выполняющие свои функции, — это хорошо, то мудрость[5] еще лучше, потому что она является как бы шестым чувством нашего практического разума: под надзором мудрости телесные чувства нас не обманут, и мы сами не обманемся, когда предусматриваем последствия своих действий. <10> И мы будем чтить божество должным образом, если сохраним наш разум чистым от всякого непотребства, как от гибельной заразы. Нам нужно украшать видимые храмы жертвоприношениями, а душу нашу — математическими науками. В то же время, нужно сначала приобщить незрелые души к меньшим таинствам и только потом — к высшим. Нужно сначала учеников воспитывать нравственно, а потом только преподавать им философию. Земля плодоносит каждый год, а философия — каждый миг. И как обязаны позаботиться о земле именно те, кому досталась самая плодородная, так же и те, кто облагорожен самой лучшей душой, обязаны с особенной тщательностью позаботиться о ней, чтобы душа принесла достойные для своей природы плоды.

---

[5] В оригинале: «φρόνησις». Для обозначения мудрости, т. е. самого главного блага, даруемого философией, Ямвлих использует то «φρόνησις» (редко), то «σοφία» (гораздо чаще). Для того, чтобы сохранить концептуальное единство терминологии, применимой в данном произведении, я решил переводить оба термина как «мудрость». Первоначальное значение «φρόνησις» (разум, благоразумие, мышление, рассудительность) было соблюдено в описании разума Сущих.

Подобные изречения, основывающиеся на очевидных явлениях, и являются общим увещеванием к философии.

3. Существует еще один вид увещевания, в котором применяются изречения. Однако в нем образы, навеянные изречениями, не приводятся в качестве поучительных притч, поскольку они переданы либо в стихах, либо в музыке. Такой вид увещевания является поистине пифагорейским, и мы им владеем, между прочим, благодаря тому, что осваивали его в *Золотых Стихах*. Из этих *Стихов* следует процитировать следующие: «Трудись над этими свершениями, претвори их в жизнь, ты должен их полюбить: они тебя направят на путь к божественной добродетели»[6]. Этими словами Пифагор увещевал ко всему прекрасному в науке и в математических занятиях, считая, что не стоит ни жалеть себя, ни пренебрегать познавательными усилиями. Пифагор воодушевлял любовью и страстным влечением к прекрасному и <11> отождествлял такое влечение, такую любовь с самосовершенствованием в добродетели. Но не любой добродетели, а именно той, которая отдаляет нас от всего человеческого и приближает к божественному, к познанию и достижению поистине божественной премудрости. Действительно, Пифагор нас увещевает к созерцательному совершенству следующими словами: «Как только ты достигнешь этих свершений, познаешь суть бессмертных богов и смертных людей. Т. е. ты познаешь, где бессмертная природа и смертная плоть свободно развиваются и где, наоборот, они стеснены; к тому же ты познаешь (насколько тебе это позволено), что природа пребывает всегда одной и той же, поэтому ты не можешь надеяться на то, на что нельзя надеяться, но в то же время ничто не остается недоступным твоему уму»[7]. Итак, нет ничего чудеснее для тех,

[6] *Золотые Стихи*, 45–46.

[7] *Золотые Стихи*, 49–53.

кто (благодаря своей сущности) в состоянии чисто устремиться к созерцательной философии, потому что познание богов[8] — это совершенство добродетели, мудрости[9] и счастья, уподобляющее нас самим богам. В то же время верное знание всего человеческого наделяет нас человеческими добродетелями, обогащает опытом в повседневных делах, помогает различать пользу и вред, исходящие из таких дел, оберегает от неприятного и предоставляет необходимое для смертной жизни. Одним словом, верное знание всего человеческого учит нас — словами и делами — тому, что составляет всю нашу человеческую жизнь. Однако подобное знание учит нас и чему-то еще более важному: мы видим, как свободно и без лишней тревоги развивается каждая сторона нашей жизни, какие зачатки у нее самые лучшие и как эти зачатки, к сожалению, замедляются в росте и стеснены материальными узами до такой степени, что становится невозможно избавиться от этих уз и снова стать свободными.

<12> Изречение, последовавшее за предыдущим, заключается в увещевании к изучению законов природы и к тщательнейшему созерцанию неба. У последнего — вечно неизменная природа, потому что оно вращается всегда одинаково, вечно тождественным движением[10]. Желающий изучить закономерность небесного вращения не ожидает непредвиденных явлений и — именно благодаря неизменности вселенских законов — не остается в неведении о том, что должно произойти с ним.

Изречения же, последовавшие за предыдущим, являются наставлениями, вызванными тем образом жизни, который мы ведем. Например: «Ты познаешь, что на долю несчастных выпадают только те несчастья, которые они сами навлекли на себя своими решениями и жизненным выбо-

[8] См. *Жизнь Пифагора,* 89. 14 (Nauck).

[9] В оригинале: «σοφία». В дальнейшем Ямвлих определяет «мудрость» почти исключительно как «σοφία».

[10] Ср. Платон, *Теэтет,* 153c.

ром»[11]. Ведь если люди являются первопричиной собственных поступков, то, соответственно, они обладают и способностью, заложенной в них самих, выбрать добро и держаться дальше от зла: те, кто не пользуется этой способностью, недостойны благ, данных им природой. Это изречение означает только одно: мы сами выбираем нашу судьбу, мы сами являемся своей судьбой и своим роком, мы сами — и только мы сами — творцы своего счастья. Эти заключения нас увещевают к достижению одного только прекрасного и доказывают нам, что ценность прекрасного заключается как раз в том, что мы его выбираем само по себе, без каких бы то ни было задних целей.

Более или менее близко к предыдущему рассуждению и следующее изречение: <13> «Те, кто слеп и глух к благам, когда блага близки, редко знают, как избавиться от несчастья»[12]. Осознание того, что блага близки и неразрывно соприродны душе каждого из нас, потому что они нам естественно принадлежат, вызывает мощное желание стремиться к ним[13]. Осознание же слепоты и глухоты, с одной стороны, и замутнение разума чувственным миром, с другой, так же действенно нас увещевает к умозрительной жизни, где как бы один только разум наблюдает за тем, что нас окружает, и прислушивается к нему. Кроме того избавление от несчастья, которого только немногие в силах добиться, нас увещевает отказаться от тела и жить жизнью души, сосредоточенной в себе, что мы называем «созерцанием смерти»[14].

Последовательно продвигаясь в нашем изложении, напомним еще один вид увещевания, основанный на отвращении к порочным. Ведь недопустимо, чтобы «порочные, хоть

[11] *Золотые Стихи*, 54.

[12] *Золотые Стихи*, 55–56.

[13] Ср. Эпихарм, I. 144 (Mullach), 255–256 (Lorenz); *Жизнь Пифагора*, 158. 16 и следующие.

[14] Ср. Платон, *Федон*, 67d.

и обремененные всевозможными несчастьями, свободно ходили по земле»[15], подобно цилиндрическим телам. Порочность порождает насилие, безрассудность, стихийное, хаотическое движение и, в частности, полное отсутствие соразмерных граней, чего следует во что бы то ни стало избегать.

Но давайте рассмотрим следующее изречение: «Как коварный спутник, поражает нас в спину врожденное чувство соперничества. Мы не должны способствовать его развитию, но должны сторониться его, уступая ему дорогу»[16]. <14> Изречение указывает на двойную природу человека, так же как и на инородного зверя, которого Природа связала с нами с рождения и которого некоторые называют многоглавым чудовищем[17], а другие — неким видом смертного существа или порождающим началом. Однако тут Пифагор назвал чувство соперничества «врожденным» не потому, что оно занимает в нашей жизни то же самое место, что и самые сокровенные стороны нашего естества, а потому, что чувство соперничества — именно тот спутник, который был приставлен к самой благородной части нашей природы. Пифагор нам велит сторониться этого спутника, ибо мы должны заменить его своей умозрительной деятельностью, которая надежна и умиротворена: вместо того чтобы поразить, она соприродна с Благом, и вместо того чтобы толкать нас к гибели, является основой для спасения, отстраняясь от зыбкой яви видимой реальности — как от чего-то чуждого, и принимая первичную и совершенную реальность, от которой — все и в которой — все. Поэтому необходимо обуздать, насколько это возможно, спутника и питать как можно больше душу. Таким образом увещевание к умозрительной жизни окажется предельно действенным.

---

[15] *Золотые стихи*, 58.

[16] *Золотые Стихи*, 59–60.

[17] Платон. *Государство*, IX. 588с.

К божественному совершенству и непреклонной собранности в подражании богам нас увещевает следующее изречение: «О, Зевс, ты нас всех освободишь от многих бед, если укажешь на даймона, которого нам следует выбрать. Но ты дерзай, ибо божественен род человеческий»[18]. <15> В этих словах мы слышим, в первую очередь, увещевание к богоподобному счастью, которое является наилучшим, поскольку сопровождается молитвами и взыванием к богам (и, в частности, к Зевсу — их Царю). Во-вторых, Пифагор явно намекает на благого даймона, которого боги предоставили нам по воле судьбы, и на помощь, которую этот даймон оказывает нам при нашем новом восхождении к богам. Мы сможем снова вернуться к самому божественному и важному источнику нашего естества только через этого даймона, который является нашим путеводителем и обязан по-настоящему очистить искренне любящего богов. Благодаря сокровенным наставлениям даймона мы сначала избавимся от бед, которые сопряжены с нами в результате рождения, затем нам будет разрешено познать божественное и блаженное бытие — насколько оно велико, и в чем заключается его суть: возвышаясь через это осознание, мы увидим первоначальную и божественную природу человека и, облекаясь в нее, овладеем целью самой счастливой жизни, которая была когда-либо дозволена богами людям.

Впоследствии Пифагор увещевает душу устремиться ввысь — к тому, чтобы жить свойственной только ей, самодостаточной жизнью, под действием которой она отдаляется от тела и от тех материальных условий, от которого тело зависит. Вот что Пифагор изрек: «Пользуйся, как возницей, наиглавнейшим разумом, нисходящим свыше, и если возвысишься к свободе эфира, покинув тело, то станешь бессмертным, как любой из богов; ты больше не будешь

---

[18] *Золотые Стихи*. 61–63.

смертным»[19]. Высший разум является как бы путеводителем к недосягаемым вершинам бытия, обеспечивает и сохраняет соприродность <16> нашей души с богами.

Вот: первое увещевание направлено именно на осознание этой соприродности! Уход же из тела, устремление к божественным высям, переход человеческой души к чистому естеству богов и выбор бессмертной жизни в ущерб смертной — все это возвращает душе ее божественную природу и глубоко преображает ее рядом с богами, заново восстанавливая нас в том состоянии, в каком мы были до нашего появления на земле в человеческом теле.

Несомненно, подобные увещевания в виде изречений нас подталкивают ко всевозможным благам и высшей жизни.

4. Если, теперь, нам нужно действительно приняться за эзотерические и научные увещевания, то в первую очередь следует рассмотреть те из них, которые объясняют суть незыблемых основ бытия и, поэтому, подталкивают к их открытию, умозрительному осмыслению и, в конечном итоге, к высшей мудрости. Архит (в самом начале своего сочинения *О Мудрости*) озвучивает следующее увещевание: «Мудрость отличается от всех остальных человеческих знаний — подобно тому, как зрение отличается от всех остальных чувств; и отвлеченный разум отличается от души — подобно тому, как Солнце отличается от всех остальных светил. Из всех чувств именно зрение достигает самых отдаленных предметов и является самым многоцелевым: таким же образом отвлеченный разум несравненно выше дискурсивного в исполнении своих задач и заключает в себе представление и живительную силу самых драгоценных начал. В свою очередь, Солнце — глаз и душа всего живущего: <17> все живущее зачато, рождается и доступно зрению именно благодаря Солнцу, и после его появления и окончательного внедрения

[19] *Золотые Стихи*, 69–71.

в мир питается, растет и подвергается воздействию чувств опять же благодаря Солнцу»[20]. Применяя совершенно научный подход, Архит показывает природу и сферы действия мудрости. Исходя из того, что мудрость совершенно необходима всему живущему и только она может достойно управлять мироустройством, Архит увещевает нас к созерцанию и отвлеченному разуму. В качестве увещевательного аргумента приводится еще одно прекрасное благо: действуя через знакомые нам эмпирические явления, благоразумие пробуждает память о высшем мире посредством явных созвучий между земным и божественным измерениями. Ведь всем известно, что — из всех наших чувств — зрение является самым острым, точным и ценным. Так же известно всем, что Солнце — выше всех остальных светил; и мы уже причислили к общим концептуальным истинам то, что ум занимает главенствующее положение по отношению к душе. Из этого явно и достоверно вытекает, что мудрость отличается от всех остальных человеческих добродетелей настолько, что это легко поймут те, кто сумел разглядеть истины, которые скрываются в мире невидимом.

На основе только что приведенных многочисленных рассуждений мы учим правильно постигать суть мудрости и увещеваем к этому непросвещенных.

Иначе говоря, Архит подразумевал следующее: если зрение достигает даже самых отдаленных предметов лучше остальных чувств и является универсальнее их, то и мудрость воспринимает предметно и как бы близко самые отдаленные от видимого мира истины и заключает в себе прообразы всех начал.

Кроме того, Архит указывал на то, что ум [созерцательный], будучи выше дискурсивного и житейского, лучше исполняет свои задачи и является представлением и живительной силой самых ценных начал; и мудрость— так же

[20] *Фрагменты Архита*, I. 558 (Mullach).

<18> выше дискурсивного и житейского разума и созерцает все начала чище и непосредственнее, чем эмпирический разум, оценивает самостоятельно блага и осуществляет их в себе, является прообразом умопостигаемых начал и живительной силой, наполняющей собой самые божественные и совершенные действия; также, согласно Архиту, если Солнце является оком и душой всего природного (все природное доступно зрению, размножается и зачато через Солнце, и благодаря Солнцу же питается, растет и живет чувствами после зачатия и зарождения), то отсюда вытекает, что мудрость является как бы оком и живительным источником умопостигаемых сущностей, позволяет созерцать их, так же как и существовать всему остальному. Поэтому мудрость является основным началом всего творения, первоначального мирозачатия и порядка, на котором основана вселенная, и, следовательно, сущности, присутствующей в нас самих. Неужели такая великая первопричина, предлагающая такие чудесные блага, недостойна тщательнейшего изучения с нашей стороны? Ведь мы желаем приобщиться к самому великому счастью!

Таков путь, ведущий от осознания ценности мудрости — к увещеванию.

А другой путь ведет от осознания природы человеческой к упоминанию о необходимости самого увещевания через то, что Архит изложил следующими словами: «Из всех живущих существ самым мудрым является человек, потому что он в состоянии созерцать [истинно] сущих (ἐντι τὰ ἐόντα) и постигать мудрые знания обо всех них. Поэтому божественный промысел вложил в человека все строение ума, в котором распределены все прообразы бытия <19> и сокровенный смысл всех определений и всех понятий. Неслучайно человек был наделен глоткой, устами и ноздрями: это было для того, чтобы он мог произносить слова. Как была предоставлена человеку возможность внятно издавать голосовые звуки, через которые наполняются смыслом определения

и понятия, воплощенные в этих звуках, так и способность изобразить мысли, видимо зарождающиеся в [истинно] сущих. То, из чего был создан и состоит человек, мне кажется осуществлением мудрости. Таким же осуществлением мудрости мне кажутся органы и способности, которыми был наделен человек Богом». Таков путь к увещеванию, который берет свое начало из осознания природы человеческой.

Если же человек — самое мудрое из всех животных, ибо он даже в силах созерцать [истинно] сущих, то необходимо, чтобы он устремился к созерцательному и умозрительному совершенству. Если, к тому же, соответствует правде то, что человек, по своей природе, способен достичь знаний и мудрости во всем, — то необходимо, чтобы он устремился и к аподиктическим наукам, и к добродетели мудрости[21], в высшей степени ему подобающей. Именно из-за этого божество вложило в человека всю широту разума, в котором пребывают все виды существ и сокровенный смысл всех определений и всех понятий; вследствие этого человек должен олицетворять собой всю разумность философии, потому что он является не безвольным средством для озвучивания простым [чувственным] голосом слов, но умопостигаемым вместилищем самой мысли, пребывающей в [истинно] сущих <20>: для этой цели он был создан и получил от божества и речевые органы, и мыслительные способности. Поэтому — еще по поводу бытия как такового — необходимо, чтобы человек стремился к созерцательной мудрости и научно установил начала и критерии любого знания, относящегося ко всем видам существ; еще необходимо, чтобы человек исследовал суть ума, в себе заключенную, и ум в его самом чистом проявлении: все начала, которые предоставлены умом для достижения прекрасного и благого в человеческой жизни, все то, что обычно мы относим к добродетели, все математические науки и еще несколько других

[21] Тут в оригинале для обозначения слова «мудрость» применяется «φρόνησις».

навыков и ремесел — словом, все перечисленное должно быть тщательно изучено. В том, что мы только что сказали, заключается увещевание к философии в целом, когда мы основываемся на природе человеческой.

Архит дальше объясняет, как можно пройти еще иным путем, который, хоть и является смешанным, увещевает к достижению того же самого: «Человек был явлен к свету и так создан, чтобы созерцать разум природы вселенной; цель мудрости — постичь и созерцать разум сущих». Говоря, в данном случае, о «смешанном» пути, мы имеем в виду следующее: Архит смешал общую природу животных с природой самого человека, как будто эти природы совместимы. Ведь если, с одной стороны, человеческий разум в состоянии созерцать изнутри разум вселенской природы и, с другой, мудрость постигает и созерцает сознание сущих, то этим одновременно доказано согласие между разумом отдельного человека (τῆς μεριστῆς τοῦ λόγου) и умопостигаемой природой вселенной. В то же самое время от этого последнего доказательства и увещевание становится совершеннее. <21> Ведь мы не жили бы согласно законам природы — к чему мы все особенно стремимся, — если не жили бы и божественным, и человеческим разумом; и не достигли бы полного счастья, если бы не постигали и не созерцали через философию сознание [истинно] сущих. На самом деле в последнем изречении Архита нужно углядеть, скорее всего, двоякую цель: он пытается увещевать одновременно и к практической, и к созерцательной философии. Достижение мудрости — дело не только созерцательной, но и практической добродетели, чья конечная цель заключается не только в том, чтобы созерцать добро в его теоретической чистоте, но и претворить его в жизнь через конкретные действия, в то время как созерцание — акт только созерцающего ума. Увещевание Архита на самом деле направлено на обе цели.

Но поскольку польза от мудрости очевиднее, когда она повсеместна и распространяется на все аспекты бытия, то

и увещевание к этому благу становится совершеннее благодаря следующим словам Архита: «Мудрость не касается только какого-то определенного сущего, но их всех, вместе взятых, и она должна раскрыть, в первую очередь, не свои собственные начала, но те начала, которые свойственны всем сущим; таким образом, мудрость относится к сущим так же, как зрение относится ко всем видимым явлениям. Свойственно благоразумию лицезреть и созерцать качества любого явления в общем, именно поэтому оно и в состоянии раскрыть начала всех сущих». В этом отрывке Архит в очередной раз напоминает, что деятельность мудрости направлена не на некие отдельные аспекты бытия, <22> но на все бытие в его совокупности, и утверждает, что мудрость изучает общие начала вселенной и созерцает их в соответствии с их видами и посредством простейшей, врожденной интуиции — именно так, как и зрение врожденным интуитивным умением улавливает все видимое. Кроме того Архит утверждает, что мудрость не только созерцает и осмысливает универсальные математические отношения, объединяющие всю вселенную, но и заключает их в себе: это — цельная и интуитивная, не нуждающаяся в доказательствах наука, поскольку она раскрывает начала всех сущих и может предоставить обоснования своих собственных начал.

Стало быть, увещевательный путь завершается на прекрасном достижении: если невозможно достичь через доказательства более универсального, совершенного, вселенского, самодостаточного, соприродного благу, или лучшей мудрости, — то именно к такой мудрости должны стремиться те, кто жаждет счастья, основанного на рассудке и уме (κατὰ λόγον καὶ νοῦν ευδαιμονεῖν).

Тут увещевание Архита достигает высшего концептуального напряжения. Его слова звучат примерно так: «Кто сумел бы умозрительно свести (ἀναλῦσαι) все виды сущих к одному виду и одному началу и заново их воссоздать по отдельности и перераспределить, тот, на мой взгляд, является

самым мудрым и правдивым из всех. Именно такой человек приобрел отличную точку обзора, с которой он сможет созерцать божество и весь устроенный им порядок мироздания. Мудрец проложает этот путь <23> умом и прямо устремляется по нему: он соединил начальные точки этого логического пространства с конечными и понял, что божество — начало, конец и середина всего того, что завершается в соответствии со справедливостью и мудростью».

Отсюда ясно, что этими словами Архит передал самую высшую цель, преследуемую увещеванием к познанию божества: нужно не останавливаться на многочисленных началах и разрозненных видах бытия, а свести их к единому всеобъемлющему началу. Затем, исходя из этого единого начала и деля на определенное число (κατὰ ἀριθμὸν ὡρισμένον), наблюдать, какие вторичные начала ближе всех к Единому и какие, наоборот, постепенно все больше отдаляются от Него, пока мы не сможем исчислить количественно то, что уже является смешанным и составленным из многочисленных разнородных начал. Мы видим, что мудрец, проложивший такой путь, оказался в состоянии подняться от многочисленных начал к Единому и, в обратном порядке, заново спуститься из Единого начала к многочисленным. Поскольку мы стремимся к самому высшему проявлению истины и мудрости, и поскольку Архит увещевает именно к таким знаниям, то — согласно учению последнего — самым совершенным и близким к истине мудрецом является тот, кто обладает знаниями, по которым делятся первые виды и категории сущих, и может свести эти виды и категории к Единому посредством точной науки и созерцать самое Единое Начало, являющееся конечной целью любого созерцания. Но тарентский философ добавляет к вышесказанному еще одно более великое благо: умение наблюдать божество и все, что находится в его мироздании, исходя из всего, что мы только что изложили. Ведь если божество верховенствует над каждой истиной, над каждым счастьем, над каждой

сущностью и причиной и, в конце концов, над каждым началом, — то мы должны сделать так <24>, чтобы в первую очередь обладать знанием о Нем, ибо через такое знание мы будем в состоянии созерцать Его во всей чистоте и открыть во всем его величии тот путь, который ведет к Нему: конечные точки смогут быть соединены с начальными.

Жизнь и счастье, основанные на таком знании, — самые совершенные, потому что они больше не различают по отдельности начальное и конечное, но собирают оба воедино и содержат в себе начало, конец и середину. Такова божественная первопричина, на которую должны полагаться те, кто собирается стать счастливым. Именно таким образом увещевание, проникая во все, что находится внутри нас и в природе, переходя, так сказать, через все сферы творения, объединяет в себе все пути и сводит их к одной единственной стезе, ведущей к Богу.

5. Кроме того, в увещевательных целях необходимо использовать также и пифагорейские разделения. Придерживаясь учения Пифагора, философы его школы тщательно и очень точно — и отличным от всех остальных школ способом — делили увещевательные речи к философии на специфические части. От такого деления увещевательные речи тонко и глубинно обосновывались и получали еще бóльшую убедительность благодаря совершенно научным доказательствам, которые не допускали какой-либо непоследовательности. Эти доказательства заключаются в следующем:

Все мы, люди, желаем быть счастливым, но это возможно, только если мы будем обладать многими благами. Блага иногда относятся к телу (для этого достаточно, чтобы у него были гармоничное телосложение и выносливость), иногда чужды ему (знатность, власть и почести, добытые на родине)[22]; <25> еще иные блага относятся к душе (умерен-

[22] См. Платон. *Евтидем*, 278e–289b.

ность, справедливость, отвага и, особенно, мудрость). Наряду с этими благами играет не последнюю роль и удачный исход наших правильных действий — неважно, зависит ли этот исход от мудрости или от некой благопоспешествующей силы, присутствующей в этих действиях. Однако наличие таких благ не делает нас сразу счастливыми, если они бесполезны: дело в том, что они не имеют для нас ровно никакой пользы, если мы ими обладаем, но не пользуемся. Ни одно принадлежащее нам благо не полезно, если мы им обладаем, но не пользуемся. Следовательно, никто, обладающий богатствами вместе с теми благами, о которых говорим, не был бы счастливым от одного обладания, если, на самом деле, он этими богатствами не стал бы пользоваться. Поэтому необходимо, чтобы человек, который собирается стать счастливым, не только обладал благами, но и пользовался ими: иначе факт обладания был бы бессмысленным. Но и их простое использование — недостаточная основа для счастья. Нужно еще правильно их использовать, потому что неправильное использование каких-то благ даже хуже, чем отказ от их использования: от неправильного использования мы получили бы зло, а вот от отсутствия какого бы то ни было применения мы просто не получили бы ничего. В любом использовании и в действиях, предполагаемых актом использования, только наука предоставляет нам знания для правильного применения какого-то блага. Иначе говоря, в том, что касается применения тех благ, о которых сказано выше (богатство, здоровье и красота), только наука ведет нас к правильному использованию этих благ и указывает нам на правильные действия, которые нужно предпринимать. Поэтому не только удачный исход, но и правильные действия отождествляются с наукой: каждый раз, как мы желаем правильно применить к жизни какое-то благо, принадлежащее нам, именно она предоставляет ключ к его настоящему обладанию, и не бывает полезного блага без благоразумия и мудрости. В самом деле: зачем обладать мно-

гими благами <26> и много действовать, вместо того чтобы пребывать в бездействии, обладая разумом? Разве не соответствует правде то, что, производя меньше действий, мы меньше ошибаемся; меньше ошибаясь, мы меньше поступаем неправедно; и, меньше поступая неправедно, мы окажемся менее несчастными?[23] Мы должны признаться в том, что это соответствует правде. Соответствует правде также и то, что если мы присвоили себе [внешние] блага без ума, то будем совершать много неправедных действий, не обладая же ими, мы будем совершать меньше неправедных действий. Одним словом, то, что называли благом, не является благом само по себе, но зависит от следующей предпосылки: если мы получаем благо в невежестве, это благо обернется самым худшим злом, потому что оно с большей силой, чем настоящее зло, служит неразумному обладателю; если же мы благо получаем в благоразумии и мудрости, то оно поистине является благом, но само по себе оно не имеет никакой ценности в обоих случаях. На самом деле только мудрость является единственным истинным благом и только мудрость является единственным настоящим злом. Поскольку мы все желаем быть счастливыми (и мы доказали, что можем стать таковыми от использования — точнее, от правильного использования — того, что нам принадлежит) и только наука учит нас правильному использованию и счастью, то, выходит, необходимо, чтобы каждый человек изо всех сил стремился к тому, чтобы быть как можно мудрее, потому что только достижение мудрости обеспечивает человека счастьем и удачей. Необходимо культивировать философию, если мы хотим быть счастливыми: философия — это стремление к науке и обладание ею.

Под наукой имеем в виду не ту, которая в силах предоставить лишь так называемые блага или учит тому, как их добывать, но не показывает, как правильно ими пользоваться.

---

[23] Ср. *Фрагменты Трагедий Неизвестных Авторов*, 259 (Nauck).

Нет, нужна такая наука, которая сумела бы совместно <27> предоставить и блага, и умение правильно ими пользоваться. Из всех видов наук некоторые нас учат тому, как добывать блага, и как бы готовят нас к их присвоению, но только совершенная справедливость и мудрость подсказывают правильное применение для каждого блага и неразрывно связывают это применение с главенствующим разумом: поэтому нужно придерживаться справедливости. Ибо последняя имеет в себе способность созерцать и судить и обладает нужными принципами для правильного применения благ. Ведь если мы научимся правильно их применять, мы сможем провести остаток нашей жизни в полном счастье[24]. Таков увещевательный путь, берущий свое начало от первого деления.

Но пифагорейцы проводят еще одно разделение: в нашем естестве, одно — тело, а совсем другое — душа. Последняя управляет первым, которое устроено так, чтобы душа им пользовалась. У души — божественная и благая природа: она нам свойственна прежде всего; а тело создано по-другому — как нечто служебное: и действительно, оно служит общим нашим потребностям в человеческой жизни. Итак, нужно более заботиться о том, что управляет, нежели о том, что подчиняется управлению; и, тем более, нужно отдать предпочтение скорее божественному и свойственному нам, чем низшему началу, олицетворенному телом.

Следующее разделение почти тождественно предыдущему. Всё, из чего мы составлены, делится на три элемента: душа, тело и то, что принадлежит телу; из последнего одни предметы имеют первостепенное значение, другие — второстепенное, иные же — третьестепенное. В первую очередь <28> нужно уделить внимание душе, да и обо всем остальном нужно заботиться с оглядкой на душу: нужно заботиться о теле так, чтобы и эта забота подтвердила первенство

[24] См. Платон. *Евтидем*, 293а.

души. Нужно приобретать богатства через тело, но ими следует распоряжаться — всегда имея в виду первенство души и ее мыслительных способностей, управляющих этими богатствами. Если это именно так, то неразумно поступают те, кто направляет все свои заботы на стяжание богатств[25], но не уделяет никакого внимания справедливости, благодаря которой мы можем правильно пользоваться богатствами. Так же неразумно поступают те, кто думает только о земной жизни и о здоровье тела, но пренебрегает правильным применением и жизни, и здоровья; или увлекающиеся тем видом воспитания, через которое они никогда не приобретут истинную дружбу, и пренебрегающие именно той наукой, которой ве́домы основы согласия и единодушия и которая достигает наилучшего результата только благодаря философии; или же те, кто действует — не понимая, как следует правильно поступать.

Пользуясь еще одной предпосылкой, пифагорейцы проводят следующее разделение: необходимо четко отделить нашу сокровенную суть от того, что нам свойственно, и от того, что нам принадлежит. Итак, сокровенная суть каждого из нас — это душа; свойственное каждому из нас — это тело и то, что принадлежит телу; а то, что принадлежит нам, — это богатство, т. е. то, что мы приобретаем ради тела. В соответствии с этим тремя уровнями и наука бывает трехуровневой. Тот, кому ве́домо телесное, знает то, что ему принадлежит, но не самого себя. <29> Отсюда вытекает, что врачи, как врачи, не знают самих себя [а если знают, то знают как философы], и педотрибы[26], в качестве педотрибов, не знают себя. Даже те, кому только приблизительно ведома сфера телесных знаний для простой заботы о теле (например, земледельцы или ремесленники), очень нуждаются в

[25] См. Платон. *Клитофон*, 407b.

[26] Учителя гимнастики в широком смысле этого слова: и бега, и кулачного боя — и всего того, что способствует телесному совершенству атлета. — *Примеч. ред.*

том, чтобы познать самих себя, потому что о себе они ничего не знают. Именно из-за этого ремёсла, основанные на физических науках, кажутся презренными и простыми. Только в познании души заключается истинная мудрость, и только в этом познании заключается наша добродетель, которая и облагораживает душу. К такому познанию должны стремиться те, кто хочет так устроить свою жизнь, чтобы она соответствовала нашей сокровенной сути, и стать прекрасными и благородными: таким образом, эти люди принимают решение по-настоящему заботиться о себе[27].

С только что приведенными соображениями тесно связано и следующее рассуждение: из благ, которыми мы обладаем, душа является — после богов — наивысшим и соприродным; и все блага для нас бывают двух видов: высшие и лучшие, которые верховенствуют, и низшие и худшие, которые подчиняются. Верховенствующи́е блага должны пользоваться бо́льшим почетом, чем подчиняющиеся блага. В свете сказанного, среди всех остальных благ, за исключением богов, именно душа должна пользоваться наибольшим почетом. Те, кто из высшего блага превращает ее в низшее, не проявляют к ней должного уважения, так же как не проявляют должного уважения ни те, кто ее омрачает злом и раскаянием, ни те, кто избегает, при испытании, трудов, страха, страданий и боли (поскольку не считают душу достаточно ценной, чтобы ущемить тело ради нее) или смерти (поскольку не выдержали бы уход души и самой жизни из тела), ни, тем более, те, кто предпочитает добродетели <30> красоту телесную и богатство (поскольку своим предпочтением доказывают, что душа, хоть и высшая ценность, для них ниже низших)[28]. Стало быть, для ду́ши может быть только один вид истинного почтения: жить в соответствии с разумом, хранить совершенство души в соответствии с

---

[27] См. Платон. *Алкивиад*, I. 130е и следующие.

[28] См. Платон. *Законы*, V. 726–728а.

мудростью, подчиниться самым лучшим примерам, сделать так, чтобы низшие блага (или, по крайней мере, те блага, которые можно усовершенствовать) были действительно ниже высших, сторониться зла, искать и выбрать лучшее во всем и, утвердившись в этом выборе, остаться ему верными до конца жизни. Все перечисленное — не что иное, как правильно философствовать, так что любой, желающий стать счастливым, должен предаться философии.

Наконец, мы сможем прийти к такому же заключению, исходя из другого разделения. В нас существуют три вида души: через первый вид мы думаем, через второй отдаемся порывам, через третий отдаемся желаниям. Каждый вид души обладает собственным движением: тот душевный вид, который наиболее вял и дремлет, становится неизбежно самым слабым, в то время как вид, который закаляет себя и развивается, становится самым мощным. Поэтому нужно внимательно следить за тем, чтобы эти разные виды души развивались так, чтобы не нарушилась гармония. В частности, нужно в высшей степени закалять именно преобладающий вид души (тот, который предназначен для мышления): божество каждому из нас предоставило эту душу как доброжелательную защитницу, она нас возвышает от земли к небесному жилищу, поскольку мы не земные создания, а небесные. Ведь те, кто приложил все свои усилия к вожделению и плотскому соперничеству и постоянно эти порывы развивает, сделали разум свой смертным; и, если подобная участь действительно возможна, они не далеки уже от того исхода, когда сами станут бесповоротно смертными, поскольку непомерно вскормили именно смертную сторону своей души; <31> напротив, те, кто всецело развивал любовь к сокровенным знаниям и помыслам об истине и тщательнейшим образом усовершенствовал все это, обязательно должны каким-то образом унаследовать бессмертные и божественные мысли, как только приобщатся к истине; они будут очень близки к бессмертию, насколько дано

человеческой природе принимать участие в нем. Ибо такие люди никогда не преминут радеть о божественном и, имея рядом с собой благого даймона, сосуществующего с ними в великой гармонии, они наслаждаются непомерным счастьем. Забота, которую каждый из нас должен проявить ко всем видам души, заключается в том, чтобы предоставить каждому виду полагающееся ему «питание» и приличествующее развитие: впрочем, соприродны с божественным, которое пребывает в нас, гармоничные и круговые движения вселенной. Соразмеряясь с такими движениями, каждый из нас обязан исправить циклические движения, которые в нашем разуме искажены вследствие линейности чередования перерождений: это возможно через наблюдение и изучение гармонии и круговых движений вселенной. Наблюдающий уподобится наблюдаемому благодаря нашей изначальной природе и, уподобившись, достигнет того совершенства, которое боги предложили людям для настоящего и для будущего времени[29]. Не приносит никакой пользы подкреплять, вскормив его, многоликого зверя, в нас живущего, т. е. вожделение, так же как не подобает кормить и подкреплять льва, в нас живущего, т. е. неразумные порывы и всё, что с ними связано, в то же время моря голодом и ослабляя человека, т. е. разумное начало, так — чтобы, в итоге, последний был унесен туда, куда бы ни захотели и вожделение, и порывы (их, кстати, нельзя объединить и таким образом укрепить их связь). Совсем напротив: необходимо уподобить божественному началу именно человека, являющегося внутри нас укротителем многоголового зверя: <32> так — чтобы мы смогли умеренно кормить и обуздать усмиренные образы наших вожделений и предельно ограничить влияние диких желаний. Мы можем этого достигнуть, только подчиняя душу порыва душе разума и объединяя все вышеназванные начала под покровительством челове-

[29] См. Платон. *Тимей,* 89e–90d.

ка, который, таким образом, сможет их разумно развить и примирить между собой и с ним самим. Такой человек — самый лучший, а если кто является его противоположностью, то у этого последнего нет ничего здорового. В первом человеке проявляется прекрасное начало (ибо его звериная часть подчинена божественной), а во втором — исключительно уродливое, ибо кроткая часть подчинена дикой, самая лучшая природа служит низшей и самая божественная суть превращена в рабыню той сущности, которая наиболее враждебна божественному и наиболее осквернена. Таким образом, человек грешит против собственной души.

Действительно, неумеренность издревле порицается, потому что в ней вожделеющая душа предается чрезмерной вседозволенности. С другой стороны, осуждаются упрямство и строптивость, ибо у них порывы становятся неуемными и возбуждаются без всякой меры. Роскошь достойна презрения из-за расслабленности, которую она вызывает, порождая трусость. Лесть тоже, вместе с жадностью, уродует душу: порывистая душа подчинена беспокойному зверю и, запятнав себя любовью к богатству и ненасытностью зверя, с самой молодости подталкивает человека перестать быть львом и превратиться в обезьяну. Из этого явно вытекает, что гибельно на нас действуют и все остальные страсти, которые подтачивают в нас самую лучшую душу. Поэтому мы станем счастливыми, только если доверимся божественному и разумному, потому что таким образом над всеми видами нашей души будет главенствовать только одно высшее начало, которое объединит все стороны души и примирит их между собой.

<33> Еще ясно, что и закон стремится к подобному равновесию, поскольку он добивается согласия между гражданами; то же самое можно наблюдать во власти над детьми: они освобождаются от такой власти только после того, как мы установим в них, словно в городе, присутствие некоего внутреннего законодательства, и после того, как,

усовершенствовав самое лучшее, что находится в человеке, мы породим в их душе таких же надзирателя и правителя, какие сидят в нас самих. Только тогда мы освободим их от нашей опеки.

Следовательно, тот, кто обладает мудростью, будет жить так, чтобы все его усилия направились к этой цели, и превыше всего будет ценить те науки, которые сделают божественной и разумной собственную душу, презирая все остальные. Что же касается образа жизни и заботы о теле, то он будет жить не как человек, который предался животным и неразумным наслаждениям и в них увяз, но, в то же время, не будет сосредотачивать все свои мысли на здоровье и не будет посвящать все свое время увеличению силы, выносливости и красоты — скорее, он будет соблюдать все меры, ведущие к этому, с единственной целью закалить себя. Во всем остальном он будет способен придерживаться совершенного равновесия между телом и душой, если для него важно постичь тайну музыкальной гармонии мироздания. Кроме того, такой человек, приобретая богатства, не будет их накапливать до бесконечности, что всегда сулит безмерные несчастья, но, осознав потребности, продиктованные своей природой, и не нарушая их, постарается не разрушить себя полным отсутствием или чрезмерным изобилием богатств: таким образом он сможет управлять разумно своей жизнью, уменьшая или увеличивая богатства в зависимости от собственных нужд. Ту же самую цель он будет преследовать и по отношению к почестям: он будет стремиться к тем почестям, которые, на его взгляд, сделают его лучшим человеком, и будет избегать — как в общественной, так и в личной жизни — тех государственных должностей, которые смогут осквернить его[30]. Совершенно ясно, что, отказываясь от тех благ, которые ему покажутся несущественными, он будет добиваться только одного — мудрости: <34> таким

[30] См. Платон. *Государство*, IX.588e–591e.

образом, каждое его действие будет преследовать достижение полного, совершенного разума. А это — не что иное, как философствовать; так что и согласно этому последнему разделению философия является единственным, незыблемым условием для того, чтобы стать счастливыми.

К такой же цели ведет и следующее рассуждение. Вся природа — как будто она наделена разумом — ничего не совершает случайно, но в каждом ее движении виден некий расчет. Раз мы исключили случайность в деятельности природы, то данный подход предполагает, что нужно заботиться больше о цели, чем о практических науках, на которых основаны ремёсла, поскольку и эти науки подражают природе. Поскольку же человек, по естеству своему, составлен из тела и души, и поскольку душа выше тела, и низшее начало всегда подчинено высшему, — то и тело подчинено душе. Но дело в том, что у души одна половина — разумная, а другая — неразумная, она же низшая по достоинству: ибо неразумное существует ради разумного. В разумной половине находится ум, так что легко доказать, что любая составная души существует ради ума. Действие ума называется постижением: постижение является представлением умопостигаемых начал — подобно тому, как представление видимых начал является действием зрения. В свете сказанного люди должны принимать любое свое решение ради постижения и ума, если соответствует истине утверждение, что все остальное выбирается ради души, и только ум является в душе самой лучшей частью, в то время как все остальные части созданы ради того, чтобы служить этой части. Но продолжим: увещевательный подход, который мы сейчас рассматриваем, еще предполагает, что из всех мыслей, которые зарождаются в разуме, достойны свободного человека только те, которые появляются исключительно благодаря своей отвлеченной самодостаточности, в то время как достойны раба те мысли, чей процесс постижения возможен только за счет посторонних факторов; всегда выше то, что

ценно само по себе, чем то, что ценно только благодаря чему-то постороннему, поскольку и то, что свободно, выше того, что несвободно. Итак, когда мы действуем, используя разум, даже если <35> всегда ориентируемся на то, что подобает мудрости, тем не менее для самого действия мы нуждаемся в теле, и то, что мы совершаем под руководством разума, может быть подвержено какой-то случайности и ею испорчено, особенно если наши действия не могут быть до конца независимы от тела. Отсюда вытекает, что среди мыслей самыми драгоценными и нужными являются те, которые возникли ради чистого созерцания — эти мысли выше тех, которые всего лишь функциональны для достижения какой-то другой, посторонней цели; иначе говоря, мысли, возникшие ради созерцания, ценны сами по себе, и среди таковых нужно отдать предпочтение мудрости, в то время как из тех мыслей, которые касаются практических действий, ценны лишь те, которые относятся к мудрости; так что благое и ценное пребывает в созерцании по мудрости, а не — напомним — в созерцаниях, направленных на остальные сферы человеческой жизни, поскольку не каждое размышление имеет ценность как таковое, но только размышления главенствующего над вселенной и являющегося ее первопричиной начала. Именно такое созерцание можно по праву считать неотделимым от мудрости. Если у человека мы отнимем чувствительность и разум, он уподобится растению, если же мы у него отнимем только разум, он уподобится животному, но если мы у него отнимем только чувствительность и связанную с ней неразумность, он уподобится какому-то богу. Стало быть, нужно подавлять, насколько это возможно, страсти неразумной души и использовать чистые действия разума, которые относятся и к нам самим, и к божественному, и прилагать усилия к тому, чтобы жить согласно суждениям разума, посвятив последнему все наше внимание и всю нашу любовь. Ведь не следует созерцать божество и божественное — ради свершения наших

действий; поскольку не принято осквернять созерцание божественного, находясь под влиянием того, что полезно для земной жизни человека; и, тем более, не до́лжно отказываться от разума ради наших потребностей <...>[31] ведь это именно та способность <36> из всех, присущих нам, которая преуспевает и по отношению к действиям; напротив, мы должны согласовать наши действия и все остальное с разумом и с Богом: исходя из этого долга и из остальных специфических обязанностей, мы должны выбрать правильную меру. Ибо такое равновесие — справедливо и признано праведным, и только оно в состоянии предоставить людям истинное счастье. То, что нас отделяет от остальных существ, сияет именно в таком образе жизни, в котором не может быть места для случайного или презренного. В животных тоже существуют некие проблески разума и мудрости, но такие проблески напрочь лишены созерцательной мудрости, которая свойственна только богам. Человек, между прочим, лишен той точности движений, той остроты чувств и порывов, которые свойственны многим животным. Есть только одно настоящее благо, которое невозможно отнять у человека и которое заключает в себе путь к счастью: не быть подневольными случайности благодаря мудрой жизни — наоборот, быть совершенно свободными от всего, что подчинено случаю!

Из этого рассуждения, во всей его цельности, и составлено увещевание сохранять крепость духа, пока мы живем в этой жизни. Ведь что можно отнять у человека, который сам уже давно избавился от всего, что могло быть отнято, и по-настоящему обладает самим собой, живет тем, что ему поистине принадлежит, и питается тем, что ему свойственно, и обладает безмерным счастьем от Бога, к которому он приобщился? Таковы пифагорейские увещевания к самой совершенной мудрости.

---

[31] В оригинале лакуна.

6. Но нельзя забывать, что мы увещеваем людей, для которых божественная жизнь труднодоступна, поэтому мы должны совмещать <37> наши рассуждения с увещеваниями, связанными с общественной и практической сферой. Для этого стоит придерживаться следующей концептуальной линии: то, на чем основана наша жизнь (например, тело и всё, что с ним связано), поддерживает ее, действуя как некое рабочее орудие, использование которого далеко не безопасно и может повлечь за собой в том числе и отрицательные последствия для тех, кто не умеет правильно им пользоваться. Поэтому нам нужно стремиться к истинной науке, к ее приобретению и правильному применению, потому что через нее мы научимся правильно использовать это орудие. Нужно стать философами, если мы хотим быть хорошими гражданами и провести нашу жизнь с пользой.

Нужно еще уточнить, что существует большая разница между науками, которые нам предоставляют то, что приносит нам пользу в жизни, и науками, которые вытекают из первых или являются вспомогательными по отношению к ним. Но еще более глубокая разница существует между упомянутыми прикладными науками и теми высшими дисциплинами, которые являются их незыблемым основанием, поскольку только в последних, главных и основных, находится истинное, настоящее благо. Если, поэтому, только наука, которая правильно исследует свой предмет, пользуется разумом и созерцает Благо в его цельности — т. е. философия — способна использовать все остальные науки и главенствовать над ними благодаря своей концептуальной структуре, то мы должны обязательно заниматься этой дисциплиной, поскольку только философия заключает в себе такое правильное суждение и такую мудрость, которые в состоянии безошибочно направлять и остальные науки в нужное русло. Поскольку мы все предпочитаем полезное и то, что можно претворить в жизнь, — нужно доказывать, что и то и другое входят в сферу влияния философии и что

сложность ее освоения заметно уступает величию ее пользы (ибо мы охотнее занимаемся более простыми задачами). Достаточно доказать, что мы способны освоить <38> науку, относящуюся к справедливости и мудрости, и тем более науку, относящуюся к природе и к остальным дисциплинам об истине, потому что понятнее и доступнее всех именно лучшие по своей сути и первостепенные науки: первостепенные понятнее и доступнее, чем второстепенные, а лучшие по сути понятнее и доступнее, чем худшие. Наука об определенных и упорядоченных явлениях ценнее, чем наука о неопределенном и неустроенном, а наука о причинах — предпочтительнее, чем наука о следствиях. С другой стороны, блага — более определенны и упорядоченны, чем несчастья, да и то же самое можно сказать о добром человеке по отношению к злому: ведь необходимо, чтобы между ними была такая же глубокая разница, какая бывает между противоположностями. Первостепенные явления считаются более действенными причинами, чем второстепенные, поскольку, если первые исчезнут, исчезнут и вторые, чье существование обусловлено как раз первыми: например, существование понятия о длине зависит от чисел, существование понятия о поверхности зависит от длины, и существование понятия о твердых телах зависит от поверхности. Так что, если это правда, что душа лучше, чем тело (потому что она, по своей сути, является первостепенной причиной); науки же (а мы называем их науками и предполагаем, что можно освоить их понятийные начала) и умения, относящиеся к телу суть медицина и гимнастика; и, потому ясно, что, раз нам дано познать сложные малопонятные вещи [связанные с телом], то существуют также науки и дисциплины, относящиеся к душе и ее добродетелям, и что мы в состоянии освоить их. То же самое можно сказать о естественных науках, поскольку следует сначала познать причины и основы, <39> прежде чем посвятить себя изучению вытекающих из них следствий. Эти следствия не являются первоосновами,

да и сами первоосновы, по природе своей, не могут возникнуть из следствий: скорее всего, все зарождается и принимает свое естество из первооснов и через них. Огонь, воздух, числа и некоторые другие живительные факторы являются причиной и началом всего остального, и невозможно познать последнее без верного знания первых: как бы мы могли вникнуть в человеческую речь, если бы ничего не знали о слогах; или как бы мы смогли составить последние, если не знали бы ни одной буквы алфавита?

Существует наука об истине и о добродетели души, и мы в состоянии освоить ее. Вот что нам следовало бы доказать в увещевательных целях. То, что освоение данной науки является самим великим из всех благ и всех прочих полезных достижений, станет ясным благодаря тому, что мы скажем ниже. Мы все согласны в том, что только самые мудрые имеют право управлять обществом, т. е. имеют такое право только лучшие по своей природе, и что только закону следует властвовать над обществом; закон же является неким видом мудрости и деятельности, основанной на мудрости. Какие более верные критерии или какой более четкий предел для достижения благ для нас лучше, чем мудрость? Ведь то, что мудрец выберет, обернется благом, ибо он выбирал на основе науки и знаний, а несчастье будет именно противоположностью блага. Но поскольку все выбирают только то, что соответствует их характеру (справедливый выбирает справедливую жизнь, отважный предпочитает такой образ жизни, где требуется смелость, умеренный захочет для себя умеренной жизни), тогда ясно, что и мудрец выберет жизнь, основанную на мудрости, потому что этот выбор отражает именно мудрость. Отсюда несомненно вытекает, что, судя по всему, <40> мудрость наилучшее из благ. Так что не нужно отказываться от философии, если философия является действительно обладанием и применением мудрости, и благоразумие является, в свою очередь, наилучшем благом. И незачем, наживы ради, плыть к Геркулесовым Стол-

бам, подвергая себя многим опасностям, поскольку для достижения мудрости не нужно ни трудиться сверх меры, ни растрачивать многие богатства. Несомненно, свойственно рабской природе вести обремененную заботами, тяжелым трудом и скорбью несчастную жизнь, подчиняться мнению толпы (а не презирать его), лихорадочно искать пути к богатству, но никак не заботиться о прекрасном.

Я считаю, что всего вышесказанного вполне достаточно, чтобы доказать и пользу, и величие философии, а вот следующие увещевательные рассуждения нас смогут убедить в том, что освоение философии гораздо проще, чем достижение всех остальных благ. На мой взгляд, признак доступности философии заключается в том, что философы не требуют от людей никакого вознаграждения и во всех остальных науках преуспевают больше других, даже если философы предоставили этим другим возможность их опередить на время. Нельзя также упускать из виду и тот факт, что все любят заниматься философией и желают углубить свои знания в этой области, забросив все остальное: это — немаловажный признак того, что непрерывное изучение философии является приятным занятием, поскольку ни один человек не желает долго трудиться, не получая взамен ни малейшей отдачи. Кроме того, применение знаний, полученных от философии, разительно отличается от всех остальных наук, потому что не потребуется ни орудий, ни мастерских: наоборот, <41> в какую бы точку вселенной мы ни перенесли себя мысленно, везде мы приобщимся к истине, как будто она непосредственно перед нами. Итак, этим увещевательным рассуждением мы доказали, что возможно и просто освоить философию, являющуюся самим великим из благ, так что крайне желательно, чтобы мы приложили всевозможные усилия к ее освоению[32].

[32] Ср. Аристотель. *Протрептик,* фр. 52 (Rosen).

7. Мы могли бы прийти к таким же заключениям более простым путем, исходя из следующих рассуждений. Мышление и познание сами по себе являются для людей желанными занятиями (ибо люди, как таковые, не могут жить без них) и представляют несомненную пользу для самой повседневной жизни, потому что мы не достигнем ни одного блага без трезвого расчета и мудрых действий. Предположим, что счастье состоит из радости, добродетели или мудрости: итак, достижение этих ценностей предполагает необходимость философствовать, поскольку такие блага доступны полноценно и по-настоящему только через философские занятия. Кроме того, из двух начал, нас составляющих, т. е. души и тела, первая главенствует — и второе подчиняется: душа пользуется телом, которое подчинено душе в качестве средства или орудия. Использование управляемого элемента и орудия всегда подчинено воле управляющего и эксплуатирующего. В душе управляет именно разум, который судит о делах, касающихся нас, в то время как тело — тоже по природе своей — следует ему и подчиняется. Любое дело оказывается успешным в зависимости от степени добродетели, направившей его, поскольку умение претворять добродетель в жизнь всегда является благом. Успешность в любом деле достигается именно тогда, когда обладает добродетелью то, что находится на наивысшем уровне нашего естества и является самым главным и ценным его элементом; итак, среди всего, что по природе своей является лучшим, именно добродетель, которая применяется в полном соответствии с мудростью природы, оказывается наилучшей ценностью. Ведь самым лучшим является именно то, что более способно управлять и руководить: точно так же, как человек является самим лучшим по отношению к остальным животным. В свете сказанного душа лучше тела (потому что она более способна управлять) и, с другой стороны, в самой душе наилучшей является та часть, которая обладает разумом и

мыслит, потому что именно эта часть разрешает или запрещает, и решает, стоит ли совершать какое-то определенное действие или не стоит. <42> Какой бы ни была добродетель этой части души, она должна быть самой желанной и предпочтительной для всех и для нас самих: поскольку, думаю, можно признать, что наша истинная суть заключается либо целиком, либо почти полностью именно в такой части. Когда любое дело совершается наилучшим образом по природе своей и не благодаря случаю, а именно благодаря положительной силе, вложенной в данное дело, тогда нужно сказать, что и оно является благом, и нужно отождествить его удачный исход с его главной добродетелью, согласно которой любое дело совершается так по природным законам. У того, что имеет сложную структуру и может быть делимым, отмечаются многочисленные и различные действия, а у того, что имеет простую структуру и обладает собой независимо от посторонних факторов, должна быть, по необходимости, одна-единственная, самодостаточная добродетель. Если же человек — существо неделимое и его суть основана на уме и рассудке, то его сокровенные действия заключаются исключительно в проявлении самой предельной истины, т. е. в истинном высказывании об истинно сущих; если же у человека делимая природа, составленная из разных начал, то ясно, что его лучшие действия будут те, для которых он специально предназначен — обеспечение здоровья больных у врача, например, или предотвращение кораблекрушения у кормчего. Но следует сказать, что самое лучшее действие, предусмотренное для мышления (или, точнее, для мыслительных способностей) нашей души, это достижение истины — и только оно. Т. е. достижение истины — самое свойственное этой части души действие. Это действие осуществляется в душе только благодаря науке, в частности — благодаря самой эффективной функции науки: ее созерцательной силе, которая и есть высшая ее цель. Ведь когда из двух сущностей первая

является желанной благодаря другой, тогда лучшей и более желанной оказывается именно та сущность, благодаря которой и другая достойна желания: например, удовольствие желаннее средств, предоставляющих удовольствие, или здоровье желаннее средств, обеспечивающих здоровье — недаром говорят, что эти средства ценятся именно благодаря цели, достижение которой они обеспечивают. <43> Стало быть, о мудрости можно говорить как о способности, которая наиболее свойственна самому нашему существу — нет ничего ценнее и желаннее этой способности, если сравнить между собой все способности, в нас присутствующие: разумная часть, и в своем самодостаточном единстве, и в сочетании с остальными частями, является самим лучшим, что есть в душе, и именно этой разумной части души принадлежит добродетель, олицетворенная знаниями. Ни одна добродетель из тех, которые называются частными, не является порождением такой части души, потому что она — лучшая из всех; и достигнутая цель всегда лучше знаний, обеспечивших ее достижение: в самом деле, ни одна добродетель души (в том числе, и счастье) не является таким ее сокровенным порождением, как знания. Ведь создающее отличается от создаваемого — так же, как дом отличается от акта его возведения. Возведение дома нельзя отождествить с самим домом. Однако мудрость является частью добродетели и счастья, потому что, как говорится, счастье либо вытекает из мудрости, либо вообще отождествляется с этой добродетелью. Итак, согласно этому рассуждению, не может быть, чтобы знания что-то создали, потому что цель лучше, чем то, что создается, и, с другой стороны, нет ничего лучше, чем мудрость, за исключением некоторых из вышеупомянутых благ, хотя ни одно из них не является порождением, отличающимся от самой мудрости. Поэтому нужно прийти к заключению о том, что наука, о знаниях которой мы говорим, это созерцательная наука, если соответствует правде то, что ее цель не

заключается в создании чего-то. Мыслительный акт и созерцание являются порождением добродетели, и такое порождение есть самый желанный удел для людей; так же как, на мой взгляд, для глаз является самым желанным уделом способность видеть: всякий из нас хочет обладать такой способностью, даже если благодаря такому обладанию мы получили бы не что иное, как зрение. Кроме того, если мы любим зрение само по себе, то это — достаточное доказательство того, что все в высшей степени любят акт мышления и познания. Если мы любим нечто, потому что оно частично обладает качеством, по сути несвойственным ему, то тем более нам захочется получить то, чему качество, о котором идет речь, непосредственно и полностью свойственно: <44> например, если мы любим ходить, потому что это полезно для здоровья, но оказывается, что бегать еще полезнее, и если мы в состоянии бегать, то мы предпочтем бег ходьбе и будем бегать как можно быстрее, если у нас хватит на это сил. Если правильное суждение соприродно с актом мышления и если соответствует правде то, что нужно предпочитать истинное и правильное суждение вследствие его соприродности с мышлением из-за истины, которую это суждение носит в себе, то — поскольку истина более свойственна мышлению, чем суждению — мышление само по себе более предпочтительно, чем суждение, пусть даже истинное и правильное. Но бытие как раз отличается от небытия способностью чувствовать, и бытие определяется именно благодаря этой способности, после исчезновения которой и жизнь прекращается, словно жизнь и чувствительность неразрывно связаны. Свойства зрения отличаются от свойств остальных органов чувств тем, что они самые острые, и поэтому мы ставим зрение выше всех остальных чувств. Несмотря на это, любое чувство в силах познать мир через тело: слух, например, является способностью улавливать звуки через уши. Стало быть, если жизнь является желанным благом из-за чувств, и чувства —

это некий вид познания, и мы желаем обладать ими, потому что душа через них в состоянии познавать окружающую действительность, то возникает противоречие: ведь мы только что сказали, что из двух средств всегда предпочтительнее обладающее по преимуществу свойствами и качествами, из-за которых мы ценим данное средство. В таком случае, из всех чувств самым желаемым и ценным неизбежно является зрение, но мудрость, которая нераздельно главенствует над истиной, является даже предпочтительнее, чем само зрение. Те, кто любит жизнь, на самом деле любят мышление и познание: ведь они ценят жизнь исключительно благодаря чувствам и, в частности, <45> зрению, которое они ценят выше всего, потому что оно, по сравнению с остальными чувствами, выполняет как бы функцию науки.

8. Но давайте подойдем к рассматриваемому вопросу с другой точки зрения, исходя из общих, всем понятных рассуждений. Итак, совершенно ясно, что никто не согласился бы обладать самым огромным богатством или самой великой властью, если был бы лишен возможности мыслить или же был сумасшедшим. Он не согласился бы так жить, даже если было бы позволено наслаждаться самыми острыми ощущениями, подобно тому, как живут некоторые безумцы. Поэтому нам кажется, что все избегают неблагоразумия. Но муросmь — прямая противоположность неблагоразумию, так что в этой паре противоположностей одно начало достойно желания, в то время как другое — достойно того, чтобы его сторониться. Таким же образом нам следует избегать болезни и стремиться к здоровью. Поэтому, согласно данному рассуждению, нам также кажется, что и мудрость — как бы самое желаемое благо из всех, конечно, не благодаря тому, что могло бы случиться не под его воздействием, как нам подсказывает и здравый смысл. Если мы бы обладали всем, но наш разум был бы разрушен или тяж-

ко болен, жизнь сама по себе больше не была бы желаемым благом, потому что и все остальные блага тоже оказались бы лишены всякого смысла. Поэтому все — по мере того, как они воспринимают мудрость и наслаждаются ей — вменяют остальные блага в ничто; и по этой причине никто из нас не смирился бы с тем, чтобы проводить всю свою жизнь в пьянстве или в ребячестве. Поэтому сон <46> считается приятным, но не желаемым благом, даже если мы предположили бы, что во сне будем обладать всем: причина такого суждения заключается в том, что наши представления во сне ложны — они настоящие только когда мы бодрствуем. Сон и бодрствование между собой различаются лишь тем, что душа, бодрствуя, улавливает часто истину, а во сне она всегда видит только ложное: ведь сны — это всего лишь пустые образы и ложные представления.

И то, что многие боятся смерти, как бы свидетельствует о том, что душа любит знания, потому что она избегает неизвестного, пребывающего во тьме и мраке, но тянется — по природе своей — к ясному и познаваемому. Поэтому и говорится, что следует чтить и уважать в первую очередь отца и мать, т. е. тех, благодаря кому мы видим солнце и свет, поскольку наши родители находятся у истока наших самых главных благ: ведь мы обязаны им тем, что можем думать и видеть. По той же самой причине мы радуемся давно знакомым нам вещам и людям, и последних называем друзьями. Все это ясно доказывает, что всё познаваемое, видимое и очевидное — достойно любви. Но если достойно любви познаваемое и ясное, то тем более будет достойным любви мышление и познавание.

В дополнении к этому нужно еще учесть следующее: что касается богатства, то обладание им не для всех одинаково (некоторые пользуются им для того, чтобы просто жить, а некоторые — для того, чтобы быть счастливыми). То же самое можно сказать и о мудрости: уровень потребности в нем зависит от того, хотим ли мы посредством его просто

жить или жить счастливо. Итак, к половинчатости большинства людей можно испытывать снисходительность (ибо они, с одной стороны, молятся о том, чтобы быть счастливыми, а с другой — довольствуются просто тем, что живы); но был бы достоин насмешек тот, кто считает, что жить <47> любой, даже самой унизительной ценой — нестерпимо, но в то же время не хочет — тоже любой ценой — приложить всевозможные усилия к тому, чтобы приобрести благоразумие, которое ему позволит созерцать истину[33].

К тому же самому заключению мы могли бы прийти — и исходя из такого рассуждения, в котором созерцали бы во всей полноте смысл человеческой жизни. Ибо тогда бы мы поняли: всё, что кажется людям великим, — не что иное, как обман. По этой же причине верно говорят, что человек — ничто[34] и что в человеческой жизни ни в чем нельзя быть уверенными: поскольку сила, величие и красота — смехотворны и бессмысленны; мы ценим красоту только потому, что не в состоянии четко видеть реальность. Если же кто-то смог бы видеть так же остро, как — рассказывают — умел видеть Линкей, который проникал взглядом сквозь деревья и стены, — разве он выдержал бы без отвращения зрение нечистот, из которых составлен человек под прикрытием кожи? Почести и слава: они на самом деле больше всего на свете притягивают зависть, изобилуют неописуемой тщетностью, поскольку для созерцающего вечные явления бессмысленно заниматься теми пустыми достижениями. Но что является поистине долговечным в человеческой жизни? Мне кажется, наша слабость и краткость нашей жизни обманывают нас и как будто убеждают в том, что многое в нашем мире долговечно. Кто же, осознав все это, сможет поверить в то, что он счастлив — раз нас с самого начала как будто создали для того, чтобы отбыть некое всеобщее на-

---

[33] См. Аристотель. *Протрептик*, фр. 55 (Rosen).

[34] Ср. Софокл. *Аякс*, 125–126.

казание, как говорят те, кто священнодействует таинства? Ведь именно это подразумевали древние, когда — в священном вдохновении — говорили, <48> что наша душа отбывает наказание и мы живем здесь, на земле, чтобы искупить великие прегрешения, потому что сопряжение тела и души, похоже, и в самом деле, указывает на наказание последней. Например, рассказывают, что тиррены[35] часто казнят пленников таким образом: связывают их живыми — лицом к лицу с трупами. Лицо и тело живого пленника плотно прилегают к лицу и телу трупа. Мы можем использовать этот образ в качестве метафоры об участи души: она ведь именно так связана с телом чувствительными узами. Ничего из удела божественных и блаженных существ, поэтому, не принадлежит человеку, кроме той единственной части, которая заслуживает всякой заботы, т. е. той части, которая относится к разуму и мышлению, поскольку кажется, что только эта часть в нас вечна и божественна. Благодаря простому факту, что нам доступны такие способности, наша жизнь — даже если она, по своей природе, скудна и полна трудностей — устроена так мудро и правильно, что человек, по сравнению с остальными земными существами, считает себя богом[36]. «Ведь разум — наш бог», — как утверждает Гермотим или Анаксагор, — и «человеческая жизнь, хоть и смертная, принимает участие в божественном». Поэтому, нужно предаться философским занятиям или, прощаясь с жизнью, покинуть навсегда это место, как будто всё, что здесь находится, — великая и пустая бессмысленность[37].

Вот как можно подытожить самым действенным образом те пути, которые — исходя из общих понятий — увещевают к обязанности заниматься теоретической философией и вести по преимуществу жизнь, основанную на разуме и науке.

[35] В данном случае имеются ввиду этруски. — *Примеч. ред.*

[36] См. Еврипид. Фр. 1007 (Nauck).

[37] См. Аристотель. *Протрептик,* фр. 59. 60. 61 (Rosen).

<49> **9.** Начав издалека, т. е. с намерений самой природы, мы приступим к тому же самому увещеванию следующим образом. Из всего одушевленного и неодушевленного, что появляется на свете, некоторые объекты появляются благодаря разуму и определенному умению — например, дом или корабль (причина появления обоих заключается в разуме и умении создавшего их); другие же — не благодаря какому-то умению, а посредством природы: причина появления животных и растений заключается в природе, и эти существа зарождаются исключительно благодаря законам природы. Но, по правде говоря, существует еще нечто, что появляется по воле случая: к такой категории, по большей части, относим то, что зародилось не благодаря какому-то умению, не через природу, не из необходимости, а исключительно по воле случая. Из всего, появившегося по воле случая, ничего не происходит ради чего бы то ни было, и нет у этих случайных явлений или событий никакой цели; у того, что создается человеческим умением, напротив, эта цель (или то, ради чего) существует: ибо тот, кто действует, руководствуясь умением, всегда предоставит причину, по которой, например, он написал что-то и ради чего он это сделал; и данная причина или цель всегда лучше того, что создается. Я говорю о тех предметах, причиной возникновения которых стало человеческое умение, а не случай, поскольку мы определяем должным образом медицину как причину здоровья, а не болезни, и архитектуру — как причину возведения дома, а не его разрушения. Значит, все, что создается человеческим умением, создается ради чего-то, и эта цель всегда лучше технического умения, позволившего ее осуществить; в то время как то, что возникает по воле случая, не возникает ради чего-то: ведь по воле случая могло бы получиться некое благо, это правда, но поскольку это благо появилось по воле случая и было создано исключительно случайностью, то оно, на самом деле, не является настоящим благом, ибо то, что рождается случаем, всегда имеет

неопределенный характер. Напротив, то, что создается природой, всегда имеет какую-то цель и зарождается ради чего-то лучшего, чем то, что создается человеческим умением, поскольку не природа подражает человеческому умению, <50> а человеческое умение — природе: ведь такое умение существует для того, чтобы исправить некоторые недостатки природы. Ибо природа как бы в состоянии самостоятельно творить, не нуждаясь ни в какой помощи, только в некоторых случаях; в остальных же она либо творит с превеликим трудом и только частично, либо вообще не в состоянии творить — как, например, когда мы видим появление ростков: некоторые семена всходят безо всякой искусственной защиты, другие же нуждаются в умении земледельца; примерно то же самое можно сказать о животных: они совершенно самодостаточны, в то время как человек — для того, чтобы выжить — нуждается во многих видах посторонней помощи: сначала — когда он рождается, и потом, будучи уже ребенком, — когда нуждается в питании. Если человеческое умение подражает природе, то оно ей подражает и в целесообразности действий: ведь природа ничего не делает случайно, поскольку все в ней рождается и развивается правильно, т. е. можно сказать, что все рождается и развивается ради чего-то. Итак, то, что зарождается целесообразно, зарождается правильно: то, что зарождается или зародилось согласно природе, зародилось целесообразно, если это правда, то зародившееся неестественно зародилось нецелесообразно и неправильно, поскольку зарождение через природу всегда предполагает некую цель. Обоснованность такого рассуждения можно наблюдать и на примере того, как устроена каждая часть нашего организма: возьмем, например, веки — они были созданы явно не случайно, а для того, чтобы защитить глаза, которым, таким образом, предоставляется возможность отдохнуть и заслониться от того, что может попасть в них. Из этого вытекает, что то, ради чего нечто зародилось, и то, ради чего оно должно было

зародиться, — одно и то же: например, если корабль должен быть построен ради плавания, то плавание это то, ради чего корабль был построен. Живые существа зарождаются согласно природе и по законам природы <51>, по крайней мере — самые лучшие и сильные из них, потому что даже если некоторые из них появились на свет против природы (из-за вырождения или злокачественного образования), это все равно не скажется на гармонии мироустройства. Самое ценное существо на земле есть, несомненно, человек, потому что он, очевидно, был создан согласно природе и в соответствии с законами природы. А вот на вопрос: «Ради чего природа и Бог нас создали?» — Пифагор дает ответ: «Для того, чтобы созерцать небо», — при этом он уточняет, что сам есть созерцатель природы и появился на свете только ради этого. Говорят, что и Анаксагор, когда некто спросил у него, ради чего души выбирают рождение и жизнь на этой земле, ответил: «Ради того, чтобы созерцать небо и светила, в нем находящиеся, луну и солнце», — как будто все остальные явления не имели ровно никакого значения. Если, поэтому, цель лучше всего остального (поскольку все, что создается или рождается, создается или рождается для достижения такой цели и то, ради чего оно создается или рождается, лучше создаваемого или рождаемого, и вообще — лучше всего, что есть на свете); и если, с другой стороны, цель, преследуемая в соответствии с законами природы, является, в конечном итоге, полным проявлением естественного потенциала, претворенного в жизнь благодаря постепенному совершенствованию наших способностей и умений (ὃ κατὰ τὴν γένεσιν πέφυκεν ὕστατον ἐπιτελεῖσθαι περαινομένης τῆς γενέσεως συνεχῶς), когда они равномерно и последовательно развиваются в физическом теле, — то сначала достигают своей цели именно телесные способности человека; способности же души осуществляют свою цель только на более поздней стадии: т. е. кажется, что цель самой лучшей части нашего естества всегда достигается толь-

ко после осуществления целей, обусловленных рождением и развитием организма. Стало быть, потенциал души (τὰ κατὰ τὴν ψυχὴν) раскрывается позднее, чем потенциал тела (τὰ κατὰ τὸ σῶμα), и самое совершенное дарование души — это мудрость, потому что оно, как мы видим, зарождается последним в людях; <52> именно по этой причине старость претендует на мудрость как на свое единственное, настоящее благо: иначе говоря, наша самая высшая, конечная цель в соответствии с законами природы — это мудрость; и способность мыслить, в конечном итоге, является тем, ради чего мы родились. Раз мы родились, то ясно, что мы существуем ради того, чтобы мыслить и — через мышление — постигать некие истины. Согласно такому рассуждению, Пифагор был прав, когда утверждал, что любой человек был создан Богом для того, чтобы познавать и созерцать. Но, может быть, нам стоит исследовать чуть позже, что является приоритетным для нашего познания — вселенная ли или некое иное сущее; а пока пусть нам будет достаточно того, что мы пришли к нашему первому полностью обоснованному заключению. Ведь если высшая цель для нас — в соответствии с законами природы — это мудрость, то мышление является самым лучшим из всех наших дарований[38]. Отсюда вытекает, что мы должны действовать во всем остальном ради сохранения свойственных нам благ; из таковых благ некоторые, принадлежащие телу, нам свойственны ради благ, пребывающих в нашей душе, и мы обязаны развивать добродетели ради сохранения мудрости, потому что последнее —самое высшее наше благо. Однако стремиться к тому, чтобы каждая наука дала нечто отличное от ее предназначения, и требовать, чтобы она была, в то же время, полезной, свойственно тем, кто изначально полностью игнорирует разницу между благом и необходимостью (а эта разница на самом деле велика). То, что мы любим ради чего-то

[38] См. Аристотель. *Протрептик*, фр.58 (Rosen).

иного — т. е. то, без чего было бы невозможно жить — должно определяться как необходимость и соепричина; в то время как то, что мы любим само по себе — даже если мы не получим ничего, кроме этой самоцельной любви — должно определяться как истинное благо: ибо какое-то определенное истинное благо не может стать желаемым ради какого-то другого истинного блага и последнее не может быть желаемым ради еще какого-то третьего истинного блага, потому что этому процессу не было бы конца — и мы не смогли бы определить грань, предусмотренную для наивысшего блага.

Поэтому ожидать от чего бы то ни было некой не свойственной ему пользы и спрашивать себя: «В чем же это полезно для нас?» — или: «Зачем нам это?» — в высшей степени достойно смеха. На самом деле это именно то, о чем мы говорим: <53> те, кто стал бы вести себя только что упомянутым образом, никак не были бы похожи ни на людей, которые разбираются в справедливом и добром, ни, тем более, на тех, кто умеет различать между причиной и соепричиной. Впрочем, обоснованность наших суждений стала бы еще более явной, если бы кто-либо впустил нас в свой разум, как на острова блаженных[39]. Там ни в чем не нуждаются, и всякие науки или орудия больше не представляют никакой пользы: остается только умозрительная и созерцательная жизнь — что соответствует, о чем мы как раз и говорим, совершенной свободе. Если это правда, то как бы мог не испытывать стыда тот, кто — имея возможность переселиться на эти острова — лишился бы такой возможности по собственной вине? Значит, нельзя презирать награду, которую люди получают от науки: да, предоставляемое ею благо велико. Как в Аиде (о чем рассказывают самые мудрые из поэтов) мы получаем соответствующие «дары» от справедливости, таким же образом, кажется, на островах блаженных мы по-

[39] Ср. Аристотель. *Политика* Δ (Н). 1334, 31.

лучаем награду от мудрости. Поэтому нет ничего страшного в том, что мудрость не кажется нам ни полезной, ни выгодной, поскольку мы сами признаемся в том, что она — не полезная, но благая, и только сама по себе она является желаемой. Как, например, мы посещаем Олимпию только ради зрелища, даже если из этого мы не получим никакой дополнительной пользы (поскольку зрелище само по себе ценнее многих богатств), и присутствуем на Дионисиях не для того, чтобы получить что-нибудь от актеров — скорее напротив: это же мы платим за право быть зрителями — и выбираем еще много таких зрелищ, тратя на это много денег, — так то же самое можно сказать о зрелище, предоставленном самой вселенной: оно несравненно ценнее того, что мы можем считать полезным[40]. <54> Неужели мы вынесем трудности тяжелого путешествия, чтобы любоваться игрой актеров, исполняющих на сцене роль каких-то бабенок или рабов, или состязаниями атлетов, и, после этого, не посчитаем нужным бесплатно созерцать природу истинно сущих и истину? Именно таким образом, исходя из намерений самой природы, мы увещеваем к мышлению как к благу, которое ценно само по себе, хотя от него мы не получим никакой практической пользы для человеческой жизни.

10. Однако и созерцательная мудрость предоставляет величайшую пользу для человеческой жизни: это можно легко понять из естественных наук. Как самые опытные врачи и почти все искусные педотрибы соглашаются в том, что необходимо глубокое знание законов природы для того, чтобы стать хорошим врачом или педотрибом, — так это знание необходимо и для того, чтобы стать хорошим законодателем. Скажу еще больше: знание законов природы гораздо нужнее законодателям, чем врачам и педотрибам. Ведь последние оказывают созидательное влияние только

[40] Ср. Цицерон. *Тускуланские беседы*, V.3, 8; *Жизнь Пифагора*, 58, 39.

на способности тела, в то время как первые отвечают за правильное развитие способностей души, и им полагается мудро учить основам, которые обеспечивают благосостояние государства или, наоборот, вызывают его гибель: именно по этой причине философия нужна, в первую очередь, им. Приведем еще один пример из прикладных наук: именно знание законов природы предоставило самые удачные решения в создании необходимых рабочих орудий — вспомним, например, отвес, счетную линейку и циркуль, используемые в строительном деле. Эти инструменты были придуманы благодаря знаниям о действии воды, света и солнечных лучей, и позволяют — с помощью вычислений или измерений — четко определить фактическую ровность любой поверхности, независимо от нашего чувственного восприятия, которое могло бы быть ошибочным. <55> Таким же образом и государственный муж должен освоить некоторые правила, полученные от самой природы, и умозрительные истины, благодаря которым он может правильно определить нравственное соответствие любого действия или решения — справедливости, красоте и целесообразности. Иначе говоря, как те инструменты, применимые в строительном деле, разительно отличаются от всех остальных, так и самый справедливый закон — тот, который более всех остальных соответствует законам природы. Но человек, который не занимается философией и не познал никакой истины, не в состоянии издать такой справедливый закон. И в остальных областях человеческой деятельности самые точные приборы и вычисления возможны не через первичные умозрительные истины, но через вторичные или еще более отдаленные от умозрительных начал знания: поэтому и приборы, и вычисления основаны на опыте; только философ, в отличие от всех остальных ученых, может успешно применить свои знания, основываясь на первичных умозрительных началах, поскольку он в состоянии созерцать непосредственно эти начала, а не их видимые об-

разы. Невозможно довериться строителю, который при возведении дома не стал бы пользоваться ни счетной линейкой, ни остальными рабочими инструментами своего ремесла, а просто стал бы присматриваться к уже существующим постройкам — как к общим образцам. Таким же образом, мы не сможем считать ни компетентным, ни достойным доверия законодателя, который стал бы издавать законы или принимать политические меры, озираясь на действия или на законодательства других государств (например, Спарты или Крита) и подражая им: поскольку невозможно создать прекрасный, вечный и непреходящий образ того, что изначально не является ни прекрасным, ни вечным, ни непреходящим; но ясно, что из всех творцов только законы философа непреходящие, и его политические меры — справедливы и прекрасны. Ибо только те, кто тщательно исследует законы природы, и живут в соответствии с этими божественными законами, и — подобно опытному и искусному кормчему — <56> соразмеряют свои жизненные принципы с вечными и неизменными принципами, и так они направляют свой жизненный путь, живя самодостаточно в соответствии с истиной. Поэтому именно созерцательная наука предоставляет нам возможность создать всё согласно истинному знанию. Как зрение ничего не творит (ибо его единственная функция заключается в том, чтобы различать и показывать видимую реальность (ἕκαστον τῶν ὁρατῶν)), но посредством себя предоставляет нам только возможность совершить некое действие и является нашим великим помощником в любом деле (поскольку без зрения мы не могли бы совершить практически ни одного действия), — так же ясно, что хотя эта наука только созерцательна, с ее помощью мы можем, однако, совершить великое множество действий, потому что на основе знаний, предоставленных такой наукой, мы соглашаемся на некоторые меры и избегаем других. Иными словами, посредством этой науки мы можем приобрести все блага.

11. То, что жизнь особенно приятна для тех, кто живет по разуму, очевидно из следующего рассуждения. Понятие о жизни делится на две категории: бытие в возможности и бытие в действительности. Например, мы называем зрячими и тех существ, которые наделены зрением и — поэтому — естественно способны видеть, даже если порой и закрывают глаза, и тех существ, которые пользуются такой способностью и применяют ее в фактическом действии. То же самое можно сказать по поводу способности чувствовать и познавать: одно дело — пользоваться чувствами и действительно созерцать через них; совсем другое — обладать потенциально этой возможностью без фактического применения. Если, поэтому, мы различаем бытие и небытие на основе возможности чувствовать и утверждаем, что возможность чувствовать делится на две категории (с одной стороны — действительное применение чувств, с другой — простая возможность их применять: именно по этой причине и спящий человек потенциально способен чувствовать), <57> то ясно, что и бытие подчиняется этому различению: с одной стороны, нужно считать истинно и действительно (ἀληθῶς καὶ κυρίως) живущими тех, кто бодрствует, с другой же стороны — спящий человек считается потенциально живущим благодаря возможности переходить в состояние бодрствования, когда он просыпается и начинает снова чувствовать. Учитывая все вышесказанное о том, что якобы одно и то же явление делится на две разных категории: возможности и действительности, — последней категории мы припишем истинный предикат реальности (τούτῳ μᾶλλον ἀποδώσομεν ὑπάρχειν τὸ λεχθέν[41]). Т. е. поистине знающим является тот человек, который применяет свои знания, а не только обладает ими; или поистине зрячим можно считать того человека, который действительно применяет зрение, а не того, кто мог бы просто применять его. Ведь мы применяем к понятиям,

[41] Дословно: «Скорее предоставим последнему обладание [только что] сказанным».

имеющим одну-единственную смысловую нагрузку, наречие «более» не только для того, чтобы выразить некое количественное преимущество, но и для того, чтобы указать на некую качественную предпочтительность: например, мы говорим, что здоровье является благом «более», чем то, что обеспечивает здоровье, или что желаемое само по себе от природы является «более» предпочтительным, чем то, что создает или производит его. Однако относительно понятия о «благе» мы понимаем, что говорим о нем применительно к пользе и к добродетели не из-за того, что у этого понятия двоякая смысловая нагрузка. На фоне сказанного, мы должны признаться в том, что поистине «более» живым является тот, кто бодрствует, нежели тот, кто спит; или тот, кто больше действует ради своей души, чем тот, кто просто обладает ею; ибо благодаря тому, кто живет в фактических действиях, считается, что живет и тот, у кого эти действия пока только потенциальны, поскольку и последний, подобно первому, сможет когда-нибудь действовать. Поэтому понятие «пользоваться чем-либо» заключается в следующем: если только один фактор потенциален (δύναμίς ἐστι), то следует его превратить в действие, а если несколько факторов потенциальны, то следует превратить в действие самый лучший из них. Возьмем в качестве примера флейтистов: на флейте можно играть либо единственным доступным образом, либо наилучшим из возможных. Наверное, это сравнение пригодится и для всех остальных случаев. <58> Нужно еще добавить, что более многосторонне пользуется неким предметом тот, кто правильно и точно им пользуется, потому что через динамику обращения с ним мы устанавливаем причину, цель и условия существования в природе используемого предмета. Итак, то же самое можно сказать и о душе: по отношению к ней так же отмечается некое действие, которое может быть либо единственным, либо наилучшим из всех возможных — т. е. мыслить или рассуждать. Каждый может понять это легко и просто: более живым

является тот, кто мыслит правильно и, в частности, лучше всех остальных прикасается мыслью к истине. Такой человек мыслит и созерцает в соответствии с самой совершенной наукой; следует приписать такому человеку — человеку благоразумному и мудрому — также самое совершенное проявление жизни. Если же жизнь для любого живого существа отождествляется с бытием, то ясно, что мудрец принимает участие в бытии больше и глубже, чем все остальные существа, особенно когда — в течение всей своей жизни — он применяет свою мудрость, и ему удается созерцать самую доступную (τὸ μάλιστα τῶν ὄντων γνώριμον) истину из всех. Наиболее совершенный и лишенный препятствий вид деятельности заключает уже в себе наивысший источник счастья, так что самой радостной деятельностью из всех является созерцание. Кроме того, существует разница между актом питья как непосредственным источником удовольствия — и актом питья в приятных условиях: пожалуй, даже если какой-то человек не испытывает жажды или не имеет в своем распоряжении приятного напитка, все равно он может получить удовольствие от самого акта питья — не из-за того, что он, собственно, пьет, а из-за того, что во время этого действия он может рассматривать окружающих его людей или сделать так, чтобы его рассматривали, пока он сидит. Об этом человеке мы скажем, что он получает удовольствие и пьет, получая удовольствие, но не потому, что он просто пьет или пьет что-то приятное. Таким образом, правомерно еще сказать, что и ходить, и сидеть, и познавать, и любое другое действие подобного рода — могут быть приятными или неприятными, но не потому, что мы испытываем удовольствие или боль во время этих действий, а потому — что ощущения, которые нас посещают, непосредственно связаны с совершением данных действий. С этой точки зрения, мы можем сказать также, что и жизнь является приятной, если факт ее наличия приятен для тех, кто живет, <59> и что живут радостно далеко не все, кто испытывает удоволь-

ствие от чего-то в течение своей жизни, но только те, для кого сама жизнь является главным источником радости — и радость испытывается именно от нее. Поэтому мы приписываем истинное бытие бодрствующим — более, нежели спящим, мудрым — более, нежели не мудрым, и говорим, что радость, получаемая от жизни, вытекает из того, как мы обращаемся с собственной душой: ведь только в этом обращении заключается истинное бытие. Если это правда, что с душой можно обращаться по-разному, то самое лучшее обращение с душой — это применять как можно чаще ее мыслительные способности. Ведь ясно, что и удовольствие, получаемое от мыслительной деятельности и созерцания, является неизбежно либо единственным, либо наилучшим из тех, что жизнь может нам предоставить. Стало быть, радостное бытие и удовольствие, которое мы испытываем в нем, принадлежат, на самом деле, либо одним философам, либо по преимуществу им, поскольку настоящая мыслительная деятельность насыщена бытием и неизменно сохраняет совершенство, которое ей передают умозрительные начала: такая деятельность — самое верное средство для достижения внутреннего умиротворения. Следовательно, по этой же причине те, кто обладает глубоким разумом, обязаны заниматься философией и для того, чтобы получить истинную и благую радость.

12. Если же все-таки нужно развернуть такое рассуждение не только исходя из различных аспектов счастья, но из самого понятия о счастье в целом, то нам следует ясно сказать, что философ относится к счастью точно так же, как само занятие философией относится к нашему серьезному или легкомысленному поведению, поскольку мы должны отдать предпочтение некоторым своим действиям либо в попытке сохранить счастье, либо ради его достижения, и то, что нас делает счастливыми, — либо необходимо, либо приятно. Поэтому можно утверждать, что счастье

тоже является либо мудростью как таковой, либо неким видом мудрости, либо добродетелью, либо заключается в том, чтобы радоваться этим достойным вещам вполне или как можно полнее. <60> Если счастье — вид мудрости, то ясно, что только философам свойственна счастливая жизнь, а если оно — добродетель души или радость, то и в таком случае счастье будет уделом, свойственным одним философам или по преимуществу им, потому что добродетель — это то, что нам наиболее свойственно, и среди всех наших достоинств, сопоставленных друг с другом, самой приятной добродетелью является именно мудрость. Таким же образом, если скажем, что счастье — это совокупность всего перечисленного, то его нужно отождествить не иначе, как с нашими мыслительными способностями. Из этого вытекает, что должны заниматься философией все люди, которые наделены этим дарованием, поскольку занятие философией и является либо совершенно счастливой жизнью, либо — непревзойденной первопричиной такой жизни для души. Но в этом далеком от небесных высей мире — поскольку человеческому роду предоставляется так же и возможность жить против природы — сложно порой познавать и размышлять: эту сложность мы почувствуем, как только начнем жить не в соответствии с законами природы или вообще против природы; однако иногда мы можем спастись, возвращаясь туда, откуда пришли, поэтому нам следует быть уверенными в том, что наше положение может стать более радостным и сносным. Теперь, по правде говоря, мы далеки от истинных благ, поэтому проводим свою жизнь — только удовлетворяя потребности тела на этой земле, и в этих занятиях увязли именно те, кто кажется большинству самым счастливым; но если мы встанем на путь небесный и будем опираться на светило, с которым связана наша истинная жизнь, тогда предадимся философии и в земной жизни, и предстанет перед нами великолепие образа невыразимой кра-

соты[42]: мы устремимся собственной душой к нерушимой истине и будем созерцать божественное начало, от чего испытаем радость и ликование, и наше счастье не будет омрачено <61> никакой болью. Таким образом, становясь ближе к совершенному счастью, мы откроем, что философия нам помогает: следует, поэтому, чтобы мы предались философскому развитию как самому серьезному и важному занятию нашей жизни.

13. Если же следует увещевать, исходя из понятий, уже относящихся к философии, — вот к какому заключению мы можем прийти, выбирая такой путь. Все, кто принимается за правильное философствование, могут быть не поняты остальными, поскольку последние не знают, что философы ни о чем другом не должны заботиться, кроме как о смерти и об умирании. И такого непонимания стоило бы ожидать, ибо большинство не знает, что настоящие философы являются именно такими, потому что любят смерть: они достойны не только смерти, но и особенного вида смерти. Итак, смерть — не что иное, как отдаление души от тела: в этом и заключается состояние смерти; с одной стороны, тело, лишенное души, остается само с собой, с другой же — и душа, лишенная тела, оказывается в полном единении с собой. Поскольку дело обстоит так, то это правильно, что философу не следует волноваться по поводу неких так называемых удовольствий — как, например, еда, вино или соединение с женщинами; впрочем, философ не будет придавать значения и остальным заботам о теле — таким, как, например, покупка дорогой и модной одежды или обуви, не будет ценить и прочие украшения для тела: одним словом, будет презирать всё, что не абсолютно необходимо для последнего. В общем, кажется, что главная забота философа направлена не на телесное, <62> а на то, чтобы как можно

[42] Ср. Платон. *Тимей*, 42b.

больше отстраниться от него и посвятить себя душе. Истинный философ — в отличие от всех остальных людей — проявляется, поэтому, в следующих стремлениях: освободить, насколько возможно, душу от связи с телом. Именно по этой причине, предполагаю, большинство людей считает, что тот, кто не испытывает удовольствия от телесного и не желает принимать в нем участие, недостоин жизни: он как будто близок к смерти, потому что никак не заботится о тех удовольствиях, которые мы испытываем только через тело. Действительно, тело является препятствием в достижении мудрости, если мы его возьмем с собой в качестве спутника. Вот что я имею в виду: зрение и слух не представляют ничего правдивого для людей — ведь именно об этом нам постоянно пели и поют поэты: мы не в состоянии ни слышать, ни видеть ничего предельно четко. Но если это правда, что телесные чувства не обладают ни точностью, ни ясностью, то тем более и остальные чувства напрочь лишены их, потому что они слабее слуха и зрения. Если, поэтому, душа не в состоянии постичь истину, когда она рассматривает что-то с помощью тела (и тело, понятно же, ее обманывает), то в некотором роде она может верно познать что-то из реальности именно благодаря своим мыслительным способностям. Я ведь считаю, что душа лучше всего мыслит именно тогда, когда ей не мешает никакое чувство — будь то слух, зрение, боль или наслаждение, — но она находится в предельном единении с собой: предоставляя одному телу удовольствие, пресекая, по мере своих возможностей, любую связь с ним, душа жаждет настоящего бытия. Следовательно, и здесь, в этом мире, душа философа в высшей степени презирает тело и избегает его, стремясь к единению только с самой собой[43].

<63> Но это станет еще яснее, если мы будем исходить из созерцания идей, потому что справедливое в себе, пре-

---

[43] Платон. *Федон*, 64a–65d.

красное в себе, доброе в себе и всё, что мы определяем как «сущее», — недоступны ни для плотского зрения, ни для каких бы то ни было чувств, которые действуют на нас через тело[44]. Иначе говоря, только тот, кто полностью подготовился мыслить любую рассматриваемую идею в ее умозрительной сущности, сможет оказаться ближе всех к ее истинному познанию. Каждый, кто постигнет любую идею почти исключительно с помощью разума, придаст этой идее совершенную чистоту и точность, ибо он не использует зрения, мысленно ее представляя, и не основывает свои размышления ни на каком другом чувстве, кроме как на разуме. Наоборот, применяя чистый первоосновный (εἰλικρινεῖ) разум, он устремится к познанию любого субстанциального (εἰλικρινὲς) явления, очистив последнее, в частности, от всего, что свойственно зрению и слуху (одним словом — всему телу) — как от того, что тревожит душу и, когда навязывается, мешает ей приобрести истину и мудрость. Только такой человек сможет постичь истинное бытие. Стало быть, необходимо, чтобы настоящие философы, исходя из всего вышеизложенного, основательно осмыслили это: таким образом они смогут даже предостерегать друг друга, во время общих бесед, от опасности впасть в заблуждение при исследовании истины с помощью разума; поскольку, пока они обладают телом и их душа смешана с таким несчастьем, они никогда не смогут удовлетворительно достичь того, чего желают, т. е. называемого истиной. Тело нас обременяет множеством забот из-за необходимости питать его; <64> кроме того, нас могут поразить некоторые болезни, которые будут препятствовать нашим поискам истинного бытия. К этому стоит добавить любовные страсти, вожделения, страхи, ложные представления и всевозможные мелочи, которые наполняют наш быт настолько, что — если мы желаем быть честными — от тела мы никак не сможем получить какой-либо мудрой

[44] Платон, *Федон*, 65d–67b.

мысли. Ведь войны, восстания и сражения вызваны не чем иным, как телом и вожделениями, с ним связанными, ибо войны случаются ради того, чтобы добиться богатств, а богатства нам нужны для тела, поскольку мы подчинены заботе о нем и — по этой причине — не находим нужного времени для достойного занятия философией. Предел такой позорной зависимости заключается в том, что даже если тело нам предоставляет некое перемирие и мы приступаем к исследованию какой-то истины, то оно — во время созерцания — вдруг обрушивает на нас отовсюду смятение и волнение, направленные на то, чтобы смутить нас настолько, что мы станем беспомощны в нашем поиске истины. Эта помеха нам явно указывает на то, что если мы действительно хотим что-то верно познать, нам нужно освободиться от тела и через одну душу созерцать явления в себе. Только тогда, мне кажется, мы получим то, чего желаем и, по нашему признанию, любим — мудрость. Но только после того, как мы умрем (как наше рассуждение логично предполагает), а не при жизни. Ведь если невозможно верно познать что-либо вместе с телом, то перед нами четкий выбор: либо мы никогда не сможем приобрести истинное знание, либо сможем только после смерти, поскольку только тогда душа — после полного отделения от тела — будет принадлежать исключительно себе и действовать только ради себя. До этого истинное познание невозможно. И пока мы живем (как следует из нашего рассуждения), мы сможем держаться как можно ближе к истинному знанию — только если не будем иметь никакого сношения с телом, насколько это возможно, и, тем более, ограничим всякое участие в нем, за исключением одних неизбежных потребностей, и не позволим его природе <65> нас осквернить: напротив, мы станем очищаться от него, пока Бог окончательно нас от него не избавит.

Таким образом, мы будем чистыми, потому что освободимся от неблагоразумия, свойственного телу; и, наконец, у нас будет надежда жить вместе с соприродными (μετὰ

τοιούτων) и познать самостоятельно всё чистое; может быть, именно в этом и состоит истина, потому что не разрешено чистому иметь сношение с нечистым. Как объяснялось раньше, очищение заключается в том, чтобы как можно глубже отделить душу от тела, и в том, чтобы приучить душу к тому, чтобы уединиться в самой себе и — насколько это возможно — пребывать в таком уединении навсегда, освободившись от тела, как от оков[45]. Такое освобождение называется «смертью»: смерть — это окончательный уход души от тела. Как мы часто повторяли, окончательно освободить душу от тела желают только те, кто правильно занимается философией, ибо настоящая задача философов состоит в том, чтобы освободить душу от тела. Поэтому именно к философии, которая нам предоставляет самое великое благо — т. е. освобождение от оков, наложенных на душу смертной природой, которую мы принимаем в рождении, — мы должны стремиться больше всего.

Однако философы должны стремиться и к так называемой отваге, и к умеренности, т. е. к тому, что большинство называет умеренностью (равнодушие к плотским желаниям и <66> излишествам)[46]. Именно таких свойств подобает придерживаться именно философам, т. е. тем, кто в высшей степени равнодушен к телу и живет одной философией. Для того, чтобы понять, что я имею в виду, обратите внимание на отвагу и умеренность тех людей, которые не являются философами. Поистине, странными вам покажутся отвага и умеренность у людей, видящих в смерти великое зло, что всем известно. Получается, что отважные люди смело бросают вызов смерти во избежание более страшных бед. И, значит, все, кроме философов, проявляют отвагу, когда боятся, т. е. из страха. Кажется, однако, нелепым, чтобы человек был отважным из страха и малодушия. Но что сказать

[45] Платон. *Федон*, 67c–d.

[46] Платон. *Федон*, 68c–69d.

тогда об умеренных людях? Ведь у них те же самые соображения, что и у отважных. Неужели они умеренны ради какого-то излишества? Дело в том, что это невозможно, но, тем не менее, они придерживаются чего-то, напоминающего истинную умеренность, потому что боятся лишиться тех удовольствий, которые любят больше всего, т. е. они отказываются от некоторых излишеств лишь потому, что подчинены тяге к другим удовольствиям, от которых никогда не откажутся. Ведь подчинение удовольствия себе называется умеренностью, это правда, но, как бы там ни было, ради сохранения самых любимых наслаждений эти люди себя заставляют жестко подчинить себе тягу к другим, менее для них значимым удовольствиям. Мы получаем, значит, ту же самую ситуацию, которую привели только что относительно смельчаков: некоторые люди заставляют себя быть умеренными из страха потерять удовольствия, которым они поистине преданны. Это, конечно, не честный для добродетели обмен: отдать некоторые удовольствия ради других удовольствий, вынести некоторые страдания, чтобы избавиться от других, преодолеть некоторые страхи, чтобы не стать жертвой более страшных бед. Отдать меньшее зло или меньшее наслаждение, чтобы избежать большей беды или получить большее наслаждение. Как будто нравственный выбор — разменная монета, хотя единственная ценная монета — это мудрость, ради которого мы должны отдать все остальные монеты. Именно такой монетой, как мудрость, мы должны пользоваться в приобретениях и продажах, когда речь идет об отваге, умеренности, справедливости — одним словом, об истинной добродетели, сопряженной с мудростью, независимо от того, какие наслаждения, страхи или иные подобные вещи добавятся <67> или потеряются. При отсутствии мудрости уступки умеренности или отваге ради какой-то низменной цели — обманчивая добродетель, которая достойна, разве что, только рабов и не имеет никаких здоровых и истинных начал. Наоборот, истинная доб-

родетель означает настоящее освобождение от подобных уступок: в ней и умеренность, и справедливость, и отвага, и, в конце концов, сама мудрость — становятся неким очистительным обрядом. Вне всякого сомнения, вряд ли мы станем считать лжемудрецами тех, кто установил для нас правила для мистерий: на самом деле эти мудрецы с древнейших времен нас предупреждают о том, что души, которые, находясь еще в теле, не были приобщены к малым и великим таинствам, увязнут в Аиде после смерти, в то время как душа, которая успела очиститься от плотского и была приобщена к мистериям, как только очутится в потустороннем мире, будет там жить вместе с богами. Как говорят те, кто занимается посвящением в дионисийские таинства: «Многие носят флейты, но только немногие одержимы вакхическим исступлением». Под этими последними, на мой взгляд, подразумеваются те, кто предался философии. Если, поэтому, одна лишь философия предоставляет совершенную добродетель и полное очищение души, то нужно, чтобы мы приложили усилия к ее усвоению, поскольку дотрагиваться до божественного рода разрешено только тем, кто достойно занимался философией в жизни и ушел из этого мира чистым[47]. Иными словами, такое счастье дано только тем, кто любит истинное познание. По этой причине настоящие философы воздерживаются от всех плотских вожделений и сопротивляются им весьма упорно, не боясь ни разорения собственного дома, ни нищеты (как сребролюбцы), ни, тем более, потери гражданских прав и общественного уважения вследствие нищеты (как властолюбивые и честолюбивые люди), ведь от всех этих соблазнов они отказались, как только избрали путь философии. Именно поэтому те, кто так или иначе заботится о собственной душе и не живет только ради того, чтобы угодить телу, <68> простившись с плотскими вожделениями, не станут на путь всех

[47] Ср. Платон. *Федон*, 82b–84b.

остальных, не ведающих, куда идут, ибо они глубоко уверены в том, что нельзя совершать ни одного противоречащего философии действия; и поскольку философия и есть средство освобождения и очищения, доверяются ей на том пути, по которому она их ведет. Ведь любящие истинное познание прекрасно знают, что философия, принимая их душу, беспробудно заключенную в теле и связанную с ним, видит, как эта душа, лишенная своей самодостаточности[48] и своей сокровенной цели, вынуждена, как бы в тюрьме, наблюдать за миром через тело, словно опутанная непроглядным невежеством... Философия видит, что суровые условия этой тюрьмы вызваны плотскими желаниями, как будто сам узник больше всех способствует собственному заточению. Именно это, повторяю, знают любящие истинное познание: философия, когда принимает их душу, которая пребывает в таком бедственном положении, мягко увещевает ее и пытается освободить, доказывая ей, что философские поиски, проведенные с помощью зрения, слуха и всех остальных чувств, полны обмана; уговаривает ее избавиться от таких чувств во всех делах, где они не являются незаменимыми, подбадривает к тому, чтобы вспомнить себя и собраться в полном единении с собой, никому не доверяясь, кроме как самой себе, поскольку — вернув себе свою самодостаточность и пребывая сама в себе — она может представить истинную суть реальности (αυτὸ καθὸ αὑτὸ τῶν ὄντων). Что же касается того, что познается чужими душе средствами и, будучи разноликим, погружено в разъединенность земного бытия, то философия советует душе не воспринимать его реальным и истинным, поскольку предметы подобного рода принадлежат чувственному и видимому миру, в то время как душа, пребывая в себе, видит то, что по природе своей умозрительно и невидимо. Душа истинного философа считает нужным не сопротивляться такому освобожде-

[48] В оригинале: «μὴ αὑτὴν διὸαὑτῆς», то есть «не (будучи) сама для самой себя».

нию и поэтому воздерживается от наслаждений, желаний <69> и страданий, насколько это возможно, правильно понимая, что, когда мы остро испытываем наслаждение, боль, страх или желание, мы не подвержены ни одной из тех бед, которые себе представляем (как, например, заболеть или разориться вследствие собственных вожделений) — нас, наоборот, постигает тогда самая великая беда, которую вообще можно представить, но мы даже не подозреваем об этом. Имею в виду тот факт, что душа каждого человека вынуждена остро испытывать удовольствие и боль и, в то же самое время, считать, что эти ощущения — самые очевидные и реальные, но это далеко не так: ведь эти ощущения относятся исключительно к видимому миру. Именно такие ощущения приковывают душу к телу, поскольку любое удовольствие или любая боль как бы обладают неким гвоздем, через который они крепко пригвождают душу к телу и делают ее плотской, ложно убеждая в том, будто является истинным только то, что тело показывает таковым.

Из-за того, что душа подчиняется ощущениям тела и, в конце концов, воспринимает его наслаждение как свое собственное, она — мне кажется — вынуждена испытывать те же самые побуждения и питаться тем же самым, что и тело; таким образом, она никогда не попадает в Аид очищенной, но покидает тело оскверненной, вследствие чего ей суждено быть отвергнутой, отправленной обратно в другое тело и там словно бы заново всходить, как будто ее посадили в землю. Поэтому она не приобщается к тому, что является божественным, чистым, нерушимо цельным. Стало быть, по этой специфической причине — а не по общепринятой — те, кто праведно любит познание, умеренны и отважны.

Так судила бы душа философа и ни за что не поверила бы в то, что философия ее освободит лишь для того, чтобы душа могла заново предаваться наслаждениям [70] и страданиям, дала себя опутать новыми оковами и принялась за труд Пенелопы, которая ночами распускала всё сотканное за день.

Напротив, умиротворив телесную смуту, душа остается верной своему решению, пребывает в нем, созерцает божественное и всё то, что не подвластно изменчивым мнениям, питается всем этим: она считает, что следует жить в таком состоянии до конца дней своих и после смерти, оказавшись в соприродном мире, навсегда избавиться от зла, связанного с жизнью человеческой. Подобный путь нам явно показывает, что философия предоставляет душе освобождение от зла людской жизни, расторжение цикла перерождений и обращение в истинное бытие, познание реального мира и очищение. Если настоящее счастье заключается именно в этом и если мы действительно хотим быть счастливыми, то следует заниматься философией.

Однако следует задуматься и над следующим рассуждением: если душа действительно бессмертна, то мы должны заботиться о ней не только в течение того срока, который мы называем жизнью, но и в течение всей вечности[49]. Велика опасность от пренебрежения душой! Ведь если смерть была бы избавлением от всего, это было бы спасением для порочных, потому что — после смерти и исчезновения всего — они избавятся и от тела, и от своей злой души. Но поскольку душа, как нам кажется, бессмертна, после смерти не будет ей никакого спасения от мучений: поэтому ей придется стать как можно лучше и мудрее. Душа ничего с собой не уносит в Аид, кроме собственной мудрости и собственного воспитания, которые, как рассказывают, являются источником наилучшей пользы или наихудшей беды для усопших, как только они <71> окажутся там: чистая душа существует вместе с богами, вращается вместе со Вселенной и получает самый лучший удел, в то время как душа, которая в жизни совершала неправедные дела и насыщена всякими нечистотами и коварством, получает заслуженное наказа-

---

[49] Ср. Платон. *Федон,* 107b–d.

ние на потустороннем суде[50]. Именно по этой причине мы, еще находясь в этой жизни, все должны сделать так, чтобы проникнуться добродетелью и мудростью, потому что самая великая награда — это надежда. Для достижения этой цели мы должны довериться — ради спасения собственной души — тем, кто в своей жизни отрекся от остальных удовольствий, т. е. от наслаждений и от украшений плоти, поскольку для таких мудрецов это чуждые нам ценности, которые, скорее, вредят душе, нежели исцеляют ее: мудрецы, которым мы доверяемся, приложили все свои усилия к тому, чтобы познать и предоставить своей душе свойственные ей украшения, т. е. мудрость, справедливость, отвагу, свободу и истину, и уже ожидают ухода в Аид, чтобы достойно отправиться в это путешествие, когда судьба им прикажет[51]. Поскольку дело обстоит так, то мы не должны заботиться ни о чрезмерном накоплении богатств, ни о славе, ни о почестях, но только о мудрости, об истине и о душе — чтобы последняя стала как можно лучше. Нельзя придавать ничтожное значение тому, что ценнее всего, или преувеличенное значение тому, что презреннее всего. Иначе говоря, мы не должны заботиться ни о теле, ни о богатствах; или, по крайней мере, мы не должны о них заботиться усерднее, чем о душе, чтобы последняя была как можно добродетельнее. Из богатств не рождается добродетель — наоборот, это из добродетели рождаются богатства и все остальные общественные или <72> личные блага для людей[52]. Поэтому нам следует думать о том, что существует только одна истина, и она заключается в следующем: для добродетельного человека — как при жизни так и после смерти — не уготовано никакое зло[53], и все его дела находятся под опекой богов,

---

[50] Ср. Платон. *Федр*, 249a.

[51] Ср. Платон. *Федон*, 114c–115a.

[52] Ср. Платон. *Апология Сократа*, 30a–b.

[53] Платон. *Апология Сократа*, 41c–d.

так что от него самого зависят все блага, которые его ведут к счастью; и тот, кто станет ближе всех остальных к этому состоянию, будет самым счастливым из всех[54]. Таковы должны быть пути, которые, исходя из таких размышлений, ведут к философскому увещеванию.

14. В добавление ко всему этому нужно развернуть наше увещевание к философии, основываясь также, в качестве примера, на жизни людей, которые в этой дисциплине оказались основоположниками, и следовать именно правилам пифагорейцев: поскольку последние, начиная с самой молодости, как бы пренебрегают дорогой на агору, не удосуживаются узнать, где находится Дикастерий[55], Булевтерий[56] или какое бы то ни было городское собрание, не знакомятся с законами и постановлениями — будь то письменные или устные, — проявляют полное равнодушие к прениям в гетериях[57] по поводу получения государственных должностей, и даже во сне им не придет в голову посещать всякие там собрания, пиры и празднества с участием флейтисток. Пифагореец не знает о том, кто в городе знатен или незнатен, какие недостатки эти знатные или незнатные унаследовали от родителей, от матери ли, от отца ли, все это для него и выеденного яйца не стоит. Скажу даже больше: он и не подозревает о том, что не знает ничего об этих делах, поскольку сторонится их — не из-за гордыни, но из-за того, что находится в городе только телом и только благодаря унаследованному праву на проживание, в то время как его разум, ко-

[54] Ср. Платон. *Менексен,* 247е.

[55] Дикастерий (δικαστήριον) — суд присяжных в древнегреческих полисах. — *Примеч. ред.*

[56] Булевтерий (βουλευτήριον)— административное здание античных времен. — *Примеч. ред.*

[57] Гетерии — союзы знатных граждан в древнегреческих полисах, члены которых поддерживали друг друга в судебных делах и при соискании определенных должностей в государстве. — *Примеч. ред.*

торый ставит ни во что <73> все это, презирает городскую суету и устремляется оттуда далеко, как пишет Пиндар, для того, чтобы геометрически измерить подземные пласты и астрономически — небесные выси: таким образом, он повсюду открывает полную суть любого существа или явления, но никогда не опускается к тем существам, которые его окружают.

Показательно в этом смысле то, что рассказывают о Фалесе. Он ревностно изучал астрономию и однажды, пристально глядя на небо, упал из-за этого в колодец. Некая невольница из Фракии, остроумная и милая, стала над ним подшучивать: он, дескать, так хочет познать небесное, но не ведает того, что перед ним и прямо под ногами. Было бы, конечно, так же справедливо подшучивать и над всеми остальными, кто посвящает всю свою жизнь философии, потому что они действительно не знают ни своих соседей, ни род их занятий, ни даже, можно сказать, являются ли эти соседи людьми или каким-то другим видом живых существ. Это происходит потому, что на самом деле философу важно понять, в чем же заключается истинная суть человека, что свойственно только ему и отделяет от всех остальных людей, какой сокровенный смысл заложен в его действиях и страданиях. Вот что философ исследует и пытается познать. Именно поэтому такой человек (т. е. истинный философ) в повседневном общении с остальными людьми — когда на суде или где-то еще он вынужден обсуждать то, что у него под ногами и прямо перед глазами, — подвергается насмешкам со стороны не только фракийских бабенок, но и всего остального народа, потому что из-за своей неопытности он, так сказать, проваливается в колодцы и попадает во всевозможные затруднения. Из-за этих оплошностей он страшно позорится, и остальные считают его дурачком: ведь он не в состоянии никого поставить на место, как следует, поскольку, будучи вообще далек от житейской грязи, не знает ни за кем ни слабых сторон, ни прегрешений;

поэтому когда он оказывается в какой-то затруднительной ситуации, он смешон. Да, он позорится и выглядит чудаком даже тогда, когда другие кого-то хвалят или льстят, потому что он расхохочется не от хитрости, <74> но искренне, по-настоящему. Например, если хвалят тирана или царя и используют такую метафору, как будто он доит несметное количество молока[58], философ искренне подумает, что хвалят какого-то пастуха, свинопаса, козодоя или скотовода, и так же искренне жалеет его, потому что и тиран, и царь, на его взгляд, доят самое строптивое и опасное животное на свете — человека, а такое животное обязательно станет, из-за отсутствия досуга, грубым и невежественным не хуже самих пастухов, укрывшихся в горном убежище, окруженном стеной. Или когда ему рассказывают о человеке, который владеет десятью тысячами плетров земли, и о нем говорят как об удивительном человеке, философу кажется, что удивительна тут, разве что, только глупость этого высказывания, поскольку он привык исследовать необъятные просторы Вселенной. Но это еще не всё. Если при нем восхвалят какие-то роды и он услышит, что некий род очень знатен, потому что там аж семь поколений богатых предков, то он, философ, посчитает, что хвалят люди подслеповатые и близорукие, потому что из-за собственного невежества они не в состоянии устремить умственный взгляд во Вселенную и понять, что у каждого из нас нескончаемое количество предков и прародителей, у которых в роду числятся бедные и богатые, царствующие и рабствующие, варвары и греки... и у каждого из них насчитываются десятки и десятки тысяч перерождений! Если прославят своих прародителей вплоть до двадцать пятого колена, называя родоначальником самого Геракла, сына Амфитриона, то даже такая похвала покажется философу жалкой до странности, поскольку быть потомком Амфитриона в двадцать пятом колене — это всего

[58] Имеется в виду, вероятно, что его достояние очень велико. — *Примеч. перев.*

лишь дело удачи, как и быть его прародителем за пятьдесят поколений до него; и он вдруг опять расхохочется, потому что восхваляющие даже не в состоянии сделать этот простой расчет и освободиться от суеты не способной к истинному мышлению души. В описанных случаях над таким человеком все смеются презрительно: в их глазах это гордец <75>, который даже не замечает, что у него под ногами, и теряется, как болван, в любом деле. Но... но когда он возьмет какого-то человека с собой в выси небесные, и этому человеку нужна помощь философа в решении таких нравственных вопросов, как, например: «Какую несправедливость я допустил по отношению к тебе или ты по отношению ко мне», — для того, чтобы разобраться в справедливости и несправедливости, в том, что свойственно каждому из этих понятий или им обоим, и в чем они, наконец, различаются... или, положим, этому приземленному человеку нужно решить такой еще вопрос: «Счастлив ли царь от того, что обладает великим богатством?» — для того, чтобы постичь истину о царском уделе и, в общем, о счастье и несчастье людском, об их свойствах и каким образом следует человеку приобрести первое и избегать второго... Так вот, именно тогда, когда этому обывателю, чья душа жалка и поверхностна, хотя хитра и весьма искусна в житейских делах, необходимо вникать во все эти вопросы, наступает пора возмездия за презрение, проявленное в свое время к философу. У обывателя сразу появляется головокружение, потому что он не привык оказываться душой в таких умозрительных высях и созерцать дела мирские с такой высоты: тогда он, весь такой смущенный, своим беспомощным лепетом смешит не столько фракийских бабенок или иной невежественный люд (подобные люди даже не заметили бы такого смущения), сколько тех, кто получил образование, достойное не раба, а свободного человека. Дело в том, что образ жизни раба и свободного человека разительно отличается: последний был воспитан как вольный человек в соответствующих дисциплинах,

и именно последний имеет право считать себя философом. Ему, в силу своего благородства, не следовало бы стыдиться того, что он выглядел бы каким-то простаком или непотребным работником если, положим, ему пришлось бы служить в качестве раба, и он не умел бы, например, ни собрать в походную сумку все необходимое для ночлега, ни приправить некое блюдо, ни польстить хозяину; напротив, человек, который родился рабом и воспитывался таким, прекрасно разбирается в упомянутых задачах, даже если не умеет ни поднять плащ <76> и прикрепить его на правом плече, как делают свободные, ни правильно подобрать нужные слова для возвеличения истинной жизни богов и счастливых людей. Я считаю поэтому, что если люди поверят в правоту подобных суждений, они найдут в себе настоящее умиротворение и меньше будут страдать. Не может быть, чтобы страдания полностью исчезли (потому что необходимо, чтобы всегда было некое сопротивление добру) или пребывали рядом с богами: нужно, чтобы они отягощали природу смертных и землю. Поэтому мы должны сделать так, чтобы как можно скорее убежать отсюда к высям небесным. Бегство отсюда — не что иное, как уподобление самим богам, насколько это возможно; в свою очередь, это уподобление — не что иное, как стать справедливыми и праведными в мудрости.

Но раз это так, будет совсем не легко убедить простых людей в том, что нужно избегать порочности и стремиться к добродетели — не для того, чтобы просто казаться непорочным и добрым (поскольку подобные рассуждения, на мой взгляд, всего лишь пустая болтовня, достойная, разве что, каких-то праздных старушек, как говорится). Истина заключается совсем в другом, собственно — в следующем: Бог никак не может быть несправедливым, он, наоборот, в высшей степени справедлив, и среди нас уподобится ему только тот, кто станет таким же справедливым. Этим достижением измеряется истинная добродетель человека —

или его ничтожество и подлость. Отдать себе отчет в этой истине означает мудрость и истинную добродетель, в то время как незнание ее указывает на явную неразумность и порочность: остальные добродетели тогда нам покажутся низменными навыками (если они применены в рамках политической власти) или практическими знаниями (если применены в ремеслах). Лучше, стало быть, не предоставлять несправедливому и порочному человеку возможность стать в чем-то сведущим вследствие собственной хитрости, потому что такой человек тогда превратит свою несправедливость и свою порочность в добродетель и поверит в собственную значимость: не «бессмысленное тело на земле», но такое лицо, без которого и город ни дня не простоит. <77> Нужно такому человеку сказать правду. А правда заключается в следующем: он никак не является тем, кем возомнил себя, поскольку ему неведомо понятие о каре, вызванной несправедливостью. А достойный человек не может об этом не подозревать. Такая кара не заключается в побоях и казнях, как порочный обычно считает: он ведь часто избегал такой кары, даже если совершал преступления. Истинная кара, о которой мы говорим, — неизбежное и роковое возмездие. Итак, если мы правильно определили эти модели поведения (с одной стороны, пример божественности и счастья, с другой же — прообраз безбожья и великого несчастья), то те, кто не понимает эту основу мироустройства, вследствие собственной неразумности, крайней порочности и несправедливых поступков, подпадают под вторую модель поведения и оказываются полностью чуждыми первой. Именно из-за чуждости первой модели они отбывают наказание на этой земле. И если мы станем говорить, что им следует отказаться от своего проворства, иначе не только после смерти их не примут в то место, которое очищено от всякого зла, но и здесь им придется терпеть образ жизни, который соответствует выбранной ими модели — порочные в обществе порочных, — то они будут слушать наши предостережения,

как хитрые и ловкие дельцы слушают слова какого-нибудь блаженного. Но они о себе явно слишком высокого мнения. Однако с ними случается следующее: когда, оставшись наедине, они понимают, что им придется ответить за свои действия и принять ту участь, которая у них вызывает омерзение в других, и собираются упрямо, смело сопротивляться, а не удирать трусливо, — тогда доводы, которые они до этого приводили, их, как ни странно, больше не удовлетворяют, и их пресловутое красноречие настолько, так сказать, вянет, что они кажутся какими-то растерянными детьми[59]. Поэтому если это именно так и самой счастливой и божественной является жизнь, отданная философии, то нужно предаться этой дисциплине самим благородным образом.

<78> **15.** После всего сказанного нужно определить нашу природу в соответствии с воспитанием или его отсутствием по следующим критериям. Давайте представим, что перед нами люди, живущие в каком-то подобии пещеры, и что свет, освещающий эту пещеру, проникает туда только от входа. Эти люди живут в пещере с детства, их ноги и шеи так плотно сдавливают оковы, что невозможно свободно двигаться и можно смотреть только вперед. Из-за оков невозможно повернуть голову. За их спинами горит сверху далекий солнечный свет. Между ним и заключенными на возвышении возведены как будто подмостки, похожие на те, что используют скоморохи, зазывая зрителей. Представьте еще, что на этих подмостках какие-то люди носят всевозможные предметы и ставят их на всеобщее обозрение: то статуи, то изображения животных из мрамора, дерева и всякого иного вещества. Из таких людей, носящих эти предметы, некоторые, естественно, говорят, другие же молчат. Предлагаемый нами образ — странный, и такими же странными являются прикованные люди, если вообще они похожи на нас. Ведь

[59] Ср. Платон. *Теэтет*, 173c–177b.

что, на ваш взгляд, эти люди на самом деле знают о себе и о своих соседях, кроме тех теней, которые отбрасываются светом на стену пещеры напротив них? Кроме тех теней, они ничего не знают. Да и как могло бы быть иначе, раз их голова всю жизнь неподвижна? И что мы скажем о предметах, которые носят на подмостках? Разве не скажем, что если эти прикованные люди могли бы говорить между собой, <79> они назвали бы такие тени реальными существами? Обязательно назовут! И что было бы тогда? Если в той тюрьме был бы еще слышен некий отзвук, раздающийся от входа — оттуда, где свет и подмостки, — и если бы люди, несущие предметы, иногда произносили бы какие-то слова, как вам кажется: неужели прикованные не подумают, что их произносят именно зыбкие тени? Они подумают именно так. Эти узники никак не поверили бы в то, что существует иная реальность, отличающаяся от безжизненных теней. Вне всякого сомнения, они верили бы только в существование таких теней. А теперь представьте, что было бы, если бы они оказались освобождены от оков и исцелены от своего безумия. Разумеется, вы легко поймете, что произойдет следующее: как только их освободят, этим несчастным придется резко встать, повернуть голову, начать ходить и смотреть на источник реального света. От непривычности подобных действий им станет больно, и, ослепленные светом, они не будут в состоянии различать предметы, на чьи призрачные тени раньше смотрели в темноте. Что, по вашему мнению, они ответят, если им скажут, что они до этого смотрели только на призрачные тени, в то время как сейчас открылось их взгляду нечто, более близкое к истинной реальности, ибо они уже видят по-настоящему? Что бывшие узники смогут ответить, если освободители им покажут разные предметы, попадающиеся на пути, и попросят их назвать? Не кажется ли вам, что им было бы сложно ответить и они до сих пор верили бы в то, что тени, которые они видели всю жизнь, все же реальнее того, что сейчас им показывают? Несомненно,

с ними будет именно так. И если, в дальнейшем, их заставили бы смотреть на свет, разве не испытывали бы они резкой боли в глазах и не повернулись бы назад, чтобы убежать к теням, будучи уверены в том, что те более четко видны, чем предметы, которые сейчас им показывают? Но это еще не все: разве они не опечалятся и не возмутятся, если освободители их насильно вытащат из пещеры и поволокут вверх, по крутому склону, и не отпустят, пока узники, наконец, не окажутся вне пещеры, при ярком солнечном свете? <80> И, оказавшись при таком свете, разве они не будут настолько ослеплены им, что ничего не смогут увидеть из того, что мы называем истинным миром, и начнут спотыкаться обо все? Мне кажется, бывшим узникам понадобится время, чтобы привыкнуть к миру вне пещеры. Сначала им легче будет различать тени, затем отражения людей и всего остального на водных гладях, и, наконец, только по истечении некоторого времени они смогут увидеть настоящие тела. Чуть позже они уже смогут созерцать ночью отражения того, что движется на небе, и самого неба, любуясь светилами и луной — что было бы невозможно днем из-за ослепительного солнечного света. Наконец, они смогут наблюдать и созерцать даже это самое Солнце, в его истинном обличии, а не в каком-то отражении на воде или где-то еще. После этой стадии они уже будут в состоянии исследовать природу Солнца, догадываясь о том, что именно оно, верховенствуя над всем, что находится в видимом мире, является причиной смены времен года, чередования лет и, каким-то образом, всего, что они видели раньше. Итак, осознав это, они придут и к очередным новым заключениям. К каким, именно? К следующим: вспомнив свое пребывание в пещере, тамошние ложные знания и своих тогдашних товарищей по несчастью, они, несомненно, обрадуются переменам, возникшим в их жизни, и, скорее всего, проникнутся жалостью к тем, кто остался там, в пещере. Разве мы допустим, чтобы они до сих пор стремились к почестям и похвалам, которые,

возможно, там воздавались, например, тем, кто умел острее и четче всех остальных различать тени, которые появлялись перед ними, или запоминать последовательность их появления и поэтому предугадывать их дальнейшее чередование и расположение — сзади, спереди или вместе? Неужели мы поверим в то, что они до сих пор <81> испытывают ревность к тем, кто пользовался признанием и уважением в пещере? Или, скорее, они будут испытывать чувства, которые Гомер приписывает Ахиллесу, беседующему с Одиссеем: «Я предпочел бы быть земледельцем, служащим разорившемуся хозяину, и терпеть все лишения, лишь бы не придерживаться подобных суждений и не жить в таком состоянии!»[60] Задумайтесь и над этим: если те бывшие узники вернулись бы в пещеру и сели бы на тот же стул, они — привыкшие уже к истинному дневному свету — теперь ничего не смогли бы различать в том мраке. И если им пришлось бы снова различать тени и соперничать в этом с узниками, которые никогда не выходили из пещеры, и их отвыкшему от мрака зрению понадобилось бы значительное количество времени для того, чтобы заново приспособиться к темноте, неужели они не стали бы подвергаться насмешкам со стороны узников, и не скажут ли узники, что они испортили себе зрение во время пребывания в верхнем мире? Не решат ли они, что ни в коем случае нельзя подниматься наверх? Мало того: если кто-то попытался бы их освободить и увести в верхний мир, они его, несомненно, убили бы, будь у них возможность. Итак, мы должны полностью применить этот пространный образ ко всему, что изложили до этого, сравнивая с пещерой то, что в этом мире доступно нашему зрению, а свет, освещающий пещеру от входа, — с мощью

[60] Гомер. *Одиссея,* XI. 489–492:

Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать, мертвый.
(Перевод В. А. Жуковского.)

видимого солнца. Выход же из пещеры и созерцание того, что находится за ее пределами, верно символизируют восхождение души к умопостигаемому миру. То, что появляется последним в этом умном восхождении, как мне кажется, это именно образ Блага. Этот образ едва различим, но как только мы его разглядели умом, мы должны прийти к заключению о том, что он — причина всего правильного и прекрасного для всех существ и что именно он порождает в видимом мире свет <82> и хозяина света, в умопостигаемом же — представляет самодостаточно истину и разум: стало быть, всякий, желающий поступить мудро как в личной, так и в общественной жизни, должен лицезреть именно такой образ[61]. И если правильное воспитание обеспечивает как раз такое достижение и разница между воспитанием и его отсутствием действительно настолько велика, тогда — что нас еще удерживает от того, чтобы прилежно учиться, заниматься философией и отвернуться от всего, что кажется большинству желаемым, как от того, что легковесно и ничтожно для достижения истинного счастья?

16. Но продолжим. Если все сказанное нами соответствует истине, то нам следует из этого сделать заключение: те, кто относится к воспитанию как к собственному ремеслу — имеют неверное представление об истинном воспитании. Эти «наставники» предполагают, что можно внедрить знания в душу, их лишенную, как, например, можно внедрить зрение в слепые глаза. На самом деле, мы уже доказывали, что способность приобщиться к знаниям изначально и естественно свойственна душе каждого из нас, в ней же существует и подходящее средство познания, через которое каждый из нас учится и получает знания. И как невозможно оживить зрение без участия всего остального тела, — так же невозможно оживить без участия всей души познава-

[61] Ср. Платон. *Государство*, VII.514a–517c.

тельные способности настолько, чтобы посредством их мы проделали путь из мира становления вплоть до созерцания истинного бытия и его самой лучезарной стороны, которую мы называем Благом.

На самом деле техника такого познавательного совершенствования очень проста и действенна, поскольку — следуя ей — мы не внедряем в душу способность умозрительно созерцать, но как бы направляем эту способность, которая уже находится в душе, по правильному познавательному пути для того, чтобы душа могла увидеть истинное бытие и добиться своей цели. Ведь все остальные так называемые добродетели души <83> могут оказаться слишком соприродными с добродетелями тела, потому что они, сначала отсутствуя, впоследствии внедряются посредством привычки и их постоянного применения; напротив, добродетель мудрого мышления принадлежит, больше всех остальных, какой-то более божественной сфере, которая как бы никогда не теряет свою мощь в присутствии мудрости и, в зависимости от направления, выбранного душой на пути познания, может быть либо в высшей степени полезной и выгодной, либо крайне бесполезной и вредной. Вы разве никогда не замечали, что душонка злых, но умных людей весьма дальновидна и умеет четко различать то, к чему она стремится? Да, у этой души отличное зрение, но она подчинена собственной порочности настолько, что чем четче видит перед собой свою цель, тем больше жестокостей совершает? А все же, если бы душонка таких людей подверглась исправлению с самого детства и была бы очищена от недостатков, унаследованных по рождению, как от отвратительных наростов, вызванных обжорством или подобными излишествами — ведь именно эти недостатки приковывают обладающее отличным зрением внутреннее око этой души к мирским ценностям, — то она подняла бы свой взгляд к истинному бытию и созерцала бы его так же ясно и четко, как она,

в своем нынешнем состоянии, рассматривает плотские дела[62].

Теперь пришла пора предстать философскому действию в своей истинной сути и прояснить бесценную пользу от воздействия философии, ибо именно ей надлежит устранить из души все нечистоты, появившиеся в ней вместе с рождением, и полностью очистить уготованную мыслить способность. Таков самый лучший образ жизни, который мы могли бы выбрать: жить и умереть, претворяя в жизнь справедливость и все прочие добродетели[63]. Пусть мы останемся верными этому правилу, если хотим быть поистине счастливыми.

<84> **17.** Если следует также — исходя из мудрости древних изречений, как и из мудрости священных и остальных (в том числе, пифагорейских) мифов, — чтить память тех, кто подчинился этому правилу, то мы можем приступить к рассмотрению следующего рассуждения. Верно говорят, что поистине счастлив именно тот, кто ни в чем не нуждается, в то время как жизнь тех, чьи желания бесчисленны, ужасна. Поэтому нам не стоит удивляться следующим правдивым словам Еврипида: «Кто знает, может быть, жизнь — это на самом деле смерть, а смерть — жизнь»[64]. Возможно, и мы на самом деле — мертвецы, поскольку мне уже доводилось слышать от мудрецов, что наша земная жизнь есть не что иное, как смерть, и наше тело является гробом: часть души, в которой пребывают желания, подвластна искушениям от тела и изменчива. Именно такую часть души человек, сведущий в древних мифах (родом он был то ли сицилиец, то ли италиец), пользуясь игрой слов, назвал «кувшином»[65],

[62] Ср. Платон. *Государство,* VII. 518b–519b.

[63] Платон. *Горгий*, 527e.

[64] Отрывок из утраченной трагедии Еврипида, процитированный в *Горгии* Платона (492e).

[65] Πίθον. Ср. Πιθανός («обольстительный, легковерный»).

а «неразумных»[66] назвал «непосвященными»[67]. По поводу таких «непосвященных» он сказал, что часть души, где пребывают их желания, является как бы «расколотым кувшином», который никогда не наполнится из-за своей слабости и неумеренности. Этот мудрец, в отличие от большинства людей, доказывает, что самые несчастные души в Аиде (он его так называет из-за «невидимости» этого места) — именно «непосвященные», которым приходится наполнять водой расколотый кувшин с помощью сита. Под «ситом» этот мудрец, с которым я имел личную беседу, подразумевал душу. Душа неразумных уподоблялась ситу, потому что она как бы продырявлена и не в состоянии задержать что бы то ни было из-за своей склонности <85> к забвению и безбожию. Эти игры слов, которые можно, конечно, считать слегка заумными, явно показывают то, что я вам доказываю в своем увещевательном изложении: нужно отказаться от ненасытности и порочности и соблюдать образ жизни, отличающийся честностью и довольствующийся тем, что уже имеется, поскольку это вполне удовлетворяет наши потребности. Кроме того, мы должны твердо верить в то, что честные люди гораздо счастливее порочных. Но разрешите мне применить еще один образ, основанный на наставлении, которое мы только что привели. Наблюдайте образ жизни умеренного и порочного человека и определите для себя, не напоминают ли умеренность первого и ненасытность второго двух людей, обладающих множеством кувшинов. Кувшины первого гладки, прочны и до краев наполнены — вином ли, медом ли, молоком ли, иными ли жидкостями. Содержимое этих кувшинов — редкость, просто так его не достанешь, или, можно сказать, приобретено оно было тяжелым трудом. Как только умеренный человек наполнит свои кувшины, он перестанет лить дальше и успокоится.

[66] ἀνοήτους.

[67] ἀμυήτους.

А ненасытный (у которого есть все же возможность, хоть и с трудом, приобрести те же самые жидкости, что приобрел умеренный) обладает треснутыми кувшинами и поэтому вынужден постоянно лить эти драгоценные жидкости, днем и ночью. Иначе жидкости исчезнут, и его постигнет великая печаль. Итак, наблюдая жизнь того и другого, мы разве не посчитаем, что честный человек несравненно счастливее порочного? Последний ведь может быть счастливым, только если будет непрерывно лить как можно больше жидкостей в свои кувшины, но это действие все равно бессмысленно, ибо жидкости все равно пропадут из-за треснутых кувшинов[68]. Ему придется жить буквально как ржанке[69]. Но тот, кто раз и навсегда обеспечит свое хозяйство нужными жидкостями, останется свободным на всю жизнь. Таково увещевание (весьма почетное своей древностью) к тому, чтобы усовершенствовать добродетель.

<86> **18.** Родствен предыдущему и следующий аналогичный путь. Исходя из опыта, явленного в теле, он приводит к осознанию бедствий и благ для души. Заставляя душу избегать бедствий, такой путь отчуждает наш жизненный выбор от нравственных нечистот, увещевает нас к тому, чтобы усовершенствовать себя как можно усерднее в благе, и делает наш разум способным к достижению прекрасного. Если, например, нужно избегать потрясений и болезней тела, то — тем более следует избегать недугов души; и если телесное заболевание делает нашу жизнь невыносимой, тем более несправедливость, являющаяся недугом души, невыносима для тех, кто поражен ею. И если расстроенное тело отравляет гармонию нашей души, то когда начало, благодаря которому мы живем, расстраивается и сопротивляется самому себе, вести гармоничную жизнь становится вообще

[68] Ср. Платон. *Горгий*, 492e–494b.

[69] Ржанка — небольшая птичка, которая всё свое время тратит на поиски пищи. — *Примеч. ред.*

невозможным. Но давайте перейдем к рассмотрению другой стороны исследуемого нами пути: как наше тело, когда оно находится в гармонии, представляет несомненную для нас пользу, но становится жалким, когда эта гармония нарушается, так и расстроенная душа будет разрушительной силой, в то время как она для нас спасительна, когда пребывает в порядке и гармонии.

Итак, порядок и гармония в теле отождествляются с силой и здоровьем. В душе же они отождествляются с законосообразностью и законом. Ибо как мы признаём гармоничное тело условием хорошего самочувствия, из которого вытекает уже и здоровье, и любая иная телесная добродетель, так же мы называем <87> гармоничное состояние души [внутренним] законом, от которого зависит соблюдение [внешних] законов и честности. Сохранение этих ценностей составляет справедливость и умеренность. Те, кто заботится о собственной душе посредством соблюдения таких правил, при любом произнесенном слове или совершенном деянии будут действовать с оглядкой на спасение души; и если что-то подарят своим согражданам или отнимут — подарят или отнимут исключительно для того, чтобы сохранить справедливость в своей душе, уничтожить несправедливость, породить умеренность, устранить ненасытность, развить любую добродетель и рассеять любую порочность. Разве полезно питать изможденное и заболевшее тело чересчур обильной и неудобоваримой едой, или множеством напитков, или чем-нибудь еще, что никак не поможет ему или вообще повредит? Ведь это именно так. Я не думаю, что для человека представляет какую-либо пользу жить с больным телом, потому что и сама жизнь будет болезненной. Значит, и утоление собственных желаний (например, есть, когда охота, или пить, как только появится жажда) разрешается врачами, в основном, только здоровым людям, а вот больному вряд ли позволят наесться досыта. Это рассуждение действительно и для души: пока она зла, ибо грешит

бессмысленностью, распущенностью, несправедливостью и богохульством, нельзя разрешить ей утолять свои желания; можно позволить ей лишь то, что сделает ее лучшей, ибо таким образом станет легче самой душе. Пресечение утоления собственных порочных желаний является как бы наказанием самой порочности души. Наказание для души лучше, чем безнаказанность (вопреки тому, что думает по этому поводу большинство), а придерживаться честности <88> и порядка — лучше, нежели нечестность и распущенность[70]; так что необходимо, в любом случае, совершенствовать в себе справедливость и умеренность в ущерб противоположным качествам. И на этом заключении мы остановимся.

19. Можно было бы, однако, рассудить об этом отдельно, исходя из благ души, и прийти к предыдущему заключению, доказывая, что осуществление благ души — незыблемое основание счастья: когда душа преобладает над телом и блага ее явно преобладают над благами тела, то последние становятся презренными, блага же души — драгоценными и священными. Поэтому благо души — не то же самое, что удовольствие тела, и мы должны получить некое удовольствие тела ради блага души, но не наоборот. Удовольствие, когда возникает, вызывает у нас наслаждение, а благо души порождает в нас добро. Мы и всё остальное, что составляет нашу жизнь, приобщаемся к добру, когда рождается некая добродетель. Однако добродетель любой вещи — орудия, тела, души или всякого живого существа — не достигает своего совершенства случайно, но только через порядок, честность и предназначенную для данной добродетели дисциплину. Благодаря такому порядку добродетель каждого является чем-то благоустроенным и гармоничным, как сказал бы рассуждающий мудро <...>[71] гармония, свойствен-

[70] Ср. Платон. *Горгий*, 504a–505b.

[71] В оригинале лакуна.

ная любому существу, проявляет добро, присутствующее в этом существе. Поэтому и душа, обладающая гармонией, лучше души, лишенной ее. Душа, обладающая гармонией, как раз уравновешенна, и уравновешенная душа неизбежно обладает умеренностью. Стало быть, душа, в которой присутствует благо, умеренна. <89> Этим я хочу сказать, что если в умеренной душе присутствует благо, то душа, чье состояние отрицает умеренность, не может не быть злой: такая душа — неумеренна и распущенна. По-другому и не может быть. Тот, кто умерен, совершит действия, не оскверняющие ни людей, ни богов, ибо тот, кто неумерен, не может совершить такого. А умеренный человек, совершая подобающие действия по отношению к людям, совершит по отношению к последним и справедливые действия, а по отношению к богам — праведные. А ведь тот, кто совершает справедливые и праведные поступки, является неизбежно и справедливым, и праведным. И, так же неизбежно, он будет смелым, ибо не следует умеренному человеку избегать или не придерживаться того, что подобает. Он, напротив, будет избегать или не придерживаться того, что не подобает (идет ли речь о предметах или людях, или наслаждениях или страданиях), и он продолжит проявлять упорство там, где нужно. Следовательно, абсолютно необходимо, чтобы умеренный человек (который, как мы заключили, справедлив, смел и праведен) был и совершенно благ, и в этом случае все его поступки были бы так же благими и прекрасными. Необходимо также, чтобы он был в высшей степени счастливым вследствие своих благородных поступков, в то время как порочный, совершающий несправедливое, должен быть несчастным: последний ведь неумерен и является полной противоположностью умеренного человека. Итак, если это правда, то любой желающий быть счастливым обязан, с одной стороны, придерживаться умеренности и совершенствовать ее, и с другой — решительно отрекаться от неумеренности. Он должен устранить из своей жизни даже

самую отдаленную возможность быть наказуемым и, если хочет быть счастливым, должен сам наложить справедливое наказание на себя ли, на родственника ли, на частного ли гражданина или на целый полис.

По всей видимости, именно ради такой цели подобный человек должен жить, направляя к ее осуществлению и личные свои дела, и дела своего полиса, <90> чтобы и тот, желая быть счастливым, носил в себе начала и справедливости, и умеренности. Он должен действовать так, чтобы его желания ни в коем случае не были неумеренными; если же они все-таки неумеренны, не удовлетворять их, что явилось бы великим злом, ибо тогда он превратился бы в разбойника. Ведь человек, который ведет такой разбойнический образ жизни, не может быть угодным ни людям, ни богам, потому что он отделен от тех и от других. А тот, кто отделен, не может принять истинного участия в человеческих отношениях. Недаром мудрецы говорят, что небо и земля, боги и люди — носят в себе начала единства, дружбы, честности, умеренности и справедливости. По этой причине они называют вселенную не «дисгармонией», не «распущенностью», а «космосом» (т. е. «порядком»). Те, кто не подчиняется такому закону, забывают, что геометрическое равновесие выполняет великую функцию и среди богов, и среди людей, и считают в своем сердце, что им можно быть высокомерными, т. е. нарушать геометрические законы[72]. Вот что, в общем, можно сказать о счастливой жизни. Из всего изложенного нами вытекает, что те, у кого нет иного выбора, кроме как жить низменно, лучше предпочитают умереть благородно, чем передать свой позор детям и потомству, и обесчестить своих отцов и предков. Ведь тот, кто позорит свой род, ведет невыносимую жизнь и, пребывая в таком состоянии, не может рассчитывать ни на кого из людей и богов — ни на земле при жизни, ни в потустороннем мире после смерти. Поэто-

[72] Ср. Платон. *Горгий*, 506c–508a.

му необходимо, чтобы каждый человек, совершая какой-либо поступок, совершил его, полностью соблюдая добродетель, сознавая, что без нее любое богатство и любое дело безобразны. Ведь богатство не делает прекрасными тех, кто приобрел его бесчестно <91> (ибо они стали богатыми за счет других, а не благодаря собственному труду), а красота и телесная мощь не облагораживают трусливого и подлого — скорее уродуют его, поскольку больше подчеркивают его подлость. Таким же образом и любая наука, отделенная от справедливости и от иных добродетелей, скорее всего — хитрость житейская, а не истинная мудрость. Поэтому до нашего рождения, при жизни и после нее мы должны изо всех сил стремиться к тому, чтобы превзойти наш род в истинной славе или, по крайней мере, остаться достойными его уровня; ибо достижения рода, если они незначительны, легче обеспечат нам честь, если же они велики, нам будет легче опозорить себя в случае собственных неудач. На этом поприще мы можем добиться наилучших результатов, если не позволим себе злоупотреблять славой рода и бессмысленно рассеивать ее: не бывает худшего позора, чем, в мечтах о славе, прикрыть собственное ничтожество величием предков, ибо наша сокровенная принадлежность роду — прекрасное и благородное сокровище, но злоупотреблять этим духовным сокровищем и сопряженным с ним материальным достатком, и не передать ни того ни другого своим детям, поскольку мы не сумели ни сохранить уже имевшееся, ни приобрести новых богатств и почестей, — великий позор, нас унижающий, поскольку нам следовало бы, в первую очередь, рассчитывать не на наследие предков, а на наши собственные достижения: именно последние нам обеспечат в любом случае добрую славу и счастье[73]. В связи с этим старая поговорка: «Пусть у нас не будет ничего лишнего», — оказывается очень справедливой, поскольку

---

[73] Ср. Платон. *Менексен*, 246d–247b.

тот, кто окружает себя всем, что ведет к счастью <92> или приближает к нему, и избегает зависимости от остальных людей, чьи ошибки, связанные с добрыми или злыми поступками, могут сорвать и его собственные начинания, уготовил себе достойную жизнь наилучшим образом. Человек, о котором идет речь, умерен, смел и мудр: именно он, когда приобретет или потеряет богатства или детей, постарается во всем следовать поговорке и останется, при любом исходе, невозмутимым, ибо он полагался только на себя. Таковыми должны быть те, кого мы считаем благородными: они не испытывают ни чрезмерного раздражения, ни чрезмерного страха, даже если им предстоит умереть на месте или подвергнуться серьезному испытанию[74]. Нужно придерживаться всегда следующего изречения: благородный человек, будучи мудрым и справедливым, счастлив и блажен, будь он большой и сильный или маленький и немощный, богатый или бедный. Если он, например, богаче Кинира или Мидаса[75], но отличается несправедливостью, он все-таки несчастен и ведет жалкую жизнь. Как говорит поэт[76] (если он действительно прав): «Я не буду упоминать такого человека! Не могу я говорить о человеке», который не станет добиваться в справедливости упоминаемого нами прекрасного удела и, будучи несправедливым, захочет сойтись с врагом в рукопашную, однако не вынесет зрелища окровавленного поля боя или не сумеет победить в беге фракийца Борея, ибо не обладает в себе теми благами, о которых мы говорили: ведь то, что толпа называет благом, не является, строго говоря, таковым. Чтобы вы поняли: говорят, что «самое лучшее благо — это здоровье, за ним идет красота, а третье место занимает богатство». Затем следует огромный список и иных <93> благ (ибо простой народ считает

[74] Ср. Платон. *Менексен*, 247e–248b.

[75] Кинир — мифический первый царь Кипра. Мидас — фригийский царь, славившийся неисчислимыми богатствами.

[76] Тиртей, 9. 1 (Diehl).

их действительно таковыми), как, например, чуткий слух, острое зрение и прекрасно развитые остальные чувства или право совершать все, что заблагорассудится, в качестве царя. И, наконец, когда все эти блага достигнуты, народное мнение отождествляет наивысшее счастье с возможностью стать как можно скорее бессмертным. Однако в нашем увещевании мы придерживаемся другого мнения: все эти блага — поистине прекрасные достижения только для справедливых и праведных людей, но для порочных они являются, напротив, источником самых худших бедствий, начиная, как раз, со здоровья. На самом деле зрение, слух, ощущения и сама жизнь — оборачиваются величайшим злом, если мы бессмертны и обладаем всевозможными благами за исключением справедливости и иных добродетелей, и намного меньшим злом, если мы, пребывая в таком состоянии, будем жить как можно меньше. Этими словами я хочу сделать ясным, что так называемые бедствия являются благами для несправедливых людей, но злом для справедливых, блага же остаются именно благами только для благородных — для порочных же они превращаются в бедствия. А тот, кто живет неправедно и высокомерно, не может не жить подло. Если же живет подло, соответственно, не может не жить порочно[77]: поэтому такой человек живет отвратительным для него самого образом, поскольку самая приятная и лучшая жизнь поистине соответствует образцу совершенства, предоставленному нам богами. А если и блага, как выяснилось, зависят от добродетельной жизни и только тогда являются настоящими благами, и если истинное удовольствие предоставлено только философствованием, то ради достижения такого вида счастья нужно предпочитать жизнь, основанную на философских истинах, если мы хотим быть поистине счастливыми.

[77] Ср. Платон. *Законы*, II. 660e–662a.

20. На данном этапе нашего изложения я считаю, что настала уже пора обосновать увещевание более специфическими наставлениями и конкретными указаниями о правильном образе жизни, <94> дабы стало понятно, что части, составляющие наши философские рассуждения, не отделены друг от друга, но неразрывно взаимосвязаны. Следуя этой методике, мы начнем с самого главного, т. е. с того, что нужно быть благочестивыми. Истинное благочестие невозможно, если мы не установим связь между ним и объектом поклонения. И это возможно только через философию. Но, в дополнение к этому, нужно быть и искренними, ибо ко всем благам человеческого и божественного происхождения нас ведет именно искренность помыслов по отношению к богам — по истине небесной — и по отношению к людям — по истине человеческой. Поскольку у истины такая природа, мы можем познать ее только через философию, ибо только философы любят созерцать истину. Кроме того, мы должны осознать власть законов и то, как их применить. Это осознание было бы невозможно, если бы нам была неведома добродетель, к которой относятся и власть, и применение законов. Впрочем, и возрастание в добродетели возможно только через философию, так что и относительно добродетели философия является как бы нашей путеводительницей. Нам следует также четко знать, как правильно относиться к людям, и подобное знание было бы недоступно, если бы мы не знали нравственных основ, применимых к каждому действию. Эти основы позволяют нам узнать моральные качества любого человека — достоин он или нет, — правильно разобраться в характерах и нравах людей, в способностях их души и, соответственно, мудро подобрать подход к каждому из них. Но и эти знания были бы невозможны без помощи философии, поэтому последняя будет очень полезной в достижении таких целей.<95> Если же закон предписывает нам мужественно сражаться со звероподобными людьми и укрощать самых опасных зве-

рей, и, если нужно, смело встречать опасности и давать им отпор естественно, не задумываясь, то мы должны определить вид науки и добродетели, которые лучше всех остальных нас готовят к этому. Мне кажется, ни одна наука не готовит нас лучше самой философии, потому что последняя учит нас упорству, презрению к смерти и совершенствованию умеренности на протяжении всей жизни, помогает нам благородно выдержать любой изнуряющий труд и не придавать никакого значения удовольствиям. Стало быть, если мы хотим принять истинное участие в благах человеческих и божественных, мы должны совершенствоваться в одной философии. Одним словом, если мы хотим усовершенствовать что-то наилучшим образом — будь то мудрость, или смелость, или красноречие, или добродетель — в какой-то специфической сфере или всесторонне, — то нам следует, прежде всего, исходить из следующих основ: в первую очередь, у нас должно быть врожденное предрасположение. Такое предрасположение — дар судьбы. Когда же мы станем мужчинами, нам следует развить в себе следующие качества: мы должны стремиться к доброму и прекрасному, не пугаться тяжелого труда, с юных лет быть прилежными в учебе и усидчивыми. При отсутствии любого из этих качеств невозможно достигнуть совершенства в чем бы то ни было, при наличии же их всех — достижения будут великими, независимо от выбранной задачи. Если это правда по отношению к остальным наукам, то почему же философия, которая является наивысшей дисциплиной из всех, должна быть исключением? Необходимо добровольно придаваться всевозможным трудам, уделяя немалое время учебе и <96> прилагая к ней все усердие. Кроме того, если мы хотим заслужить славу среди людей и получить справедливое признание, нужно полностью и беззаветно предаться учебе с самой юности и учиться непрерывно и регулярно. Рано начатое воспитание, которое затем долго развивали и, наконец, довели до совершенства, позволяет в любом деле добиться

непреходящей славы. Условие же, при котором эта слава возникает, таково: ваша подготовленность никоим образом не подвергается сомнению, и вот зависть людская — которая (часто несправедливо) очерняет науку, объявляя ее ложной или подчеркивая ее бессмысленность, — обезврежена. Ведь людям не нравится признавать первенство других, но когда они раздавлены очевидностью и обескуражены бесполезностью критики, то в конце концов начинают хвалить вас, хотя и неохотно. При этом они уже не подвергают сомнению истинной подготовленности ученого и перестают подозревать и в том, что он творит козни в поисках славы, и в том, что он преувеличивает свои достижения ради обольщения людей. Когда воспитание развивается описанной нами методикой, ученая добродетель неколебимо внушает доверие и признание: сраженные мощью очевидности, люди уже не могут ужалить завистью. Скажу больше: не могут, потому что уже сами сомневаются в собственной правоте. Нужно учесть и влияние, оказанное на них давностью самих ученых занятий, поскольку сама эта давность как бы увеличивает авторитет ученого в глазах остальных, чего не приходится ожидать в противоположном случае. Ученик, занимающийся риторикой, за короткий срок может стать равным своему учителю, в то время как освоение добродетели, состоящее из многочисленных и длительных процессов, может быть действительно завершено только теми, кто приступил к этому занятию не слишком поздно и всецело посвятил себя ему, так что приобщение к добродетели сопровождало каждый миг их взросления и требовало от них строгого соблюдения нравственных правил — воздержаться от порочности в речах и нравах и развивать тщательно и долго <97> самообладание. В то же время и слава, приобретенная слишком быстро, как бы ущемлена этим, ибо те, кто за короткий срок стал богатым, ученым, смелым или добродетельным, неприятны людям. Если, поэтому, все сказанное нами — правда, если, к тому же, можно развить

в себе твердые нравственные устои и стать гармоничной, уравновешенной личностью только через философию, то и из этих фактов становится ясно, что мы должны ревностно предаться философии, если хотим стать поистине добродетельными и пользоваться поистине доброй славой и поистине великим счастьем.

Прибавим к нашему увещеванию еще один довод, ведущий к тому же выводу: когда мы достигнем того, к чему стремились, достигнем красноречия, учености или выносливости, мы обязаны будем использовать достигнутое для добрых и справедливых целей; если же станем использовать полученное благо для порочных и несправедливых целей, то оно обернется самым худшим злом, и лучше для нас будет его потерять, нежели иметь, ибо совершенства в благе достигнет лишь тот, кто это благо применит ради благих целей; тот же, кто станет применять его ради порочных целей, сам окажется совершенно порочным. Поэтому те, кто всецело стремится к добродетели, должны тщательно определить для себя теорию и практику, основываясь на которых они смогут стать прекрасными — а прекрасными они станут, только если будут по-настоящему нужны и полезны остальным людям. Но если им придется раздавать деньги нуждающимся, то они будут вынуждены снова прибегнуть к пороку, чтобы накопить деньги; <98> кроме того, накопленных богатств будет все равно недостаточно, чтобы постоянно помогать всем нуждающимся, так что в скором времени на них обрушится еще одно несчастье: они станут нищими и без гражданских прав. Каким же образом можно по-настоящему быть полезными и нужными для людей без раздачи денег — т. е. без всякой порочности, но в чистой добродетели? И каким образом их способность дарить может стать поистине неиссякаемой? Это возможно только через соблюдение законов и справедливости, поскольку города и люди держатся вместе и процветают только на этих началах. Получается, и через этот путь мы приходим к тому же

самому результату: если верное направление всех жизненных поступков и разумное распределение благ, которые мы называем законом, нам прекрасно объяснены философией, то нужно искренне предаться этой дисциплине, если мы желаем приобщиться к самой совершенной жизни.

Каждый человек должен быть в высшей степени умеренным, особенно если он неподатлив к искушению богатством, которое развращает великое множество людей, и если не щадит себя в том, чтобы непреклонно отстаивать соблюдение прав и обязанностей каждого. Ведь именно в правильном соблюдении этого равновесия большинство людей оказывается неумеренным. Неумеренность большинства людей вызвана, с одной стороны, тем, что люди любят свою душу, поскольку душа — незыблемое живительное начало, и по этой причине все бережно с ней обращаются и лелеют ее из любви к жизни; с другой стороны, эти же люди любят богатство, дабы избежать того, чего боятся. А чего они боятся? <99> Недугов, старости, непредвиденных бед (подразумеваем те беды, которые не обусловлены законами, ибо от последних бед можно как-то защититься и спастись, но такие, как пожары, смерть родных и мор скота — эти беды пагубно сказываются или на теле, или на душе, или на имуществе). Опасаясь всех этих несчастий и желая их предотвратить посредством богатства, каждый человек желает стать богатым. Но есть и другие причины, которые побуждают людей к тому, чтобы накопить деньги, и эти причины никак не уступают предыдущим: чувство соперничества, зависть и, особенно, любовь к власти, ради которой многие придают огромное значение богатству, будучи уверены в том, что богатство помогает как раз в достижении власти. Но поистине благородный человек не станет гоняться за ложной славой и окружать себя не свойственным его природе украшением: его единственное украшение — добродетель[78]. В благород-

[78] Ср. Платон. *Менексен*, 247е.

ном человеке только философия определяет истинные ценности и критерии для собственного поведения: она его отдаляет от страстей и от тяги к внешнему блеску, поэтому именно она является самым полезным видом деятельности для счастливой жизни. А вот по поводу любви к самой жизни: мы должны четко понять, что если бы человеку было дано никогда не стареть и жить вечно (если, конечно, его кто-то другой не убьет), то такое бережное отношение к жизни было бы совершенно простительным. Но мы стареем (а это само по себе — уже достаточно жалкое явление) и, наконец, умираем! Поэтому желание сохранить жизнь во что бы то ни стало, даже ценой унижений, и нежелание заменить ее чем-то вечным, что нам предоставит нетленную и вечно живую славу, — говорит о великом невежестве, основанном на порочных суждениях и желаниях. <100> Поскольку одна лишь философия наполняет нас мудрыми мыслями о смерти и учит презирать ее и, с другой стороны, приводит нас к вечной и бессмертной жизни, учит вечному разуму и приучает его ревностно беречь, — то эта дисциплина и является самой благотворной из всех.

Кроме того, не следует быть надменными или считать, что власть, основанная на надменности, является какой-то добродетелью, а подчинение законам — проявлением трусости, поскольку такая мысль — однозначно порочна и порождает в людях порок и зло. Ведь если люди, по своей природе, не в состоянии жить отдельно друг от друга и, под давлением необходимости, объединились (что обеспечило им безопасную жизнь благодаря появлению рабочих орудий и навыков), и если, с другой стороны, невозможно, чтобы люди жили вместе и сосуществовали без всяких законов (поскольку это создало бы для них еще более невыносимые условия, чем жизнь в изоляции), то отсюда следует, что среди людей должны царить и законы, и справедливость: они — незыблемы, ибо являются узами, без которых жизнь была бы невозможна. Но если кто-то с самого рождения был

бы по природе телесно неуязвимым, неподвластным недугам и обладал бы, одним словом, удивительными физическими свойствами, будучи словно бы стальным и душой, и телом, то можно предположить, что такому человеку была бы доступна власть, основанная на надменности (поскольку при таких данных — даже в случае нарушений — закон не мог бы его покарать). Однако это было бы ложное мнение, потому что даже обладай он такой удивительной природой (что вообще невозможно), если он действительно хочет жить, ему следовало бы все равно подчиниться законам и справедливости и способствовать их повсеместному соблюдению. В противном случае он не выжил бы, поскольку все остальные люди <101> ополчились бы против него, ведомые своей законопослушностью, и в конечном итоге эта толпа возобладала бы над ним и погубила бы его либо насилием, либо хитростью. Таким же образом, власть является, можно сказать, «правом приказывать и управлять», но она такова только благодаря законности и справедливости, которые носит в себе. Несмотря на это, справедливость является добродетелью, которая желаема сама по себе, мы все ее естественно одобряем и ценим. Поэтому даже если мы не получим ни одного материального блага и испытаем множество лишений, нам следует все равно действовать по справедливости, как будто это — самое ценное из того, что мы имеем.

Весьма важно усвоить также следующие истины о законности и незаконности: они жестко противопоставлены друг другу, и законность — самое лучшее, что мы можем иметь и в общественной, и в личной жизни, в то время как незаконность — самое худшее вследствие вытекающих из нее бедствий. В свете сказанного мы приступим к объяснению преимуществ законности.

Первое преимущество законности заключается в великом всеобщем доверии, которое она вызывает: это доверие — большое и полезное благо для всех людей, ибо оно

порождает общественное благосостояние. Общественного благосостояния вполне достаточно (даже если оно весьма скромно), когда оно пользуется доверием, исходящим из законности; в то время как даже самое обильное богатство, если оно лишено доверия, не в состоянии обеспечить процветание общества.

И материальные блага, касающиеся богатства и жизни, независимо от уровня их великолепия, находятся под властью законности самым выгодным для людей образом, потому что обладающие такими благами могут ими пользоваться именно благодаря тому, что законность всегда безопасна и лишена коварства; а те, кто не обладает материальными благами, получают помощь от тех, кто ими обладает, в силу установленных законностью прочных отношений между ними.

<102> Благодаря законности даже время выйдет из рамок простых повседневных обязательств и растворится в созидательных трудах, облагораживающих жизнь.

Пребывая в законности, люди могут освободиться от самых неприятных забот и насладиться самыми приятными, поскольку повседневные обязательства — источник ненавистных волнений, в то время как созидательные труды наполняют человека светлыми мыслями.

Даже тогда, когда люди, пребывающие в законности, предаются сну, являющемуся как бы передышкой от страданий, они засыпают без тревог и болезненных волнений и, просыпаясь, не испытывают подобных чувств: не вскакивают внезапно от страха, не сокрушаются по поводу того, что благостный сон уступит место очередному дню, полному тревог и зол, но спокойно приступают к приятному и безболезненному развитию своих созидательных дел. От этого и тяжесть таких дел вызывает меньшее утомление, ибо в их исполнении кроется надежда на получение всех предоставляемых законностью благ.

Даже война, которая обрушивает на людей самые страшные страдания, приводит к государственным переворотам

и рабству, больше затрагивает тех, кто не пребывает в законности.

Благ, исходящих от законности, еще намного больше: все они служат дополнительным подспорьем в жизни и помогают справиться с трудностями. А вот несчастья, исходящие от беззакония, будут перечислены ниже.

В первую очередь, у людей, лишенных законности, никогда не хватает досуга для своих созидательных дел, им приходится все время заниматься самым неприятным, т. е. повседневными мирскими делами, <103> а не созидательными трудами; они накапливают богатства из недоверия к обществу, от которого оторваны, ни с кем не делятся, вследствие чего богатства эти скудны, даже если их много.

Кроме того, исход их дел — не важно, положительный или отрицательный — всегда приводит к отрицательным последствиям, ибо достигнутый вне законности счастливый исход дел не прочен и полон опасностей. Если же исход отрицателен, то он тем более не поддается исправлению, ибо усугублен шаткостью положения пребывающего в беззаконии и отсутствием надежных общественных связей.

Внешние войны и усобицы исходят из той же причины и, если они не возникали раньше, то возникают, как только в государстве появится беззаконие: под его влиянием граждане постоянно заняты повседневными низменными делами, чтобы обезопасить себя; из-за общего недоверия, царящего в обществе, они так же постоянно подозревают друг друга и строят друг другу козни.

При таком порочном строе люди всегда огорчены неприятными думами, когда просыпаются, и находятся в непрерывном напряжении, когда ложатся спать. Утренний подъем сопровождается страхами и потрясениями, человек сразу вспоминает о постигших его бедах: таковы последствия беззакония, к которым нужно присовокупить и остальные несчастья, перечисленные нами в ходе всего изложения.

И такое великое и глубокое зло, как тирания, берет свое начало исключительно от беззакония. Некоторые люди, которые явно заблуждаются, верят в то, что тиран устанавливает свою власть по совсем другим причинам, и если люди лишены свободы, то они за это не отвечают, ибо над ними совершено насилие со стороны самого тирана. Но такое мнение — неправильно: любой, считающий, что появление царя или тирана не связано с беззаконием и надменностью, — безумец, ибо тирания появляется <104> именно тогда, когда все стали порочными, потому что люди не могут жить без законов и правосудия. Когда в обществе исчезают и законы, и правосудие, то их восстановление предоставляется одному человеку. Как же иначе суверенность государства могла бы оказаться в руках одного человека, если бы до этого законность, которая принадлежит только гражданскому обществу, не была отменена последним? Итак, нужно, чтобы этот тиран, который потрясает основы правосудия и отменяет общую и выгодную для всех законность, был крепким и могучим, как сталь, если он, будучи один против всех, желает лишить преобладающее большинство людей их преимуществ. Но поскольку тиран такой же человек, как все остальные, он сможет добиться своей цели только после того, как устранит все препятствия на своем пути к абсолютной власти. Именно по этой причине явление тирании малопонятно для некоторых людей. Причина таких бед — беззаконие, а законность, напротив, является великим благом. Поэтому нельзя быть по-настоящему счастливыми, если мы сначала не будем во всем руководствоваться законностью. Суть этой законности заключается в правильном суждении, которое разрешает честные поступки и запрещает порочные везде — во всем мире, в городах, в частных домах и в душе каждого из нас. Поскольку это суждение относится ко всему — к благам и бедствиям, к прекрасному и мерзкому, — то мы не сможем освоить его правильно и совершенно без помощи такого же правильного

и совершенного философствования. Ради достижения данной цели мы должны ставить философию выше любого другого занятия.

21. В дальнейшем мы будем проводить наше увещевание, следуя трем подходам: через символы (этот подход свойствен главным образом <105> пифагорейцам и сокрыт от всех остальных школ); через простые, общие для всех философских школ образы; и через некое смешанное изложение, которое не является ни чисто мирским, ни чисто пифагорейским, но как бы носит в себе оба начала. Иначе говоря, после того, как мы перечислим те пифагорейские символы, которые считаем основными и незыблемыми для истинного увещевания, мы их будем объяснять в рамках жанра протрептик: таким образом те, кто ознакомится с этим произведением, получат увещевание, которое полно и действенно направит их к философии. Эта цель могла бы быть усложнена более пространным и многоуровневым увещеванием. Сперва мы ознакомим вас с положениями, общими для всех философских школ, и выявим их отличия от пифагорейского мировоззрения, затем добавим к этому основные пункты пифагорейской доктрины на основании их соответствия учению Пифагора и полного отсутствия концептуальных вкраплений, имеющих начало в философских системах, разработанных основоположниками других школ. Таким образом — совершенно естественно и как бы незаметно — освоение чистого пифагорейского учения отдалит нас от общих понятий и приблизит к полному овладению предложенными и систематизированными по пифагорейскому образцу увещеваниями, словно они — мост или лестница, ведущие снизу вверх, из глубины в высь небесную, и возвышающие разум прилежного ученика, ибо именно на достижение этой цели были направлены все примеры, рассуждения и образы, которые мы до сих пор использовали. Ведь древние философы — и современники Пифагора,

и <106> его последователи — не изъяснялись просто и понятно для непосвященных слушателей, не пользовались ни простонародным языком, ни доступными всем образами, чтобы их указания легко было выполнить, и не стремились к тому, чтобы все могли понять сказанное. Наоборот, соблюдая закон о молчании, предписываемом им пифагорейскими таинствами, изъяснялись невразумительно для непосвященных и прикрывали темными символами свои беседы и письменные труды. Если мы не будем раскрывать значение этих символов и не будем подходить к их толкованию весьма серьезно, то их буквальное значение покажется смехотворным бредом темной старухи. Для того, чтобы все сказанное основоположниками нашего учения раскрылось и стала явной его польза в целях увещевания, мы раскроем значение любого мистериального символа в его эзотерическом смысле и тщательно исследуем тайные и мало распространенные доктрины. А вот символы, значение которых будет разъяснено, мы перечислим прямо сейчас.

1. Когда ты собираешься в Храм поклонения ради, не говори и не совершай ничего мирского.

2. В храм не следует заходить по пути, ибо не нужно рассматривать службу божеству как нечто второстепенное.

3. Приносить жертву и подходить к алтарю нужно необутым.

<107> 4. Не следует ходить торными дорогами.

5. Не ешь рыбы чернохвостки, поскольку эта рыба — священна для подземных богов.

6. Обуздывай на людях свой язык, если хочешь подчиниться богам.

7. Когда ветер дует, преклоняйся перед этим шумом.

8. Огня ножом не вороши.

9. Отстрани от себя любой сосуд, содержащий уксус.

10. Помогай возложить ношу тем, кто ношу взваливает, а не тем, кто сваливает.

11. Когда обуваешься, первой подвязывай правую сандалию, при омовении же начинай с левой ноги.

12. Не говори без света.

13. Не перевешивай чашу весов.

14. Когда покидаешь свой дом ради путешествия, не возвращайся туда, ибо Эриннии могут тебе отомстить.

15. Не мочись перед лицом Солнца.

16. Не три факел о стул.

17. Разводи петухов, но не приноси их в жертву, ибо они посвящены Солнцу и Луне.

18. Не сиди на хойнике (χοίνικος)[79].

19. Не разводи хищников.

20. Когда путешествуешь, не руби деревьев.

21. Ласточек в дом не пускай.

22. Не носи никаких колец.

23. Иконы богов на перстнях не носи.

24. Не смотри на свое отражение в зеркале рядом со светильником.

25. Когда речь идет о богах и божественных истинах, никогда ничего чудесного не ставь под сомнение.

26. Никогда не разражайся смехом.

<108> 27. Не стриги ногти во время жертвоприношений.

28. Не подавай правой руки кому попало.

29. Встав с постели, сверни одеяло и разровняй след от твоего тела.

30. Не ешь сердца.

31. Не ешь мозгов.

32. Плюнь на свои остриженные волосы и ногти.

33. Не употребляй в пищу красного пагеля[80].

34. Сметай пепел с любого следа от котла.

35. С женщиной, имеющей на себе золото, для деторождения не сходись.

---

[79] Мера зерна (ок. 1,1 л), считавшаяся дневной мерой пропитания для взрослого человека. — *Примеч. ред.*

[80] Вид морских лучеперых рыб. — *Примеч. ред.*

36. Больше цени ступенчатое уравнение, чем трехобольное[81].

37. Воздерживайся от бобов.

38. Выращивай мальву, но не ешь.

39. Не ешь животных[82].

На самом деле все эти символы в целом являются увещеваниями ко всяким добродетелям, а по отдельности — это увещевания к отдельным добродетелям. Они относятся к различным сторонам философии и образования. Например, первые символы — увещевание к благочестию и знаниям о божественном.

1. Символ «Когда ты собираешься в Храм поклонения ради, не говори и не совершай ничего мирского» хранит божественное в чистоте и не позволяет нам вспоминать о мирских заботах во время поклонения <109>, ибо все мирское чуждо этому поклонению. Данный символ весьма полезен и для науки, ибо не следует прилагать ничего мирского или человеческого к знаниям о божестве. Предписание данного символа заключается в следующем: священные речи и сакральные обряды не должны быть осквернены изменчивым нравом людей.

2. Непосредственно связан с первым и второй символ: «В храм не следует заходить по пути, ибо не нужно рассматривать службу божеству как нечто второстепенное». Ведь если в самом деле все любят подобных себе, то ясно, что богам, носящим в себе самые извечные и совершенные начала вселенной, следует поклоняться так же чисто. А вот если мы поклоняемся им как чему-то второстепенному по

[81] Трехобол — денежная единица, равная трем оболам. Речь, вероятно, идет о предпочтении теоретической математики перед практическими денежными расчетами. — *Примеч. ред.*

[82] Для всего перечня см. *Gesammelte Abhandlungen Aus Dem Classischen Alterthume,* I. 278 и следующие, II. 280 и следующие (Goettling); *Фрагменты греческих философов,* I. 504 и следующие (Mullach).

отношению к нашим делам, то оскверним эти высшие начала, разрушим до самых оснований обряд поклонения и совокупное знание, данное нам о богах. В очередной раз следует напоминать, что нельзя ни ставить на второе место самые драгоценные блага, предпочитая им низменные людские дела, ни приписывать сфере человеческой деятельности (в чем бы она ни проявилась) роль высшей цели, уделяя высшему миру богов лишь второстепенное значение.

3. Третий символ является увещеванием того же рода, поскольку «Приносить жертву и подходить к алтарю нужно необутым» означает, во-первых, что нужно поклоняться богам честным и умеренным образом, не нарушая нашего земного естества, и, во-вторых, что нужно им поклоняться и познавать их природу, отрешившись от любой земной заботы. Это предписание, предусмотренное <110> данным символом, относится не к одному лишь телу, но и к деятельности души, чтобы последняя не была стеснена ни страстями, ни слабостями тела, ни навязанным нам извне перерождением, но была совершенно свободна и готова принять участие в природе богов.

25. Другой символ, созвучный с последним, это «Когда речь идет о богах и божественных истинах, никогда ничего чудесного не ставь под сомнение». Этот символ увещевает к той же самой добродетели. Ведь это предписание направлено на развитие благочестия и подчеркивает сверхъестественную природу богов: оно направляет наши религиозные чувства по правильному пути и напоминает нам, что, когда речь идет о богах, мы не должны требовать доказательств, основанных на нашей человеческой природе. Наша природа не в состоянии действовать, как действуют боги, ибо она телесна, подвержена циклу перерождений, тленна и мимолетна. Кроме того она находится под властью недугов из-за смешанного происхождения земного тела, из-за воздействия, оказанного на нас силой притяжения, из-за

вялости, ущербности, лени, немощи, медлительности мысли и других изъянов, которые мы наследуем вместе с телом. Даже если мы получили от природы много удивительных достоинств, тем не менее мы очень далеки от совершенства богов и поэтому не обладаем ни их властью, ни качествами. Первенство богов по отношению к нам заставляет нас их воспринимать всемогущими. Именно по этой причине символ предписывает: «Когда речь идет о богах, никогда ничего чудесного не ставь под сомнение». И добавляется: «О божественных истинах», т. е. о философских доктринах Пифагора, потому что такие доктрины основаны на математических науках и научном созерцании, которые — одни — могут предоставить истину и безошибочные суждения <111> благодаря многочисленным областям, где их достоверность доказуема, и полной убедительности доводов. Слова этого символа могут увещевать и к правильному познанию божественной природы, ибо увещевают к достижению такого познания, благодаря которому мы не ставим под сомнение то, что говорится о богах и божественных истинах. Тот же самый символ нас подталкивает и к изучению математических наук, ибо именно такие науки показывают умопостигаемые сущности в их полной реальности и делают их видимыми для желающих исследовать и созерцать их. Занятия математикой, соответственно, нам позволяют не ставить под сомнение ни природу богов, ни их суть, ни власть, ни доктрины самого Пифагора, которые кажутся крайне неправдоподобными для тех, кто не был приобщен к математическим наукам. Поэтому слова «Не ставь под сомнение» означают не что иное, как: «Преследуй и постигай истины, которые избавят тебя от каких бы то ни было сомнений». Под такими истинами имеются в виду математические науки и научные доказательства.

4. Я считаю, что и следующий, четвертый символ («Не следует ходить торными дорогами») увещевает к той же самой цели: к тому, чтобы отойти от обычной жизни простых

людей, — и подчеркивает необходимость идти по божественному пути, далекому от пути черни: согласно этому символу, не стоит считаться с мнениями простолюдинов, нужно отдать предпочтение тайным истинам, которыми владеют очень немногие. Кроме того нужно презирать мирские радости, ценить праведную жизнь, подчиненную воле богов, отрекаясь от людских нравов, ибо они вульгарны, вместо этого поклоняясь богам, ибо это нас возвысит над низменностью повседневной жизни.

5. <112> Созвучным с последним является и следующий символ («Не ешь рыбы чернохвостки, поскольку эта рыба — священна для подземных богов»). Об этом символе мы напишем подробнее в книге *О символах*. Здесь же ограничимся его увещевательным значением. Этот символ предписывает придерживаться небесного пути и установить связь с умопостигаемыми богами, отделиться от телесной природы и приобщиться к чистой и духовной жизни: одним словом, соблюдать поклонение, самое угодное богам, которые являются венцом вселенной.

Таковы символы, увещевающие к познанию богов и поклонению им. Следующие символы увещевают к мудрости.

6. «Обуздывай на людях свой язык, если хочешь подчиниться богам». Первая задача мудрости — заключить речь в себе, не озвучивая ее, и усовершенствовать ее в безмолвии и подчинении богам, ибо разум лучше всего очищается именно подчинением богам и внутренним напряжением.

7. «Когда ветер дует, преклоняйся перед этим шумом»: и этот символ является признанием божественной мудрости, ибо намекает на то, что нужно любить всё напоминающее об умопостигаемых сущностях и божественных силах. Когда эти силы действуют, нужно чтить великим поклонением любую речь, соответствующую их действиям.

8. Символ: «Огня ножом не вороши», — увещевает к мудрости, ибо пробуждает в нас достойную мысль не раздражать язвительными речами вспыльчивых и разгневанных

людей. Часто словом можно довести до ярости грубых людей, последствия же от этого ужасны и весьма неприятны. Свидетельствует об этом <113> Гераклит, когда пишет: «С сердцем бороться тяжело, ибо чего оно хочет, то покупает ценой души»[83]. Он пишет правду, ибо многие, когда страстно желают чего-то, готовы расплатиться за это своей душой и предпочитают даже умереть, лишь бы получить свое. Обуздывая язык и сохраняя спокойствие, вы сумеете превратить спор в дружбу и, в итоге, окажетесь весьма мудрыми в глазах других.

9. К тому же самому увещевает и следующий символ: «Отстрани от себя любой сосуд, содержащий уксус». Ибо всякий, не отстранивший такой сосуд от себя, осквернится им. Этот символ тоже увещевает к мудрости и укрощению гнева. Горькое возмущение души, которое мы называем гневом, лишено разума и мудрости (гнев кипит, как раскаленный котел) и не отдает себе отчета в том, что́ находится перед ним. Поэтому необходимо умиротворить душу, отдалив ее от всякого гнева, часто жестким самоограничением. Как достаточно притронуться к звенящему предмету из меди, чтобы тот перестал звенеть, так можно усмирить и страсть, притрагиваясь к ней разумом.

10. Символ, гласящий: «Помогай возложить ношу тем, кто ношу взваливает, а не тем, кто сваливает», — увещевает к смелости, ибо всякий, возлагающий ношу, явно совершает что-то утомительное и трудоемкое, в то время как сгрузить ее — занятие гораздо более легкое и приятное. Поэтому приведенный символ предполагает следующее: «Не позволяй ни себе, ни остальным изнежиться в лени и удобстве», — поскольку все ценное в жизни приобретается только через труд. Пифагорейцы утверждали, что данный символ олицетворял для них образ Геракла, ибо его подвиги служили <114> им образцом для подражания. Еще находясь среди

[83] 85 DK; Плутарх. *Кориолан*. 22. Перевод А. В. Лебедева.

людей, Геракл часто возвращался домой, выдержав борьбу с огнем и другими страшными опасностями, поскольку ненавидел бездеятельность. Успех вытекает из действий и трудолюбия, а не из отступления перед опасностью.

11. Символ, гласящий: «Когда обуваешься, первой подвязывай правую сандалию, при омовении же начинай с левой ноги», — увещевает к практической мудрости, ибо предписывает «завязывать» правую ногу, т. е. совершать мудрые поступки, а «мыть» — левую ногу, т. е. прекратить порочные действия и очиститься от них.

12. Символ, гласящий: «Не говори без света», — увещевает к мудрости, ибо разум является образом света души. Этот свет расширяет кругозор души, потому что он как бы выводит ее из мрака в лучезарность разума. Во всем прекрасном, что жизнь нам предлагает, мы должны выбрать разум нашим путеводителем. Это предписание особенно важно для пифагорейских истин, так как без света, исходящего из разума, они непознаваемы.

13. Символ, гласящий: «Не перевешивай чашу весов», — увещевает к тому, чтобы действовать справедливо, отдавая исключительное предпочтение равенству, и признать справедливость как самую совершенную добродетель, для которой остальные добродетели являются только дополнительными украшениями и без которой они совершенно пусты. Кроме того, нам следует иметь о добродетели не поверхностное знание: мы должны приобрести такое знание через научные выводы и неопровержимые доказательства. Ни одна наука или практика не сможет обеспечить это знание, кроме пифагорейской философии, которая ставит выше всех остальных дисциплин математические науки.

14. <115> К той же цели стремится и символ, гласящий: «Когда покидаешь свой дом ради путешествия, не возвращайся туда, ибо Эриннии могут тебе отомстить». Данный символ увещевает к философии и самостоятельному мышлению. Он утверждает, что если хочешь достойно зани-

маться философией, тебе следует отделить себя от всего плотского и подчиненного телесным чувствам и задуматься серьезно над смертью, ни разу не обернувшись назад, но направляясь — через соответствующие математические науки — к умопостигаемому, бестелесному и вечно неизменному. Ведь покидать свой дом ради путешествия означает перемену места, в то время как смерть означает исход души из тела. Этот исход олицетворен, в свою очередь, истинным философствованием — в полной свободе от чувств и телесных действий, через один чистый ум: только так ты познаешь истину умопостигаемых сущностей, а познание этой истины есть не что иное, как мудрость. Действительно, если хочешь достойно заниматься философией, ты не должен оборачиваться назад и снова опускаться к телесному, которое раньше развивалось и пребывало в тебе. Ведь от повторного обращения к плоти ты будешь испытывать великое раскаяние, когда мрак, окутывающий все плотское, помешает тебе получить прозрачное представление о реальности. Раскаяние, о котором идет речь, в данном символе олицетворено Эринниями.

15. Символ, гласящий: «Не мочись перед лицом Солнца», — увещевает к тому же самому: не совершай ничего, что превратит тебя в животное, но предайся философии, созерцая небо и солнце, и выбирай в путеводители свет истины. Запомни: никогда не позволяй, когда философствуешь, низменным мыслям овладеть тобой, но устремись умом к богам и мудрости через наблюдение небесных явлений, страстно отдаваясь философии, очищаясь самим светом истины и посвящая все свое время изучению сущности богов, природы, законов астрономии и первопричин, из которых все вытекает. Совершая все это, ты никогда не уподобишь себя ни животному, ни зверю.

16. <116> К тому же самому увещевает символ, гласящий: «Не три факел о стул». Не только потому, что факел олицетворяет очищение, поскольку сосредоточивает в себе

самую предельную мощь огня, но и потому что факел символизирует самое величественное сверкание божественности, неприступное своей горящей чистотой, и этим увещевает нас к тому, чтобы не осквернить этот высший образ, выжигающий любую нечистоту, и его священное назначение. Иначе говоря, этот символ нас увещевает к тому, чтобы не смешивать, оскверняя его, то, что свойственно мудрости, с проявлениями животного начала. Ведь в приведенном символе факел, являющийся воплощением философии вследствие своего ослепительного света, противопоставлен образу стула, являющемуся воплощением животного начала вследствие того, что стоит непосредственно на земле.

17. Символ, гласящий: «Разводи петухов, но не приноси их в жертву, ибо они посвящены Солнцу и Луне», — советует нам питать, укреплять и не ослаблять то, что в великих началах, обеспечивающих единство, сплоченность, взаимодействие вселенной, может быть подвержено рассеянию и тлению. Поэтому данный символ увещевает к тщательному созерцанию вселенной и усердным занятиям философией, ибо истина о вселенной, будучи сокрыта по природе своей, трудно постижима. Тем не менее человек обязан исследовать ее и постичь как можно глубже через философию, так как остальные науки не могут предоставить этого постижения. Философия, словно собирая из природы некие искры, расставляет их на духовном пути, воспламеняет и делает их пламя все ярче и ярче через математические науки. В свете сказанного, необходимо заниматься философией.

18. Символ, гласящий: «Не сиди на хойнике», — можно истолковать с чисто пифагорейской точки зрения, исходя из рассуждений, написанных чуть выше. <117> Поскольку питание определяется телесностью и животным началом, а не мерой хойника, то не лиши себя философского начала и пребывай в нем. Посвящая себя философии, думай о той части в тебе, которая божественна, т. е. о душе и, особенно о разуме, находящемся в душе: ведь оба начала получают пи-

тание, которое измеряется не хойником, но созерцанием и учением.

19. Символ, гласящий: «Не разводи хищников», — предоставляет, вот таким пифагорейским выражением, следующий совет: будь приветливым, общительным, сделай такими и других, приучая их к тому, чтобы отдать и получить что-нибудь без обмана и зависти, и к тому, чтобы не хватать блага этого мира ненасытно, не отдавая ничего взамен. Ведь в природе хищники созданы так, чтобы схватить добычу проворно и быстро, и когда они держат ее своими острыми и кривыми когтями, напоминающими крюки, которыми мы вытаскиваем мясо из кастрюли, совершенно невозможно отнять у них что-либо, разве что если мы силой разожмем мертвую хватку этих когтей. Природа и нас одарила конечностями в виде рук, чтобы мы могли с их помощью получать и отдавать — в силу наших общественных отношений. Но наши пальцы не такие кривые и острые, как когти хищников, и из этого различия мы должны уяснить, что творец создал нас для других целей, которые отличаются от целей хищников: мы ведь общественные существа и охотно делимся благами, как подсказывают названия, придуманные самими создателями наименований. Последние назвали правую руку «лучшей» именно потому, что она не только забирает, но и отдает. Нужно, поэтому, действовать по справедливости, и для этого <118> мы должны предаться философии, ибо справедливость — это акт проявления благодарности и воздаяния, поскольку она уравновешивает излишек и нехватку чего-то.

20. Символ, гласящий: «Когда путешествуешь, не руби деревьев», — нам доказывает, что истина одна и ложь сокрушена. Ясно, что истина заключается в том, чтобы все утвердить однозначно и прямо, в то время как ложь заключается в том, чтобы высказаться неоднозначно и неопределенно, так что наши слова можно истолковывать бесконечно. Путешествие, о котором идет речь в символе, как бы олицетворяет

философию. Сокровенный смысл данного символа заключается в следующем: выбирай философию, ибо она, помимо прочего, есть путь к мудрости, благодаря которой ты получишь не разрозненные и противоречивые, но гармоничные и твердые, неизменные знания, основанные на неопровержимых доказательствах через математические науки и созерцание. Одним словом, данный символ увещевает к следующему: философствуй по-пифагорейски! Но есть некая философия, которая исследует только телесное и чувственное. Имеем в виду философию, которую начали недавно развивать некоторые мыслители, считающие, что Бог, начала, душа, добродетели и, одним словом, все самые главные первопричины сущего — не что иное, как материя. Этот вид философии весьма смутен и противоречив, как показывает бесчисленное количество доводов, приводимых ее сторонниками, уверенными в своей компетентности и подготовленности. Но тот вид философии, который исходит из того, что бестелесно, умозрительно, духовно, вечно, неизменно, всегда одинаково себе и, поэтому, не допускает ни тления, ни изменений, будучи соприродным с объектом своего исследования и созерцания, безошибочен, тверд и основан на неопровержимых доказательствах. Стало быть, увещевание данного символа можно отождествить со следующим советом: после того, как мы выполнили свое философское призвание и достойно прошли философский путь, мы должны отказаться от созерцания и изучения всего телесного и разрозненного и решительно овладеть сутью умопостигаемых <119>, соприродной с вечностью, пребывающей неизменно тождественной себе благодаря истине и безошибочности, которой она обладает по своей природе.

21. Символ, гласящий: «Ласточек в дом не пускай», — подразумевает следующее: не принимайте в качестве ученика или последователя вашей философии ленивого, неспособного к ученому труду и неусидчивого человека! Ибо наше учение требует постоянного и очень сосредоточенного

внимания, а также способности выносить умственное напряжение от разнообразия и сложности дисциплин, составляющих философию Пифагора. Образ ласточки был использован в этом символе для олицетворения лени и неспособности долго заниматься каким-либо делом, поскольку она живет с нами только недолгое время, т. е. как бы просто гостит у нас. Все остальное время она далека от нас, и мы ее не видим.

22. Символ, гласящий: «Не носи никаких колец», — подразумевает, согласно пифагорейскому учению, следующее увещевание: поскольку кольцо сжимает, словно цепь, носящий его палец, но не причиняет ему никакой боли, ибо соответствует размеру пальца и как бы естественно приспособлено к нему, то оно служит образом цепи, которой душа прикована к телу. Таким образом, «не носи никаких колец» означает: «Будь истинным философом и разорви цепь, которая сковывает твою душу, ибо философия — это созерцание смерти и разрыв между душой и телом». Стало быть, изучайте пифагорейскую философию как самое серьезное дело вашей жизни: посредством ума эта философия отделяется от всего телесного и исследует умопостигаемое и бестелесное с помощью созерцательных дисциплин. В то же время освободитесь от заблуждений, препятствий и от всего, что мешает правильному философствованию, т. е. от плотских дел, от чрезмерности в пище и ненужных излишеств, которые, подобно цепи, <120> сковывают тело и навязывают ему лечение недугов и постоянную бессмысленную потерю свободного времени.

23. Символ, гласящий: «Образы богов на перстнях не носи», перекликаясь с предыдущим, предусматривает следующее увещевание: «Занимайтесь философией и, в частности, верьте в то, что боги бестелесны!», ибо эта вера является самой главной основой пифагорейского учения. Из такой основы вытекают все остальные доктрины нашей школы. И не думайте, что боги когда-либо использовали

телесные образы или нуждаются в физической материи или в теле, чтобы установить связь с нашим миром, как все остальные существа. Однако образы, высеченные на перстнях, как бы намекают на противоположное из-за формы самих перстней, их предметности и видимости, и из-за того, что на них изображено какое-то телесное существо, что недопустимо для божественного рода, который является исключительно вечным, умопостигаемым, всегда тождественным и неизменным, как подробно, тщательно и всецело объяснено в книге *О Боге*.

24. Символ, гласящий: «Не смотри на свое отражение в зеркале рядом со светильником», — предоставляет более верным пифагорейскому учению образом следующий совет: «Занимайся философией, удаляясь от телесных представлений, которые, правда, проливают некий свет на наши чувства, но свет, о котором здесь идет речь, соприроден с тьмой, он не от истинной природы и ложен. Лучше придерживайся научных представлений разума, от которых передается душевному оку ярчайший и непрерывный свет, как можно предположить из любого умозрительного заключения и умопостигаемой сущности или же из созерцания, но не из телесного и чувственного, поскольку последнее, постоянно меняющееся и текущее, часто <121> не остается настолько верным себе и неизменным, чтобы обеспечить такие же твердые и научно обоснованные восприятие и познание, какие могут обеспечить понятия разума.

25. Символ, гласящий: «Когда речь идет о богах и божественных истинах, никогда ничего чудесного не ставь под сомнение», — увещевает к преследованию и освоению тех дисциплин, благодаря которым ты никогда не будешь сомневаться в богах и божественном, поскольку освоишь математические науки и научные доказательства.

26. Символ, гласящий: «Никогда не разражайся смехом», — доказывает, что можно быть независимыми от страстей благодаря философской мудрости и избежать крайней

непредсказуемости человеческих вожделений; затем, такой символ напоминает верное учение, благодаря которому ты не возгордишься удачными достижениями и не расстроишься из-за неудач, пребывая в уверенности, что все равно ничего не изменилось. В данном символе был использован образ «смеха», дабы олицетворить все страсти, поскольку только смех недвусмысленно проявляется как чувство, затрагивающее собой все выражения лица. Ибо лишь смех свойствен одному только человеку ([эта черта настолько отличает его от других,] что его называют «смеющимся животным»). Поэтому данный символ подразумевает такое увещевание: не пребывай постоянно и неизменно в своей человечности, но приобретай через философию вид бога, насколько для тебя это возможно, освобождаясь от этого человеческого свойства и возвеличивая первенство разума в ущерб смеху для того, чтобы окончательно и бесповоротно избавиться от своей животной природы.

27. Символ, гласящий: «Не стриги ногти во время жертвоприношений», — предусматривает увещевание, относящееся к дружбе: из наших родственников <122> по крови, некоторые нам ближе (братья, дети и родители) и являются как бы частью нас самих: их потеря вызывает у нас великую боль, как будто мы лишились важной части тела — пальца, руки, уха, носа и т. п. Другие же нам приходятся более далекими родственниками — как двоюродные братья, дяди и прочие: они олицетворяют части тела, которых мы можем лишиться без великой боли (волосы, ногти и так далее). Намекая именно на таких родственников, с которыми все остальное время можно и не иметь крепкой связи из-за расстояния, данный символ использовал образ ногтей и подразумевает следующее: «Не пренебрегай ими, но хотя бы во время жертвоприношений снова сближайся с ними и восстанавливай узы родства».

28. Символ, гласящий: «Не подавай правой руки кому попало», — означает следующее: не доверяйся легкомысленно,

как бы подавая им правую руку, непутевым и непосвященным, тем более не приобщай их к учению и дисциплинам, которые даются с великим трудом тем, кто длительно показывал себя достойным воздержания, пятилетнего обета молчания и других испытаний.

29. Символ, гласящий: «Встав с постели, сверни одеяло и разровняй след от твоего тела», — предусматривает следующее увещевание: если хочешь правильно заниматься философией, все время имей дело с умопостигаемыми и бестелесными началами. Иными словами: когда ты отошел ото сна невежества и ночного мрака, приближаясь к тем началам, которые можно уподобить <123> в философии дневному свету, не тяни с собой ничего телесного. Скорее очищай свое сознание и рассеивай в памяти любой след от того сна.

30. Символ, гласящий: «Не ешь сердца», — означает следующее: нельзя вносить смуту в единство и сплоченность вселенной, т. е. нельзя быть недружелюбным; будь скорее человеколюбивым и общительным. Этот символ, таким образом, увещевает к философствованию, поскольку среди всех наук и дисциплин только философия не испытывает ревности к чужому добру, не радуется чужому горю, ибо она доказывает, что все люди тождественны друг другу, испытывают те же самые страсти, подвержены тому же року и не умеют предсказывать будущее. Именно поэтому символ увещевает нас к тому, чтобы сохранять благорасположение ко всем и вести поистине разумную и человеколюбивую жизнь.

31. Сходен с предыдущим и следующий символ, гласящий: «Не ешь мозгов». Мозги —главнейшее орудие наших мыслительных способностей. Символ намекает на то, что нельзя ни высмеивать, ни подвергать жесткой критике давно и справедливо принятые и доказанные истины и доктрины. Такими являются те истины и доктрины, которые были порождены разумом и незыблемым умозрительным мышлением, полностью обосновавшими их с научной

неопровержимостью. Ведь мы можем созерцать подобные истины и доктрины не через орудия неразумной части души (т. е. через печень и сердце), но через ее чистую и разумную часть. Поэтому сопротивляться таким основам учения — признак лени. Кроме того, данный символ благоприятствует трепетному отношению к источнику разума и самого соприродного с мыслительной способностью орудия, через которое мы приобщаемся к созерцанию, учению и, одним словом, мудрости — и философствуем по-настоящему, без нарушения и расшатывания тех научных основ, которые данное орудие нам предоставляет.

32. <124> Символ, гласящий: «Плюнь на свои остриженные волосы и ногти», — означает следующее: ты должен презирать все, что соприродно с твоим животным началом, лишенным живительной души, а ценить то, что относится к умозрительному началу. Таким образом, и после того, как ты посвятишь себя философии, ты должен больше ценить то, что доказывается через разумную душу и ум — без какого-либо участия чувств, но только на основании отвлеченных наук. Презирай и «плюй» на пустые мнения, высказанные без света разума, на основе одних только чувственных ощущений, соприродных твоему животному началу: последние ведь не в состоянии отражать вечность ума.

33. Символ, гласящий: «Не употребляй в пищу красного пагеля», — носит в себе символическое значение только по отношению к этимологии названия самой рыбки, иначе говоря: ты не должен принимать в учение ни человека, который не краснеет и не испытывает стыда, ни человека, который, наоборот, постоянно краснеет и стесняется по любому поводу, стыдясь слабости своего ума или рассудка. Данный символ увещевает к тому, чтобы мы не были как эти люди.

34. Символ, гласящий: «Сметай пепел с любого следа от котла», — означает следующее: тот, кто посвятил себя философии, должен забыть запутанность и грубость, которые свойственны доказательствам, основанным на плотских

чувствах, и принять только доказательства, основанные на разуме. В данном символе пепел олицетворяет порошок, которым мы посыпаем абак (т. е. счетную доску).

35. Символ, гласящий: «С женщиной, имеющей на себе золото, для деторождения не сходись», — имеет в виду не ту или иную женщину, но школу или философское течение, которое уделяло бы слишком много значения телесному и тому, что удерживает нас на земле. Из всех земных тел золото является как раз самым тяжелым, и поэтому оно сильнее всех устремлено к центру земли, как наблюдаем у всех тяжелых предметов. «Заниматься любовью» означает не только «совокупление», но и близость, тесные отношения.

36. <125> Символ, гласящий: «Больше цени ступенчатое уравнение, чем трехобольное», — предусматривает следующее увещевание: посвяти себя философии и усовершенствуйся в математических науках не поверхностно. Пользуйся этими дисциплинами, как лестницей, ведущей тебя к цели. Презирай то, что большинство людей выше всего ценит, и цени италийскую философию, которая созерцает умопостигаемые сущности, в то время как ионийская философия созерцает, в основном, физические начала вселенной.

37. Символ, гласящий: «Воздерживайся от бобов», — увещевает к тому, чтобы избежать всего, что могло бы разрушить нашу связь с богами и божественным умопостигаемым оком.

38. Символ, гласящий: «Выращивай мальву, но не ешь», — намекает на то, что вид растений, к которому принадлежит и мальва, всегда направлен к солнцу, чему, согласно символу, мы должны подражать. Однако символ тут же предупреждает: «Выращивай», т. е. старайся познать свойства этого растения и его стремление к солнцу, но не довольствуйся только этим познанием, а направляй свой разум, словно ты собираешься его так же выращивать, на изучение растений такого же вида и даже животных, камней, рек — одним словом, любого вида существ. Таким образом, исходя из

символа мальвы, ты узнаешь, что существует огромное количество удивительно плодородных и активно размножающихся видов, которые представляют собой физическую сторону единства и соборности вселенной. Поэтому нельзя есть мальву, иначе ты устранишь возможность подобных исследований, но, выращивая ее, ты должен способствовать ее дальнейшему распространению и размножению по полю.

39. Символ, гласящий: «Не ешь животных», — увещевает к справедливости и уважительному отношению ко всему, что делит с нами нашу физическую природу. Поэтому мы должны воздерживаться от того, чтобы есть существ, которые ведут жизнь, похожую на нашу, и от всего прочего.

<126> Итак, в свете всего вышесказанного, становится ясным и специфическое свойство увещевания через символы. Подобное увещевание имеет много общего с самыми древними (и, в частности, пифагорейскими) видами увещевания. Рассмотрев все способы увещевательной речи, мы, наконец, завершаем наше сочинение в жанре, призванном насаждать любовь к философии среди непосвященных.

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРАКТАТА

1. Будут затронуты вопросы о том, как нужно изначально приобщить желающих к основам правильного воспитания и философии по учению Пифагора, и что такое приобщение не отличается от всех остальных философских школ, поскольку оно распространяется на все блага, даруемые в общем философией как дисциплиной. Кроме того, будет описана последовательность подобного освоения основ: как мы увидим, оно разделено на три части, и каждая его часть закономерно становится все ближе и ближе к самой совершенной умозрительной чистоте учения. А последовательность такова.

2. Сначала предусматриваются увещевательные изречения, приведенные в виде всем понятных эмпирических образов: эти изречения подтолкнут нас к тому, чтобы приложить усилия к достижению истинной добродетели в том виде, в каком, в общем, ее представляют все философские школы.

3. Затем перейдем к пифагорейским увещевательным изречениям в стихах, которые побуждают нас к изучению любого самого лучшего и божественного философского учения.

4. Научные методы, направленные на увещевание к умозрительной философии и, в то же время, на освещение того, насколько велики, могучи блага от благоразумия и почему благоразумный человек должен стремиться к ним.

5. Чисто пифагорейские увещевания, которые выходят далеко за рамки наставлений остальных философов и открывают особенные духовные пути.

6. Увещевания, которые соприкасаются со сферой практической и политической добродетели, но все же побуждают к достижению и проявлению самого совершенного умозрительного благоразумия.

7. Особенные наставления, относящиеся к умозрительной философии и, в частности, к созерцательной жизни. Некоторые из подобных наставлений исходят из самого естества человека, другие же — из действующего и действительного

(последняя категория как раз непосредственно способствует переходу к следующему пункту в данной книге).

8. Соображения, исходящие из общих понятий и побуждающие к тем благам философии, которые являются не только самыми желаемыми, но к которым все люди естественно стремятся, потому что, по сути своей, они наивысшие. Такие соображения содействуют увещеванию видимым эмпирическим образом, исходя из того, что знакомо и понятно всем.

9. Создание правильного увещевательного подхода, исходя из самых оснований природы в соответствии с ответом, данным Пифагором в Флиунте вопрошавшим о том, кто он и ради чего родился. Основываясь на его ответе, мы сделаем нужные выводы и разработаем увещевание в целом по следующим пунктам.

10. Аналитическое правильное мышление очень помогает и в повседневной жизни, что доказано многими примерами и сферами для применения этого мышления. Эти сферы обусловлены разными потребностями, они многочисленны и благоприятны для осуществления наших материальных целей.

11. Тем, кто выбрал образ жизни, основанный на первенстве разума, присуща великая радость.

12. То, что философия приводит к истинному счастью, служит прекрасным поводом для совершенного и крайне действенного увещевания.

13. Исходя из общих понятий о философии, рассмотрим пути к увещеванию согласно пифагорейским предпосылкам и истинным мнениям о душе.

14. Причины, обосновывающие закономерность увещевания, исходят из отвлеченного понятия философского образа жизни и из целой практической жизни самого философа. Такие причины, противопоставляя друг другу эти начала, которые кажутся оба как бы достойными одинакового уважения, доказывают, что первое из них все-таки выше второго.

15. Дальше будет рассмотрен вопрос о неразрывной связи между истинным увещеванием и правильным воспитанием

или его отсутствием. Является ли первое наилучшим из благ и второе — наихудшим из зол. Кроме того, будет рассмотрен вопрос о том, являются ли воспитание и невежество на самом деле такими, какими кажутся, и кажутся ли такими и остальным. В конце докажем, что философия — незыблемое начало правильного воспитания и благоразумия, в то время как ее противоположность отвечает за отсутствие этих добродетелей.

16. В дальнейшем рассмотрим другие методы, связанные с целью, преследуемой воспитанием. Эти методы побуждают к философии, ибо показывают ее соприродность с воспитанием и, в то же время, природу ее активных поисков, так же как и предельное внимание, которое философия уделяет самым лучшим проявлениям способностей души.

17. Исходя из речей древних мудрецов, из священных мифов и из других высказываний, в том числе и пифагорейских, рассмотрим соображения, обосновывающие увещевание к умеренной, уравновешенной и законосообразной жизни: речь идет о тех же самых причинах, которые нас отвращают от неумеренной и преданной плотским наслаждениям жизни.

18. Исходя из правил и порядков, относящихся к телесной сфере, и направляя наши рассуждения из этой сферы в душевную при помощи аналогий, мы сможем правильно и убедительно увещевать желающих к философии, основываясь на том, что наше увещевание берет начало из явных и бесспорных наблюдений.

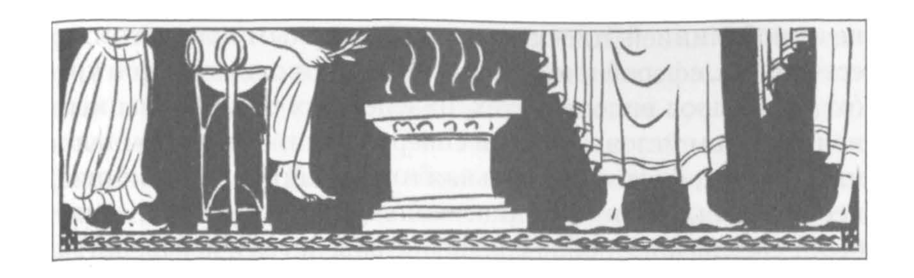
19. В данной главе соображения, обосновывающие наше увещевание, затрагивают блага души, даруемые философией, поскольку именно эти блага гораздо важнее для счастья. Кроме того, наше увещевание коснется и совершенствования добродетелей, ибо они вполне достаточны для достижения блаженной жизни.

20. Смешанные правила, которые распространяются одинаково на увещевания ко всем благам, ко всем частям философии и ко всем жизненным целям, к которым стремятся добродетели.

21. Объясним, наконец, что такое символическое увещевание, как оно проводится через символы, и каким образом открываются эти символы — все совокупно и каждый по отдельности. Мы объясним только функцию, которую они выполняют в отношении увещевания к философии. Обсуждение других аспектов символов будет в иной книге.

Приложение

ТЕОЛОГУМЕНЫ АРИФМЕТИКИ

ТЕОЛОГУМЕНЫ АРИФМЕТИКИ[1]

О ЕДИНИЦЕ-МОНАДЕ

<1> Единица-монада является основой числа, и нет у нее положения: это число называется «монадой» в силу собственной устойчивости. Ведь монада пребывает одной и той же независимо от чисел, с которыми она производится. Например, единожды три будет три, а единожды четыре — четыре. Как мы видим, после того, как монада была умножена на только что приведенные числа, она сохранила их первоначальный знаменатель и не произвела другого числа.

Все основано на монаде, поскольку она все содержит в себе потенциально: даже если монада не применена в действительности, она, все равно, заключает в зародыше все уравнения, действующие между всеми числами, включая и те, которые производны от двойки, поскольку единица является одновременно и четной, и нечетной, и четной-

[1] Для настоящего перевода было использовано мной следующее издание: [Iamblichi] *Theologoumena arithmeticae*, Lipsia (1922; 1975).

нечетной, линией, плоскостью и трехмерным предметом, то есть кубом, сферой и пирамидой во всех видах этой фигуры (от тетраэдров вплоть до тех, наделенных неограниченным количеством углов). Монада совершенная, недостаточная и избыточная, пропорциональная и гармоничная, первичная, несоставная, вторичная, диагональная и поперечная, от нее берет свое начало любое уравнение равенства и неравенства, как было уже доказано во *Введении*[2]; кроме того, монада является и точкой, и углом, с сохранением всех форм последнего, так же как и началом, серединой и концом всего: благодаря своей природе, исконно неделимой, монада является ограничением и определением обеих сторон, <2> поскольку там, где она уменьшается, она ограничивает бесконечное деление непрерывного, в то время как там, где она увеличивается, ограничивается бесконечное умножение дискретного знаменателя.

Не нами это определяется, а божественной природой монады.

Итак, в монаде каждая часть соответствует и пропорционально противопоставлена целому, как можно увидеть в лямбдообразном изображении, приведенном в начале *Арифметики*; следовательно, как в чередовании всех цельных чисел двойные по длине являются четырехкратными в квадрате и восьмикратными в кубе, в то время как тройные по длине являются десятикратными в квадрате и двадцатисемикратными в кубе, так в частях половина по длине соответствует четвертой части в квадрате и восьмой же части в кубе, а треть по длине соответствует девятой части в квадрате и двадцать седьмой в кубе.

Любая составная часть количественных чисел или любая часть деления состоит из единицы; ведь и десятка, и тысяча состоят из единицы, и, в обратном порядке, одна десятая и одна тысячная тоже состоят из единицы, так же как и

---

[2] Ср. Ямвлих. *De Arithmetica Nicomachi*, 11.

все остальные части, до бесконечности. В каждой из таких частей единица остается неизменной по виду, но отличается раз за разом по величине, потому что она производит из самой себя, кроме всего остального, и саму себя, именно как разумное начало Вселенной и самих сущих, ибо она обеспечивает бытие всего и не позволяет, чтобы погибло то, с которым она соединяется. Из всех чисел только единица соприродна Промыслу, который хранит Вселенную, и только она, наилучшим образом, в состоянии выявить в себе разумное начало Бога и, в частности, находиться в сокровенной связи с Ним, ибо это — самое близкое к Богу число. Ведь единица является прообразом всего как в создании (благодаря своей творческой силе), так и в постижении сущих (благодаря своей умозрительной мощи).

Мы достаточно доказывали эти качества <3> в совместимости неравносторонних и квадратных чисел, которые, несмотря на это, противоположны друг другу. Никомах тоже говорит, что единица совместима с Богом, поскольку Бог присутствует, в зародыше, во всех явлениях природы, так же как единица присутствует, в зародыше, во всех числах — в единице заключены потенциально все образы, которые, ставшие воплощенной реальностью, кажутся как бы непримиримыми противоположностями (т. е. они существуют в полном противостоянии друг другу), что не должно удивить: как мы видели во *Введении в Арифметику*[3], единица, благодаря своей невыразимой природе, в состоянии принять любой численный вид и стать началом, серединой и концом всего, независимо от того, воспримем ли мы ее составленной из взаимосвязи или присоединения — кроме того, единица является началом, серединой и концом количества, размера и любого другого математического знаменателя. Без единицы не может быть составлено ровно ничего. Тем же самым образом без нее немыслим ни

[3] Ср. (13).

один познавательный акт: она — совершенный свет и самая великая сила во вселенной, имеющая ту же самую природу, что и солнце, и наделенная такой властностью, что во всех своих проявлениях она становится как бы соприродною Богу, особенно потому что единица в состоянии совместить и примирить не только то, что состоит из многочисленных начал, но и то, что состоит из совершенно отличных друг от друга начал. Таким же свойством наделен и Бог, который может извлечь из таких же несовместимых начал гармонию и единство этой вселенной.

На самом деле единица порождает саму себя и самой собой порождена: под этим мы подразумеваем, что единица совершенна в себе и по себе, она без начала и без конца, являясь первопричиной постоянства. Таковым является и Бог в процессе создания всего сущего, ибо Он — высший хранитель и блюститель его природы.

По этой причине пифагорейцы называют единицу не только Богом, но и Высшим Разумом, <4> Истоком, заключающим в себе и женское и мужское начало: она считается Высшим Разумом, потому что беспредельно высшая власть Бога, которая заключается и в Его способности творить мир и, в общем, в любом Его творческом действии, — даже если она может быть невидима в отдельных явлениях, — раскрывается действующим разумом, поскольку она — тождество и постоянство в познании. В этом Бог соприроден единице, которая, хоть и принимает различные формы во многочисленных видах всего живущего, но заключает все создание в замысле (словно разумное начало, которое в состоянии творить именно как Бог), не меняется по отношению к такому разумному началу, находящемуся в ней самой, и сохраняет постоянство в самом создании: таким образом, единица остается неизменной, именно как мойра Атропос. По этой причине единица названа «демиургом» и «лепщиком», поскольку своими прогрессиями и регрессиями она определяет математические природы, от которых происходит образование тел,

порождение живых существ и мироустройства. Поэтому пифагорейцы говорят об единице как о Прометее, т. е. как о демиурге живой природы, поскольку единица, вне всякого сомнения, является единственным числом, которое ни уходит вдаль, ни выходит за рамки собственного разумного начала, ни позволяет, чтобы остальные существа это сделали, потому что она передает им свои качества: как бы далеко остальные числа ни отошли от единицы или сколько бы чисел единица ни породила, она все равно не позволяет ни бегства вперед, ни отступления от заданного разумного начала, свойственного и единице, и производным от нее числам. Пифагорейцы еще ее называют мужским и женским началом, поскольку, одним словом, единица оплодотворяет все творение. Пифагорейцы ее так называли не только потому, что считали, что нечетное обладает мужским началом, ибо оно сложно делится, <5> а четное же обладает женским началом, ибо просто делится, и только единица обладает одновременно и мужским, и женским началом, но еще потому, что они, пифагорейцы, ее воспринимали и матерью, и отцом, поскольку она заключает в себе разумное начало и материи, и формы, и создателя, и создаваемого, ибо единица, сложенная с самой собой, порождает двойку: ведь именно создатель лепит материю, а не наоборот. Семя, которое, благодаря собственной природе, в состоянии породить и женское, и мужское начало, после зачатия сохраняет бесполую природу вплоть до определенной стадии созревания; когда же оно становится зародышем и растет, то принимает одно из двух начал, переходя, таким образом, из потенциальности в действие. Но если сила каждого числа заключается в единице, то это последнее число является умозрительно-потенциальным, поскольку оно еще не проявляет никакого реального действия, но сохраняет в себе все возможные действия вместе со своими умозрительно-потенциальными свойствами.

В свете этого определения пифагорейцы еще называют единицу «материей» и «той, которая приютит в себе все»,

поскольку единица в состоянии породить двойку, которая, собственно, и является материей, и совместить в себе все разумные начала, если она, на самом деле, великодушна и щедра по отношению ко всему творению. Единицу также называют «Хаосом», который у Гесиода считается первенцем Вселенной, поскольку из него, как и из единицы, вытекает все остальное. Единица воспринимается еще как «смешение» и «слияние», «мрак» и «тьма», потому что она лишена той четкой обособленности, свойственной всему, что берет свое начало от нее.

Анатолий утверждает, что единица названа «рождением» и «материей», поскольку без нее не может быть ни одного числа <6>; письменное изображение единицы [α′] олицетворяет ее абсолютную первичность по отношению ко всему живущему, и через сложение составляющих ее букв она являет родство с Солнцем: ведь сумма, получаемая от букв ее названия[4], равна 361, что соответствует числу частей зодиакального круга.

Пифагорейцы называли единицу «разумом», потому что, на их взгляд, разум соприроден единице: из всех добродетелей они уподобляли единицу благоразумию, потому что все, что правильно, является единым. Они ее также называли «бытием», «причиной истины», «простотой», «образцом», «порядком», «согласием», «равным, находящимся посреди увеличения», «средним между напряжением и ослаблением», «мерой многочисленности», «мигом во времени»: пифагорейцы ее еще называли «кораблем», «колесницей», «другом», «жизнью», «счастьем». Ко всему этому пифагорейцы добавляют, что в середине четырех стихий находится как бы пламенный цельновидный куб, о срединном положении которого, говорят, знал и Гомер, когда он писал: «Вниз от Аида, насколько земля от небесного сво-

---

[4] Μονάς.

да[5]». Кажется, что Эмпедокл, Парменид и все остальные древние мудрецы позаимствовали это воззрение от пифагорейцев: по их мнению, естество единицы твердо находится в середине, подобно Гестии, и всегда сохраняет то же самое положение благодаря равновесию, присутствующему в ней; недаром Еврипид, который был учеником Анаксагора, упомянул о земле следующими словами: «Среди смертных мудрецы тебя считают Гестией[6]». Кроме того, пифагорейцы <7> утверждают, что прямоугольный треугольник был составлен Пифагором после того, как последний усмотрел по отдельности заключенные в нем числа.

Пифагорейцы относят двойку к материи: как материя порождает различия в природе, так и двойка порождает различия среди чисел. Как материя, сама по себе, неопределенная и бесформенная, так и двойка — единственное число из всех возможных, которое не порождает геометрические трехмерные фигуры; но и следующая причина, по которой и единица названа «неопределенной», не менее действительна: самую простую трехмерную фигуру могут заключить в себе только три угла и три прямых линии, в то время как единица — это фигура, которая пребывает в потенции. Весьма подходит и имя «Протей», которым пифагорейцы называли единицу, потому что в Египте считалось, что этот герой был в состоянии принять любую форму и, соответственно, заключить в себе свойства любого предмета, так же как единица — порождающий все остальные числа фактор.

---

[5] Гомер. *Илиада,* I.16.

[6] Еврипид. *Фр.* 938 (Nauck).

О ДВОЙКЕ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ АНАТОЛИЯ

Двойка, сложенная с собой, равна той же сумме, получаемой через умножение на себя: и сложение с собой, и умножение на себя порождают ту же самую сумму, в то время как у остальных чисел умножение всегда порождает сумму, которая выше суммы, получаемой через сложение. Из добродетелей пифагорейцы отождествляли двойку с отвагой: ведь отвага — добродетель, ставшая действием; по этой причине пифагорейцы еще называли двойку «смелостью» и «порывом». Двойка у пифагорейцев называлась «мнением», потому что мнение может быть как правильным, так и ложным <8>, «движением», «порождением», «изменением», «делением», «длиной», «умножением», «суммой», «общностью», «соотнесением», «отношением в пропорции»: сопряжение двух чисел может привести к образованию любой фигуры; по правде говоря, двойка — единственное число, которое не породит ни одной фигуры, ни одного определения, независимо от того, будет ли оно взаимодействовать в соотношении между тремя или двумя числами, поскольку оно существенно отличается от единицы и, по сравнению со всеми остальными числами, является ее полной противоположностью, как материя по отношению к Богу и тело по отношению к бестелесному. Ведь можно считать, что двойка, в качестве материального начала, является началом и различий между числами, словно она олицетворяет полную противоположность природе Бога, поскольку двойка считается началом, которое порождает в существах перемены и изменения, в то время как Бог является началом, которое порождает тождество и неизменное постоянство.

Любое существо, так же как и Вселенная, едино благодаря единице, которая составляет его природу, но подвержено делению, потому что оно неизбежно составлено и из двойки, которая представляет его материальную оболочку: в свете сказанного, самое простое сложение единицы с

двойкой равно первому определенному множеству, составляющему основу любого существа. Эта основа соответствует треугольному числу, являющемуся самой простой основой телесных и бестелесных величин и чисел: ведь, как сыворотка сгущает жидкое молоко благодаря своим вяжущим свойствам, так объединяющая сила единицы, соединяясь с двойкой, которая является источником зыбкости <9> и переменчивости, порождает предел и придает вид числа тройке: последняя является началом ставшей действительностью численности, определяемой через сложение единиц. В какой-то мере и двойка олицетворяет единство, поскольку является началом.

Двойка так называется[7] из-за того, что «происходит»[8] и «переходит»[9]: двойка — первое число, которое отделяется от единицы, из-за чего она названа и «смелостью». Единица означает полное единство, в то время как Двойка, отделяясь от единства, означает разделение.

Каким-то образом двойка порождает и сопряжения между числами из-за своего отношения к единице (оно — двойное) и к тройке (оно — полуторное); эти первичные отношения породили все остальные, простирающееся в обе стороны до бесконечности, так что и двойка — корень всех кратных и сверхчастных отношений.

Двойка является еще фактором, на котором зиждется материальная Вселенная. Такой фактор противоположен единице и поэтому находится в необходимости быть в равновесии с последней, подобно тому, как материя находится в равновесии со своей формой; стало быть, поскольку форма содержит в себе и сущее, и вечное бытие, в то время как материя содержит в себе их противоположности, то причиной совершенно соприродных, тождественных и неизменных

[7] Δυάς.

[8] Διιέναι.

[9] Διαπορεύεσθαι.

чисел, т. е. квадратов, является единица, не только потому что нечетные числа, производные от единицы, последовательно располагаясь вокруг нее как вокруг гномона, порождают в накопительном порядке непрестанно и бесконечно возрастающие квадраты, но и потому что каждая сторона, которую можно считать кривой <10>, — исходной и конечной точками которой является единица, — порождает, в свою очередь, тот же самый квадрат вследствие суммы от прямого и обратного пути; причиной же совершенно несоприродных друг другу (т. е. неравносторонних) чисел является двойка, не только потому что неравносторонние порождены сложением четных чисел, получающих свою форму от двойки и расположенных вокруг последней как вокруг гномона, но и потому что, на основе того же образа кривой, ее конечной и исходной точек, единица, будучи причиной тождества и, в общем, постоянства, обеспечивает порождение, а двойка способствует распадению и возвращению отличным от предыдущих чисел образом, словно материальная основа, которая способствует всякому распаду.

Можно предположить, что двойка — промежуточный предел между численной величиной, олицетворяемой тройкой, и противоположной ей численной величиной, олицетворяемой единицей. Поэтому, двойка обладает одновременно свойствами обоих упомянутых чисел: свойство единицы, в качестве начала любого числа, заключается в том, что сумма, получаемая от ее сложения с собой, выше суммы, получаемой от ее умножения на себя: ведь один да один больше, чем единожды один; свойство численной величины, получаемой от 2 + 1, т. е. тройка, заключается в итоге, полностью противоположном предыдущему, потому что сумма, получаемая от умножения тройки на себя, выше суммы, получаемой от сложения тройки с собой: численная величина больше не обладает природой начала, но между сложением и умножением наблюдается количественная разница: трижды три больше, чем три да три; в то время как

единица и тройка обладают противоположными друг другу свойствами, двойка же, находясь между ними, обнаружит свойства и той и другой, поскольку находится посредине.

Мы утверждаем, что между большим и меньшим находится равенство; равенство поэтому находится только в двойке; стало быть, число, которое мы получим от ее умножения, будет равно числу, которое мы получим от ее сложения: ведь два да <11> два равно сумме, получаемой от дважды два; отсюда вытекает название «равная», которое пифагорейцы приписывали двойке.

То, что двойка придает форму равенства и всем остальным числам, которые соприродны ей, становится ясным не только благодаря тому, что ее можно делить на две одинаковые части (если еще учесть, что двойка — первое число, которое порождает равенство на уровне двухмерных и трехмерных чисел — т. е. в четверке отмечается равенство длины и ширины, а в восьмерке — равенство глубины и высоты), но еще благодаря производному от нее числу, названному «разверткой», т. е. 16, в дважды двух, взятых дважды и еще дважды, поскольку оно — равное число, имеющее в качестве так называемой пленки двойку; ведь 16 это еще четырежды четыре. Такое число, т. е. 16, является некоей серединой между большим и меньшим, точно как и двойка: у предшествующих квадратов периметр больше, чем плоскость, в то время как у последующих за ними квадратов периметр — меньше. 16 — это единственный квадрат, который обладает совершенно одинаковыми периметром и плоскостью.

Кажется, именно из-за этого Платон, в *Теэтете*[10], обсудив этот квадрат, останавливается по какой-то причине на 17 при обсуждении свойства этого последнего числа, также причастного к некоему равенству. На основе какого наблюдения, значит, древние называли двойку «неравенством», «недостатком» и «избытком»? Они ее так называли

[10] Платон. *Теэтет*, 147 D.

на основе представления о материи, если двойка является действительно первым числом, в котором можно разглядеть принципы отпадения и появления сторон, которые и заложили основу для понятий о различиях и неравенстве; однако другая причина заключается в том, что двойка больше предшествующей ей единицы, в то время как четверка <12> же меньше всех предшествующих ей чисел. Поскольку тройка находится между двойкой и четверкой, можно еще раз наблюдать (но при другой динамике), что в ней имеется равенство по отношению к предшествующим ей числам: ведь двойка больше предшествующего ей числа, т. е. единицы, согласно коренному сопряжению большего, и четверка меньше 3 + 2 + 1 согласно коренному сопряжению меньшего, в то время как тройка равна 2 + 1 согласно нераздельному равенству, так что большее соответствует двойке как стороне, а меньшее соответствует ее степени как плоскости.

Двойка названа «недостатком», «избытком» и «материей» (пифагорейцы называют последнюю, из-за созвучия с Двойкой, и «неопределенной двоицей»), потому что двойка, по отношению к самой себе, лишена какой бы то ни было формы, фигуры и определения, чтобы можно было ее ограничить и определить через разум и знания.

Двойка лишена фигуры, если соответствует правде то, что из треугольника, т. е. из тройки, вытекает бесконечное количество трехмерных полигонов, и из единицы вытекает все в совокупности, поскольку она заключает в себе потенциально все, в то время как невозможно составить прямых фигур ни через две прямые, ни через два треугольника; поэтому неопределенность и бесформенность существуют только в двойке.

Двойка является и бесконечностью, если действительно она олицетворяет собой и все различия в бытии, которые появляются, как только выйдем из единства, олицетворенного единицей, и распространяются бесконечно. Можно еще сказать, что двойка — число, порождающее бесконечность,

потому что в ней впервые появляется длина. Она, правда, выводится из единицы в качестве точки, но, в дальнейшем, ее можно делить или умножать до бесконечности; и природа различий, на самом деле, проектируясь до бесконечности, исходит из двойки, совместно с единицей, выступающей противоположным ей числом: ведь первое различие <13> между большим и меньшим числом возникает именно между единицей и двойкой.

Двойка, между прочим, не является истинным четным числом, потому что она не такова в действительности: несомненно, любое четное число как таковое можно делить и на равные, и на неравные части, а двойка это единственное число, которое нельзя делить на неравные части и которое, после деления на равные части, нельзя отнести ни к четным, ни к нечетным, как будто она заключает в себе то же начало, что единица.

Говорят, что пифагорейцы называют двойку и «Эрато»: притягивая к себе любовный порыв единицы как вида, двойка порождает вследствие их слияния остальные числа, начиная с тройки и четверки. Пифагорейцы считали, что двойке, кроме названия «смелость», свойственны и такие названия, как «несчастье»[11], «терпение» и «стойкость», потому что это первое число, которое действительно переживает разрыв с единством; из-за своей двойственной природы двойка заслуживает еще таких названий, как «справедливость»[12], в том смысле, что она «разделена пополам»[13], и «Исида», не только потому, что в ней сумма от умножения на себя равна сумме от сложения с собой, как мы писали выше, но и потому что это единственное число, которое не разрешает деление на неравные части.

[11] Δύη.

[12] Δίκη.

[13] Δίχα.

Пифагорейцы называют двойку еще «природой»: она является движением к бытию и как будто выхождением из семенного начала: такое название, как «природа», возникло из-за того, что движение от одного к другому напоминает двойку. Однако некоторые, обосновываясь на ложном представлении о двойке как о вторичном числе, учат тому, чтобы представить двойку как сумму двух единиц, чтобы ее можно было вернуть к изначальному единству; на самом деле либо двойка составлена из двух единиц, которые, в таком случае, зародились до нее, либо единица является половиной двойки — в таком случае двойка должна была появиться <14> до единицы, либо нужно соблюдать истинное взаимоотношение между этими двумя числами — тогда они неизбежно сосуществуют как двойная половина и половина двойного, и не будет между ними никакой первичности или вторичности по времени возникновения, потому что оба неразрывно связаны друг с другом и исчезновение одного одновременно сведет на нет существование другого.

Пифагорейцы называли двойку «Деметрой», т. е. «Матерью Зевса»: Зевс отождествлялся с единицей, как они говорили. Называли ее еще «Реей» из-за текучести и протяженности, которые свойственны и двойке, и природе, растворяющейся в бытии. Кроме того, пифагорейцы уточняют, что название «Диада» соответствует Луне, потому что на этой планете закаты[14] происходят гораздо чаще, чем на остальных, и потому что она разделена на две части: ведь считается, что у Луны две четко разделенные стороны.

[14] На древнегреческом: Δύσεις.

О ТРОЙКЕ

Тройка получила от судьбы, словно исключительное преимущество по отношению ко всем остальным числам, красоту и обаяние — в первую очередь, потому что это абсолютно первое число, которое проявляет в действии всю потенциальность единицы, т. е. свойства нечетных чисел, совершенство, пропорциональность, стремление к единству, четкие пределы. Ведь тройка — первое поистине действующее нечетное число, поскольку, согласно ее самому названию, превышает то, что равное, т. е. имеет в своей дополнительной части нечто, которое превышает равное, и на ее долю выпало преимущество непосредственно следовать за первыми двумя началами и быть равной их сумме. На самом деле совершенство тройки проявляется более специфическим образом, чем у чисел, которые оказываются равными сумме, получаемой от сложения чисел, начинающихся от единицы до четверки. Говорю о единице <15>, тройке, шестерке, десятке: ведь единица (основа этого ряда) равна единице, тройка равна единице, слагаемой с двойкой, шестерка равна единице, слагаемой с двойкой и тройкой, десятка равна единице, слагаемой с двойкой, тройкой и четверкой. Итак, тройка как бы выделяется из всех упомянутых чисел по той причине, что она непосредственно следует за числами, сумме от сложения которых она и равна; именно благодаря такому ее свойству тройка названа «серединой» и «пропорцией», не потому что это первое число, которому выпало на долю среднее значение, и не потому что это единственное число, чье среднее значение равно крайним, но потому что, по общему понятию о равенстве, занимающем среднее положение между большим и меньшим знаменателями, представляющими собой неравенство, тройка и в свою очередь воспринимается средним значением между большим и меньшим, ибо она обладает соразмерной природой: ведь двойка, которая предшествует тройке, количественно выше

единицы, предшествующей двойке, и является двойным числом, представляя собой начало первичного отношения, определяющего понятие о большем знаменателе: четверка же, возникающая после тройки, ниже суммы, получаемой от сложения чисел, ей предшествующих, и представляет собой начальный вид первичного отношения, определяющего понятие о нижнем полуторном знаменателе шестерки; тройка, которая, наоборот, находится посреди них, равна сумме от чисел, ей предшествующих; стало быть, она составляет среднее значение между ними.

Вследствие этого мы получим три вида так называемых прямых средних, т. е. арифметический, геометрический и гармонический, три дополнительные вида средних величин, вытекающих из последней, и в каждом <16> из них — три предела и три промежутка, от малого до среднего, от среднего до большого, от большого до малого, — три равночисленных в порядке первых членов и столько же противоположных последовательных, от большого до малого, от большого до среднего и от среднего до малого.

Единица, как в зачатке, заключает в себе еще не сформировавшееся или не отделившееся начало каждого числа, Двойка же является как бы незначительным шагом вперед, но еще не является настоящим числом, потому что еще обладает свойствами начала, а вот тройка позволяет единице полностью выйти из потенциальности и стать действием. Единице свойственно «то, что здесь», двойке — «то и другое», а тройке — «каждое и любое»: поэтому мы пользуемся тройкой и для обозначения многочисленности, когда, например, говорим «тридцать тысяч раз» (вместо «бесчисленное количество раз») или «трижды блаженные»; по этой же причине у нас есть обычай трижды взывать к усопшим. Нужно еще добавить, что любое закономерно развивающееся вещество обладает, с одной стороны, тремя пределами — началом, расцветом и завершением, — т. е. двумя границами и одной средней точкой, с другой же стороны — оно обладает

двумя промежутками, ростом и угасанием: таким образом, все, что существует, обнаруживает через пределы тройки природу двойки, т. е. «то и другое».

Тройка названа «мудростью» и «благоразумием», т. е. ей приписывают добродетели тех, кто правильно поступает по отношению к настоящему, предусмотрительно по отношению к будущему и на основе опыта, полученного от прошлого: поэтому и знание основано на тройке. Пифагорейцы называют тройку «жалостью»; по этой причине само название тройки[15] <17> происходит от глагола «дрожать»[16], т. е. «бояться» и, следовательно, «быть осторожным».

СОГЛАСНО АНАТОЛИЮ

Тройка, являющаяся первым нечетным числом, названа некоторыми «совершенной», потому что это первое число, которое означает все — т. е. начало, середину и конец. Чтобы подчеркнуть удивительные свойства чего-то, люди применяют выражения, где присутствуют производные от тройки: «трижды счастливые», «трижды блаженные». Молитвы и излияния богам совершаются трижды. Тройка олицетворяет плоскость и первое трехмерное проявление треугольников: ведь существуют три вида треугольников — прямоугольные, равносторонние и разносторонние; кроме того, существуют и три прямые треугольника — острый, тупой и прямой. У времени три отрезка. Пифагорейцы отождествляли тройку с добродетелью умеренности, потому что последняя означает правильную меру между излишком и недостатком.

---

[15] Τριάς.

[16] Τρεῖν.

В добавление ко всему этому тройка, через сложение самой себя с единицей и двойкой, порождает шестерку, которая является первым поистине совершенным числом.

ТЕОЛОГУМЕНЫ НИКОМАХА

Тройка является началом числа, ставшего действием, определяемого через окончательное составление единства. Ведь и двойка представляет собой некое единство, поскольку она по своей природе — начало, однако тройка это первое число, которое составлено из единицы и двойки; кроме того, тройка это первое число, которое, бесспорно, заключает в себе конец, середину и начало, которые являются составляющими любого совершенства <18>.

Будучи формой, через которую осуществляются все остальные числа, и являясь сама по себе первым истинным числом, тройка предоставляет действительности равенство и отсутствие излишества и нехватки, определяя собой материю и придавая форму потенциальности, заложенной во всех свойствах всего живущего. На самом деле, в отличие от всех остальных чисел, свойственное одной тройке качество заключается в том, что она равна сумме, получаемой от сложения предшествующих ей чисел.

Трижды совершают излияния и трижды приносят жертвы богу те, кто просит у него исполнение своих молитв; и «трижды блаженными», «трижды счастливыми», «трижды благополучными» называем тех, которые в совершенстве пребывают в таких состояниях. Наречие «трижды» используется и тогда, когда обозначаем противоположные только что упомянутым состояния.

Пифагорейцы говорят, что тройка так называется, потому что она как бы «неукротима»[17] или «неутомима». Подоб-

[17] ἀτειρής.

ное название основано на том факте, что тройку невозможно делить на две равные части.

Тройка означает первую истинную многочисленность; ведь мы обозначаем предметы на основе их числа, т. е. на основе того, являются ли они единственного или двойственного числа. Не случайно, что не существует тройственного числа, а только множественное. Ибо это единственно правильное определение.

Тройка отражается и на природе числа: существуют три вида нечетных чисел — первичное и не составное, вторичное и составное, смешанное. Последнее вторично по отношению к самому себе и первично по отношению к остальному; существуют еще три вида четных чисел — излишествующее, недостающее и совершенное: у относительных величин, если вкратце, наблюдаем следующие категории: высшее, низшее и равное. Тройка является еще самым соприродным геометрии числом: из двухмерных фигур самой простой является именно треугольник, который, в свою очередь, обладает тремя видами — остроугольным, тупоугольным, разносторонним. Луна тоже обладает тремя видами: прибывающая Луна, убывающая Луна и полная Луна <19>; у планет — три вида неправильного движения: прогрессия, регрессия и, в срединном положении, стояние. Трех видов являются тоже круги, которые определяют ширину зодиака: летний, зимний и, в срединном положении, так называемая эллиттика. Три же вида у животного царства: земной, крылатый и водный.

Что касается науки о богах, стоит напомнить, что Мойры тоже три, потому что все жизненные поступки небесных существ и смертных подчиняются тройному закону подачи, получения и воздаяния: небесное как бы подает семя, земное его получает, воздаяние возложено на то, что находится в середине, словно ребенок, родившийся от слияния между мужчиной и женщиной. Можно найти подтверждение этой теории и в словах Гомера: «Целое было разделено на три

части»[18] и на том его месте, где читаем, что добродетели занимают срединное положение между двумя пороками, которые конфликтуют друг с другом и с самой добродетелью, и это подтверждает теория, согласно которой добродетели олицетворяют то, что определенное, познаваемое и мудрое благодаря единице — ведь единица всегда срединна, — а пороки же олицетворяют то, что неопределенное, непознаваемое и немудрое из-за двойки.

Пифагорейцы тройку называют и «дружбой», «миром», «гармонией» и «согласием», потому что эти понятия объединяют все противоположное и несхожее; по этой причине они ее называют и «браком». Наконец, сама жизнь делится на три периода.

О ЧЕТВЕРКЕ

<20> Все, что находится в мире, в его общем и специфическом виде, так же как и вся реальность чисел, и, одним словом, любое явление, относящееся к бытию, как будто находит свое завершение в естественном росте, который разрешается в четверке; то, что свойственно бытию и в высшей степени способствует сохранению вселенской гармонии, зависит от того, что десятка, являющаяся гномоном и связующим звеном, состоит из суммы, получаемой от сложения четверки со всеми предшествующими ей числами, и от того, что четверка является пределом телесности и трехмерности: ведь в четверке, по отношению к углам и граням, можно наблюдать самое маленькое и первичное твердое тело, т. е. пирамиду, так же как самое маленькое твердое тело, которое поддается чувствительному восприятию, состоит из

[18] Гомер. *Илиада,* XV. 189.

материи, формы и является трехмерным, составлено из четырех элементов.

Кроме того, самый предпочтительный и безошибочный способ для достижения верных и научно обоснованных знаний о сущих заключается в том, чтобы придерживаться четырех математических наук: ведь все, что в мире, подвергается, несомненно, количественному определению по накоплению, объемному измерению по соединению или слиянию, и воспринимается в количественном плане либо в самом себе, либо по отношению к чему-то, а в объемном плане оно воспринимается либо в неподвижности, либо в движении. Поэтому, по аналогии, в нашем распоряжении четыре подхода и математические науки, которые предоставят точные знания о каждом из упомянутых свойств: математика предоставит знания о количественности в общем и, более специфически, о количественности в себе, музыка предоставит знания о количественности по отношению ко всему остальному, геометрия — знания об объеме в общих чертах и в частности (но только по отношению к неподвижности), в то время как астрономия <21> предоставит знания об объеме по отношению к движению и правильному перемещению. Но если число — форма сущих, а дробями и элементами числа являются, так сказать, все числа от единицы до четверки, то мы найдем в этих четырех числах упомянутые свойства и четыре науки, а точнее: в единице найдем арифметику, в двойке — музыку, в тройке — геометрию, в четверке — астрономию. Так эти науки распределяет Пифагор в труде, озаглавленном *О Богах*. Цитируем: «Четыре подхода к мудрости — арифметика, музыка, геометрия, физика — и они чередуются в следующем порядке: 1, 2, 3, 4».

И Клиний Тарантийский пишет нечто подобное: «Такие предметы, когда они неподвижны, порождают математику и геометрию, а когда двигаются — физику и астрономию». В единице, стало быть, следует увидеть преимущественно арифметику: ведь без арифметики не могут существовать и

остальные науки, которые, в свою очередь, заключают совокупно в себе все основы арифметики, что нельзя сказать о самой арифметике. Поэтому арифметика первична по отношению к тем другим наукам и является как бы их матерью, так же как единица является матерью всех остальных чисел. В единице можно увидеть, прежде всего, как в зародыше, любое число, любое его свойство и все остальное: ведь единица — величина, которую можно рассмотреть в самой себе и в способности (которой только она обладает) предоставить четкие контуры и истинную определенность всему существующему: то, что объединяется с чем-то другим, никогда не будет цельным, ибо станет раздвоенным: в двойке присутствует как раз незыблемость раздвоенности <22>; имеет какое-то отношение к раздвоенности музыка, в которой заложено начало гармонических отношений между несовместимыми друг с другом элементами; к тройке относится геометрия, не только потому что эта дисциплина занимается трехмерностью, ее частями и видами, но и потому что те, кто преподает эту дисциплину, обязаны всегда говорить о плоскостях, которые составляют границы геометрии и которые древние называли «пленками», поскольку именно геометрия занимается, в первую очередь, двухмерной фигурой, и самая основная двухмерная фигура заключается как раз в тройке (ведь она состоит либо из трех углов, либо из трех сторон): если, исходя из такой основной фигуры, мы достигнем по высоте одной единственной точки, то мы получим и самую основную трехмерную фигуру, т. е. пирамиду, которая, несмотря на то, что ограничивается хотя бы четырьмя углами или гранями, состоит все равно из трех равных измерений, ниже которых ни одно естественное тело немыслимо. К четверке относится астрономия, потому что сфера, из всех тел, является самой совершенной и, прежде всего, самой способной, по природе своей, вместить все остальные тела, которых она выше в силу бесконечного количества других факторов. Сфера — фигура, заключаю-

щая в себе четыре элемента: середина, диаметр, круг и плоскость, т. е. поверхность. Поскольку у четверки подобная природа, люди упоминали именно этим числом имя Пифагора в своих клятвах, потому что, скорее всего, они мыслителя глубоко уважали за открытие этого числа.

Недаром и Эмпедокл где-то говорит: «Нет, ради того, кто передал нашему поколению четверку — источник, содержащий корни неиссякаемой природы!»[19] <23>.

Под выражением «неиссякаемая природа» пифагорейцы подразумевали десятку в качестве «вечной и непреходящей природы» всего существующего и всех его видов, благодаря которой то, что находится во Вселенной, завершается и получает свою самую подходящую и прекрасную форму. Корни десятки отождествляются со всеми числами до четверки, т. е. 1, 2, 3, 4: эти числа можно считать началом свойств всех чисел — единица является началом их отвлеченного тождества, двойка является началом их множественности и раздвоенности, тройка олицетворяет их единственность и нечетность, ставшую действием, а четверка — четность, ставшую действием. Ведь мы часто приписывали двойке нечетную природу, потому что она является началом: она еще не обладает чистыми свойствами четных чисел и не допускает делений.

Четверка является и первым числом, в котором пребывает самая маленькая и зачаточная телесность, если соответствует правде то, что самое элементарное тело, состоящее из самых мелких частиц, это огонь и трехмерная форма такого тела отождествляется с пирамидой (неслучайно ее название происходит от слова «огонь»[20]). Пирамида — единственный предмет, который ограничен четырьмя основами и четырьмя углами: отсюда, согласно нашему убеждению, вытекают четыре начала Вселенной,

[19] Ср. Ямвлих. *De Vita Pythagorica*, 153, 17.

[20] Ср. «πῦρ».

воспринимаемой либо как вечная взаимосвязь, либо (как мы говорили раньше) как порожденный состав элементов, а точнее, «то, через которое», «то, от которого», «то, благодаря которому», «то, ради которого», т. е. Бог, материя, изначальный образ, исход. Ведь очевидно, что и четыре стихии (огонь, воздух, вода, земля), и четыре силы этих стихий (тепло, холод, влажность, сухость) были распределены во всем, что существует в мире, воздействием четверки. И небесные тела были распределены воздействием четверки: они обладают четырьмя центральными точками — надзенитным, восточным <24>, перпендикулярным под Землей, западным. На самом деле эти точки являются как будто и четырьмя кардинальными центрами Зодиака, или, иными словами, его четырьмя границами: Север, Юг, Восток и Запад, — или еще, если мы будем воспринимать четверку с точки зрения ее сферичности, четырьмя элементами последней: центр, ось, круг, площадь.

Однако, у нас столько же (т. е. четыре) так называемых 90-градусных отделов Зодиака, где четыре тропика касаются эклиптики и образуют перекрест, дважды пересекаясь диаметрально (имеем в виду летнее солнцестояние, зимнее солнцестояние и два равноденствия); четырех видов являются и общие категории движения, которые, в своем специфическом взаимодействии, обнаруживают свойства, характерные для одного неба: движение вперед через небесный меридиан в каждую широту, движение назад через небесный меридиан под Землей, движение вверх через пространство, расположенное над линией неба, движение вниз через пространство, расположенное над линией заката. Четырех видов являются и так называемые времена года: весна, лето, осень, зима. Четырех видов еще являются, как мне кажется, единицы измерения общего движения, наибольшая из которых — лишенная временных отрезков — называется «вечностью». Второй вид существует сам по себе и легко уловим разумом: это — «время». Третий вид, по природе своей,

является внутренним свойством предыдущего вида, и мы можем как-то его уловить чувствительным восприятием: это — «правильное время». Четвертый же вид присутствует в самом кратком временном отрезке: это — «настоящее»; под другим видом четверка предстает в качестве года, месяца, ночи и дня. В соответствии с этим свойством четверки и ради ее полного осуществления в мироздании, во Вселенной присутствуют четыре вида сущих: ангелы, демоны, животные, растения. <25> Пифагорейцы различают еще четыре вида движения планет: прогрессия, регрессия и два вида статического положения — первичного и вторичного.

Чувствительные способности существ можно тоже свести только к четырем видам, поскольку осязание является общей основой для всех остальных органов восприятия, и, поэтому, это единственная способность, которая не размещена в каком-то свойственном только ей органе. У растений тоже отмечаются четыре вида: деревья, кустарники, поросли и травы. Список не заканчивается здесь, поскольку существуют еще четыре вида добродетелей: во-первых, напомним благоразумие души и, в соответствии с ним, чувствительность тела и успех во внешнем мире; во-вторых, умеренность души, которая обусловливает здоровье тела и хорошую репутацию во внешнем мире; в-третьих, по той же самой логической цепочке, смелость — сила — власть; наконец, справедливость — красота — дружба. На самом деле у человеческой жизни тоже, как у года, наблюдаются четыре периода: детство, молодость, зрелость, старость. Наконец, и в самом числе как таковом наблюдаются четыре основных свойства: идентичность (в единице), раздвоенность (в двойке), «пленка», т. е. плоскость (в тройке), тело (в четверке).

Человек тоже делится на четыре составных: голова, туловище, ноги, руки. Четырех видов тоже являются начала существ, как пишет и Филолай в книге *О природе*: мозг, сердце, пупок и детородный орган:

Мозг — начало мыслительных способностей, сердце — начало души и чувствительности, пупок <26> — начало приживления и развития зародыша, детородный орган — начало осеменения и рождения. Однако мозг представляет собой чисто человеческое начало, сердце является животным началом, пупок — растительное начало, в то время как детородный орган объединяет все остальные виды: ведь все живущее растет и рождается благодаря семени[21].

Даже если численная количественность впервые проявляется в тройке, тем не менее принцип накопительного эффекта не может быть воспринятым без четверки, благодаря которой и пирамида, из всего естественного, которое появляется через слияние, принимает образ того, что сложно разделить на части — такой образ свойственен телу, которое сложно разделить на части. Накопительный эффект, в некотором смысле, является неким растяжением численной количественности и тверже того, что порождено благодаря тройке.

Итак, согласно изречению Солона: «Долгая жизнь достоверно оценивается только в конце», можно узнать у Поэта, что те, кто еще живет, считаются блаженными только трижды, потому что еще не ясно, что станет с их дальнейшей жизнью, будут ли падения и перемены к худшему, в то время как тем, кто уже умер, выпало на долю более верное и совершенное счастье, ибо оно уже лишено перемен — по этой причине их считают блаженными четырежды: ведь Поэт, когда говорит о живом человеке, ограничивается только такими вот оборотами: «О трижды блаженный Атрид», а о тех, кто умер достойно, так отзывается: «Трижды и четырежды блаженные те данайцы, которые тогда погибли»[22]. Все это может предоставить естественно численную количествен-

[21] Ср. *Die Fragmente der Vorsocratiker.* XLIV, B 13 (Diels-Kranz).

[22] Гомер. *Илиада*. III, 182.

ность и накопительный эффект, если соответствует правде то, что являются тоже четырех видов образы совершенства, закономерно расположенные в том же порядке, что и четыре совершенных числа, чья сумма (начиная с единицы и доходя без перерывов до четверки) равна десятке. В первую очередь нужно упомянуть единицу, которая, не будучи сложным числом, представляет все равно собой некое совершенство <27> из-за того, что потенциально обладает всем внутри себя и ни в чем не нуждается.

Кроме того, единица — именно то число, которое придает форму всем остальным согласно их разным свойствам: ведь даже если какое-то число называется совершенным, когда оно равно сумме, получаемой от его частей, — а единица, разумеется, не обладает таким свойством, — тем не менее и единица совершенна, поскольку она, в цельном виде, равна самой себе.

Наше второе совершенное число — тройка, чье преимущество заключается в том, что она равна сумме, получаемой от сложения непосредственно предшествующих ей чисел, т. е. 1 и 2, и является, отличным от единицы образом, тоже совершенной, потому что это абсолютно единственное число, у которого начало, середина и конец.

После тройки мы должны отметить шестерку: будучи равна сумме, получаемой от сложения единицы, двойки и тройки, даже если последние не предшествуют ей непосредственно, шестерка как бы тоже совершенна, потому что это первое число, которое равно сумме, получаемой от его частей, т. е. 1/2, 1/3, 1/6.

Последнее число из такого разряда — десятка, которая является суммой, получаемой от сложения единицы, двойки, тройки и четверки. Десятка отдалена от таких чисел гораздо больше, чем шестерка, но приобретает свое совершенство отличным от остальных способом по следующим причинам: десятка является мерой и совершенным разграничением любого числа, и, после нее, больше нет естествен-

ных чисел, поскольку все, что следит за ней, принимая в ней участие, является вторичным, третичным и так далее, до бесконечности.

Различия между совершенными числами в рамках первых десяти держатся, стало быть, на четверке. Но нужно напомнить еще одну уникальную черту этого числа: хотя самые главные и, так сказать, самые узнаваемые и совершенные циклы развития лихорадки состоят из трех и четырех дней, четырехдневный цикл самый главный и более устойчив, чем двухдневный. Поэтому сложнее преодолеть именно его, оттого, что четверка, благодаря своей устойчивости, охватывает все, словно крепко стоящая на своих основаниях пирамида <28>. По этой причине и Геракл, как утверждают пифагорейцы, стал физически таким мощным: он был создан ради четверки. Квадраты с трудом поддаются потрясениям, как будто презирают их, подобно Гермесу, который как раз изображен в квадратной форме. И поскольку четверка, в качестве кубического числа, занимает центральное место среди семи кубических мест от единицы до семерки, с большой правотой врачи, как например Гиппократ, утверждают, что четверка, в любом явлении, пользуется больше, чем остальные числа, полной общностью с семеркой. С другой стороны, четверка, при сложении с семеркой, порождает на четвертом месте десятку, представляющую четвертое кубическое место в этом чередовании.

Пифагорейцы называли четверку и «природой Эола»[23], чтобы указать на разнообразность ее свойств[24]. Поскольку без четверки не было бы мироустройства, пифагорейцы ее еще называли по любому поводу «сторожем природы». Гомер утверждает, что «несущие» ветры предоставлены Эолом, которого Поэт называет и Гиппотадом из-за скорости порождающих его светил и из-за его безостановочного

[23] Αἴολος.

[24] Αἰόλος.

бега: ведь Эол олицетворяет год, вследствие разнообразия существ, которые в нем рождаются и растут. Еще называют четверку «Гераклом». Это название тоже связано с понятием о годах, поскольку последние несут в себе понятие о продолжительности времени, если действительно такая продолжительность составлена из четырех категорий: вечность — время — правильное время — настоящее, или: год — месяц — ночь — день, или еще: утро — полдень — вечер — ночь <29>.

Пифагорейцы считали, что Тетрактида, до превращения λ в ρ, называлась на самом деле «Тетладой», т. е. «сопротивляющейся», чтобы указать на то, что ее грань устояла после отделения от единицы: четверка поддерживает все измерения, которых три и не больше трех. Однако пифагорейцы поклонялись четверке, потому что она порождает десятку.

Четверка называется и «справедливостью», поскольку, как говорит Анатолий, ее квадрат, т. е. плоскость, равен периметру: у чисел, предшествующих четверке, периметр больше поверхности, в то время как у чисел, следующих за четверкой, периметр меньше поверхности. У четверки же периметр и плоскость равны друг другу. Четверка — первое число, которое проявляет природу твердых тел: после точки, линии и плоскости идут трехмерные фигуры, т. е. тела.

Четверка — первое число, которое является дважды четным, и первое число, которое заключает в себе сверхтретье, свойственное первичному гармоническому созвучию, т. е. кварте, и все в нем равно друг другу: плоскость, углы и грани. Четырех видов являются климатические зоны, четырех же видов являются страны света: восток — запад <30> — надир — зенит. Четырех еще видов являются самые главные ветры. Некоторые пифагорейцы утверждают, что Вселенная устроена согласно четырем основам: суть — образ — вид — разумное начало.

В добавление к этому четверка раскрывает тайну не только тела, но и души: пифагорейцы же говорят, что любое

существо устроено так же, как устроена вселенная, т. е. через гармонию. Однако очевидно, что совершенная гармония состоит из трех созвучий: созвучие кварты в сверхтретьем отношении, созвучие квинты в полуторном отношении и созвучие октавы в двойном отношении.

Если же рассмотрим первые четыре числа, то в них уже заключена форма души согласно гармоническому отношению: ведь четверка вдвое больше двойки и двойка вдвое больше единицы, и в двойном отношении находится созвучие октавы, в то время как тройка — полуторное двойки, поскольку содержит $2 + {}^{1}/_{2}(2)$, и в полуторном отношении находится созвучие квинты, четверка, наконец, является сверхтретьим тройки, и в сверхтретьем отношении находится созвучие кварты.

Если же соответствует правде то, что в четверке обретается все, что состоит из души и тела, то будет соответствовать правде и то, что в четверке разрешаются все гармонические созвучия.

ПЯТЕРКА, СОГЛАСНО АНАТОЛИЮ

Пятерка — первое число, которое заключает в себе род любого числа, а точнее — двойку, являющуюся первым четным числом, и тройку, являющуюся первым нечетным числом; именно по этой причине пятерка названа «браком»: она составлена из мужского и женского начал.

Пятерка находится в середине декады <31>.

Каждый раз, как ее умножают в квадрате, она всегда заключает саму себя: ведь 5 × 5 равно 25, и если умножаем это число еще на пятерку, результат содержит целый квадрат пятерки и пятеркой же заканчивается: 25 × 5 равно 125.

Трехмерные фигуры, которые обладают одинаковыми гранями и углами, являются пяти видов: «тетраэдр», т. е.

пирамида, «октаэдр», «икосаэдр», «куб», «додекаэдр»: Платон утверждает, что такие формы принадлежат, соответственно, огню, воздуху, воде, земле и Вселенной.

Кроме того, насчитываются и пять планет, если не учитывать Солнце и Луну. Квадрат пятерки — первый, который равен двум квадратам, соответственно, тройки и четверки. Говорят, что тетрахорд составлен из первого четного и из первого нечетного, и по отношению к пятерке допустимо геометрическое равновесие. Кроме того, если получим десятку через любую сумму, мы увидим, что пятерка всегда занимает среднее положение в арифметическом соотношении, например, 9 + 1, 8 + 2, 7 + 3, 6 + 4: каждая из этих сумм производит 10, и в каждой из них пятерка находится как среднее значение в арифметическом соотношении, как показывает вышеприведенная схема.

Пятерка — первое число, которое выражает самую лучшую и естественную срединность, если ее сопоставить с двойкой <32> в разъединенном соотношении, составленном из граней естественного числа, т. е. из единицы (в качестве начальной грани) и десятки (в качестве конечной грани): ведь единица имеет к двойке такое же отношение, какое имеет пятерка к десятке — и наоборот: десятка имеет к пятерке такое же отношение, какое двойка имеет к единице. Если в чередующемся порядке, то двойка имеет такое же отношение к десятке, какое единица имеет к пятерке; кроме того, результат от крайних чисел будет равен результату от средних согласно геометрическому соотношению: ведь 5×2 равно 10×1.

Мы можем сразу отметить в пятерке отношение срединности в сравнении с высшим крайним числом (10), так же как в двойке видим отношение удвоенности в сравнении с меньшим крайним числом (1): ведь двойка вдвое больше, чем единица, а пятерка вдвое меньше, чем десятка. По этой причине пятерка больше всех остальных чисел охватывает явления вселенской природы. По правде говоря, мы часто

утверждаем, что целая Вселенная завершена и заключена в десятке, укоренена в единице, приведена в движение двойкой, но получает свои свойства живого организма от пятерки, потому что она, в отличие от двойки, является частью десятки единственным правильным образом, если это правда, что между пятеркой и десяткой наблюдается полная равноценность, а между двойкой и десяткой существует только омонимия.

Пяти видов являются, на самом деле, универсальные стихии, составляющие наш мир: земля, вода, воздух, огонь и эфир. Стольких же видов являются геометрические формы, соответствующие этим стихиям: тетраэдр, гексаэдр, октаэдр, додекаэдр и икосаэдр, чья итоговая сумма основ удесятеряется, в свою очередь, по отношению к пятерке. Пяти же видов еще являются параллельные круги неба: небесный экватор и тропики по обеим сторонам последнего, т. е. тропик Рака и тропик Козерога, которые равноценны <33> и вторичны по отношению к размеру, и, наконец, круги, которые ограничивают по обеим сторонам тропиков северную и южную широты, которые являются меньшими по размеру кругами, но все равно остаются равноценными между собой. В соответствии с положением, занятым такими кругами, и на земле наблюдаются пять аналогичных поясов: знойный пояс, соответствующий экватору, два умеренные пояса, соответствующие двум тропикам, и еще два полюсные пояса, которые не населены, потому что они покрыты вечным льдом.

Кроме Солнца и Луны, планет только пять. Столько же, в общем, и лунных фаз: две прибывающие фазы, две убывающие фазы и полнолуние. Некоторые, придерживаясь более точной системы, вместо двух прибывающих фаз упоминают две фазы полулуния, потому что Луна, на самом деле, не прибывает, это обманчивое явление — ведь можно доказать геометрически, что освещенная часть должна быть гораздо больше размером, чем кажется. То же самое можно

сказать о неосвещенной части: она по размеру меньше, чем кажется. Причина такова: если наши знания верны, лунная сфера меньше солнечной; у лунной сферы больше, чем половина небесного тела, всегда освещено, так что образуемая тень заканчивается в виде конуса, в то время как удлинение с противоположной стороны линий конуса принимает образ корзины; круглая линия, которая ограничивает освещенную и неосвещенную части, описывает общую для обеих линию.

Пяти же видов являются и точки соприкосновения между прямыми линиями, которые производят «космические центры»: ведь ясно, что эти линии представляют собой два диаметра, которые, поэтому, являются самыми длинными линиями и пересекаются друг с другом прямым углом; итак, они пять раз <34> пересекаются друг с другом и с небесной сферой: пересекаются между собой в центре вселенной, а с небесной сферой — на тех точках, которые мы назвали «центрами».

Продолжим: еще пяти видов являются органы восприятия существ, которые достигли наивысшего развития и находятся, в зависимости от степени схожести и занятого в мироздании положения, либо на том же уровне, что и элементы, либо в строе, упорядоченном по восходящему принципу. Именно поэтому природа разделила на пять частей каждую нашу конечность (ноги и руки). Пяти видов являются и наши внутренности: почки — легкие — печень — селезенка — сердце. Пяти видов являются те части нашего тела, которые видимы внешне: голова — руки — туловище — детородные органы — ноги. Пяти же видов, наконец, являются и животные: огненные — воздушные — земные — водные — земноводные.

Пифагорейцы называли пятерку «отсутствием распри», не только потому что пятый элемент (т. е. эфир), который занимает отдельное место, пребывает постоянно в том же положении и всегда одинаков самому себе, в то время как

распри и перемены свойственны тому, что находится под эфиром, от Луны до Земли, но тоже потому, что те виды числа, которые абсолютно первичны, отличны друг от друга и несовместимы друг с другом, т. е. четные и нечетные числа, как бы примирены и объединены пятеркой, ибо последняя состоит из их союза, так же как эфир, будучи другом самому себе, пребывает в своем образе, в своей сути и в подобных состояниях.

Мы обнаруживаем, что и пятерка наделяет таким же свойством все, что обладает в себе разными противоречивыми свойствами, заложенными в обоих началах. Поэтому и Мегилл, в своей книге *О числах* <35>, возвеличивает пятерку следующими словами:

> Пятерка — изменение, свет, отсутствие распри: она является изменением, потому что изменяет трехмерность в идентичности сферы, вращаясь круговым движением и порождая свет, из-за чего названа и светом; она является, к тому же, отсутствием распри, потому что примиряет и объединяет все, что до этого было разрозненно, да и потому что она порождает союз и дружбу между двумя видами чисел[25].

Пятерка является самым высшим выражением справедливости, а справедливость, в свою очередь, заключает в себе все добродетели: ведь она в состоянии предоставить каждой добродетели все, что ей свойственно, и укрепить, таким образом, равновесие души, которое находится только в разумной части последней, в то время как отсутствие равновесия находится в неразумной ее части. Неразумная часть души должна подчиниться разуму. Но равное не обладает разными видами (поскольку равное может только быть одинаковым самому себе), в то время как неравное обладает бесконечными видами (поскольку существует бесчислен-

[25] Ср. Thesleff H. *The Pythagorean Texts of the Hellenistic Period*, Abo, 1965, С. 115.

ное количество видов, через которые неравное проявляет себя), и самые первичные вида неравного — два: высшее и меньшее; стало быть, в душе мы увидим, с одной стороны, равное, а с другой — неравное: равной является божественная и разумная часть души, а неравной будет ее смертная и неразумная сторона, и высший (преобладающий) вид неравной части отождествим со страстной душой (потому что она напоминает кипение и, так сказать, желание отбросить от себя лишнее), а меньший ее вид — вожделеющая душа (ибо она испытывает нужду и, поэтому, вожделеет того, чего у нее нет). Однако оба вида неразумной части души приобретут добродетель, если подчинятся власти разумной части души и, поэтому, приобщатся к ее равновесию: страстная душа приобретет добродетель отваги, а вожделеющая <36>–добродетель умеренности . Если же число равно себе равным количеством раз, оно породит и примет справедливость.

Каждый квадрат равен себе равным количеством раз, но не все квадраты допустят срединность, а только те, которые, разумеется, являются нечетными: ведь четное число никогда не допустит срединности; из нечетных квадратов именно основной окажется самым непосредственным и точным, раз и нечетные квадраты, которые последуют за ним, допустят его же самые отношения. Научные и философские доказательства всегда пользуются самыми маленькими основами, которые, между прочим, поддаются вычислениям проще и вернее остальных, и наблюдают в них, словно они — парадигмы, сходство между числами такого же вида: например, предпочитается наблюдать двойные числа, которые бесконечны по своей природе, в отношении 2 к 1, а полуторное — в отношении 3 к 2; из этого вытекает, что концепция и природа справедливости, предстающие в числе, которое является равным равное количество раз, т. е. в квадрате, проявят себя правильно не в четном квадрате, которому не хватает как раз срединности, а именно в нечетном, особенно

в самом основном, как будто он, являясь предметом научного познания, осеменяет все остальные: имеем в виду абсолютно первичный нечетный квадрат, т. е. девятку. Девятка, т. е. 3 × 3, является основным квадратом, составленным из первого нечетного числа (3), которое, в свою очередь, является первым сторонним числом, обладающим срединностью, так же как и девятка — первый квадрат, обладающий срединностью.

Ко всему этому нужно, по возможности, отнести рассуждение <37> о справедливости, согласно следующему определению о ней, данному пифагорейцами: «Способность, находящаяся в срединности нечетного квадрата, распределить в равных частях то, что принадлежит по праву»[26]. Нужно, в первую очередь, перечислить по порядку чередование чисел от 1 до 9: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9; затем нужно сложить все эти числа и, поскольку ряд составлен из 9 слагаемых, выделить девятую часть итоговой суммы (5). После этого необходимо удостовериться в том, присутствует ли такая часть, по своей природе, в ряде тех чисел. Тогда мы узнаем, что эта девятая часть (5) присутствует только в середине данного ряда, поскольку пятерка — это число, которое обладает тем же количеством с одной стороны и с другой, и окажется таким числом, которое наделит все остальные свойством такого же рода. Пятерка предстанет, таким образом, как бы самым высшим олицетворением справедливости, наподобие весов: ведь если мы уподобим ряд чисел весам, то пятерка, которая находится в середине, олицетворяет отверстие, т. е. точку равновесия самых весов, в то время как числа от 6 до 9 опустят блюдце весов в силу своей высшей количественности, а числа от 4 до 1 его поднимут в силу своей же меньшей количественности. Таким образом, сумма, получаемая от чисел, которые превышают пятерку, будет втрое выше суммы, получаемой от чисел, которые предшествуют пятерке,

[26] Ср. Ямвлих. *De Arithmetica Nicomachi*, 16.

а последняя, поскольку олицетворяет отверстие весов, не примет участия ни в одной из сторон, но пребудет в равенстве и тождестве. По мере большей или меньшей близости <38> к пятерке, отметим постепенно возрастающую в положительном или отрицательном порядке разницу между пятеркой и остальными числами, как, например, наблюдаем у блюдец весов: наклонность рычага уменьшается по мере того, как рычаг становится ближе к точке равновесия: ведь сáмые далекие от пятерки числа — девятка и единица, поэтому девятка — это то число, которое количественно превышает пятерку больше всех остальных, а единица же — то число, которое пятерка количественно превышает больше всех остальных. В обоих случаях разница будет неизменно равна четверке. Если продолжить по внутреннему ряду, восьмерка и двойка (соответственно — выше и ниже пятерки) чуть менее далеки от пятерки, поэтому между ними и последней разница чуть меньше, чем у девятки: она равна тройке; вслед за этими числами идут непосредственно семерка и тройка (соответственно — выше и ниже пятерки): разница между ними и пятеркой еще ниже, чем у предыдущей пары: она равна двойке. Самые близкие к служащей точкой равновесия пятерке с обеих сторон числа — четверка и шестерка — обладают самой маленькой в положительном и отрицательном порядке разницей: ведь невозможно представить мысленно число, которое было бы меньше, чем единица.

Как только мы установим рычаг весов, сторона, которая представляет наивысшую сумму, образует два угла, из которых один направлен к блюдцу, а другой — к точке взвешивания. Такие углы больше размером, чем углы, образованные на двух соответствующих точках со стороны, которая представляет наименьшую сумму; наибольший угол — тупой, поскольку прямой угол соответствует отношению абсолютного равновесия между двумя сторонами весов. И поскольку отношение, которое, при совершении несправедливости,

устанавливается между жертвами несправедливости и теми, кто ее совершает, равно отношению, которое, при несоблюдении равновесия, устанавливается между наибольшим и наименьшим. Однако те, кто совершает некий несправедливый поступок, несправедливы более тех, кто стал жертвой такого поступка (ведь те заслуживают наказания, а эти — восстановления справедливости и помощи). Из этого вытекает, что самая отдаленная от тупого угла сторона, т. е. преобладающая <39> сторона (это наблюдение действительно для обоих примеров о весах и о математических отношениях), все больше и больше будет отдаляться от точки равновесия, т. е. от справедливости, в то время как сторона, которая образовала острый угол, будет все больше и больше устремляться и приближаться к точке равновесия: то же самое происходит с теми, кто стал жертвой несправедливости и все больше угнетается — опустившееся блюдце устремится к гибели и погрузится в зло, а поднявшееся блюдце возвысится, как будто желает устремиться к Богу, ибо оно — нуждается в помощи и восстановлении справедливости. Если в данный момент, как нам кажется закономерным, возникнет необходимость восстановить равновесие по всему рычагу весов и в выставлении чисел, то и в этот раз подобное действие будет возможно только через участие пятерки, как будто она — олицетворение справедливости: ведь равновесие, к которому мы стремимся, доступно, только если мы сложим числа нижней стороны (1, 2, 3, 4) с разницей между числами высшей и нижней сторон, взятыми отдельно на пятом месте; или, определив пятерку как точку разграничения и взаимного расстояния, вычитаем число нижней части, которая наименее отдалена от точки равновесия, из числа высшей части, которая наиболее отдалена от точки равновесия, и сложим его с числом, которое наиболее отдалено от противоположной стороны, т. е. с единицей: для того, чтобы достигнуть равновесия, вычитаем четверку из девятки и сложим ее с единицей, затем вычитаем трой-

ку из восьмерки и сложим ее с двойкой, затем же вычитаем двойку из семерки и сложим ее с тройкой, наконец вычитаем единицу из шестерки и сложим с четверкой. Именно так мы достигнем равновесия, к которому стремимся, и все числа — и наказанные (в качестве притесняющих), и восстановленные (в качестве притесненных) — будут согласованы в равной мере со срединностью справедливости: все числа обратятся к пятерке, поскольку последняя — единственное число, которое ни теряет, ни накапливает, ибо оно не может быть ни больше, ни меньше того, чем оно является. Скорее напротив, это единственное число, которое по своей природе полностью обладает тем, что поистине принадлежит ему по праву и прилично для него.

То же самое можно сказать и по отношению к самому изображению пятерки. Те, кто придумал использовать буквы алфавита для обозначения этих чисел, решили, что знак υ означает половину значения, указанного буквой φ, как будто это — половина девятки, поскольку девятка <40> обозначена буквой φ, ее деление на половину, в качестве квадрата, указывается через υ и средняя часть почти всегда воспринимается как половина.

Итак, поскольку справедливость была приписана совершенно правильно пятерке и образ ряда чисел был убедительно представлен в виде весов, Пифагор воспользовался этими символами для того, чтобы так наставить своих учеников: «Не перетягивайте чаши весов!», подразумевая под чашами справедливость.

Поскольку, согласно философам природы, у бытия, как только оно появилось, имеются три фактора — вегетативный, психический, разумный, — и поскольку разумный фактор упорядочен в соответствии с семеркой и психический — в соответствии с шестеркой, то необходимо, чтобы вегетативный фактор соответствовал пятерке, потому что последняя является и самой маленькой конечностью живой природы: ведь единица — источник появления на свете,

двойка — движение в первом измерении, тройка — движение во втором измерении, четверка — движение в третьем и более сложном измерении, а пятерка воспринимается движением в отношении к любому росту вегетативных способностей души, в которой находится, хоть зачаточно, общее чувствительное восприятие.

Пифагорейцы называют пятерку и «Немезисом»: действительно, Немезис распределяет[27] закономерно через пятерку небесные, божественные и природные стихии, пять фигур циклических движений Луны и других звезд <41>, т. е. вечерний восход, вечерний закат, восход на заре, закат на заре, так же как чистое и простое (т. е. не имеющее никакого отношения к закату и восходу) вращение светил; так еще распределены и небесные тела, находящиеся на эпициклах согласно двум стояниям, либо в прогрессии, либо в регрессии, в то время как тела, которые не находятся на эпициклах, наделены единственным видом однообразного движения; растения тоже обладают пятью «членами» в своей общей структуре: корень — ствол/стебель — кора — листья — плоды; существуют еще пять видов осадков: дождь — снег — роса — град — иней, так же как и пять видов испарений: пар — дым — дымка — туман — так называемый вихрь, который еще называют циклоном. Поэтому gятерка так названа, потому что осадки и испарения «происходят благодаря gятерке»[28].

Пятерка названа еще промыслом и правосудием, в смысле «разделения на две равные половины»[29], потому что делает равным неравное, и «Бубастией», потому что ей поклоняются в египетском храме Бубаста, и «Афродитой», потому что она олицетворяет объединение мужских и женских чисел.

---

[27] νέμει.

[28] ἀναπέμπονται.

[29] Δίχησις.

По той же самой причине она называется и «браком», и «гермафродитством», и «полубогом», не только потому, что она является половиной десятки, которая считается божественным числом, но и потому, что она размещена в середине самой декады. Пятерка называется еще «близнецом», потому что она в состоянии делить на две равные части десятку, которую иначе невозможно делить на две равные части, «бессмертной», «Палладой», потому что она является пятым основным элементом, и «сердцеобразной», потому что она напоминает собой сердце, которое расположено у всех существ в середине.

ИЗ ВТОРОГО СЛОВА О ПЯТЕРКЕ («АРИФМЕТИКА» НИКОМАХА ИЗ ГЕРАСЫ)

<42> Когда люди становятся жертвами несправедливости, они хотят, чтобы боги существовали; когда же они совершают какую-то несправедливость, не хотят, чтобы боги существовали: стало быть, люди должны стать жертвой несправедливости для того, чтобы пожелать, чтобы боги существовали; ведь если люди не хотят, чтобы боги существовали, в то же время им не следует терпеть стать жертвами несправедливости. Если, поэтому, люди терпят несправедливость, потому что хотят, чтобы боги существовали, и, с другой стороны, они хотят, чтобы боги существовали, когда приходится стать жертвами несправедливости, и если совершение несправедливости является, конечно, злом, но это некое зло, которое как-то оказывается полезным для природы, и действовать в пользу природы свойственно добрым людям, ибо сама природа добрая и является тем же самым, что божий промысел, то несчастья выпадают на долю человека из-за божьего промысла. К такой мысли нас, может быть, толкают следующие слова Гомера:

Взял промыслитель Кронид золотые весы, и на чашки
Бросил два жребия смерти, несущей печаль и страданья, —
Жребий троян конеборных и меднодоспешных ахейцев.
Взял в середине и поднял. Ахейских сынов преклонился
День роковой. До земли опустилася участь ахейцев.
Участь троянцев наверх поднялась до широкого неба[30].

ШЕСТЕРКА, СОГЛАСНО АНАТОЛИЮ

Шестерка — первое совершенное число: ее можно исчислить ее же собственными частями, поскольку она заключает в себе 1/6, 1/3 и 1/2. Если ее умножить в квадрате, она заключает в себе саму себя <43>: ведь 6 × 6 производит 36; Если же ее умножить в кубе, она больше не заключает в себе саму себя в качестве квадрата: 36 × 6 производит 216 — эта сумма содержит 6, но не 36.

Шестерка образуется через умножение первого четного числа и первого нечетного числа, которые считаются и мужским, и женским началом: поэтому шестерку называют гермафродитом. Ее еще называют «браком» в собственном смысле, потому что она не зарождается через сложение, как пятерка, но через умножение; кроме того, она называется «браком» и потому, что она равна составляющим ее частям — ведь дети всегда подобны своим родителям.

Первая гармоничная срединность образовывается через шестерку, если учесть, что восьмерка находится в сверхтретьем отношении с шестеркой и 12 вдвое больше, чем шестерка: восьмерка превышает и превышена своими крайностями на 1/3 (6 и 12).

Но и арифметическая срединность возможна только благодаря шестерке, если учесть, что девятка находится в

[30] Гомер. *Илиада*, VIII. 69–74.

полуторном отношении к шестерке и 12 вдвое больше, чем шестерка: девятка превышает и превышена своими крайностями из того же числа, т. е. из тройки.

Кроме того, и части, составляющие шестерку, т. е. единица, двойка и тройка, заключают в себе арифметическое соотношение. Шестерка еще составляет геометрическую срединность тройки, шестерки и числа 12.

В добавление к этому, телесных измерений — шесть <44>. После пятерки пифагорейцы восхваляли шестерку больше всего и обосновывали свое отношение к этому числу неопровержимыми доказательствами, которые заключаются в следующем: благодаря шестерке мир одушевлен и приведен в гармонию, и достигает цельности, постоянства, совершенной прочности по отношению к животным и растениям в их соитии и размножении, красоты, добродетели и всего прочего. Пифагорейцы приводили следующие выводы: отсутствие порядка и, в рамках отведенной ей роли в мироздании, формы у извечной первоначальной материи, так же как ее абсолютная потребность во всех факторах, которые овеществляют свойства всего живущего — по качеству, количеству и всем остальным категориям, — были восполнены и приведены в порядок числом, которое является совершенно верховенствующим и творческим началом, поскольку материя принимает участие в различении форм, их регулярном изменении и установлении причинной связи между ними благодаря своей способности воспроизвести свойства числа и своего стремления к этому действию. Однако мы обнаруживаем, что и само число порождает свою прогрессию до бесконечности именно благодаря шестерке, через совершенно правильные суммы: ведь, поскольку совершенно правильное число, в своей первоначальной форме, обладает началом, серединой и концом, в то время как в своей второстепенной форме оно равно своим собственным частям без излишка или нехватки по отношению к ним, и поскольку мы обнаруживаем, что первоначальная форма

обладает своим корнем в тройке, а второстепенная — в шестерке, но если в шестерке находится, хоть и случайно, свойственное тройке совершенство (ведь 2 + 2 + 2 являются еще раз началом, серединой и концом), то в тройке напрочь отсутствует свойственное шестерке совершенство (ведь составляющие тройку части недостаточны по отношению ко всему остальному), и поскольку мы еще обнаруживаем, что группы из чисел, взятых (даже случайно) каждый раз по трем единицам в бесконечном численном расширении, порождают не по нашей воле, а естественно шестерку, то первая группа, составленная из единицы, двойки и тройки, порождает ту же шестерку, вторая же группа, составленная из четверки, пятерки и шестерки, порождает еще раз <45> шестерку (здесь, поскольку возникает единица второго уровня, переходим к сумме второй степени), третья группа, составленная из семерки, восьмерки и девятки, порождает опять шестерку (ведь здесь тоже возникают две единицы второго уровня).

То же самое можно наблюдать в четвертой группе и в последующих за ней: итоговое число всегда составлено из шестерки, зависящей от тройки. Наконец, поскольку шестерка естественно придает форму материи, лишенной ее, то мы не ошибаемся, когда воспринимаем шестерку высшим первоисточником формы.

Если придерживаться другого логического подхода, то можно сказать следующее: если душа, в качестве психической формы аморфной материи, способна распределить разные телесные функции и организовать их, и если ни одно другое число так совершенно не подходит душе, как шестерка, то ни одно другое число нельзя назвать распределением вселенной, поскольку мы обнаружили, что только шестерка в состоянии придать прочную форму душе и порождать в ней ее природу[31] (отсюда душа называется и «экзадой») жизненного начала.

[31] ἕξις.

Очевидно то, что каждая душа полна гармонии и самые простые гармонические промежутки находятся в сверхтретьем и полуторном отношении — из развития такой связи образуются остальные промежутки; своим присутствием душа примиряет, приводит в порядок и в наилучшее согласие противоположные начала, которые природа решила заложить в нас (тепло и холод, влажность и сухость, тяжесть и легкость, густое и редкое и т. д.) <46>: подобные начала, уступая друг другу и вступая в взаимодействие, обеспечивают здоровье живого организма, поскольку без гармоничного согласия они не могли бы сосуществовать: несомненно, они могут сосуществовать, только пока присутствует душа, которая действует как объединяющий фактор, но когда душа отдаляется — тогда мы наблюдаем разложение и исчезновение всего, что обеспечивало жизнь организма, если действительно отношения между полуторным и сверхтретьем нуждаются и в 1/2 (ведь без половины не может быть ни полуторного отношения, ни пятеричного согласия), и в 1/3: именно через 1/3 порождается сверхтретье отношение, вместе с которым непосредственно устанавливается и четвертое отношение.

Однако шестерка является абсолютно первым числом, которое заключает в себе и половину, и третью часть, поскольку использует разные и противоположные грани, т. е. корень делимого на двойку и корень делимого на тройку, т. е. двойку и тройку, так чтобы установились единство и согласие полностью противоположных друг другу стихий, так же как возможна примиримость стихий, которые в принципе не могут примириться друг с другом. Как мы говорили выше, была совершенно необходима трехмерная форма — и сфера, конечно, является самой подходящей для души формой, — но такая форма не должна была быть только мужского или женского рода — она должна была объединить и мужское, и женское, поскольку одушевление свойственно обоим родам: с такой точки зрения шестерка —

первое число, которое обладает началом четно-нечетной природы, поэтому связанная с шестеркой сферичность, которая обладает обоими родами, считается более подходящей для души, чем связанная с пятеркой сферичность, которая может обладать только либо мужским, либо женским началом. И природа куба, в свою очередь, представлена шестеркой, поскольку она, обладая тремя формами, не однообразна: ведь квадрат грани 6 соответствует сумме от куба четного и нечетного в рамках потенциальности и куба каждого из первых четных и нечетных чисел, претворившихся в действительность, т. е. 36 = 1 + 8 + 27.

Кроме этой суммы, шестерка заключает в себе еще одно гармоничное соотношение: ведь 36, в свою очередь, является суммой, получаемой от сложения <47> 6 + 8 + 9 + 12, если к ним мы еще добавим единицу, являющуюся их общим началом. В только что приведенных числах пребывают на наивысшем техническом уровне музыкальные промежутки, поскольку они составляют в самом сокровенном смысле общую гармонию — иначе говоря, восьмеричное согласие, которое является двойным соотношением двух крайностей (пятеричное согласие, являющееся полуторным соотношением средних и крайних в чередующемся направлении в обоюдном отношении — 12 по отношению к непримыкающей восьмерке и 9 по отношению не к восьмерке, а к шестерке), и четверичное согласие, являющееся сверхтретьим соотношением средних и крайних, взятых последовательно (а не в чередующем направлении, в отличие от пятеричного согласия), — т. е. 8 по отношению к 6 и 9 по отношению к 12.

Ясно, что причиной всего этого является шестерка: она составляет конечную точку всех этих соотношений, потому что занимает положение гипаты, которое определяет концептуально все остальные промежутки.

Если, в дальнейшем, соотнесем структуру души с процессом ее более глубинного приобщения к природе, т. е. с процессом ее трехмерного воплощения, то мы должны

учесть, что следует определить каждое измерение с обеих сторон: тогда мы придумаем два предела для каждого из них, и из трех измерений мы получим шесть измерений, из-за чего и так называемых направлений твердых тел будет столько же, если учесть, что их два для каждого измерения.

Таким образом, и объем души установлен шестеркой. Шести видов являются и так называемые истинные срединности, которые некоторые называют «соразмерностью», и столько же видов у простых соотношений неравного, с которыми сочетаются все иррациональные части, которые допустили бы симметрию и уравнивание в самой душе и в остальном. <48> Ведь шестерка — абсолютное первое коренное число, заключающее в себе арифметическую срединность: если самые маленькие числа, в которых проявляется арифметическая срединность, — единица, двойка, тройка, и сумма, получаемая от этих чисел, — шестерка, то последнее число допустит проявление первой соразмерности и первого численного образования как такового — если, конечно, соответствует правде то, что в шестерке концентрируется особенность, свойственная численной срединности, — но приобретет трехмерность и процесс совершенного первичного овеществления разносторонних чисел до шестерки, т. е. единицы, двойки, тройки.

Следуя примеру Орфея, пифагорейцы называли шестерку «цельностью частей тела», либо потому что шестерка — единственное из первых десяти чисел, у которого целое равно частям, либо потому что целая вселенная была разделена на части и достигла гармонии благодаря шестерке: ведь семерка олицетворяет космические движения, а восьмерка — движение неподвижных звезд, не являющееся простым движением. Эти движения издают равное количество звуков из-за образующегося свиста, поэтому необходимо, чтобы их промежутки, или, так сказать, срединности, соответствовали шестерке.

Шестерка правильно называется «любовным слиянием», потому что объединяет и сливает друг с другом мужское и женское начало, но не как у пятерки, где это единство достигается через простое сложение. Шестерка еще правильно называется «миром» и «космосом» — это гораздо более древнее название, полученное из самых сокровенных свойств мироздания: ведь космос, равно как и шестерка, воспринимается часто как смешанный порядок из противоположных друг другу, но достигших согласия начал, и сумма, получаемая от чисел, обозначенных буквами названия «космос», равна 600. Пифагорейцы называли шестерку «здоровьем» и «наковальней»[32], намекая на прочность[33], потому что самые основные треугольники, составляющие космические стихии, заключены в шестерке, ибо каждый треугольник отождествим с шестеркой, если его делить на три перпендикулярные линии: <49> ведь треугольник окажется разделенным на 6 частей. По этой причине стороны пирамиды, и грани куба, и углы октаэдра, и основы додекаэдра, и стороны куба, октаэдра и икосаэдра, и, одним словом, все, что касается граней, сторон или углов, соответствует шестерке. Кроме того, зодиакальных знаков над Землей — шесть, и столько же находятся под Землей.

Продвижение от единицы до пятерки — простое. Начиная с шестерки, оно повторяется, но начало его — другое: шестерка следует за пятеркой и равна 1 + 5, а семерка следует за шестеркой и равна 2 + 5, восьмерка следует за семеркой и равна 3 + 5, девятка следует за восьмеркой и равна 4 + 5. Завершает это чередование последнее число декады, которое равно 5 + 5, где пятерка отождествима с самой собой.

Пифагорейцы называли шестерку «дальноразящей», «трехдорожной» и «двойным временем»: она называется «дальноразящей», потому что тройка, которая является,

---

[32] ἄκμων.

[33] ἀκάματον.

как мы знаем, Гекатой, ее породила, «выстрелив» ее, т. е. сложив ее с самой собой; «трехдорожной», может быть, из-за самой природы богини, но весьма достоверно и предположение о том, что шестерка — первое число, которое поистине олицетворяет трехмерное движение, у которого — двойной предел в обоих направлениях; «двойным временем», вследствие распределения временных категорий, порожденных шестеркой в зодиакальных знаках под и над Землей, или вследствие того, что время, распределенное на три части, отождествляется с тройкой, и шестерка берет свое начало от удвоенной тройки.

По той же причине пифагорейцы называли шестерку и «Амфитритой», поскольку на обеих ее сторонах изображены две тройки: ведь тройка, изображенная на обеих сторонах, означает, что шестерка разделена раздвоением.

То, что шестерка — самое близкое к пятерке число, способствует легкому <50> представлению о том, что шестерке подходит и название «соседа справедливости». шестерка еще называлась «Талией», потому что она пребывает в гармонии с противоположными числами, и «панацеей», потому что все, что мы говорили о здоровье, относится к шестерке, или «полной самодостаточностью», поскольку шестерка наделена частями, которые могут самостоятельно породить цельное число.

Поскольку небесных сфер — семь, промежутки возможны через шестерку, потому они всегда ниже на единицу. У куба тоже, т. е. у телесности, шесть основ, составляющих пределы его трех размеров. В силу совершенства вселенной, обусловленного шестеркой, было правильно установлено, что соответствует шестерке и творческая сила Бога, потому что одна мудрость, из всех добродетелей, самая божественная и совершенная, ибо она — самая высшая и ничего не имеет общего с посредственностью: ведь у нее одна-единственная противоположность — неведение, являющееся отрицанием мудрости и, соответственно, ее чистой

противоположностью ни по избытку, ни по недостатку; мудрость присутствует и в остальных добродетелях, ибо сосуществует с ними, ибо они присущи всему смертному, и только благодаря мудрости вселенная не знает ни избытка, ни недостатка: мудрость соответствует шестерке, которая пребывает в совершенном равновесии по отношению к своим частям, поскольку она обладает совершенным равенством и, следовательно, совершенством и цельностью, и пронизывает собой всю Вселенную, ибо последняя (и мир как таковой, и все части, которые его составляют, — растения и животные) устроена мудростью и промыслом Божьими, как мы увидим и по поводу семерки. Но пока, в том, что касается шестерки, вот что мы должны вкратце отметить по отношению к этому числу, когда мы возводим, начиная с единицы, прогрессию пифагорейского прямоугольника: разумеется, видим один прямой угол, в то время как отличающихся друг от друга углов — два; их сумма равна первому углу, так же как равна квадрату, который мы получаем от стороны прямого угла, сумма двух квадратов, которые мы получаем от сторон остальных двух углов: ведь самый маленький из двух катетов, которые образуют прямой угол, соответствует тройке <51>, самый большой катет равен четверке, гипотенуза соответствует пятерке, и, поэтому, шестерка соответствует площади, т. е. половине параллелограмма, которая, в свою очередь, определена диагональю параллелограмма. Ведь от единицы до шестерки наблюдается непрерывная прогрессия, в то время как от шестерки рождается музыка через умножение шестерки на два и на три, из суммы образуется гармоничное созвучие, которое распространяется на все — особенно от семимесячных и девятимесячных родов: перейдем ли мы от 6 до 12 через умножение на два или от 6 до 18 через умножение на три (что соответствует двойному и тройному разветвлению души), все равно каждый промежуток так наполнен, чтобы получить две срединности — в одной среднее зна-

чение превышает и превышается на одинаковую дробь по отношению к тем же пределам, а в другой среднее значение превышает и превышается на одинаковое число по отношению к пределам, — чтобы такие гармоничные срединности допустили промежутки в полуторном и сверхтретьем отношениях и упомянутое рождение существ произошло безотказно согласно одному из этих отношений: ведь если возьмем между шестеркой и ее двойным числом (12) срединные восьмерку и девятку (таковы результаты от упомянутых отношений), то итоговая сумма будет 35. Если же умножить это число на шестерку, мы получим семимесячный срок, т. е. 210 дней. А если возьмем между шестеркой и ее тройным умножением (18) срединные 9 и 12, мы получим гармоничное отношение, сумма чисел которого — 45: умножим последнее число на шестерку и получим девятимесячный срок, т. е. 270 дней. Поэтому оба зоогонических срока зависят от шестерки, как будто они обладают психической природой. Именно по этой причине у Платона первая часть <52> создания души правильно приравнивается к шестерке и, затем, к ее двойному (12) и тройному (18) умножению, вплоть до 162 (последнее число получается через 27, умноженное на 6): такова количественная соразмерность, в которой пребывают, по своей природе, две срединности по отношению к первым и меньшим числам и сверхвосьмерной промежуток между двумя средними числами.

Поскольку куб шестерки — 216, что соответствует семимесячной беременности, если умножим на 7 месяцев 6 дней, во время которых мужское семя пенится и выделяет тельца для насаждения, то поймем, почему пифагорейцы Андрокид, написавший книгу *О символах*, Евбулид, Аристоксен, Гипповот и Неант, которые изложили события жизни Пифагора, считают, что он перерождался каждые 216 лет.

Эти мыслители утверждают, что, после такого количества лет, для Пифагора настает время для очередного перерождения и он снова появляется на свете по истечении

первого цикла, т. е. при завершении куба шестерки, являющегося не только психогоническим, но часто встречающимся числом из-за его сферичности. После всего этого Пифагор переродился еще раз, согласно этому закону: эту теорию подтверждает хронологически и тот факт, что душа Пифагора перевоплотилась в Евфорба: рассказывается, что к времени перерождения философа прошло около 514 лет с основания Трои до рождения Ксенофана, изучавшего законы природы, Анакреонта и Поликрата, до вторжения в Ионию и ее опустошения медийцем Арпагом, после чего фокийцы убежали с насиженных мест и основали Массалию.

Пифагор жил во время всех этих событий.

Ведь рассказывается, что Камбиз <53> взял его в плен после завоевания Египта, где Пифагор тесно общался с жрецами. Затем философ оказался в Вавилоне, где был приобщен к мистериям тех варваров: итак, Камбиз жил именно во время тирании Поликрата, спасаясь от которой Пифагор уплыл в Египет. Если мы вычитаем два раза 216 из 514, то мы получим как раз 82, что полностью соответствует количеству лет, прожитых Пифагором. Поскольку, стало быть, природа шестерки распространяется, по некоей соприродности, и на создание души, нам достаточно поможет и то, что об этом пишет Платон: численное соотношение, на котором держится создание души и из которого вытекает разделение частей вплоть до умножения на 27, относится к шестерке и согласно Платону, который рассматривает именно то свойство, о котором мы говорили по поводу шестерки. Ведь шестерка первое число, которое не только является совершенным образом четного-нечетного числа, т. е. единицы, не только потому что это абсолютно первое число, чьи части соответствуют друг другу с противоположным наименованием (с одной стороны 1/3 — 2, а 1/2 — 3, и, с другой, 1/6 — 1, а 6/1 — 6), но и потому что это соотношение первого нечетного числа, ставшего действием, и первого четного числа, тоже ставшего действием.

<54> Стало быть, это единственное число из всех, присутствующих в декаде, которое оказывается в середине, поскольку оно — точное смешение делимой и неделимой сути, и поскольку оно — первое число из всех, присутствующих в десятке, которое оказывается поистине непосредственно неравносторонним, поскольку нельзя по праву считать двойку наделенной таким свойством и было обнаружено, что шестерка — первое число, обозначающее трехмерность, хоть и разностороннее.

<55>Тем не менее, из-за свои средних знаменателей, она является самым малым трехмерным числом из всех остальных, которые последуют в ряде и исчисляются совершенным образом по своим частям — по всем перечисленным причинам Платон правильно разработал смешение, где первый предел — неделимая суть, второй предел — делимая суть, а третий — исходящая из обеих суть.

Таким образом, с одной стороны, станет возможно умножить двойку на тройку, или, с другой стороны, будет возможно тройку же умножить на двойку, поскольку шестерка равна 3 × 2 или 2 × 3, нечетному и четному числу и четно-нечетному. И пифагореец Аристей утверждает, что в декаде невозможно найти другого числа, кроме шестерки, которое могло бы показать все соотношения гармонии души.

СЕМЕРКА, СОГЛАСНО АНАТОЛИЮ

Семерка — не имеет матери и обладает девственной природой.

Собирательная сумма от единицы до семерки — 28, являющееся совершенным числом. 28 дней, из которых составлен лунный цикл, завершаются благодаря семерке.

Если умножим двойным соотношением первые 7 чисел, начиная с единицы, получим 64 — первое число, являющееся

одновременно квадратом и кубом, т. е. 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64; если же мы умножим те же самые 7 чисел тройным соотношением, то мы получим 729 — второе число, являющееся одновременно квадратом и кубом, т. е. 1, 3, 9, 27, 81, 243, 729.

Кроме того, семерка, будучи составлена из трех измерений (длины, ширины, высоты) и четырех пределов геометрической фигуры (точки, линии, плоскости и объема), олицетворяет телесность.

Семерка называется числом первого музыкального созвучия, т. е. 4/3, и первой геометрической соразмерности, т. е. 1, 2, 4. Семерка еще называется «той, которая завершает», потому что разрешает семимесячную беременность.

В заболеваниях семерка означает самый опасный момент. Семерка заключает в себе стороны, смежные с правым углом изначального четырехугольника, потому что такие стороны длины, соответственно, 4 и 3.

Планет — семь.

Все, что мы видим, можно отнести к семи категориям: тело, размер, фигура, величина, цвет, движение и стояние. Виды движения тоже можно отнести к семи категориям: вверх, вниз, вперед, назад, направо, налево и кругом. Платон наделил душу семью числами.

Все любит семерку. Гласных — семь, голосовых интонаций — семь. И времен жизни — семь, как пишет Гиппократ:

> Семь у жизни времен — каждое из них мы называем возрастом: младенец, ребенок, подросток, юноша, взрослый мужчина, старик, глубокий старик; у младенца <56> зубы окончательно прорежутся в возрасте семи лет, ребенок достигнет половой зрелости в 14 лет (7 × 2), у подростка появится борода в 21 год (7 × 3), у юноши тело окончательно сложится в 28 лет (7 × 4), взрослый мужчина пребудет таким до 49 лет (7 × 7), старик — до 56 лет (7 × 8), а глубокий старик — с этого возраста вплоть до тех пор, пока не настанет его кончина[34].

[34] См. Гиппократ. *De hebdomadibus,* 5.

ИЗ ВТОРОЙ КНИГИ «АРИФМЕТИКИ» НИКОМАХА ИЗ ГЕРАСЫ

Семерка называется «водительницей стада», потому что составляющие ее элементы собраны и равномерно сохранены, поскольку она совершенно неделима, кроме как в своей одноименной части (1/7), либо потому что было завершено через семерку, либо — и это объяснение гораздо больше подходит для пифагорейского учения — потому что и самые известные среди вавилонян (Остан и Зороастр) называют небесные сферы «стадом», либо еще потому, что это единственные телесные величины, которые двигаются в совершенстве вокруг единственного центра, либо, наконец, потому, что их соединения <57>, которые в астрономической науке получили название «созвездий», в их священных речах называются, по той же причине, «стадами» и, вставкой дополнительной гаммы, такое название[35] превращается в «ангелов»[36]; вот почему звезды или демоны, которые управляют каждым из этих стад, называются одинаково «ангелами» и «архангелами», и их — семь, поэтому семерка, в таком случае, является «вестью» в самом дословном значении этого слова. По той же самой причине семерка называется «сторожем»: ведь не только насчитываем семь путеводителей вместе со сторожами, но и потому что столько же будет и звезд, которые сторожат Вселенную и хранят в ее непрерывном и вечном постоянстве.

Пифагорейцы утверждают, что семерка отличается от остальных чисел, поскольку она достойна преклонения: ведь ее называли «возвышенной», как еще пишет Прор в книге *О Семерке*; по этой причине они произносят число шесть[37], выделяя специально голосом звуки «к» и «с» для того, чтобы при последовательном перечислении чисел

---

[35] ἄγελοι.

[36] ἄγγελοι.

[37] ἕξ.

буква «с» слилась с ἑπτά, и семерка, таким образом, была произнесена как σεπτά. Причина, по которой семерка является числом, достойным преклонения, заключается в следующем: промысел Бога, создателя Вселенной <58>, породил все существа, извлекая начало и источник их рождения из изначального Единого, поскольку вселенная развивается, следуя образу высшей красоты. Поскольку Бог вложил совершенство и окончательное проявление своего созидательного труда в декаду, Он решил использовать семерку как собственное рабочее орудие, как самое действенное звено и как силу, наделенную собственной творческой властью: ведь по природе своей (а не потому, что мы так решили) семерка — среднее между единицей и десяткой, и средние всегда важнее, чем крайние: соотношения склоняются с одной и с другой стороны к средним числам; поскольку четверка и семерка находятся посреди единицы и десятки согласно равному математическому отношению, ибо сумма от сложения этих средних чисел равна сумме от сложения двух крайних, четверка столько же больше единицы, сколько же семерка ниже десятки (и наоборот), но и чисел, которые находятся посреди единицы и четверки, потенциально десять, в то время как десятка является таковой в действии, и семерка является арифметической средней величиной между четверкой и десяткой (ведь они обе являются десяткой — одна фактически, а другая — потенциально): ведь она — полусумма от суммы обеих.

Кроме того, семерка выполняет в декаде роль как бы неприступной крепости, из-за своего неделимого единства: семерка — единственное число, которое не допускает длины, поскольку это — линейное число, которое принимает только свою одноименную часть и не порождает ни одного числа декады умножением на остальные числа, составляющие декаду. Кроме того, она не порождена умножением остальных чисел декады; стало быть, поскольку обладает собственным соотношением и не разделена другими чис-

лами, она находится на самом безопасном <59> и крепком месте. Именно из-за этого часто видим, что в космических сферах и в пространствах, окружающих Землю, звезды, животные и растения завершены через семерку; и именно из-за этого семерка называется «удачей», ибо она сопровождает все, что происходит в самом подходящем моменте, — ведь семерка заняла самое подходящее место и приняла самую подходящую природу.

Великое доказательство роли, сыгранной семеркой, заключается и в том, что в небесных сферах Луна, занимающая восьмое место сверху и третье снизу, образует совершенство и изобилие вокруг Земли, поскольку Луна воспринимается посредницей между высшими и нижними сферами; ведь было обнаружено, что для выполнения такой функции Луна использует семерку вместе с четверкой, которая действует как бы в качестве ее оруженосца — ведь мы уже видели, что в декаде четверка является средним числом вместе с самой семеркой, так что создание или завершение всего живущего происходят благодаря этим числам, поскольку и 28, являющееся совершенным по отношению к собственным частям, порождено смешением именно этих чисел ($7 \times 4 = 28$), — но семерка играет гораздо более существенную роль, чем четверка, потому что сумма чисел, идущих от единицы до семерки, равна как раз 28.

Четыре лунные фазы, каждая из которых составлена из 7 дней, охватывают естественно месячное вращение <60> этого светила, насчитывающее, как раз, 28 дней. Однако, надо подсчитать и семь изменений Луны в соответствии с ее четырьмя фазами: прибывающая Луна, полулуние, Луна в трех четвертях, полнолуние, Луна, убывающая в трех четвертях (когда она освещена с другой стороны), потом полулуние (по той же самой причине) и, наконец, убывающая Луна. Мы видим, что и Океан находится под воздействием Луны согласно семикратным числам: при новой луне (полнолуние) у Океана самый обильный прилив, который

слегка все больше ослабевает по мере наступления следующих дней вплоть до седьмого, во время которого наблюдаем полулуние. С этого момента, в восьмой день прилив такой же, чт в седьмом, в девятом — такой же, что в шестом, в десятом — такой же, что в пятом, в одиннадцатом — такой же, что в четвертом, в двенадцатом — такой же, что в третьем, в тринадцатом — такой же, что в втором, в четырнадцатом же — такой же, что в первом.

С возобновлением цикла третья неделя повторяет в водной среде те же самые условия, что в первой неделе, а четвертая — те же самые, что во второй. Разве стоит упомянуть уменьшение устриц, морских ежей, мидий и большинства водных животных и их сокровенную связь с луной, <61> когда мы можем это подтвердить, наблюдая самых людей? Во-первых, очистительные потоки бывают у женщин согласно перечисленным семикратным циклам, из-за чего они называются «месячными». Вспомним еще мужское семя, которое, в общем, льется семь раз в женский детородный орган и в течение семи часов либо накапливает свою плодовитую мощь, обусловливая зачатие, либо погибнет.

Давайте приведем другой пример, противоположного вида: с момента отрыва от пуповины новорожденного до появления последнего на свет проходит не меньше семи часов, во время которых новорожденный, по отношению к своему общему состоянию, сохраняет достаточную способность к выживанию, но уже не получает питания ни через пуповину, словно растение или некая неотделимая часть матери, ни внешним дыханием, как уже самостоятельное существо: в течение семи дней ребенок напоминает как бы водную амфибию. С этим наблюдением соглашается и врач Гиппократ, когда пишет следующее в книге *О природе новорожденных*:

Одна знакомая женщина владела одной рабыней, талантливой и уважаемой певицей, которая часто имела сношения с мужчинами, но не хотела забеременеть, чтобы не потерять

ценность среди своих любовников. Эта певица как-то узнала у некоторых женщин, пока те разговаривали между собой, что у беременеющей женщины сперма не вытекает наружу, а остается внутри. Она запомнила этот разговор <62>, и, когда однажды заметила, что не вся сперма вытекла, она обратилась к своей госпоже, которая, в свою очередь, изложила эту проблему мне. Как только я услышал об этом (певица была беременна уже семь дней), предписал ей высоко прыгать. На седьмом прыжке сперма полностью вышла, издавая некий звук. Вот как выглядело вещество, которое упало из влагалища: как будто треснутое яйцо, и внутри мембраны виднелась сырая материя[38].

Так пишет Гиппократ; перипатетик Стратон, Диокл Каристский и многие другие врачи, наоборот, утверждают, что во второй неделе появляются на вышеупомянутой мембране кровяные пятна, начиная с внешней оболочки, с третей недели эти пятна проникают в жидкое вещество, в четвертой же неделе жидкость сворачивается (так они говорят) и в середине как бы сгущается в виде плоти и крови — скорее всего, потому что зародыш достигает зрелости благодаря совершенной природе числа 28 или потому что такое число заключает в себе сумму от первых двух нечетных кубов, обладающих ограничивающими свойствами; в пятой неделе, к 35-му дню, образуется в центральной части сгустка зародыш величиной с пчелу: тем не менее зародыш уже хорошо различим, т. е. в нем уже хорошо и четко видны голова, шея, туловище и руки; зародыш приобретает такой вид и жизнеспособен — эти врачи говорят — если он родится на седьмом месяце, — если же он родится в девятом, то он приобретет такой вид и станет жизнеспособным на шестой неделе (если девочка) <63> или на седьмой (если мальчик). Упомянутые врачи утверждают, что жизнеспо-

[38] Ср. Гиппократ. *De natura puerorum*, I. 385 (Kühn).

собность ребенка зависит от недели окончательного образования зародыша: ясно и то, что младенцы, родившиеся на седьмом месяце, жизнеспособны менее тех, кто родится на девятом, в то время как роды на восьмом месяце, занимающие среднее положение между семимесячной и девятимесячной беременностью, заканчиваются смертью ребенка. Последний факт — закономерен, и эту закономерность пифагорейцы, исходя из математических расчетов и схем, доказывали через следующее рассуждение: если сложим друг с другом коренные кубы, начиная с самых малых чисел, мы получим 35 — в этом числе чаще всего образуются соотношения между музыкальными созвучиями, которые порождают гармонию: ведь каждое рождение основано на слиянии противоположностей (например, влажное — сухое, холодное — теплое) и такие противоположности не сочетаются друг с другом и не объединяются в создании чего-то, если между ними не установлены гармоничные отношения; с другой стороны, самой лучшей гармонией, допускающей всевозможные виды благозвучия, является та, которая получается через 35: это число не только находит свою постоянную и совершенную структуру в вышеупомянутых кубах, троекратно умноженных на два попарно равных куба, но и является совмещением первых трех совершенных чисел, одинаковых в своих частях, т. е. единицы, являющейся потенциально совершенной, шестерки и числа 28, являющихся действительно совершенными. Кроме того, 35 является итоговой суммой всех соотношений музыкальных созвучий, которые показывают теорию о гармонии на коренном уровне, т. е. 6, 8, 9, 12, и уже было доказано, что это число (35), являющееся гармоничным и в высшей степени сакральным параллелограммом, ограничивается двумя нечетными сторонами (5 и 7) и является психогоническим числом, если оно будет увеличено до трехмерности через шестерку, которая является самым подходящим для души числом).

<64> Качество, плоскость и свет, которые сопровождают трехмерные телесные величины, появляются благодаря пятерке, оживление и жизненная природа возможны благодаря шестерке, так названной именно по этой причине, в то время как совершенство и разум действительны только благодаря семерке. Итак, 6 × 5 × 7 или 6 × 7 × 5 порождают, очевидно, то же самое, что 7 × 5 × 6 — 210, т. е. количество дней, в течение которых завершается семимесячная беременность, если не учитывать 6 дней, во время которых, как было доказано, образуется влажная мембрана. Если же добавить к 210 еще эти 6 дней, полученное число будет соответствовать регулярному и сферическому кубу психического числа 6 — этот куб будет равным своим частям. И Диокл говорит, что, умножая на 6 число 35, мы получим трехмерное число 210, т. е. ровно семь месяцев из 30 дней. Гиппократ, в свою очередь, утверждает: «То, что завершает свое движение за 70 дней, происходит троекратно»[39]: на самом деле, согласно такому принципу, троекратное умножение 70 — и равно 210, а троекратное умножение 90 — равно 270. Эти результаты совпадают, соответственно, с семимесячной и девятимесячной беременностью.

Все семена, которые растут на земле, всходят в течение семи дней и, большей частью, обладают семью стебельками. Таким же образом, зародыши, зачатые и вскормленные в женской утробе через семерку, и после рождения достигают, в течение 7 часов, критической точки для выживания или гибели: ведь младенцы, которые родились хорошо сформированными и не мертвыми, появляются на свет уже дыша <65>, но если говорить о полученном через дыхание воздухе, необходимом для оживления жизненного начала, т. е. души, то только к седьмому часу, самому решительному, станет окончательно ясно, будет ли ребенок жить или нет.

[39] Ср. Гиппократ. *De epidemiis*, III. 453 (Kühn).

На седьмом месяце у детей окончательно прорежутся зубы, на двадцать первом месяце (7 × 3) младенец начинает издавать членораздельные звуки и пытается заговорить, на двадцать восьмом встанет на ноги, не падая, и пытается ходить, на тридцать пятом больше не зависит от материнского молока. В возрасте семи лет дети теряют молочные зубы, получая взамен зубы, более приспособленные к твердой пище, а в 14 лет (7 × 2) они становятся подростками. Как в 7 лет дети были в состоянии правильно использовать устную речь, потому что последняя составлена естественно из семи звуков, так в 14-м году жизни они уже в состоянии использовать внутреннюю речь, благодаря которой человек является полностью разумным, ибо, согласно многим философам, чувств, которые позволяют раскрытие мыслительных способностей, именно семь. Такие чувства окончательно развиваются как раз в 14 лет: к хорошо известным пяти чувствам некоторые добавляют чувство речи и чувство размножения. Последнее появляется в человеке именно при половом созревании <66>, обнаруживаемом у мужчин через сперму и у женщин через месячные; только тогда и мужчины, и женщины будут в состоянии родить себе подобных. У вавилонян, до половой зрелости было запрещено проводить жертвоприношения и приобщаться к жреческой мудрости. И поскольку после 14 лет можно уже родить детей и обеспечить чередование поколений для того, чтобы был соблюден космический порядок, то удачно поэты говорят, что правильная мера для любого поколения — 30 лет, потому что за такой промежуток можно увидеть детей собственных детей: благодаря совершенству тройки истинная смена поколений осуществляется через трех мужчин — отца, сына, внука. В общем, до 21 года человек развивается ростом и в 28-м году жизни, — шириной. Этим заканчивается всякий рост: ведь 28 — совершенное число. В 35-м году жизни заканчивается и развитие физической мощи, и в последующие годы, стало быть, уже невозможно стать силь-

нее, чем мы уже есть. Из-за этого среди атлетов, которым исполнилось 35, те, кто побеждал на каких-то состязаниях, уже не надеются на еще большие достижения, даже если некоторые из них еще продолжают участвовать на состязаниях. И в самых лучших городах законодательство заставляет граждан пройти военную службу до 35 лет, хотя в некоторых городах военная служба предусматривается и в более позднем возрасте: после 35 разрешается стать начальником отряда, но никак не простым солдатом.

Когда наконец десятка сойдется с семеркой, порождая 70 лет, тогда человеку подобает прекратить любой труд <67> и предаться тому, что называется «счастьем».

Если стихий — четыре и промежутков между ними неизбежно — три, тогда и в таком случае над вселенной будет властвовать семерка: по этой причине и Лин, ученик Орфея, в своей второй книге о природе богов, озаглавленной *К Гименею*, пишет: «Четыре стихии подчинены совокупно трем узам».

Огонь и земля связаны друг с другом геометрическим соотношением: как земля равна воздуху, так огонь равен воде, и наоборот, как огонь равен воздуху, так вода равна земле, и наоборот; гармоничные соотношения между этими стихиями как-то цельны, и между воздухом и огнем существует послушание: то, что охватывает воздух и землю, ревностно и верно подражает небесным телам, пребывает постоянным и в тех же самых соотношениях, подчиняясь направлению, данному природой изначальной красоты, которая притягивает к себе все.

Среди остальных своих свойств семерка еще является самым переломным числом в беременности и в разных фазах развития человека, так же как и в заболеваниях и исцелениях, потому что семерка — самое подходящее и соприродное человеческому естеству число: ведь наших так называемых «черных внутренностей» — семь: язык, сердце, печень, легкое, селезенка и две почки <68>, и столько же общих частей

тела: голова, туловище, две руки, две ноги и детородный орган; и лицевых отверстий, взятых по отдельности, — семь: два глазных яблока, два ушных прохода, две ноздри, рот. Наконец, органов, обеспечивающих дыхание и питание, тоже семь: горло, пищевод, желудок, кишечник, брыжейка, мочевой пузырь и задний проход.

Возможно жить семь дней без еды. И в геометрических соотношениях всего семь основ: точка, линия, площадь, угол, фигура, объем, поверхность. Кроме того, и самых простых геометрических принципов, допускающих рассмотрение, — семь: ведь у треугольника — три угла, три стороны и площадь.

Гораздо более подчинены семерке симптомы, которые склоняют к болезни или к здоровью: ведь только к седьмому дню и не раньше проявляют себя все виды лихорадки, и поэтому только тогда они принимают переломный характер. Такой способ себя проявить может быть просто и кратко доказан через сходство с свойством различных пропорциональных увеличений, начиная с единицы, где видно, что только первое и седьмое место заключают в себе вместе и кубы, и квадраты, пятое и третье — только квадраты, четвертое — только кубы, второе и шестое — ни квадратов, ни кубов, — именно как лихорадки, исходящие из таких чисел, не являются ни трехдневными, ни четырехдневными. Ведь в так называемой трехдневной лихорадке, которая напоминает, прежде всего, квадрат <69> — ибо квадрат происходит от равных треугольников, в чьем равенстве прямых углов и сторон заключается абсолютно соразмеренный квадрат — и поэтому развивается в зависимости от квадрата, но все равно проявляет себя с одним промежуточным днем, присутствуют единица, тройка, пятерка, семерка, которые размещены на третьем месте друг от друга, именно так же, как присутствуют и в образовании квадратов в соответствии с обоими положениями, занимая соответствующие места; в четырехдневной лихорадке, которая развивается в зави-

симости от куба, потому что последний везде постоянен и правильно соразмерен по его шести квадратным основам, присутствуют единица, четверка и семерка, поскольку эта лихорадка проявляет себя с двухдневным промежутком — т. е. она возникает на четвертый день, именно так же, как кубы оказываются пропорционально и строго на четвертом месте, в соответствии с собственным положением; о так называемой полутрехдневной лихорадке скажем так: она не обладает собственной природой, потому что принимает ее от трехдневной лихорадки и возникает в два промежутка, каждый из которых составлен из одного дня и одной ночи — т. е. развивается в течение 48 часов, — но, несмотря на это, она всегда ограничена трехчасовой продолжительностью с обеих сторон (соответственно, со стороны обострения и спада) и другим периодом из 12 часов для возможной перемены исхода. Однако она может вызвать те же самые симптомы быстрее либо медленнее, поэтому мы наблюдаем так называемую большую или маленькую или среднюю полутрехдневную лихорадку по отношению к задержкам или промедлению по тому или другому исходу: составят лихорадочный процесс лихорадка, которая возникнет в первые 12 часов второй половины вторых суток, лихорадка, которая возникнет в первые 12 часов первой половины четвертых суток, и лихорадка, которая возникнет в первые 12 часов в начале шестых суток, да так, чтобы процесс возобновился ко второй половине седьмых суток и чтобы последние всячески напоминали воспалительные симптомы первых суток: ведь и первые, и седьмые сутки — единственные, которые представляют собой все симптомы, наблюдаемые в четырехдневном промежутке, поскольку первые сутки, так сказать, вызовут появление лихорадки <70>, а седьмые обусловят ее предельное обострение, чтобы болезнь как бы заставить склониться к какому-то определенному исходу. Ни один из средних дней не представляет полного набора этих симптомов, за исключением дневной температуры,

которая присутствует и в седьмые, и в первые сутки, потому что дневная температура — самый основной, присущий всем суткам симптом воспалительного процесса, как видим и в приведенных схемах. Такое сложное соотношение сопровождает, как правило, все суточные линии, но второе место не затронуто ни трехдневными, ни четырехдневными лихорадками — оно занято только дневной температурой и полутрехдневной лихорадкой; третье место не затронуто полутрехдневными и четырехдневными лихорадками — оно занято только дневной температурой и трехдневной лихорадкой; четвертое место не затронуто трехдневной лихорадкой — оно занято остальными видами лихорадки; пятое место не затронуто четырехдневной лихорадкой — оно занято трехдневной, дневной и несоразмерными частями остальных видов лихорадки; шестое место — единственное, в котором присутствует только ежедневная температура, в отличие от четвертого места, которое не затрагивает только один вид лихорадки; седьмое место занимают все виды лихорадки, как первое. И поскольку все виды лихорадки, за исключением трехдневной, которая является аномальной, достаточно легко узнаваемы и просты, их можно будет яснее определить следующим образом: поскольку первый симптом не обнаружится прежде, чем за пять промежутков из шести часов по отдельности, то, в случае, если предыдущий симптом обнаружится в полдень вторых суток, следующий симптом не появится до вечера третих суток, в то время как симптом, который появится впервые в полночь четвертых суток, повторится в раннее утро шестых суток, чтобы появились окончательные симптомы в полдень седьмого. Исходя из такого разделения, основанного на малой лихорадке, нужно предусмотреть и аномалии.

Как бы то ни было, поскольку все появляется и определяется случайно и в нужное время благодаря действию, оказанному семеркой, это число называлось пифагорейцами «правильным временем» и «удачей» <71>, и такие названия

стали нарицательными для данного числа. Следовательно, зачем углубляться и в переломные семикратные конъюнктуры, которые были рассмотрены особенно у теоретиков астрологической науки?

Пифагорейцы называли семерку «Афиной», «правильным временем» и «удачей»: ее называли «Афиной», потому что, подобно мифологической богине, семерка — девственница и не обременена брачными узами, она не была порождена ни матерью (четным числом), ни отцом (нечетным числом), но родилась от верхней части вселенского отца. Кроме того, подобно Афине, она лишена женственности, ибо женственно именно то число, которое легко можно делить. Ее еще называют «правильным временем», потому что семерка олицетворяет непродолжительные действия в переломных переходных фазах к выздоровлению или обострению, рождению или распаду. Наконец, ее называют «удачей», потому что, подобно мифологической богине удачи, семерка управляет делами смертных.

Семерка — характерное число не только для основных звуков человеческого голоса, но и для инструментальных и космических звуков, не только потому, что речь идет о единственных и абсолютно первых звуках, издаваемых семью светилами, как мы видели, но и потому, что первая диаграмма, которой пользуются музыканты, — гептахорд.

У души три качества — благоразумие, стремительность и вожделение, и четыре самых совершенных добродетели. Таким же образом в развитии тела наблюдаем три измерения и четыре предела.

<72> О ВОСЬМЕРКЕ

Мы уже говорили, что восьмерка — первый действительный куб и, в декаде, является единственным числом,

которое можно считать четно-четным, поскольку, как нам кажется, четверка обладает одновременно свойствами и нечетно-четного, и четно-четного числа, потому что допускает только два разделения надвое (сначала деление на себя, а затем на свои части), чтобы стать единицей, и прекрасно и параллельно «примиряет» все сопряжения: 1) она складывается из двух единственных не рождающих и не родившихся чисел, присутствующих в декаде (имеется в виду сложение из единицы и семерки); 2) из двух четно-нечетных в действительности: ведь, являясь первичным элементом в порождении кубов и первым объединяющим числом, восьмерка потенциально состоит из тройки и пятерки, а в действительности — из двойки и шестерки; 3) когда речь идет о потенциальном составе, то она состоит из двух первых нечетных чисел, перед которыми находится несоставное, т. е. единица (следующее число составляется из трех последовательных — 7, 9, 11, — а следующее за ним — из четырех: 13, 15, 17, 19); 4) из дважды порождающей четверки, <73> единственной рождающей и рожденной, так что в сопоставлении с двумя первейшими, нерожденными и рожденными, она имеет оба эти свойства, и складывается в восьмерку. Кроме того, четверка показывает нам сопряжения гармонических элементов, созвучных в себе и несозвучных, но согласованных между собой. С другой точки зрения, четверка оказалась пределом гармонических сопряжений, поскольку гармонические созвучия не превышают ее — ведь после четверки идут не гармонические, а мелодические созвучия. Отсюда название «всесогласующая», которым многие окрестили восьмерку, либо потому, что у последней наблюдается удивительная гармония, либо потому, что она — то число, которое порождает самую совершенную гармонию, будучи глубоко соприродной самому равно-равному из чисел (т. е. двойке).

Когда же пифагорейцы называют восьмерку «Кадмией», то этим подразумевается, что женой Кадма, согласно

всем мифам, была Гармония. И в небесных явлениях можно отыскать явные следы восьмерки: звездных сфер — восемь, так же как у нас восемь небесных пространств, чье знание совершенно необходимо для астрономов: 1) четыре больших пространства, пересекающихся друг с другом то так, то иначе — равноденственного, зодиакального, горизонта и так называемого полуденного, или бесхвостого, пересекающего полюса; 2) четыре меньших, не пересекающихся друг с другом — арктического, антарктического, летнего и зимнего.

Другие подобные следы можно увидеть и на земле, если соответствует правде то, что у животных, наделенных конечностями, предельное количество таких конечностей — восемь, после чего их количество становится просто неисчислимым: например, скорпионы, крабы и прочие создания обладают восемью конечностями, а следом за ними <74> мы видим существ, о которых мы говорили — с бесконечным количеством конечностей. И четверное распределение зубов у человека как-то подчиняется восьмерке, так же как четыре полости головы, если мы их рассмотрим по отдельности, соответствуют восьмерке. Можно найти столько же связей с восьмеркой по отношению к молочным железам и клешням у животных. Отсюда вытекает название «Мать», которое пифагорейцы давали восьмерке, намекая, возможно, на то, что мы только что сказали (т. е. любое четное число является женского рода), хотя можно предполагать и следующее: Рея — мать богов, и двойка, как мы уже доказали, является Реей в зародыше, а восьмерка — распространение двойки. Некоторые считают, что само название восьмерки[40] было создано на основе ἐκδυάς, т. е. «(число,) рожденное из двойки» и умноженное в кубе.

Филолай, утвердивший, что трехмерная математическая величина пребывает в четверке, качество и цвет видимой природы — в пятерке, начало жизни — в шестерке, разум,

---

[40] ὀγδοάς.

здоровье и то, что он называет «светом», — в семерке, уточняет, что существа приобретают свойство любви, дружбы, благоразумия и сообразительности благодаря восьмерке.

Восьмерка еще называется «неправильным месяцем для родов»: по поводу Реи миф рассказывает, что Кронос пожирал детей, рожденных ею, а вот по поводу восьмерки мы наблюдаем, что роды, которые происходят на восьмом месяце, считаются как бы «неправильными», потому что не увенчиваются положительным исходом.

Что же касается числа Муз, то пифагорейцы говорили, что имя «Евтерпа» хорошо подходит для восьмерки, потому что последняя является самым многоцельным[41] числом во всей декаде: ведь восьмерка — четно-четное число, т. е. ее можно делить на два до тех пор, пока не станет неделимой единицей.

<75> ВОСЬМЕРКА, СОГЛАСНО АНАТОЛИЮ

Восьмерка называется «безопасностью» и «постоянством», ибо она — путеводительница благодаря своей соприродности двойке, являющейся высшей путеводительницей: семя восьмерки — первое четное число. Если умножим восьмерку на четверку, получим 32, что соответствует, как говорят, сроку, в течение которого образуется зародыш в семимесячной беременности; восьмерка заключает в себе все небесные сферы, отсюда поговорка «Все — восьмерка». «В восьми сферах небесные тела вращаются... вокруг девятой сферы, принадлежащей Земле», говорит Гератосфен. Восьмерка является началом музыкальных соотношений, а пределы космической системы таковы: число 8 имеет сверхвосьмерное число 9 (ведь 9 выше 8 на единицу); 12 яв-

---

[41] εὔτρεπτος.

ляется полуторным числом для 8, сверхтретьим для 9, ибо превышает 9 на тройку; 16 является сверхтретьим для 12, ибо оно выше последнего на четверку; 18 является полуторным числом для 12, ибо оно выше последнего на шестерку; 21 является двухкратным и сверхтретьим для 9, ибо оно выше последнего на 12; 24 является сверхтретьим для 18, ибо оно выше последнего на шестерку; 32 является сверхтретьим для 24, ибо оно выше последнего на восьмерку; 36 является двойным для 18, полуторным для 24, ибо оно выше последнего на 12. Девятка, являющаяся сверхвосьмерной для восьмерки, — это Селена; 12, являющееся полуторным для восьмерки, — это Гермес; 16, являющееся двойным для восьмерки, — это Афродита; 18, являющееся двойным для девятки и сверхвосьмерным для 16, — это Гелиос; 21, являющееся двукратным и сверхтретьим для девятки, — это Арес; 24, являющееся двойным для 12, которое, в свою очередь, полуторно для девятки, — это Зевс; 32, являющееся четырехкратным для восьмерки, — это Кронос; 36, являющееся четырехкратным для девятки и <76> сверхвосьмерным для 32, — это неподвижные звезды. По поводу превышений: 36 имеет превышение 4, 32 — 8, 24 — 3, 21 — 3, 18 — 2, 16 — 4, 12 — 3, 9 — 1; девятка превышает восьмерку на единицу, 12 превышает девятку на тройку, 16 превышает 12 на четверку, 18 превышает 16 на двойку и так далее по тому же критерию.

О ДЕВЯТКЕ

Девятка — самое большое из чисел, которые ниже десятки, и является непреодолимым пределом: ограничивает неукоснительно образование музыкальных соотношений следующим образом: не только бывает так, что за тоном для музыкальных сверхчастных уже нет надлежащих отношений,

но и природное соединение направлено от естественных пределов к началам и от обеих сторон к середине, и разнообразно подтверждено то, что было написано о пятерке как о справедливости. Как бы там ни было, судя по названию этого числа, кажется, что девятка заключает в себе понятия симпатии и равенства, если соответствует правде то, что ее назвали так[42], подразумевая «единство»[43] — т. е. подразумевая, что все находится внутри девятки благодаря тому, что ее название созвучно с «одним»[44] и, в свете того, что мы часто писали, чистые числа после девятки уже невозможны. Наоборот, все вращается вокруг девятки: ведь природное чередование чистых чисел доходит до девятки, а после девятки возможен только путь назад, поскольку десятка становится единицей через вычитание одной элементарной величины, т. е. девятки, в то время как 11 и 20, в свою очередь, становятся двойкой однократным или двукратным вычитанием Девятки, а 12 и 30 становятся тройкой по тому же критерию. <77> В свою очередь, и сотня становится единицей одиннадцатикратным вычитанием девятки, и так до бесконечности. Стало быть, ни одно искусственное устройство не сможет создать новых чистых чисел, кроме уже существующих — их девять. По этой причине пифагорейцы называли девятку «океаном» и «краем», потому что она заключает в себе эти земные области; согласно другому толкованию, девятку называли «Прометеем», потому что за собой она не оставляет места для других чисел, и в этом пифагорейцы были правы: будучи трижды совершенной, девятка не прекращает своего умножения, она состоит из двух кубов (единица и восьмерка), и только с нее начинаются квадраты сторон треугольников.

[42] ἐννεάς.

[43] ἑνάς.

[44] ἕν.

Во всяком случае, девятка не позволяет, чтобы следующие за ней числа потеряли свою стойкость, но собирает их на одной точке и объединяет. Поэтому она называется «согласием», «ограничением» и «Солнцем»[45] (последнее название связано с тем, что она «собирает»[46] все остальные числа). Девятку называли еще «отсутствием распри» благодаря соответствиям и гармоничному чередованию чисел, которые достигают единства через девятку, как мы уже писали по поводу чертежа Справедливости: по такой причине девятка называется еще «ассимиляцией», наверное, потому, что она является первым нечетным квадратом (именно благодаря такому ассимилятивному свойству нечетный вид чисел называется, в общем, «ассимилятивным», в то время как четный вид называется «не ассимилятивным» — в свою очередь, и квадрат называется ассимилятивным, в то время как неравносторонний вид считается не ассимилятивным), и еще, наверное, потому, что квадрат 9 по природе своей совершенно одинаков своей стороне (3): ведь тройка занимает третье место в природном чередовании чисел, а девятка занимает третье же место в продвижении своей пропорции.

Девятку называли тоже «Гефестом», потому что восхождение к девятке происходит <78> как бы через плавку и испарение металлов, «Герой», потому что через девятку обустроена небесная сфера воздуха[47], которая занимает девятое место после остальных сфер, «сестрой и супругой Зевса», потому что она естественно сочетается с единицей, «дальноудерживающей», потому что она не разрешает чередованию чистых чисел стать слишком длинным, и «поворотной», потому что она была поставлена конечной точкой, где чередование чистых чисел останавливается. Орфей и Пифагор тоже называли девятку «Царством Куретов»,

---

[45] ἅλιος.

[46] ἁλίζει.

[47] Ср. Ἥρα–ἀήρ.

потому что она состоит из трехчастных рядов, подобно священной триреме Куретов, или «Коре». Последние названия соприродны тройке, поскольку девятка содержит трижды тройку. К таким названиям нужно добавить еще эпитеты «Гиперион», потому что девятка запредельна по отношению ко всем остальным чистым числам, и «Терпсихора», потому что девятка управляет и хороводит частотой и сопряжением численных соотношений, как будто из некоей конечной точки эти соотношения направляются к середине и, затем, к началу.

Девятка — первый квадрат нечетного числа. Ее называют «завершающей», потому что она разрешает девятимесячную беременность. Ее еще называют «совершенной», потому что рождается от тройки, являющейся совершенным числом. Небесные сферы вращаются вокруг девятой сферы, т. е. Земли. Говорят, что девятка обладает <79> отношениями между музыкальными созвучиями, т. е. 9, 4, 3, 2, поскольку четверка — сверхтретье тройки, тройка — полуторное двойки, а четверка — двойное двойки. Девятка же — первое сверхвосьмерное число.

О ДЕСЯТКЕ

До этого, мы не раз говорили, что творческий Разум приступил к созданию Вселенной, исполнению ее и всего, что в ней живет, основываясь на численных созвучиях и сопряжениях, как на самом совершенном образце; но поскольку численная множественность была безгранична и действительность, отображаемая числом, бесконечна, то не было бы ни разумно, ни по-научному обоснованно предположить, что творческий Разум пользовался при создании непонятными умозрительными критериями. Было, наоборот, необходимо, чтобы Бог Создатель пользовался четки-

ми измерительными категориями, чтобы победить пределы и бесконечные величины, которые представали перед Ним в Его демиургической деятельности, властвовать над ними и не нарушить излишком или недостатком правильную меру, отведенную всему, уменьшая нужное количество или превышая по ошибке необходимые размеры: естественное равновесие, правильная мера и цельность пребывали преимущественно в десятке. И поскольку в последней находится в зародыше все (числа, трехмерные и двухмерные предметы, четное, нечетное, четно-нечетное, совершенные числа любого вида, чистые и простые числа, равенство и неравенство, так же как и десять соотношений, диагональные, сферические и круговые числа), потому что десятка не подвергается сама по себе никаким особенным или природным изменениям, за исключением обратного возвращения к самой себе, то вполне разумно Бог использовал это число как вселенскую меру, гномон и правило, приспосабливая его к своему творческому замыслу; таким образом, через численные сопряжения, относящиеся к десятке, мы обнаруживаем, что все живущее, от неба до земли, в общих чертах и в частности, заняло свое место <80> в мироздании благодаря десятке. По этой причине пифагорейцы, обсуждая природу божественного и истинно Сущих, называли десятку то «Вселенной», то «небом», то «целым», то «судьбой» и «вечностью», «силой» и «доверием», «необходимостью», «Атласом» и «Акамантом», или просто «Богом», «Явленной» и «Солнцем»: десятку называли «Вселенной», потому что на десятке держится равновесие всего мироздания, в общих чертах и в частности; ее называли «небом» и, среди Муз, «Уранией», потому что десятка является самым совершенным пределом числа, ибо ее название[48] звучит как «вместилище»[49], подобно чему-то циклическому, заключающему в

[48] Δεκάς.

[49] Δεχάς.

себе все; ее называли «целым», потому что не существует естественного числа, которое было бы выше десятки, но даже если у нас получилось бы придумать такое число, оно так или иначе свелось бы к десятке: ведь сотня это десять десяток, тысяча — десять сотен, тьма — десять тысяч; любое последующее число, в конечном итоге, сведется либо к самой десятке, либо к ее производным, и все, что в ней является составным, либо разрешается, либо возвращается. Другая причина, по которой десятка называется «целым», заключается в мифических преданиях о Пане: и это божество почитается через десятку и в виде десятки в десятый день каждого месяца крестьянами, пастухами, козопасами, волопасами, коноводами, солдатами, охотниками, рыбаками, садоводами, дровосеками <81> и теми, кто закладывает фундаменты домов. Говорят еще, что видов животных, сосуществующих с человеком — десять: собака, птица, вол, лошадь, осел, гусь, коза, овца и хорек. Кроме того, пифагорейцы называли десятку «судьбой», потому что не существует, ни в числах, ни в существах, воспринятых в их численном составе, свойств, которые не находились бы зачаточно в десятке или в числах, заключенных в ней и последующих за ней: ведь судьба — чередование нанизываемых и упорядоченных событий. Десятка называется «вечностью», потому что вечность, заключающая в себе Вселенную и являющаяся совершенной и постоянной, способна, как говорят, довести до конца все, так же как и десятка, которая называется и «силой», потому что это число укрепляет все земное и преобладает над всеми остальными числами, являясь защитой, оградой и вместилищем всех их соотношений. По этой причине десятка называлась «ключницей», потому что заключает в себе все числа до четверки. Она называется «доверием», потому что, судя по тому, что утверждает Филолай, мы поистине полагаемся на десятку и ее части, если правильно постигнем их функцию по отношению ко всему живущему. На основании только что сказанного десятку можно

было назвать и «память» по той же самой причине, по которой единица была названа «Мнемозиной». И поскольку последователи учения Орфея сходятся в том, что десятка непрерывно движется по внешнему краю всего неба и уверенно направляет алмазным и крепким бичом вселенское вращение небесных сфер, то по той же причине ее следует считать <82> и «необходимостью», ибо она ограничивает все, смешивает, разделяет и наделяет живущее движением и единством. Благодаря десятке, небесных сфер во Вселенной — десять. Десятку называют Атлантом, потому что, согласно мифу, этот титан держит небо на своих плечах. Ведь мы читаем у Гомера: «И который надзор за столбами имеет: между землей и небом стоят они, их раздвигая». Десятка управляет отношением между небесными сферами, словно она — диаметр, полностью их пересекающий, заставляя их вращаться и заключая их в верное объятие.

Спевсипп, сын Потоны, сестры Платона, и преемник Академии до Ксенократа, написал изящную книгу, основанную на *Пифагорейских чтениях*, всегда пользовавшихся великим вниманием со стороны прилежных учеников, и особенно на произведениях Филолая, и озаглавил ее *О пифагорейских числах*: от ее начала до середины он изысканно рассматривает линейные и многоугольные, всевозможные плоские и телесные числа, пять фигур, которые соответствуют космическим стихиям, особенные и общие свойства этих фигур, их пропорции и соответствия.

Во второй же части <83> своей книги, Спевсипп переходит к непосредственному обсуждению десятки, определяя ее самой прирожденной и целеустремленной сущностью, ибо она, словно творческое начало, по своей природе (а не по нашему обычаю и не случайно) стала основанием для космических явлений и совершенным образцом для Бога, творца Вселенной.

Вот как Спевсипп говорит о десятке:

Десятка – совершенна. Правильно и угодно природе то, что мы, греки, и все остальные люди, без нашего уговора, всегда возвращаемся к ней при любом счете. Ведь десятке свойственны многие свойства, которые естественно исходят их такого совершенства.

Во-первых, ей следует быть четным числом, чтобы нечетные и четные были равны, а не отличались друг от друга по величине: на самом деле, если нечетное всегда предшествует четному, то, если завершающее число не было бы четным, нечетные взяли бы верх. Кроме того, нужно, чтобы первичные и составные числа соответствовали вторичным и составным; в десятке они как раз равны, и ни одно число ниже десятки не имеет таких же свойств, хотя числа, последующие за десяткой, их имеют (например, 12 и некоторые другие). Однако десятка – их первичная основа: будучи и первым, и самым маленьким числом из подобной категории, обладающим таким свойством, она имеет более выраженную завершенность по сравнению с последующими за ней числами. Стало быть, ее преимущество <84> заключается в том, чтобы заключать в себе, как в первичном числе, равное количество несоставных и составных. Десятка обладает еще следующим преимуществом – равенство кратных и подкратных, из которых образуются кратные: подкратные у нее доходят до пятерки, а кратные идут от шестерки до десятки; поскольку семерка составляет исключение, она исключается, так же как и двухкратная четверка, потому кратные и подкратные снова равны. Кроме того, десятка управляет всеми отношениями: равенством, большим, меньшим, сверхчистым и прочими видами, так же как линейными, двухмерными и трехмерными числами. Дело в том, что единица – точка, двойка – линия, тройка – треугольник, четверка – пирамида. Все эти числа представляют собой по отдельности первые и начальные фигуры. Первое соотношение, возникающее в них, превосходит равенство и завершается в десятке. Первые фигуры, из плоских и телесных, таковы: точка, линия, треугольник и пира-

мида. Они заключают в себе десятку, являющуюся завершенностью: в каждой пирамиде четыре угла и четыре основания, шесть граней, и сумма их — десятка. То же самое можно сказать о промежутках и пределах точки и линии: их четыре, а сторон и углов треугольника — шесть. Получаем снова десятку. И в фигурах <85> наблюдаем то же самое, если мы их рассмотрим в соответствии с числом: ведь первый треугольник — равносторонний, обладающий в некотором смысле только одной стороной и одним углом: мы так утверждаем, потому что все его стороны и углы — равны и равное всегда является неделимым и однообразным; второй треугольник — полуквадрат, у него одно различие в линиях и его можно считать двойкой; третий треугольник является половиной равностороннего и считается половинным треугольником: у него каждый угол и каждая сторона отличаются друг от друга, и его можно считать тройкой. Что же касается твердых тел, если придерживаемся того же самого метода, мы раскроем четверку и все остальные числа, вплоть до десятки: ведь пирамида, идущая первой по ряду, обладает в некотором смысле единственной линией и единственной поверхностью, потому что все у нее равное и однообразное — ее же породил равносторонний треугольник; пирамиду, идущую второй по счету, можно считать двойкой, поскольку ее породил квадрат и, соответственно, она обладает только одной разницей: на основном углу она ограничена тремя гранями, поэтому напоминает двойку; третья же пирамида основана на полуквадрате и считается тройкой, потому что, кроме единственного различия, которое мы наблюдали у полуквадрата в качестве двухмерной фигуры, у нее обнаруживается еще одна разница на углу при вершине под прямым углом при средней стороне основания — что даст тройку. Таким же образом четвертую пирамиду можно считать четверкой, ибо она основана на половинном треугольнике. Стало быть, весь этот процесс завершается десяткой. То же самое можно, наконец, сказать о порождении фигур: в соответствии с последовательностью

величины, точка — единица, линия — двойка, поверхность — тройка, *тело* — четверка[50].

<86> ДЕСЯТКА, СОГЛАСНО АНАТОЛИЮ

Десятка потенциально порождена четным и нечетным числом: ведь 10 = 2 × 5. Десятка — круговое движение и предел для всех остальных чисел, поскольку последние мчатся, вращаясь вокруг нее, как в конце ристалища. Кроме того, десятка является пределом бесконечности чисел. Она называется «силой» и «всеобъемлющим совершенством», поскольку ограничивает любое число, заключая в себе любое естество — четного и нечетного, того, что двигается и остается неподвижным, добра и зла. Еще: десятка берет свое начало от суммы, получаемой от сложения первых четырех чисел, т. е. тетрактиды (1, 2, 3, 4), и число двадцать берет тоже свое начало от суммы, получаемой от таких же чисел, умноженной на двойку. Десятка порождает еще число 55, заключающее в себе удивительную красоту: во-первых, оно возникло из первых четырех двукратных и трехкратных чисел, сложенных друг с другом — двукратные 1, 2, 4, 8 (вместе 15), трехкратные 1, 3, 9, 27 (вместе 40). После сложения они порождают 55. Об этом пишет и Платон, в начале его речи о создании души, следующими словами: «(Демиург) отнял от целого одну долю» и так далее. Во-вторых, число 55 равно сумме, получаемой от сложения чисел декады, и число 385 равно сумме, получаемой от сложения квадратов тех же самых чисел декады: если же умножить на себя числа от единицы до десятки, получим упомянутое 385, являющееся семикратным от 55. В добавление к этому, если подсчитать единицу по буквам, увидим, что получаемая сумма — 55.

[50] Ср. Taràn L. *Speusippus*, Leiden,1981, С. 267 и сл.

Еще: если умножить на саму себя шестерку, являющуюся самым плодовитым числом, <87> получим 36: последнее число обладает семью частями, которые делятся следующим образом: 36 делить на двойку — будет 18, 36 делить на тройку — будет 12, 36 делить на четверку — будет 9, 36 делить на шестерку — будет 6, 36 делить на девятку — будет 4, 36 делить на 12 — будет 3, 36 делить на 18 — будет 2; получаются семь чисел — если их сложить совокупно, получится 55. Продолжим: пять треугольных чисел подряд производят 55, т. е. 3 + 6 + 10 + 15 + 21 = 55; пять квадратов подряд (1, 4, 9, 16, 25) тоже производят 55. Однако нужно учесть, что порождение целого, согласно Платону, основано на треугольниках и квадратах — из равносторонних треугольников образуются три фигуры (пирамида, октаэдр и икосаэдр, т. е. огонь, воздух и вода), из квадратов же образуется куб, т. е. фигура земли.

СОДЕРЖАНИЕ

Ямвлих

СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ В 4 ТОМАХ

Том 3. ПИФАГОРЕЙСКОЕ ПРЕДАНИЕ

Перевод с древнегреческого *Клаудио Наполи, Т. Г. Сидаша*

Составитель *Т. Г. Сидаш*
Редактор *С. Д. Сапожникова*

Верстка: *Е. Ю. Кузьменок*

Подписано в печать 03.05.2020. Формат 60×90 1/16.
Объем 27 печ. л.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 3019

АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru E-mail: sales@chpd.ru
8 (496) 726-54-10